А-400

П. Краевский и А. Липаев

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебник-хрестоматия для эстонских средних школ

Эстгосиздат 1950

ARH

1/45518

Sundeksemplar

П. Д. КРАЕВСКИЙ, А. А. ЛИПАЕВ

1 XIV
A-400

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УЧЕБНИК-ХРЕСТОМАТИЯ
ДЛЯ VIII КЛАССА ЭСТОНСКИХ
СРЕДНИХ ШКОЛ

ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1950

Утверждён
Министерством просвещения Эстонской ССР.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
45518

ARHIIVKOGU

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга представляет собою учебное пособие по русской литературе для VIII класса нерусских школ. Особенностью этого пособия является то, что в нём наряду с хрестоматийным материалом даётся также и учебный материал, необходимый для изучения русской литературы: биографии писателей, критические статьи о некоторых произведениях или комментарии к ним, вопросы для разбора этих произведений, словарные пояснения.

Литературно-художественные тексты и критические статьи подобраны в соответствии с программой по русской литературе для нерусских школ.

Кроме программного материала в книгу в ограниченном объёме включены дополнительные произведения, необходимые для более полного раскрытия той или иной темы или для внеклассного чтения учащихся. Так, например, в разделе «Устное народное творчество» наряду с былинами и сказками, предусмотренными программой, даны песни и наиболее характерные образцы советского фольклора, программой не предусмотренные; для общего представления о литературе XIII—XVII веков даны повесть о приходе Батыя на Рязань («Евпатий Коловрат») и «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове»; произведения Ломоносова, Державина, Пушкина и других поэтов представлены несколько шире, чем это указано в программе.

Большие по размеру художественные произведения и критические статьи помещены в извлечениях, отрывках или в сокращении. Для того чтобы у учащихся осталось цельное представление о содержании всего произведения, пропущенные главы восполнены краткими пересказами.

Однако учащиеся не должны ограничиваться чтением представленных в книге отрывков; они должны стремиться к тому,

чтобы ознако́миться с произведением в целом и прочитать как можно больше других произведений того или иного писателя.

Большинство биографий, помещённых в книге, имеет своей целью не только дать основные све́дения из жизни писателей, но и проследить, хотя бы в общих чертах, некоторые этапы их творческого пути.

Отдельные статьи (например, «Фольклор», «О древней русской пи́сьменности» и др.) даны как учебный материал для того, чтобы помочь учащимся нерусских школ лучше понять и усвоить фольклорные произведения, памятники древнерусской литературы и в то же время познакомить их с своеобразными условиями жизни и культуры в ту или иную эпоху.

Методическая обработка литературного материала напра́влена на то, чтобы облегчить учащимся его усвоение. С этой целью к текстам даны словарные пояснения (в виде сносок в конце страниц), после текстов помещены вопросы, задания и языковые упражнения.

Вся эта методи́ческая обработка материала предназна́чена для проведения бесед по содержанию произведений, для облегче́ния их разбора и для развития речи учащихся.

К отдельным произведениям даны также исто́рико-литературные коммента́рии, соде́йствующие более глубокому их пониманию и изучению.

К тем произведениям, которые привлекаются только в порядке обзора для общей характеристики писателя, вопросы и задания не даны.

К некоторым произведениям вопросы и задания даны в несколько бо́льшем объёме, чем можно использовать их в классной работе; это сделано для того, чтобы с помощью этих вопросов учащиеся могли самостоятельно уса́ивать те или иные тексты.

Отдельные из помещённых в книге статей рассчи́таны на изучение их с помощью учителя.

Разделы «Устное народное творчество», «Древнерусская литература» и темы «И. А. Крылов» и «А. С. Пушкин» из раздела «Литература XIX века» составлены П. Д. Краевским.

Раздел «Литература XVIII века» и темы К. Ф. Рылеев» и «А. С. Грибоедов» из раздела «Литература XIX века» составлены А. А. Липа́евым.

Раздел первый

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

(Фольклор)

Только народ бессмертен. Всё остальное — преходяще.

И. В. Сталин.

Начало искусства слова в фольклоре.

А. М. Горький.

В. И. ЛЕНИН О ФОЛЬКЛОРЕ.

Владимир Ильич особенно внима́тельно всегда относи́лся к творчеству наро́дных поэтов. Он любил слушать, когда они вдохнове́нно выступали[1] в рабочих кварта́лах Парижа и других городов.

Сам Владимир Ильич очень любил революционное пение, принимал в нём всегда уча́стие, читал новые революцио́нные стихотворе́ния и быстро запомина́л те из них, которые были особенно популя́рны[2], которые перелага́лись на музыку и пелись в ссылке, на рабочих собраниях, в эмигра́ции.

Уже здесь, в Москве, после Октябрьской революции, мне припомина́ется, как одна́жды Владимир Ильич, постоянно изуча́вший словарь русского языка Да́ля, который у него стоял на этаже́рке[3], возле стола, заинтересова́лся поговóрками и

[1] Вдохнове́нно выступа́ли — здесь: с большим подъёмом, с жа́ром, горячо говори́ли.

[2] Популя́рны — здесь: люби́мы народом.

[3] Этаже́рка — ряд по́лок, скреплённых между собой сто́йками.

послóвицами, которые там были приведены́. Не помню сейчас как, но перешёл разговор на народный э́пос, и когда я сказал Владимиру Ильичу, что у меня в библиотеке имеются дово́льно хорошо подо́бранные книги были́н, народных песен и сказок, то он сейчас же спроси́л меня, могу ли я ему дать их просмотре́ть. Конечно, я с ра́достью вы́полнил эту про́сьбу... И уже в тот вечер я видел, как Владимир Ильич внима́тельно читал «Смоле́нский этнографи́ческий сбо́рник», соста́вленный В. Н. Добросо́льским.

— Какой интересный материал, — сказал он мне, когда я нау́тро вошел к нему. — Я бегло просмотрел вот эти книжки, но вижу, что нехвата́ет, очеви́дно, рук или желания всё это обобщи́ть, всё это просмотре́ть под социа́льно-полити́ческим углом зрения; ведь на этом материа́ле можно было бы написать прекрасное иссле́дование о ча́яниях [1] и ожида́ниях народных. Смотрите, в сказках Н. Е. Ончуко́ва, которые я перелиста́л, — ведь здесь есть замеча́тельные места́. Вот на что нам нужно было бы обрати́ть внимание наших историков литературы. Это допо́длинное народное творчество [2], такое ну́жное и важное для изуче́ния народной психоло́гии в наши дни.

(Вл. Бонч-Бруе́вич, «Ленин о поэзии» — отрывок из воспоминаний.)

А. М. ГОРЬКИЙ О ФОЛЬКЛОРЕ.

I.

Народ не только — сила, создаю́щая все материа́льные це́нности, он — еди́нственный и неиссяка́емый источник [3] це́нностей духо́вных, первый по вре́мени, красоте и гениа́льности тво́рчества фило́соф и поэт, созда́вший все великие поэмы, все трагедии земли́ и велича́йшую из них — историю всеми́рной культу́ры...

В ми́фе [4] и эпосе [5], как и в языке, гла́вном де́ятеле эпохи,

---

[1] Ча́яния — наде́жды (от слова *ча́ять*—ожидать, наде́яться).

[2] Допо́длинное наро́дное твóрчество — настоящее народное творчество.

[3] Неиссяка́емый исто́чник — не уменьша́ющийся источник.

[4] Ми́фы — поэтические сказа́ния, передаю́щие ве́рования древних народов о происхожде́нии мира, о бога́х и героях.

[5] Эпос — совоку́пность народных героических сказа́ний.

определённо ска́зывается коллективное творчество всего народа, а не ли́чное мышле́ние одного человека...

Мощь коллекти́вного творчества всего я́рче доказывается тем, что на протяже́нии со́тен веко́в индивидуа́льное творчество[1] не создало ничего, равного «Илиа́де»[2] или «Ка́левале»[3], и что индивидуа́льный гений не дал ни одного обобще́ния, в ко́рне ко́его[4] не лежало бы народное творчество, ни одного мирово́го ти́па, который не существова́л бы ра́нее в народных сказках и леге́ндах...

Лучшие произведе́ния великих поэтов всех стран поче́рпнуты из сокро́вищницы коллекти́вного творчества народа, где уже издре́вле[5] даны все поэтические обобще́ния, все просла́вленные образы и типы... Лучшие образы индивидуального творчества дают нам великоле́пно огранённые драгоце́нности, но эти драгоце́нности были со́зданы коллекти́вной силой народных масс.

(Из статьи «Разрушение личности», сб. «М. Горький. Статьи 1905—1916 г.», изд. «Парус», 1916 г.)

II.

Исто́риками первобы́тной культуры совершенно зама́лчивались вполне́ ясные признаки материалисти́ческого мышле́ния, которое неизбе́жно возбужда́лось проце́ссами труда и всей су́ммой явле́ний социа́льной жизни древних людей. При́знаки эти дошли до нас в форме ска́зок и ми́фов, в которых мы слышим о́тзвуки работы над приручением живо́тных, над откры́тием целе́бных трав, изобрете́нием ору́дий труда. Уже в глубокой дре́вности люди мечтали о возмо́жности лета́ть по воздуху, — об этом говорят нам леге́нды[6] о Фаэто́не, Деда́ле и сыне его Ика́ре[7], а также сказка о «ковре́-самолёте». Мечта́ли об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-ско-

---

[1] Индивидуа́льное творчество — личное творчество (творчество одного человека).

[2] «Илиа́да» — древнегре́ческая поэма.

[3] «Ка́левала» — карело-финская поэма.

[4] Ко́его — которого.

[5] Издре́вле — с давних пор.

[6] Легенды — народные преда́ния о жизни какого-либо лица или о каком-либо событии.

[7] Фаэто́н, Деда́л, Ика́р — герои древнегре́ческой мифоло́гии: о Дедале, например, рассказывается, что он сделал крылья себе и сыну Икару и улете́л на них из нево́ли.

рохо́дах», освои́ли лошадь; жела́ние плавать по реке быстрее её тече́ния привело́ к изобрете́нию весла́ и па́руса; стремле́ние убива́ть врага́ и зверя и́здали послужи́ло моти́вом изобрете́ния пращи, лука, стрел. Мы́слили о возмо́жности прясть и ткать в одну ночь огромное коли́чество мате́рии, о возмо́жности постро́ить в одну ночь хорошее жили́ще, даже «дворе́ц», то-есть жили́ще, укреплённое против врага́, создали пря́лку, одно из древне́йших ору́дий труда, примити́вный [1] ручно́й стано́к для тканья и создали сказку о Васили́се Прему́дрой...

... Древние сказки, мифы, легенды изве́стны вам, но очень хотелось бы, чтобы основно́й их смысл был по́нят бо́лее глубоко.

Смысл этот сво́дится к стремле́нию древних рабочих людей облегчи́ть свой труд, уси́лить его продукти́вность, вооружи́ться против четвероно́гих и двуногих врагов...

...Наибо́лее глубокие и яркие, худо́жественно соверше́нные типы героев со́зданы фолькло́ром, устным тво́рчеством трудово́го народа. Соверше́нство таких образов, как Геркуле́с [2], Прометей [3], Мику́ла Селяни́нович, Святого́р, далее доктор Фауст [4], Васили́са Прему́драя... всё это о́бразы, в созда́нии которых гармони́чески [5] сочета́лись... мысль и чувство. Такое сочета́ние возможно лишь при непосре́дственном уча́стии созда́теля в творчестве действи́тельности, в борьбе́ за обновле́ние жизни.

Очень важно отме́тить, что фолькло́ру соверше́нно чужд пессими́зм [6], невзира́я на тот факт, что творцы́ фольклора жили тяжело́, и мучи́тельно-рабский труд их был обессмы́слен эксплоата́торами, а личная жизнь — беспра́вна и беззащи́тна. Но при всём этом коллекти́ву как бы сво́йственно созна́ние его бессме́ртия и уве́ренность в его победе над всеми вражде́бными ему силами.

---

[1] Примити́вный — простой, несло́жный.

[2] Геркуле́с — герой древнегре́ческого ми́фа, отлича́вшийся необыкнове́нной физи́ческой силой.

[3] Прометей — герой древнегреческого мифа, о котором рассказывают, что он из любви к людям украл огонь с неба и был жестоко за это казнён.

[4] Фауст — герой народного сказа́ния, а позднее — герой литературного произведе́ния, напи́санного немецким писа́телем Гёте.

[5] Гармонически — стройно, слаженно.

[6] Пессимизм — склонность видеть всё в мрачном свете.

Герой фольклора «дура́к», презира́емый даже отцом и братьями, всегда ока́зывается умне́е их, всегда победи́тель всех жите́йских невзго́д, так же, как преодолева́ет их и Василиса Премудрая . . .

По́длинную историю трудового народа нельзя знать, не зная у́стного народного творчества, которое непрерывно и определённо влия́ло на созда́ние таких крупне́йших произведе́ний книжной литературы, как, например, «Фауст», «Приключе́ния барона Мюнхга́узена», «Гаргантюа́ и Пантагрюэ́ль», «Тиль Уленшпи́гель» де-Костера, «Освобождённый Прометей» Шелли и многие другие. От глубокой древности фольклор неотсту́пно и своеобра́зно сопу́тствует истории . . .

Когда-то, в древности, у́стное худо́жественное творчество трудящихся служило еди́нственным организа́тором их о́пыта, воплоще́нием иде́й в образах и возбуди́телем трудовой энергии коллектива . . .

(Из доклада А. М. Горького на I Всесоюзном съезде советских писателей, 17 августа 1934 г. Сборник «О литературе», издание третье, М. 1937 г.)

III.

В простоте́ сло́ва самая великая мудрость; посло́вицы и песни всегда кра́тки, а ума и чувства вло́жено в них на целые кни́ги.

(А. М. Горький. «Материалы и исследования», т. I. 1934 г.)

ФОЛЬКЛОР.

Определе́ние фольклора. С давних времён люди стреми́лись отрази́ть в худо́жественных произведе́ниях свою жизнь, мысли и чувства, а также сложи́вшиеся у того или иного народа нра́вы, обы́чаи, представле́ния.

До появле́ния пи́сьменности это стремле́ние находило себе выраже́ние в произведениях устной народной слове́сности, которые в науке называются словом фольклор, что зна́чит: народное творчество, народная му́дрость. К произведениям устного народного творчества отно́сятся всевозмо́жные сказа́ния, преда́ния, были́ны, сказки, песни, посло́вицы, поговорки, часту́шки.

Каждый народ имеет свой фольклор. Русский фольклор существу́ет с древне́йших времён. У пре́дков русских он существова́л уже в те времена, когда не было ещё русского государства, и народы не знали ещё пи́сьменности. С появле́нием письменности фольклор не исчез. Он продолжа́л существова́ть, как существует и сейчас, наряду с произведениями письменной литературы, часто воздействуя на эти произведения.

Распространение фольклорных произведений. В народе всегда было много́ тала́нтливых людей — певцо́в, музыка́нтов, худо́жников, которые создава́ли замеча́тельные произведения народного творчества. Они сами вышли из народа и всегда жили с народом, хорошо знали его жизнь, его думы и чувства и умели всё это правди́во передава́ть в своих произведениях. Передава́ли это они обычно так же просто, как это передавал и сам народ: теми же слова́ми и выраже́ниями, теми же поня́тиями и о́бразами.

Слове́сные произведения, со́зданные тем или иным певцо́м-поэтом, быстро распространя́лись и как бы станови́лись народным достоя́нием. Всё это народ бе́режно хранил в своей памяти. Распространя́лись произведения народного творчества обычно у́стно, от одного человека к другому, из поколения в поколение. Это значит, что данные произведения переходи́ли как бы из уст в уста́, исполнялись наизусть на основании запоминания услы́шанного, а не по рукописным или книжным записям. В силу такого характера распространения, фольклорные произведения переходили из поколения в поколение в изменённом виде. И это вполне понятно, так как каждый новый талантливый певец-исполни́тель, передавая старую песню или сказку, старался сделать её ещё лучше, многое изменял в ней или добавлял. Вот почему одни и те же по содержанию и по за́мыслу произведения часто рассказываются или исполняются по-ра́зному.

Отсюда различные варианты [1] одного и того же по содержанию произведения, одной и той же песни. В этом смысле устные народные произведения являются коллективным творчеством, хотя создаются они отдельными лицами и каждый новый исполнитель (сказитель) выступает, в известной мере, и как автор народного произведения.

---

[1] Различные варианты — здесь: различные изменения в тексте одного и того же по содержанию произведения.

Содержание народных произведений. Устное народное творчество всегда было выражéнием самых глубоких, самых задушéвных и сокровéнных дум народа. В фольклорных произведениях до Великой Октябрьской социалистической революции ярко рассказано о прошлом нашей родины, о борьбе нашего народа с иноземными завоевáтелями и наси́льниками, о тяжёлой жизни трудящихся, об их думах, мечтах и стремлéниях к другой жизни. В этих произведениях, вы́ражена также горячая любовь народа к своей родине, нéнависть к угнетателям, призыв к борьбе за лучшую долю.

Из всех сокровéнных дум народа наиболее устóйчивой и постоянно волновáвшей его была дума о радостной и счастливой жизни без тяжёлого подневóльного труда и мысль о вождях-руководителях, которые бы помогли ему осуществить его стремления. Мечты о быстром передвижéнии по земле и по воздуху создали такие образы, как сапоги-скороходы, ковёр-самолёт; думы о постоянной угрозе голода создали образ скатерти-самобрáнки; стремление к жизни без горя и забот залóжено в основе сказки «По щу́чьему велéнью; мысль о вождях-руководителях нашла наиболее полное выражение в сказáниях о мудрецáх, героях, богатыря́х. Со всеми этими óбразами народ свя́зывал свои лучшие надежды и мечты.

Как бы тяжело ни жилось народу, какие бы трудности ни встречал он на своём пути, он никогда не падал духом, его никóгда не покидáла вера в свои силы, вера в торжествó тех идеалов, которые залóжены в лучших его произведениях. Этим объясняется неизменный оптимизм [1] произведений народного творчества, их жизнеутверждáющий характер и полное отсутствие в óбразах народных героев таких черт, как отчáяние или безнадёжность.

Различные виды народных произведений. За многовековóй период существования фольклора в нём развились разнообразные виды, различные как по своему содержанию, так и по художественным особенностям. Наибольшее распространение получили такие фольклорные произведения, как песни, былúны, сказки. Особое место среди народных произведений занимают загадки, послóвицы, поговóрки.

---

[1] Неизменный оптимизм — постоянно бодрое, жизнерадостное отношение к жизни.

Во всех видах народных произведений отразилось, по словам А. М. Горького, «коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека». Каждое из народных произведений, будь то песня или сказка, загадка или пословица, является как бы выражением народной мудрости, народного опыта. Эти произведения, отражая жизнь народа, в то же время учат нас жить, учат лучше и правильнее действовать в жизни. Именно это имел в виду А. М. Горький, когда говорил на Всесоюзном съезде советских писателей, что «когда-то в древности, устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива».

Песни. Наиболее древним[1], а также самым любимым и распространённым видом фольклора являются песни. Песни — это произведения стихотворного характера, отлича́ющиеся особой пла́вностью, музыкальностью и напе́вностью. Они потому и называются песнями, что их можно не только читать и произноси́ть, но и петь.

Народные песни появились в глубокой древности. Народ откликался в них на все события жизни. Их возникнове́ние было вызвано стремлением древних людей облегчить свой труд, и вы́разить народную любовь к труду. Известно, что «с песней работа спо́рится». Так возникли трудовые песни, которые пелись во время различных работ и служили как бы организу́ющим началом в самой работе.

История не сохранила трудовых песен наших древних предков, но известно, что старинные трудовые песни нередко исполня́лись во время тех или иных народных пра́здненств, например, весной, перед началом полевых работ; или осенью, после их заверше́ния.

Вот песня «Лено́к». В ней рассказывается о том, как сеяли лён, как ухаживали за ним, какие надежды возлагали на хороший урожай.

Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ...

— говорится в припеве песни.

Из трудовых песен более позднего времени широкое распространение получила «Дуби́нушка», которую часто пели в

[1] Древний — давний, старый, появившийся с незапа́мятных времён.

арте́лях[1] при выполнении самых разнообразных работ. Это — в полном смысле слова песня рабочей артели:

Ну-тко при́мемся за дело,
Чтоб оно у нас кипело!
Мы потя́немте дружнее,
Чтобы было веселее.

Эй, дуби́нушка, у́хнем.
Эй, зелёная сама пойдет.
Дёрнем, подёрнем, да ухнем!

Наряду с трудовыми песнями широкое распространение получили обря́довые[2], сва́дебные и любовные песни.

Так, например, обряд встречи весны сопровожда́лся пе́сенкой — «весня́нкой», в которой выражались надежды народа на то, что весна придёт «с радостью, с великою ми́лостью».

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великою милостью,

Со льном высоким,
С ко́рнем глубоким,
С хлебами оби́льными.

Некоторые обрядовые песни, исполня́вшиеся на сва́дьбах, получили название с в а́ д е б н ы х. Свадьбы прежде справля́лись пы́шно, торжественно и сопровожда́лись сложным обря́дом (приём сва́тов, прощание неве́сты с подругами, а жениха́ — с друзьями и «вольной во́люшкой» и пр.). В народе так и говорили: «играть свадьбу».

Содержание сва́дебных песен очень разнообразно: здесь встречаются и весёлые и грустные песни. Большое количество песен, например, посвящено́ изображе́нию судьбы́ девушки, которая должна поки́нуть своих родителей, родной дом и выйти замуж на «чужую сторо́нушку», «на горе-гореваньице». Горькая судьба девушки сра́внивается обычно с судьбой «птички в клеточке» или «рыбки в се́точке».

Чаще всего такие песни гру́стного характера, особенно если в них изображается девушка, которую выдают замуж против её воли за неми́лого, нелюбимого.

Очень широк и разнообра́зен круг любовных песен. В этих песнях находит себе отражение радость свида́ния и тоска разлу́ки, счастье взаи́мной любви и го́речь охлажде́ния и расставания. Вот, например, как тро́гательно[3] вы́ражено чувство любви в одной из таких песен:

---

[1] А р т е л ь — группа рабочих людей, объединившихся для выполнения какой-либо работы.

[2] О б р я́ д о в ы е п е с н и — песни, которые пелись при исполнении обрядов. Обряд — установленные для определённого случая действия, которым приписывалась какая-то особая, почти чудодейственная сила.

[3] Т р о́ г а т е л ь н о — нежно, ласково, сердечно.

Где ты, звёздочка, где ты, ясная?
Иль затми́лася тучей мрачною?
Где ты, девица, где ты, красная?
Иль покинула друга милого?
И я с горести, со лютой тоски
Пойду в поле, в поле чистое,
Не увижу ли ясной звёздочки!
И не встречу ли красной деви́цы!
Туча мрачная скрыла звёздочку,
Земля хла́дная взяла девицу!..

Подобного рода песни по преиму́ществу лири́ческого характера, так как в них выражаются чувства, переживания и настроения их творцо́в и исполни́телей.

Большое количество народных песен посвящено тем или иным явлениям общественной жизни и историческим событиям. Одни из этих песен раскрывают тяжёлое положение крестьянства при крепостно́м праве, рассказывают о самоду́рах-помещиках, о взя́точниках, гра́бивших и разоря́вших крестьян, другие песни посвящены́ историческим темам, рисуют народных героев, военные события, походы, сражения и т. д. Известны, например, песни о Степане Ра́зине, о Пугачёве, о Полта́вской битве, об Отечественной войне 1812 г., о русско-японской войне и пр. В этих песнях, наряду с лиризмом, отчётливо выступает и их эпи́ческий характер. Это песни повествова́тельные, рассказывающие (повествующие) о каких-либо событиях. Необходимо также отметить, что от русских народных песен, незави́симо от их содержания, веет душевным здоро́вьем, жизнера́достностью русского человека и какой-то необыкновенной вдохновлённостью, они очень музыка́льны и передают ощущение раздолья, широты́ и вели́чия. Эти качества песен отражают в себе черты и свойства создавшего их великого народа.

Были́ны. Среди эпи́ческих песен былины занимают одно из первых мест. Былины (былинный э́пос) — это один из важнейших видов фольклора. Былинами (или по-народному, старинами) называются произведения народного творчества, представляющие собой бо́льшие песни-сказа́ния о значительных событиях в жизни народа, о героических подвигах богатырей.

Богатыри — это люди ска́зочной силы и храбрости, совершающие подвиги для счастья своего народа. О них в народе сложено много песен — б ы л и н. По содержанию былины делятся на две группы: ки́евские и новгоро́дские былины.

Основное содержание большинства былин составляет сторожева́я служба богатырей, охрана ими родины от врагов, за-

щита русских земель от набе́гов и т. д. Это былины киевского цикла, или киевской группы. В других былинах говорится о путешествиях и быте средневеко́вых купцов — «торговых гостей». Это былины новгородского цикла. К былинам киевского цикла относятся былины об Ильé Му́ромце, о Добры́не Ники́тиче, Алёше Попо́виче и др.; к былинам новгородского цикла относятся былины «Садко́» и «Василий Буслáев».

Подлинным создателем былинного эпоса был народ, который ещё до появления ле́тописей в такой форме слагал свою историю. Историческое прошлое нашего народа, борьба против степных кочéвников за сохранение нашей государственной самостоя́тельности и незави́симости чувствуется почти во всех богатырских былинах. Кроме того, в них раскрывается жизнь и быт трудового народа. Сама богатырская былина родилась могучим чувством коллективности, волей и желанием трудового народа сплоти́ться для отпора иноземцам, посяга́вшим на родную землю.

В образах богатырей показаны лучшие черты русского народа: горячая любовь к родине, безотка́зная служба ей, народу, смелость, гуманность, бескоры́стие, трудолюбие, наход́чивость и многое другое.

Создавая былины, народ особенно любовно воспел в них могущество народного труда. В былине о Святого́ре раскрыт образ богатыря страшной силы. Мы сразу знакомимся с ним по признакам: «сила в нём жи́вчиком так и перелива́ется», ему «грузно от си́лушки как от тяжкого бре́мени», он ищет «тягу земную», заявляя, «как бы я тягу нашёл — всю бы я землю поднял». Но вот он находит всего-на́всего ма́ленькую су́мочку перемётную, а в той сумочке и была та самая «тяга земная», которую он искал. Богатырь поднял сумочку, но и сам по колено в землю ушёл, — «тут ему и было конче́ние». Скончался богатырь, повидимому, от того, что несме́тная, большая сила его всё же не была больше тяги земной. Отсюда один из выводов, который можно сделать из былины, что нужно быть скромным в оценке своих качеств, что не следовало бы богатырю «похваля́ться» своей силой, хотя бы только перед самим собою.

В другой былине «Вольга́ и Мику́ла» прославляется величие и могущество народной силы, народного труда. Так, тридцать богатырей из дружины Вольги не могли сдви́нуть

сошку, с которой так легко справился крестьянин-пахарь Микула Селяни́нович. Весь его облик говорит о том, что это — «богатырь земли»: он могуч, прост, лукаво умён, скро́мен, не бахвалится силой; он очень любит «мать — сыру землю» и эту сошку, про́стенькую, клено́венькую — могучую корми́лицу. Как бе́режно, как благоговейно, ласково вынимает он «одно́й ручкой» свою «сошку кленовенькую» из «земельки».

Среди богатырей былинного эпоса наиболее популярным является Илья Муромец. В этом образе создан тип народного героя — защитника простых людей — вдов и сирот; в нём воплощены лучшие героические черты русского народа. В былинах Илья Муромец изображается то как казак, то как крестьянский сын. Кроме непоме́рной, неуёмной си́лушки, внуша́ющей страх врагам, былины отмечают в нём спокойствие, храбрость, отсутствие бахва́льства (хвастовства) и самонаде́янного удальства, великодушие, стремление к защи́те слабых (не даёт их в обиду), к борьбе за народную правду и т. д.

Особенно важно подчеркнуть, что Илья Муромец никогда ни на кого не нападает, но горе тому, кто осмелится на него напасть: его священная не́нависть к врагам не знает предела.

Сказки. Наряду с песнями и былинами сказки являются тоже богатым по материалу ви́дом фольклора.

Сказки — это нравоучительные рассказы са́мого разнообразного содержания. Обычно в сказках изображаются те далёкие времена, когда окружающая природа казалась людям напо́лненной таи́нственными си́лами. Здесь несомненно лежит печать влияния древних воззре́ний народа на силы природы, и на все то, что его окружало.

Герои волше́бных сказок совершают самые необыкновенные путешествия в неве́домые страны, а то и в подзе́мные миры, где они встречаются с колду́нами, волше́бниками, многогла́выми змеями и другими зага́дочными существами; с героями волшебных сказок нередко происходят чудесные превраще́ния.

В одних сказках преобладают фанта́стика, чуде́сность, вы́мысел; эти качества, составляющие наиболее характерный признак сказки вообще, особенно часто встречаются в так называемых волше́бных сказках, в сказках фантасти́ческого содержания. В фанта́стике, в вы́мысле часто находили себе от-

ражение древние воззрения народа на силы природы и на всё то, что его окружало.

В других сказках, наряду с элементами фантастики, широко отражалась жизнь народа, та или иная социальная среда, её особенности, идеалы и стремления людей того или иного общества.

Многие из старых сказок посвящены́ изображению человеческой жадности, ба́рской ле́ни и при́хоти, помещичьей эксплоатации, судебному сутя́жничеству [1] и крючкотво́рству [2].

Немало сказок посвящено́ раскрытию отношений между ба́рином и мужиком. Господа́ в этих сказках изображены безде́льниками, дармое́дами, живущими крестьянским трудом; они к тому же всегда жесто́ки, спеси́вы и глупы. Мужик же в сказках всегда трудолюбив, смышлён, ло́вок; с помощью ума и снорóвки он всегда берёт верх над барином.

Образы народных сказок часто поражают нас своею сложностью и глубиной. Так, например, Ива́нушка-дурачок, излю́бленный герой русских народных сказок, совершает целый ряд несура́зных [3], глупых поступков, но в конце концов проводит барина и торжествует над своими умными братьями.

Большое количество сказок посвящено животному миру. Так, например, в сказке «Кот и Лиса» рассказывается о том, как лиса, выйдя замуж за кота, распустила среди диких животных слух о том, что её муж назна́чен к ним большим начальником, что он очень серди́т, — так что без подарков к нему нельзя на глаза показаться. Волк и медведь, пове́рив хитрой лисе, принесли коту подарки — быка да барана. В результате дикие звери стали бояться кота, а он вместе с лисой запа́сся на целую зиму мясом. В конце концов в сказках, посвящённых животному миру, изображаются те или иные отношения между людьми, а также человеческие поро́ки и недостатки.

В наше время появилось очень много новых сказок. Основной тематикой советских сказок является изображение народ-

[1] Сутя́жничество — судебное волоки́тство, стремление затянуть судебное дело, чаще всего с целью добиться для себя каких-либо выгод.

[2] Крючкотво́рство — формальное, придирчивое отношение к тому или иному вопросу; проволочка дела в суде, вызванная не существом рассма́триваемого вопроса, а канцелярско-бюрократи́ческими формами ведения всего дела.

[3] Несура́зный поступок — поступок, не соответствующий требованиям ра́зума, странный, глупый поступок.

ных героев и всей нашей социалистической действительности.

На протяжении многих веков своего развития у́стное народное творчество создало исключи́тельной силы зако́нченные и це́льные художественные образы былинных богатырей и героев национальных сказок и песен. Из-под власти их обая́ния не могли, да и не хотели выходить творцы лучших классических произведений литературы. Именно это имел ввиду А. М. Горький, когда говорил: Лучшие произведения великих поэтов всех стран почёрпнуты из сокро́вищницы коллективного творчества народа, где уже издре́вле даны все поэтические обобщения, все прослáвленные образы и типы...» («Разрушение личности»).

Пословицы и загадки. Песни, былины, сказки являются большими, крупными формами фольклора. Наряду́ с ними существуют малые, элементарные формы фольклора. К ним отно́сятся послó́вицы, поговóрки и загадки. Пословицы — это краткие óбразные выражения той или иной мысли, в которой отразился опыт народа, его житейская мудрость. Например: Один с со́шкой, а се́меро — с ложкой. Обычно пословицы представляют собою мысль, выраженную зако́нченным предложением, простым или сложным.

В отли́чие от пословиц поговорки ча́ще всего представляют собою часть предложения или неполное предложение, ста́вшее метким, óбразным выражением. Например: не в бровь, а в глаз. Как снег на голову. Лёгок на поми́не и др.

Пословицы, как и близкие им по форме и по характеру поговорки, представляют собою большую ценность в сокро́вищнице языка. Обладая строгим синтакси́ческим строем, определённым ри́тмом, даже иногда ри́фмами, напóлненные теми или иными сре́дствами художественной вырази́тельности, они придают языку кра́сочность, меткость и вырази́тельность.

По содержанию пословицы и поговорки могут быть разбиты на несколько групп: в одних говорится о тех или иных исторических событиях, в других — о социальных или бытовых отношениях, в третьих — о суде и чиновниках и пр.

В дни Великой Отечественной войны появилось много новых пословиц, отражающих патриотические чувства народов нашей родины.

Загадки представляют собой аллегори́ческое (иносказа́тель-

ное, как бы зага́дочное) изображение того или иного явления или предмета.

Это своего рода испыта́ние ума и нахо́дчивости человека. Изображая какой-нибудь предме́т или явление, загадка не называет его, а только описывает наиболее характерные признаки или сопоставля́ет с другими предметами и явлениями. Например, в одной из загадок морковь изображается так: сидит деви́ца в тёмной темни́це, коса́ на улице. В древние времена загадки применялись в выполнении тех или иных обрядов, сейчас они утратили своё обря́довое значение и употребляются в быту, как сре́дство поучи́тельного наставления, как увлекательный и остроумный материал, развивающий нахо́дчивость и сообрази́тельность.

Советский фольклор. После Великой Октябрьской социалистической революции расцвёл новый фольклор народов СССР. Новый советский фольклор с каждым днём становится всё богаче и ярче. Народы Советского Союза поют в своих песнях о нашей жизни и борьбе, о героизме нашего народа, о его самоотве́рженной защите своей Родины, о наших великих вождях — Ленине и Сталине. В дни ожесточённой борьбы с врагами нашей Родины широкое развитие приобрёл фронтово́й фольклор — новые военные песни, рассказы, пословицы, поговорки и пр. В настоящее время широкое распростране́ние получили песни, расска́зы, пословицы о мирном героическом труде советских людей, о приме́тах коммунизма в нашей действительности.

Значение фольклора как творчества широких народных масс велико. В. И. Ленин высоко ценил фольклорные произведения и считал, что «на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о ча́яниях и ожиданиях народных». А. М. Горький говорил, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная у́стного народного тво́рчества».

Вопросы.

1. Что такое фольклор? Как распространяются фольклорные произведения?
2. Какие произведения народного творчества называются песнями, былинами, сказками?
3. Как появи́лись песни? Каково их значение в жизни человека?
4. Где и как возни́к и развился былинный эпос? В чём заключаются характерные особенности содержания былин киевского цикла? В чём состоит особый характер былин новгородского цикла?
5. Как объясняет А. М. Горький смысл тех или иных ми́фов, сказок,

леге́нд? (Выясните роль трудовых процессов древних людей в создании фольклорных образов. Для этого перечитайте ещё раз то место из доклада А. М. Горького на Всесоюзном съезде писателей, где он говорит об этом.)

6. Что такое пословицы, поговорки, загадки? В чём их смысл и значение?

7. Почему фольклору чужды пессимизм, отча́яние, безвы́ходность, хотя творцы фольклора жили подчас в тяжёлых условиях?

ПЕСНИ.

У НАС-ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА ТИХОМ ДОНУ.

У нас-то было, братцы, на тихом Дону́,
На тихом Дону, во Черкасском городу;
Породился уда́л-добрый мо́лодец,
По имени Сте́нька Ра́зин Тимофе́евич.
Во казачий круг [1] Степанушка не ха́живал,
Он с нами, казака́ми, не гова́ривал,
Ходил, гулял Степанушка во царёв кабак [2],
Он думал крепкую думушку с голытьбою [3]:
— Су́дари мои, братцы, голь кабацкая [4]!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьём, братцы, басурма́нские корабли [5],
Возьмём мы казны́ [6], сколько на́добно,
Поедем, братцы, во ка́менну Москву,
Купим мы, братцы, платье цветно́е,
Купивши цве́тно платье, на низ поплывём [7]!

ИЗ-ЗА ЛЕСА, ЛЕСА ТЁМНОГО.

Из-за леса, леса тёмного
Не бела зоря занималася,
Не кра́сно солнце выкаталося:
Выезжал тут добрый молодец,

---

[1] Каза́чий круг — войсковое правление в казачей станице.
[2] Кабак — питейный дом, обычно для бедноты, для простого люда.
[3] Голытьба́ — беднота.
[4] Голь кабацкая — бедный люд, постоянные посетители кабака́.
[5] Басурма́нские корабли — здесь: корабли купцов-богачей.
[6] Казна́ — деньги, ценности.
[7] На ни́з поплывём — здесь имеется в виду низовье Волги.

Добрый молодец, Емельян козак,
Емельян козак сын Иванович.
Под ним добрый конь-сив-бур-ша́хматный,
Сива гри́вушка до сырой земли.
Он идёт-спотыкается,
Во́строй са́белькой подпирается,
Горю́чими слезами заливается:
— Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?
Али чаешь[1] над собой невзго́душку[2],
Невзгодушку, кроволи́тьеце...

Примечание.

В этих двух песнях выражено сочувственное отношение в первой — к Степану Разину, во второй — к Емельяну Пугачёву. Наряду с этим в этих же песнях находят себе отражение антикрепостни́ческие настроения крестьянства.

БЫЛО ДЕЛО ПОД ПОЛТАВОЙ.

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья;
Мы дрались тогда со шведом,
Под знамёнами Петра.
Наш могучий император, —
Память вечная ему, —
Сам родимый пред полками
Словно сокол он летал.
Сам ружьём солдатским правил,
Сам и пушки заряжал.
Бой горел; герой Полтавы,
Наш державный великан[3],
Уж не раз грозою гря́нул
На могучий вра́жий стан;
Пули облаком неслися,
Кровь горячая лила́сь.
Вдруг одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впила́сь, —
Видно шведы промахнулись,
Император усидел.
Шляпу снял; перекрести́лся;
В битву снова полетел;
Много шведов, много русских
Под Полтавою легло.
Вдруг ещё злодейка-пуля
В его царское седло;
Не смутился император;
Взор как молния блистал.
Конь не дрогнул от удара,
Но быстрее поскакал.

---

[1] Ча́ешь — здесь: предчувствуешь.
[2] Невзго́душка — несчастье, что-то недоброе, нехорошее.
[3] Держа́вный великан — император Пётр.

ВАРЯГ.

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Все вымпелы[1] вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают,
Готовьтеся к бою! Орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкают.

Из пристани верной мы в битву пойдём
Навстречу грядущей нам смерти,
За родину в море открытом умрём,
Где ждут желтолицые черти.

Свистит, и гремит, и грохочет кругом,
Гром пушек, шипенье снарядов,
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобен кромёшному[2] аду.

В предсмертных мученьях трепещут тела,
Гром пушек и дым, и стена́нья,
И судно охвачено морем огня.
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! с богом, ура!
Кипящее море под нами!
Не думали мы ещё с вами вчера,
Что нынче умрём под волнами.

Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского фла́га.
Лишь волны морские прославят вове́к
Геройскую гибель «Варяга».

---

[1] Вы́мпелы — здесь: флаги, поднимаемые на корабле.

[2] Кроме́шный — тя́гостный, отча́янный, беспросветный; например, кромешная тьма — полная, беспросветная тьма; ад кромешный — беспрерывная, утомительная су́толока, суматóха.

БЫЛИНЫ.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Жил Святосла́в девяносто лет,
Жил Святослав да переста́вился [1].
Оставалось от него ча́до [2] милое,
Молодой Вольга́ Святосла́вович.
Стал Вольга́ растеть-матереть [3],
Похоте́лося Вольге да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольге в синих морях,
Птицей-со́колом летать Вольге под о́болоки [4],
Волком ры́скать во чистых полях.
Уходили вси ры́бушки во глубокие моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за темны́ леса.
Стал Вольга растеть-матереть
И сбирал себе дружинушку хоро́брую,
Тридцать мо́лодцев без единого,
Сам ещё Вольга во тридца́тыих.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир сто́льно-ки́евский [5];
Жа́ловал его тремя городами [6] со крестья́нами:
Первым городом Гурчёвцем,
Другим городом Оре́ховцем,
Третьим городом Крестья́новцем.
Молодой Вольга Святославович
Он поехал к городам и за полу́чкою
Со своей дружи́нушкой хоро́брою.
Выехал Вольга во чисто поле,
Он услышал во чистом поле ра́тая [7]:

---

[1] Переста́вился (преставился) — скончался, умер.

[2] Ча́до — дитя.

[3] Расте́ть-матереть — расти, достигать зрелого возраста, мужать, становиться сильным, крепким (матёрым).

[4] Оболоки — облака.

[5] Стольно-киевский (от слова стол — престол) — это значит, что Владимир княжил в Киеве, — там был его стол, или престол.

[6] Жа́ловал его тремя городами — отдал (подарил) ему три города.

[7] Ра́тай (оратай) — пахарь, земледелец; ора́ло — соха; орать — пахать сохой.

А орёт в поле ратай, понукивает,
А у ратая-то со́шка поскрипывает,
Да по ка́мешкам оме́шики[1] почи́ркивают.
Ехал Вольга он до ра́тая,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратая в поле наехати.
А орёт в поле ратай, пону́кивает,
А у ратая со́шка поскри́пывает,
Да по камешкам омешики почиркивают.
Ехал Вольга ещё другой день,
Другой день с утра до па́бедья[2],
Со своей со дружинушкой хоро́брою.
Он наехал в чистом поле ратая,
А орёт-то в поле ратай, понукивает,
С края в край боро́здки помётывает[3].
В край он едет — другого не видать.
То коре́нья, каме́нья вывёртывает,
Да великие он каменья вси в борозду валит.
У ратая кобылка соло́венькая[4],
Да у ратая сошка клено́вая,
Гу́женьки[5] у ратая шелковые.
Говорит Вольга таковы слова:
«Бог тебе помочь, ората́юшко,
А орать да пахать да крестья́новати,
С края в край бороздки помётывати!»
Говорил оратай таковы слова:
«Да поди-ка ты, Вольга Святославович!
Мне-ка на́добно божья помочь крестьяновать,
С края в край бороздки помётывать.
А и дале́че ль, Вольга, едешь, куда путь де́ржишь
Со своею со дружи́нушкой хоро́брою?»

---

[1] О ме́ ш и к и — резцы́ у сохи; ле́меш — ле́звие, которым соха вздымает и разрезает пласт земли.

[2] П а́ б е д ь е — время, близкое к полдню; п о́ о б е д — второй завтрак, полдник.

[3] Боро́здки помётывает — борозды прокладывает, пашет.

[4] Соло́венькая — имеющая шерсть светложёлтого цвета, хвост и гриву — белые.

[5] Гу́женьки (гуж, гужик) — ремённая или верёвочная петля в хомуте, в которой укрепляется огло́бля; ремни́, свя́зывающие огло́блю с хомутом.

Говорил Вольга таковы слова:
«А еду к городам я за полу́чкою,
К первому ко городу ко Гурчёвцу,
Ко другому-то городу Оре́ховцу,
К третьему городу Крестья́новцу».
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же Вольга Святославович!
Да недавно был я в городе, третьего дня,
На своей кобылке соло́вою,
И привёз отту́ль соли я два ме́ха [1],
Два меха-то соли по сороку́ пуд,
А живут мужики там разбойники,
Они просят грошёв подоро́жных [2].
А я был с шалыгою [3] подоро́жною,
А платил им гроши я подорожные:
Кто сто́я стои́т, тот и си́дя сидит,
А кто сидя сидит, тот и лёжа лежит».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-ората́юшко!
Да поедем-ка со мною во товари́щах
Да ко тем городам за получкою».
Этот оратай-оратаюшко
Гу́жики с сошки он повы́стегнул
Да кобылку из сошки повывернул,
А со тою он сошки со кленовенькой,
Ай оставил он ту сошку кленовую,
Он садился на кобылку соловеньку;
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу чисту полю.
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославович!
А оставил я сошку в бороздочке,

Да не для-ра́ди прохо́жего, прое́зжего,
Ради мужика-дереве́нщины:
Они сошку с земе́льки повы́дернут,
Из оме́шиков земельку повы́тряхнут,

---

[1] Соли два меха — два мешка соли.
[2] Гроши́ подоро́жные — по́шлины, налоги.
[3] Шалы́га — плеть, кнут.

Из сошки омешики повы́колнут,
Мне нечем будет мо́лодцу крестьяновати.
А пошли ты дружи́нушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повы́дернули,
Из омешиков земельку повы́тряхнули,
Бро́сили бы сошку за раки́тов куст».
Молодой Вольга Святославович
Посылает тут два-три добрых мо́лодца
Со своей с дружи́нушки с хороброей,
Да ко этой ко сошке клено́венькой,
Чтобы сошку с земельки повы́дернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туда два да три добрых молодца
К этой ко сошке клено́воей;
Они сошку за обжи́ [1] кругом вертят,
А им сошки от земли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земе́льки повы́дернути,
Из омешиков земельку повытряхнути,
Бро́сити сошку за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославович
Посылает он целым деся́точком
Он своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошке клено́воей.
Приехали они целым десяточком
К этой самой ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи́ круго́м вертят,
Сошки от земли поднять нельзя,
Не могут они сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земельку повытряхнути,
Бросить сошку за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать мо́лодцев без единого.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцев да без единого,
А подъезжали ко сошке кленовенькой,
Брали сошку за обжи, круго́м вертят,
Сошки от земе́льки поднять нельзя,

[1] О б ж а́ — рукоя́тка сохи, огло́бля у сохи.

Не могут они сошки с земельки повыдернути,
Из омешиков земельку повытряхнути,
Бросить сошку за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга Святославович!
То не му́драя дружинушка твоя хоробрая,
А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бро́сити сошку за ракитов куст.
Не дружинушка тут е́сте хоробрая,
Столько одна есте хлебоя́сть»[1].
Этот оратай оратаюшко
Он подъехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке клено́венькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повы́дернул,
Из оме́шиков земельку повы́тряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Они сели на до́брых коней, поехали
Да по славному разде́лью чисту полю,
А у ратая кобы́лка гру́дью пошла,
Так Вольги́н-то конь остава́ется.
Стал Вольга покри́кивати,
Стал Вольга колпако́м пома́хивать,
Говорил Вольга таковы слова:
«Стой-ка, постой, да ората́юшко!»
Говорил-то Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
Эта кобылка конём бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали».
Говорит оратай таковы слова:
«Взял я кобылку жере́бчиком,
Жеребчиком взял её с-под ма́тушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конём бы была́,
Этой бы кобылке и сме́ты нет».
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты, оратай-оратаюшко!

[1] Хлебоя́сть — здесь: дармое́дство. Смысл выражения «Не дружинушка *тут есте хоробрая, столько одна есте хлебоясть*» таков: «Это не дружинушка храбрая, а одни дармоеды».

Как-то тебя да и́менем зовут,
Как звели́ча́ют по оте́честву?»
Говорил оратай таковы слова:
«Ай же, Вольга ты Святославович!
Ржи напашу, в скирды́ склады́,
В скирды склады́ да домой вы́волочу,
Домой выволочу, дома вы́молочу,
Дра́ни[1] надеру́ да тоя пи́ва наварю́.
Пива наварю, мужичков напою́,
Станут мужички меня покли́кивати:
«Ай ты, молодой Мику́лушка Селяни́нович!..»

В лице́ Вольги́ (Вольга́ — Олег, Ольг с придыха́нием В) отдельные у́чёные — истолкова́тели были́н — видят исторический образ князя Олега, конечно, значи́тельно видоизменённый творческой фанта́зией народа. Главные его по́двиги носят во́инский характер.

Мику́ла Селяни́нович (*Микула* — Никола, Николай; *Селянинович* — поселя́нин) — крестьянин-пахарь, один из любимых богатырей наших былин. В лице Микулы народ поэтически отрази́л богатырскую силу, ва́жность земледе́льческого труда, упо́рство и мощь в борьбе с природой. Славу и почёт Микуле дают, прежде всего, дела́ па́харя, которые в народном представлении являются не менее важными, чем воинские дела. В этой былине мы видим также, что народ ещё в далёкие времена мечтал о светлой и приво́льной жизни после упо́рного, но радостного труда.

Задания.

I. Расскажите содержание былины.

II. Скажите, как охарактеризо́ваны в былине Вольга и Микула.

III. Найдите примеры гиперболи́ческого изображения богатырской силы Микулы.

IV. Укажите в былине при́ёмы устного народного творчества (постоя́нные эпи́теты, гипе́рболы, троекра́тное повторе́ние).

Вы́пишите из былины постоянные эпитеты к данным ниже словам.

Поле чистое.
Дружи́нушка хоро́брая.
Леса...
Моря...
Со́шка...
Куст...
Мо́лодец...

V. Объясните, в чём сходство в значении да́нных ниже групп слов. Придумайте предложения с каждым из этих слов.

Молодо́й—мо́лодец—мо́лодость.
Му́дрый—мудре́ц,—му́дрость.
Хра́брый—храбре́ц—хра́брость.
Паха́ть—па́харь—хлебопа́шество.
Княжить—князь—кня́жество.

[1] Дрань — мука́ крупного размо́ла.

VI. Скажите, в чём сходство стоящих рядом строк былины, если разобрать каждую строчку синтаксически.

1. *Уходили вси рыбушки во глубокие моря.*
Улетали вси птички за оболоки.
Убегали вси звери за тёмны леса.

2. *А еду к городам я за получкою,*
К первому ко городу ко Гурчёвцу,
К другому-то городу Орéховцу,
К третьему городу Крестьяновцу.

Такое сходное синтаксическое построение стоящих рядом предложений называется синтаксическим параллелизмом.
Найдите в былине примеры синтаксического параллелизма.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК.

I.

Из того ли-то города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Выезжал удаленький дородний[1] добрый молодец;
Он стоял заутрену во Муроме,
Ай к обеденке[2] поспеть хотел он в стольный Киев-град,
Да подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным черно[3],
Ай черным черно, как черна ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживает[4],
На добром коне никто тут не проёзживает,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскивает.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть.
Ай побил он эту силу всю великую.

---

[1] Дородний (дородный) — рослый, видный.
[2] Обеденка (обедня), заутреня — различные религиозные службы в церкви.
[3] Черным черно — здесь: очень много.
[4] Пехотою никто не прохаживает — никто не проходит пешком.

Он подъехал-то под сла́вный под Чернигов-град.
Выходи́ли мужички́ да тут черни́говски,
Отворяли-то воро́та во Чернигов-град!
Ай зовут его в Чернигов, воево́дою.

Говорил-то им Илья́ да таковы слова:
«Ай же мужички́ да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямое́зжую,
Прямоезжую да в сто́льный Киев-град».

Говорили мужички ему черниговски:
«Ты уда́ленький доро́дний добрый мо́лодец,
Ай ты, славный богатырь святору́сский!
Прямое́зжая дорожка заколо́дела [1],
Заколодела дорожка, замура́вела.
Ай по той ли по дорожке прямое́зжей
Да пехотою никто да не прохаживал,
На добро́м коне никто да не прое́зживал.
Как у той ли-то у Грязи-то у Чёрной,
Да у той ли у берёзы у покля́пой [2],
Да у той ли речки у Смороди́ны...
Сидит Соловей-разбойник во сыро́м дубу́,
Сидит Соловей-разбойник, Одихма́нтьев сын;
А то сви́щет Соловей да по-соло́вьему,
Он кричит злодей-разбо́йник по-зверино́му,
И от того ли-то от посви́сту соловьего,
И от того ли-то от покри́ку зверино́го,
То все тра́вушки-муравы уплета́ются,
Все лазу́ревы цветочки отсыпа́ются,
Тёмны ле́сушки к земле все приклоня́ются,
А что есть людей, то все мёртвы лежа́т.
Прямоезжею доро́женькой пятьсот есть вёрст,
Ай око́льной [3] дорожкой це́ла тысяча».

---

[1] З а к о л о́ д е л а д о р о ж к а, з а м у р а́ в е л а — зава́лена дорога дере́вьями, покрыта коло́дьем (упавшими деревьями), заросла́ муравой, то-есть молодою, густою, со́чною травой.

[2] П о к л я́ п а я — приплю́тая к ни́зу, наклонённая.

[3] О к о́ л ь н а я — располо́женная в стороне от кратчайшего направле́ния.

II.

Он спустил добра́ коня да богаты́рского,
Он поехал-то дорожкой прямое́зжею.
Его до́брый конь да богатырский
С горы на гору стал переска́кивать,
С холмы́ на холму стал перема́хивать,
Ме́лки ре́ченьки, озерка проме́ж ног спуща́л.
Подъезжа́ет от ко речке ко Смороди́нке,
Да ко той он ко Грязи он ко Чёрной,
Да ко той ко берёзе ко покляпой...
Засвистал-то Соловей да по-соло́вьему,
Закричал злодей-разбойник по-звери́ному,
Так все тра́вушки-муравы уплета́лися,
Да лазу́ревы цветочки отсыпа́лися,
Тёмны ле́сушки к земле все приклони́лися.
Его добрый конь да богаты́рский
А он на ко́рзни [1] да потыка́ется;
Ай как старый-от каза́к да Илья Муромец
Берёт плёточку шелко́вую в бе́лу ру́ку,
А он бил коня да по крутым рёбрам.
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, во́лчья сыть [2], да и травяно́й мешо́к!
Али ты итти не хошь, аль нести не можь?
Что ты на ко́рзни, собака, потыка́ешься?
Не слыхал ли по́свисту соло́вьего,
Не слыхал ли по́крику зверино́го,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Да берёт-то он свой туго́й лук разрывчатый,
Во свои́ берёт во бе́лы он во ру́чушки,
Он тети́вочку шелко́веньку натя́гивал,
А он стре́лочку калёную накла́дывал,
То он стре́лил в того Соловья-разбойника,
Ему вы́бил пра́во о́ко со коси́цею [3].
Он спустил-то Соловья да на сыру́ землю́,
Пристегну́л его ко пра́вому ко стре́мечку була́тному,
Он повёз его по сла́вну по чи́сту по́лю,
Мимо гнёздышка повёз да Соловьиного...

---

[1] Ко́рзни — корни деревьев.
[2] Во́лчья сыть — волчья еда, то, чем волк сыт.
[3] Право око со коси́цею — правый глаз и висок.

III.

Он приехал-то во славный сто́льный Киев-град [1],
А ко сла́вному ко кня́зю на широкий двор.
Ай Владимир князь он вы́шел со бо́жьей це́ркви,
Он пришёл в пала́ту белока́менну,
Во столовую свою во го́ренку,
Они сели есть да пить да хле́ба ку́шати,
Хлеба кушати да пообе́дати.
Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора́,
Сам идёт он во пала́ты белока́менны,
Проходи́л он во столовую во го́ренку,
На пяту́ [2] он дверь-то поразма́хивал,
Крест-от клал он по-пи́саному,
Вёл поклоны по-учёному,
На все на три на четыре на сторонки низко кла́нялся,
Самому князю Владимиру в осо́бину,
Ещё всем его князьям он подколе́нным [3].

Тут Владимир-князь стал мо́лодца выспра́шивать:
«Ты скажи-тко, ты отку́лешный [4], доро́дний добрый мо́лодец
Тебе как-то, молодца, да и́менем зовут,
Велича́ют удалого по оте́честву?»

Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Му́рома,
Из того села да с Карача́рова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!»

Говорит ему Владимир таковы́ слова:
«Ай же, старый казак да Илья Муромец!
Да давно ли ты повы́ехал из Мурома,
И которою доро́женькой ты ехал в сто́льный Киев-град?»

Говорил Илья он таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольно-киевский!
Я стоял зау́трену христо́вскую во Му́роме,
Ай к обе́денке поспеть хотел я в стольный Киев-град,

---

[1] Сто́льный Киев-град — город, где кня́жил Владимир; в Киеве был его престол (престол — по-старинному стол; отсюда — стольный город).

[2] На пяту́ — на́стежь; здесь: широко раскрыл дверь.

[3] Подколе́нный — младший, подвла́стный.

[4] Ты отку́лешный — откуда ты, из какой местности.

То моя дорожка призаме́шкалась[1].
А я ехал-то дорожкой прямое́зжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Чёрную,
Мимо сла́вну ре́ченьку Сморо́дину,
Мимо славную берёзу-ту покля́пую...»

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же, мужичи́ще-деревёнщина!
Во глаза́х, мужик, да подлыга́ешься[2],
Во глазах, мужик, да насмеха́ешься!
Как у славного у города Чернигова
На́гнано тут силы много мно́жество,
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не прое́зживал,
Туда серый зверь да не проры́скивал,
Птица чёрный во́рон не пролётывал;
Ай у той ли-то у Грязи-то у Чёрной,
Да у славной у речки у Сморо́дины,
Ай у той ли у берёзы у покля́пой...
Соловей сидит разбойник, Одихма́нтьев сын;
То как сви́щет Соловей да по-соло́вьему,
Как кричит злодей-разбойник по-зверино́му,
То все травушки-муравы уплета́ются,
А лазу́ревы цветки́ прочь отсыпа́ются,
Тёмны ле́сушки к земле все приклоня́ются,
А что есть людей, то все мёртвы лежат».

Говорит ему Илья да таковы слова:
«Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
Ему вы́бито ведь пра́во о́ко со коси́цею,
И он ко стре́мени була́тному прико́ванный».
То Владимир князь-то стольно-киевский
Он скорёшенько ставал да на ре́звы но́жки,
Ку́нью шу́боньку наки́нул на одно плечко́,

---

[1] Призаме́шкаться, позамешкаться — задержаться; моя дорожка призамешкалась — дорога не была свободна, поэтому он задержался.

[2] Во глазах, мужик, да подлыга́ешься — лжёшь ты, мужик, в глаза.

То он ша́почку собо́лью на одно́ ушко́,
Он выхо́дит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи́-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, собака, по-звери́ному».
Говорил-то Соловей ему разбойник, Одихма́нтьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послу́шати,
Я обедал-то у старого казака Ильи́ Му́ромца,
Да его хочу-то я послу́шати».
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
«Ай же, старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвиста́ть ты Соловью да по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звери́ному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же, Соловей-разбойник, Одихма́нтьев сын!
Засвищи-тко ты во пол-кри́ку соло́вьего,
Закричи-тко ты во пол-крику звери́ного...»
Засвиста́л как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звери́ному,
Ма́ковки на теремах [1] покриви́лись,
А око́ленки [2] во теремах рассы́пались
От того от по́свисту соловьего,
А что есть-то люди́шек, так все мёртвы лежат,
А Владимир князь-от стольно-киевский
Ку́ньей шу́бонькой он укрывается.
Ай тут старый-то казак да Илья Муромец
Он скорёшенько сади́лся на добра́ коня,
Ай он вёз-то Соловья да во чисто поле,
И он сруби́л ему да бу́йну го́лову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе по́лно-тко свиста́ть да по-соло́вьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звери́ному,
Тебе полно-тко слези́ть да отцо́в-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жён молоды́х,
Тебе полно-тко спуща́ть-то сирота́ть да малых де́тушек».
А тут Соловью ему й славу поют,
Ай славу поют ему век по веку.

[1] Те́рем — богатый дом, дворец.
[2] Око́ленки — рамы око́нные, око́шечки.

Примечание.

В были́не опи́сан один из многочи́сленных по́двигов Ильи́ Му́ромца. Вначале он расправля́ется с несме́тной силой врагов, подступи́вших к Черни́гову, а затем освобождает «прямое́зжую дорожку» в сто́льный Ки́ев-град, которая была занята́ другим стра́шным врагом — Соловьём-разбо́йником. В образе Соловья́-разбо́йника олицетворены́ как внутренние разбо́йники, гнезди́вшиеся в лесах, так и внешние враги нашего народа — полове́цкие и тата́рские по́лчища, напада́вшие на русскую землю. Былина в целом представля́ет собо́й яркое поэти́ческое описа́ние борьбы Ильи́ Му́ромца с врагами родины, меша́вшими мирной вну́тренней жизни страны.

Вопросы.

1. Какими черта́ми характеризуется в былине Илья Муромец?
2. Как изображён Соловей-разбойник? За что Илья Муромец срубил Соловью-разбойнику буйну голову?

Задания.

I. Укажите в былине постоянные, повторя́ющиеся места.

II. Найдите в былине знакомые вам постоянные эпи́теты.

III. Найдите общие корни в данных ниже словах и объясни́те смысл каждого слова, подчеркнув разницу в значении слов.

Во́ин—воево́да;	*о́тчество—оте́чество;*
муж—мужчи́на, мужик;	*посвист (свист)—свисто́к;*
боец—бой.	*покрик (крик)—выкрик.*

IV. Объясните разницу в значении глаголов: *рубил—срубал, овдове́ть—вдовить, топтать—потопта́ть, колоть—поколо́ть, свистнуть—свистать, крикнуть—кричать.*

1. Сруби́л Соловью́ бу́йну голову.
2. Рубил ему головку, выгова́ривая;
«Полно-тко тебе слезить отцов-матерей,
Полно-тко вдо́вить жён молодых . . .»
3. Потопта́л и поколо́л силу в ско́ром времени.
4. Как засвиста́л Соловей по-соловьему,
Закричал злодей по-звериному.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И И́ДОЛИЩЕ.

Приезжал Идолище пога́ное [1] в стольно-Киев-град,
Со грозо́ю, со страхом великим,
Ко тому ко князю-ко Владимиру,
И становился он на княжеский двор,

---

[1] Идолище пога́ное — идол языческий; этот первонача́льный образ, отража́ющий в былине языческие жертвоприноше́ния, позднее слился с образом степных кочевников, вроде Батыя, Мамая и других.

Посылал посла ко князю-ко Владимиру,
Чтобы князь Владимир стольно-киевский
Ла́дил бы он ему поеди́нщика [1],
Супро́тив его си́лушки супроти́вника [2].
Приходил посла́нник ко Владимиру
И говорил посланник таковы слова:
«Ты, Владимир, князь стольно-киевский!
Ладь-ка ты поеди́нщика во чисто поле,
Поединщика и супроти́вничка с си́лушкой великою.
Чтобы мог он с Идолищем попра́виться [3]».
Тут Владимир князь ужахну́лся [4].
Приужахну́лся да и закручи́нился [5].
Говорит Илья таковы слова:
«Не кручи́нься, Владимир, не печалуйся:
На бою́ мне-ка смерть не напи́сана,
Поеду я в разду́льице чисто поле
И убью-то я Идолища поганого».
Обу́л — Илья лапотки шелко́вые,
Подсу́мок одел он чёрна ба́рхата,
На голо́вушку надел шапку земли гре́ческой [6]
И пошёл он ко Идолищу к поганому.
И сделал он оши́бочку не малую:
Не взял с собой па́лицы була́тной [7]
И не взял он с собой са́бли во́строй.
Идёт-то дорожкой — поразду́мался:
«Хошь иду-то я к Идолищу поганому,
Ежели будет не пора мне-ка, не вре́мечко [8],
И с чем мне с Идолищем будет попра́виться?»

---

[1] Поеди́нщик — участник поединка; поедино́к — единобо́рство, борьба двух противников.

[2] Супроти́вник — противник, враг.

[3] Попра́виться — здесь: справиться.

[4] Ужахну́лся — ужаснулся.

[5] Закручи́нился — стал горевать, печалиться.

[6] Шапка земли греческой — эпитет греческий находится здесь в связи с подвигом Ильи — победой над язы́чником, шапка греческая — принадлежность костюма странников по «святым местам» — пилигри́мов.

[7] Па́лица була́тная — стальная дуби́на с тяжёлым корневи́щем или око́ванным набалда́шником.

[8] Ежели будет не пора мне-ка не времечко — если не будет счастливого случая.

На ту пору, на то вре́мечко
Идёт ему в стре́ту [1] кали́чище [2] — Иванище,
Несёт в руках клюху́ [3] девяносто пуд.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище,
Уступи-тко мне клюхи́ на вре́мечко:
Сходи́ть мне к Идолищу к поганому».
Не даёт ему каличище Иванище,
Не даёт ему клюхи́ своей богаты́рской.
Говорил ему Илья таковы слова:
«Ай же ты, каличище Иванище!
Сделаем мы бой рукопа́шечный:
Мне на бою ведь смерть не напи́сана, —
Я тебя убью, мне клюха́ и доста́нется».
Рассердился кали́чище Иванище,
Зды́нул [4] эту клюху выше головы́,
Спустил он клюху во сыру́ землю.
Пошёл каличище — заворыда́л [5].
Илья Муромец едва достал клюху из сырой земли.
И пришёл он во пала́ту белока́менну
К этому Идолищу поганому,
Пришёл к нему и проздра́вствовал.
Говорил ему Идолище поганое:
...«По многу ли Илья ваш хлеба ест,
По многу ли Илья ваш пива пьёт?»
Говорит Илья таковы слова:
По стольку ест Илья, как и я».
По стольку пьёт Илья, как и я».
Говорит ему Идолище поганое:
«Экой ваш богатырь Илья:
Я вот по семи вёдер пива пью,
По семи пуд хлеба кушаю».
Говорил ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка был крестьянин,

---

[1] В стре́ту (старинное выражение) — навстре́чу.
[2] Кали́чище — от слова кали́ка — стра́нник. (Калика происходит от латинского слова калига, что означает род обуви, которую носили странники).
[3] Клюха́ — клюка́, по́сох.
[4] Зды́нул — поднял.
[5] Заворыда́л — зарыда́л.

У него была корова еду́чая [1],
Она много пила-ела и ло́пнула».
Это Идолищу не слюби́лося [2].
Схватил своё кинжа́лище була́тное
И махнул он в калику перехо́жую
Со всея со силушки великой.
И пристрани́лся [3] Илья Муромец в сторо́нушку малёшенько,
Пролетел его мимо-то була́тный нож,
Пролетел он на вонную сто́рону [4] с просте́ночком.
У Ильи Муромца разгоре́лось сердце богаты́рское,
Схватил с головушки шапку земли́ греческой
И ляпнул он в Идолище поганое,
И рассе́к он Идолище на поло́вы.
Тут ему Идолищу славу поют.

Примечание.

Содержание былины «Илья Муромец и Идолище» свя́зано с народными преда́ниями о борьбе с кочевы́ми народами. Идолище представля́ет собой образ велика́на-наси́льника вро́де азиа́тских завоева́телей — Чингис-ха́на, Батыя, Мамая и других. Определение — «пога́ный» является посто́янным эпи́тетом, выразительно передающим чувство и отноше́ние народа к этим завоева́телям.

Вопросы.

1. С какими историческими фактами свя́зано содержа́ние былины «Илья Муромец и Идолище»?
2. Какими черта́ми характеризу́ется в былине о́браз Ильи Муромца?

Задания.

I. Перескажи́те содержание былины «Илья Муромец и Идолище».

II. Скажите, в чём заключается особый характер худо́жественных приёмов были́ны. Укажите элеме́нты фанта́стики, гиперболиза́ции, постоянные эпи́теты и т. п.

III. Ниже даны́ слова́ одного ко́рня. Объясните каждое слово и приду́майте с ним предложе́ние.

сл—сыл: посыла́ть, посо́л, посы́льный, посла́нник, посы́лка;
лад: ла́дить, ула́дить, нела́дный, нелады́;
про́тив: проти́вный, проти́вник, супроти́вник, сопротивле́ние;
сто́л: престо́л, сто́льный;
дум: ду́мать, ду́ма, поразду́мался, заду́мался, сду́мался.

IV. Укажи́те в приведённых ни́же предложе́ниях однозна́чные слова — сино́нимы. Разъясни́те смысл сино́нимов.

---

[1] Еду́чая — прожо́рливая, которая очень много ела.
[2] Не слюби́лось — не понра́вилось.
[3] Пристрани́ться — отстрани́ться.
[4] Во́нная сторона — другая сторона, вот та сторона.

1. Приезжа́л Идолище пога́ное в сто́льно-Ки́ев-град,
Со грозо́ю, со стра́хом вели́ким.
2. Ла́дь-ка ты поеди́нщика во чи́сто по́ле,
Поеди́нщика и супроти́вничка.
3. На ту по́ру, на то вре́мечко
Идёт ему в стре́ту каличище Ива́нище.

СКАЗКИ.

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК.

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое — умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, всё на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха ржаных клёцок [1] и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клёцки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрёл [2] он к братьям.

День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу [3], увидал свою тень сбоку и думает:

«Что это за человек? Со мной рядом идёт, ни на шаг не отстаёт, верно клёцок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клёцки, так все до единой [4] и повыкидал; смотрит, а тень всё сбоку идёт.

— Эка ненасытная [5] утроба [6]! — сказал дурачок с сердцем и пустил [7] в неё горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принёс.

— Где же обед? Давай живее [8].

---

[1] Ржаные клёцки — сваренные в супе кусочки теста из ржаной муки

[2] Побрёл — медленно, лениво пошёл.

[3] Околица — изгородь, окружающая деревню и местность вокруг деревни.

[4] Все до единой — все до последней.

[5] Ненасытный — кто ничем не может насытиться, кого нельзя накормить.

[6] Утроба — живот, брюхо; выражение «Эка ненасытная утроба!» употреблено в переносном значении: «Какой обжора, какой прожорливый»!

[7] Пустил — здесь: бросил, кинул.

[8] Давай живее — давай быстрее, скорее.

— Да вишь, братцы, привяза́лся ко мне доро́гою незна́мо какой[1] человек да всё и поел!

— Какой-такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать[2], бить, колоти́ть; отколоти́ли и заста́вили овец пасти́, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрели́сь по по́лю, давай их ловить да глаза выдира́ть[3]; всех переловил, всем глаза вы́долбил[4], собрал стадо в одну ку́чу и сидит себе радёхонек[5], словно дело сделал. Братья пообедали, вороти́лись в поле.

— Что ты, дурак, натвори́л[6]? Отчего стадо слепое?

— Да пошто́ им глаза-то?[7] Как ушли вы, братцы, о́вцы-то врозь рассы́пались[8]; я приду́мал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать; во как ума́ялся[9]!

— Постой, ещё не так умаешься! — говорят братья и давай угощать его кулаками[10]; поря́дком-таки доста́лось дураку на оре́хи![11].

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупа́ть.

Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой вся́чины[12].

Едет домой, а лошадёнка была такая, знать, неуда́лая[13], везёт — не везёт!

«А что, — думает себе Иванушка, — ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре; так стол-от и сам добежит».

Взял стол и вы́ставил на дорогу.

Едет-едет, близко ли, далёко ли, а вороны так и вьются над ним да всё ка́ркают.

---

[1] Не зна́мо какой — неизвестно какой.

[2] Ну его ругать — стали его ругать, бранить.

[3] Выдира́ть — вырывать.

[4] Вы́долбил — здесь: вырвал, вы́драл, вы́колол.

[5] Радёхонек — рад, весел, в хорошем настроении.

[6] Натвори́л — наделал.

[7] Да пошто́ им глаза-то? — здесь: Да зачем им глаза-то?

[8] Врозь рассыпались — в разные стороны разошлись.

[9] Умаялся — устал, выбился из сил.

[10] Угощать кулаками — здесь: бить кулаками.

[11] Поря́дком доста́лось на орехи — сильно побили́, много досталось, попало, как следует.

[12] Всякой вся́чины — всякого добра, разнообра́зных поку́пок.

[13] Неуда́лая — здесь: то́щая, сла́бенькая.

«Знать, сестрицам поесть-покушать охота [1], что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с я́ствами [2] на́земь и начал по́тчевать [3]:

— Сестрицы, голу́бушки! Кушайте на здоро́вье!

А сам всё вперёд да вперёд подвига́ется.

Едет Иванушка переле́ском [4], по дороге всё пни обгоре́лые.

«Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут [5], серде́чные!»

Взял — понадева́л на них горшки́ да корча́ги [6]. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьёт.

«Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду.

Высыпал по́лон мешок [7] соли, лошадь всё не пьёт.

«Что же ты не пьёшь, волчье мясо! разве зада́ром я мешок соли высыпал?»

Хвати́л [8] её поле́ном, да прямо в голову, и убил напова́л [9].

Остался у Иванушки один коше́ль с ложками, да и тот на себе понёс. Идёт, ложки назади́ так и бря́кают: бряк, бряк, бряк! а он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак». Бросил их, и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушка дурак! Вот вам Иванушка дурак! Ещё вздумали дразни́ть, него́дные!

Вороти́лся домой и говорит братьям:

— Всё искупи́л [10], бра́тики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да знать отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то по́иво лошади посоли́л, а ложки дразня́тся [11], так я их на дороге поки́нул [12].

---

[1] Поесть-покушать охота — хочется есть.

[2] Блюда с я́ствами — тарелки с едой.

[3] По́тчевать — угощать, кормить.

[4] Переле́сок — небольшой молодой лес; полоса́ земли с редкими деревьями, соединяющая два леса.

[5] Озя́бнут — замёрзнут (им будет холодно).

[6] Корча́ги — глиняные сосу́ды для разных хозя́йственных на́добностей.

[7] По́лон мешок — целый мешок.

[8] Хвати́л поле́ном — ударил поленом.

[9] Убил напова́л — убил на́смерть (так, что сразу свалил).

[10] Искупил (искажённое слово) — купил.

[11] Дразни́ть — злить, сердить, намеренно раздража́ть.

[12] Поки́нул — бросил, оставил.

— Ступай, дурак, поскорее! собери всё, что разбросáл по дороге.

Иванушка пошёл в лес, снял с обгорéлых пней корчаги, повышибал днúща и надел на батóг[1] корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несёт домой. Отколотúли его братья; поехали сами в город за покýпками, а дурака оставили домóвничать[2].

— Пиво, не броди! дурака не дразни! — говорит Иванушка.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил всё из кáдки, сам сел в корытo, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчáли[3], взяли Иванушку, зашили в куль[4] и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прóрубь осмáтривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых[5], Иванушка и ну кричать:

— Садят меня на воевóдство судить да рядúть[6], а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак! — сказал барин, — я умею и судить и рядúть: вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда бáрина, а сам сел в его повóзку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лёд и слушают, а в воде так и бýркает...

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрелú[7] домой.

Навстречу им, откуда ни возьмúсь, едет на тройке Иванушка, едет да прихвáстывает[8]:

— Вот-ста каких поймал я лошáдушек! А ещё остался там сúвко[9] — такой славный!

Завúдно стало братьям. Говорят дураку:

---

[1] Батóг — трость, палка.

[2] Домóвничать — вести хозяйство дома.

[3] Осерчáли — разгневались, рассердились.

[4] Куль — большой мешок.

[5] Тройка бурых — тройка коней серовато-корúчневого цвета (иногда с красноватым отлúвом).

[6] «Садят меня на воевóдство судить да рядить»... — «Заставляют меня быть воевóдою, управлять народом»...

[7] Побрелú — неторопливо пошли.

[8] Прихвастывает — рассказывает с излишней похвалóй, самонадеянно.

[9] Сúвко — лошадь сивой масти; сивый — серый, серовато-сизый.

— Зашива́й теперь нас в куль да спускай поскорей в про́рубь! Не уйдёт от нас сивко...

Опустил их Иванушка-дурачок в про́рубь и погнал домой пиво допива́ть да братьев помина́ть. Был у Ива́нушки коло́дец в колодце рыба елец, а моей сказке коне́ц.

Вопросы.

1. Как изображены в сказке Иванушка-дурачок и его умные братья? Чем поступки Иванушки возмуща́ют братьев?
2. Как Иванушка провёл барина?
3. Почему Иванушка-дурачок торжествует над своими умными братьями?
4. Есть ли образы, подобные Иванушке-дурачку, в сказках других народов? Что общего и различного между русской сказкой и подобными же сказками других народов?

Задания.

Перескажите сказку «Иванушка-дурачок» по данному ниже плану.

План для рассказывания.

1. Иванушка дома, на печи.
2. Иванушка и его тень.
3. Иванушка — пастух.
4. Возвращение Иванушки с базара.
5. Иванушка домовничает.
6. Иванушка и барин.
7. Зависть братьев и торжество Иванушки.

КОТ И ЛИСА.

Жили-были старик со старухой. Был у них кот, да такой вредный [1], что беда! Надоел он им. Вот старуха и говорит старику:

— Неси, старик, кота в лес; чего его зада́ром [2] корми́ть?

Старик посади́л кота в мешок, отнёс в лес и пустил его.

Кот ходил-ходил по лесу и набрёл на пустую избушку. Вошёл он в избушку, стал жить в ней. Захочет есть — пойдёт в лес, птичек да мышей нало́вит, наестся до́сыта и опять в избушку — и го́ря ему мало.

Вот одна́жды пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса. Уви-

---

[1] Вредный кот — здесь: кот, приносивший убыток.
[2] Зада́ром — напрасно.

дала кота и диви́тся[1]: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не ви́дывала!» Поклони́лась коту и спрашивает:

— Скажи, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашёл и как тебя по имени звать?

А кот по́днял хвост трубо́й[2] и говорит:

— Я из сибирских лесов и прислан к вам начальником, а зовут меня Котофе́й Иванович.

— Ах, Котофей Иванович, — говорит лиса, — а я-то ничего про это не знала, не ве́дала. Зайди ко мне с дороги отдохнуть, покушать.

Кот пошёл к лисице. Она привела его в свою избушку и стала по́тчевать разной дичи́нкой[3], а сама и говорит:

— Что тебе, Котофей Иванович, одному жить, давай лучше пожёнимся[4].

Кот согласился, и начали они жить да пожива́ть.

Вот однажды отправилась лиса на охоту, а кот остался дома.

Бегала-бегала лиса и поймала утку. Несёт домой, а навстречу ей волк.

— Стой, лиса! — говорит. — Отдай утку!

— Нет, не отдам!

— Ну, я сам отниму.

— А я скажу Котофею Ивановичу!

— А кто же это Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан грозный[5] начальник Котофей Иванович? Я теперь нача́льникова жена.

— Как бы на его, лисонька, посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитый! Коли кто ему не понра́вится — сейчас съест. Ты, смотри, пригото́вь бара́на да принеси ему в пода́рок. Барана-то положи у крыльца́, а сам спря́чься, чтобы он тебя не увидал, а то плохо тебе придётся[6].

Волк отправился за бараном, а лиса побежала дальше.

Навстречу ей медведь.

— Куда, лиса, бежишь, кому утку несёшь? Отдай её мне!

---

[1] Ди́вится — удивляется, восторгается.
[2] Поднял хвост трубой — поднял хвост кверху.
[3] Потчевать разной дичи́нкой — угощать разной ди́чью.
[4] Пожёнимся — будем жить вместе, как муж и жена.
[5] Грозный — сердитый, свирепый.
[6] Плохо придётся — плохо будет.

— Ступай подобру́-поздорóву [1], а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст [2].

— А кто же этот Котофей Иванович?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов при́слан грозный начальник Котофей Иванович? Я теперь нача́льникова жена! У, Котофей Иванович у меня такой сердитый! Коли кто ему не понравится — сейчас съест! Ты ступай, приготóвь быка́ да принеси к нему на поклóн [3], а волк барана принесёт. Да, смотри, быка-то положи, а сам схорони́сь, чтобы Котофей Иванович тебя не увидал, а то плохо тебе придётся.

Медведь потащи́лся [4] за быком.

Вот каждый принёс свою добы́чу: волк — бара́на, а медведь — быка. Стоят и угова́риваются, кому за лиси́цей итти — сказать, что подарки готовы.

— Ступай ты, брат волк, — говорит медведь.

— Нет, не пойду, Михайло Иванович, сам иди: ты смелее меня.

— Нет, брат волк, я не пойду.

Вдруг, откуда ни возьмись [5], бежит заяц. Медведь как кри́кнет ему:

— Поди́ сюда, косо́й [6]!

Заяц испугался и подбежал.

— Что, косой постре́л [7], знаешь, где лисица живёт?

— Знаю, Михайло Иванович!

— Ступай скорее к ней да скажи, что Михайло Иванович с братом Левóном Ивановичем [8] давно уже готовы, ждут-де тебя с Котофеем Ивановичем, хотят поднести вам быка да барана.

Пустился заяц во всю прыть [9]. А медведь и волк стали думать, где бы спря́таться.

---

[1] Ступай подобру́-поздорóву — иди себе куда надо, пока тебя не трогают.

[2] Сме́рти преда́ст — казнит, умертвит.

[3] Принеси на поклóн — здесь: принеси в пода́рок.

[4] Потащился — лениво пошёл.

[5] Откуда ни возьми́сь — неожи́данно, внеза́пно, так, что никто этого не ожидал.

[6] Косо́й — про́звище зайца.

[7] Постре́л — ирони́ческое обращение к тому, кто всюду бегает, всюду бывает, хотя его и не ждут.

[8] Левон Иванович — здесь: прозвище волка.

[9] Пустился во всю прыть — помчался изо всех сил.

Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? [1] — спрашивает волк. — Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович, спрячь меня, пожалуйста, куда-нибудь — помоги горю.

Медведь спрятал его в кусты и завалил сухим листом, а сам влез на сосну, на самую макушку [2], и поглядывает, не идёт ли Котофей Иванович с лисой.

А заяц прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поднести вам быка да барана.

— Ступай [3], косой, сейчас будем.

Вот идёт кот с лисой. Медведь увидал их и говорит волку:

— Ну, брат, Левон Иванович, идёт лиса с мужем. Какой же он маленький!

Подошёл кот к тому месту, где медведь с волком спрятались, увидал подарки и сейчас же бросился на быка. Вцепился [4] в шею зубами, рвёт мясо когтями, а сам ворчит про себя:

— Мяу! мяу!

А медведь говорит:

— Невелик, да прожорлив [5]! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй и до нас доберётся.

Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. Начал он листья разгребать. А кот услыхал — лист шевелится, подумал, что это мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями. Волк вскочил да давай удирать. А кот сам испугался больше него и бросился прямо на сосну, где медведь сидел. «Ну, — думает медведь, — и меня увидал!» Прыгнул он с сосны да как шмякнется [6] об земь [7], все печёнки отшиб [8]; вскочил да бежать. А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст, погодите!

---

[1] Я куда денусь? — Я куда спрячусь?

[2] Макушка — здесь: верхняя часть дерева.

[3] Ступай — иди.

[4] Вцепился зубами — крепко схватил зубами.

[5] Прожорлив — так говорят о том, кто много и жадно ест.

[6] Шмякнуться — упасть, сильно удариться и растянуться.

[7] Об земь — об землю.

[8] Отшиб — здесь: отбил, повредил.

С той поры все звери стали кота бояться, а кот с лисой запаслúсь на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать. И теперь живут.

Вопросы.

1. Какова тема сказки «Кот и лиса»?
2. При каких обстоятельствах встретились и пожени́лись кот и лиса?
3. В чём проявилась хитрость лисы в её разговоре с волком и медведем?
4. Чем можно объяснить то, что кот, домашнее животное, нагоня́ет страх на диких животных?
5. Чему учит нас эта сказка?
6. Сопоста́вьте сказку «Кот и лиса» с подо́бными же по содержанию сказками других народов. Что общего в этих сказках в отношении приёмов народного творчества?

Задание.

Составьте план сказки и перескажи́те её по плану.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

О классовых отношениях.

Не тот хозяин земли, кто по ней бро́дит, а тот, что по ней за сохой ходит.
Один с со́шкой, а се́меро с ло́жкой.
Крестьянскими мозо́ля́ми и ба́ры сыты живут.
Богатый и в бу́дни пирует, а бедный и в праздник горю́ет.

О суде и чиновниках.

Коза́ с волком тяга́лась, рога́ да копы́та остались.
Перо́ страшно не у гусака́, а у дьяка́.
Подья́чий любит кала́ч горячий.
И нашим, и вашим — всегда спля́шем.
Неподма́занное колесо скрипит.

О хозяйстве и труде.

Клади навоз гу́сто, в амбаре не будет пусто.
Хоть голодать, а до́брым се́менем засева́ть.
Словами туда, сюда, а делом — никуда.

Исторические.

Погиб, как швед под Полта́вой.
Голодный француз и воро́не рад.
Приехал Кутузов бить французов.
Здесь пусто, словно Мама́й воевал.

О любви к родине, о смелости и дружбе.

Кто любит свою родину и народ, тот настоящий патриот.
Своя земля и в го́рсти мила́.
С родной земли — умри́, не сходи́.
Человек без ро́дины — соловей без песни.
Согла́сному ста́ду и волк не стра́шен.
Смелость города́ берёт.
У страха глаза, что пло́шки, а не видят ни кро́шки.

Бытовы́е.

Дурная голова ногам покою не даёт.
На языке мёд, а под языком — лёд.
Как пошатну́лся, так и свихну́лся.

Задание.

1. Вскро́йте происхождение приведённых пословиц и поговорок и установите их смысл и значение.
2. Запишите другие известные вам пословицы, разбейте их на группы по содержанию.

РАСЦВЕТ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В СССР.

Богат и разнообра́зен фольклор народов Советского Союза. Как до Великой Октябрьской социалистической революции, так и после неё, фольклор народов СССР, несмотря на раз-

личие своего содержания, отличается неизме́нно прису́щими[1] ему качествами — глубокой жизненной правди́востью, оптими́змом[2], простотой, и́скренностью и высокими нра́вственными требованиями, поло́женными в его основание.

Содержание дореволюционного и советского фольклора. В фольклоре до Великой Октябрьской социалистической революции ярко рассказано о прошлом нашей родины, о трудовой жизни народа, о его борьбе за самостоятельное развитие нашего государства, о самых глубоких и сокрове́нных думах и мечтах трудящихся, стреми́вшихся к другой жизни. В этом фольклоре вы́ражена горячая любовь народа к своей стране, не́нависть к угнета́телям, призы́в к борьбе за лучшую до́лю.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда осуществи́лись тысячеле́тние надежды и мечты народа, широко расцвело народное творчество, отличающееся по своему содержанию от прежнего фольклора. Этот расцвет народного творчества в наше время свиде́тельствует о новых силах в народе, которые пробуди́ла к жизни[3] Октябрьская революция. Ещё Н. Г. Чернышёвский писал: «... Народная поэзия развивается только у народов энергических, свежих, полных кипучей жизни, и́скренности, досто́инства и благоро́дства. Потому она всегда полна́ свежего, энерги́ческого, и́стинно поэти́ческого содержания. Она всегда возвы́шенна, целому́дренна[4] если можно так выразиться, чиста́, прони́кнута всеми началами прекрасного...» Эти слова великого русского революционера-демокра́та полностью могут быть отнесены́ к нашему времени, к расцвету народного творчества в СССР.

Искренние и звонкие песни, полные кипучей жизни, проникнутые досто́инством и благоро́дством, любовью к родине и свяще́нной не́навистью к её врагам, поют на нашей земле. Это песни о социалистической революции, которая сделала нашу страну ла́сковой и люби́мой матерью всех населя́ющих её народов; это песни о неруши́мой дружбе народов, о гото́вности их самоотве́рженно защищать свою родину против иноземных по́лчищ; это песни о несме́тных бога́тствах[5] нашей страны, о

[1] Неизме́нно прису́щий — постоянно свойственный.

[2] Оптими́зм — бодрый, жизнера́достный взгляд на окружа́ющую действи́тельность.

[3] Пробуди́ла к жизни — вызвала к жизни.

[4] Целому́дренна — здесь: не тронута вредными влияниями.

[5] Несме́тные богатства — неисчислимые богатства; богатства, которые нельзя сосчитать, — так их много.

её замеча́тельных людях, готовых к ратным[1] и трудовым подвигам; это, наконец, песни о любви многомиллио́нных масс к большевистской партии и к своим вождям.

Ка́чества нового человека в советском фольклоре. Особенно ярко в советском фольклоре показаны черты нового, советского человека, вели́чие его ду́ха, красота его вну́треннего мира, его сила, благоро́дство, его непреста́нное стремление к разу́мному, передовому, идейному.

Великая историческая задача постро́ения коммунистического общества, реша́емая в наши дни советским народом под руководством великой партии Ленина—Сталина, предъявля́ет к каждому советскому граждани́ну повели́тельное требование неустанно поднимать свою культуру, своё социалистическое сознание и коммунистическую мораль. Осуществле́ние этой великой исторической задачи требует также от каждого советского человека активной де́ятельности на благо социалистического оте́чества, борьбы за укрепление и развитие социализма, за торжество коммунизма. Многовековые противоречия старого общества, в том числе противоречия между ли́чностью и обществом, коллективом, государством, разрыв между ча́стными интересами личности и интересами общества в нашей стране полностью уничтожены.

В новых песнях, которые поют наши освобождённые от цепей рабства и эксплоатации народы, советский человек изобража́ется как созна́тельный патриот, как личность, которая общегосуда́рственное, общенаро́дное дело воспринима́ет как глубоко родное, личное дело. Советский патриотизм, сознательное служе́ние нуждам и интересам социалистической родины стано́вится смыслом жизни для нашего советского человека.

Капиталистическое общество, осно́ванное на частной собственности и эксплоатации человека человеком, неизбе́жно создаёт такие отношения между людьми, когда, по словам В. И. Ленина, «либо ты гра́бишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладе́лец, либо ты раб». Социалистическое общество, бу́дучи совершенно противополо́жным в своих основах капиталистическому обществу, создаёт новые отношения между людьми, осно́ванные на сотру́дничестве, товарищеской взаи-

[1] Ра́тные подвиги — воинские заслуги.

мопо́мощи, и рождает нового, це́льного, гармони́чески развитого человека. Цельность и гармоничность нового человека прежде всего в еди́нстве его мысли, чувства и воли, в единстве его слова и дела.

Ха́нжескому лицемерию буржуазной морали наша коммунистическая мораль противопоставляет правди́вость, честность и искренность советских людей, гордых достиже́ниями своей родины, идущей в аванга́рде цивилизо́ванного мира.

Важнейшей чертой советских людей является также их воля к созида́тельному, общественно-полезному творческому труду. Сознание важности социалистического труда, органическая потребность в таком труде, сознание своей обязанности честно работать на благо общества — вот что составляет одну из основных норм общественного поведения нашего человека в отличие от человека, воспитанного на при́нципах буржуазной морали.

Именно таким изображается сознательный советский человек в фольклоре наших дней, представля́ющем собой новую, более высокую ступень в развитии народного творчества.

Образы Ленина и Сталина в фольклоре. Особенно много совреме́нных песен посвящено́ Ленину и Сталину. Образы наших великих вождей, создателей родины счастья, воспе́ты на всех языках нашей могучей родины, на всех языках мира.

Наиболее характерные особенности этих песен можно свести к следующим.

Ленин и Сталин осмы́сливаются[1] в народном творчестве как наиболее глубокие по своему значению образы, как наиболее близкие и дорогие народу имена. В Ленине и Сталине для народа всё — и настоящее и будущее. Эти два имени — призы́в и знамя; они — источник света, озаря́ющего мир труда, и в то же время — грозное предупрежде́ние для обречённого на гибель класса эксплоататоров и поработителей.

Образы Ленина и Сталина в фольклоре неразры́вны. В сознании народа и в народных песнях Сталин предстаёт как Ленин сегодня.

Народный акын Казахстана Джамбул Джабаев пишет об этом:

...Ленин, как солнце, плане́ту живи́т,
В Сталине ленинский гений горит.

[1] О с м ы́ с л и в а ю т с я — понимаются.

TRÜ Raamatukogu

Та же мысль в украи́нской песне «Два со́кола», где говорится о том, как первый сокол — Ленин, прощаясь со вторым — Сталиным, обращается к нему, своему другу, с предсме́ртным словом:

«Со́кол ты мой си́зый,
Час пришёл расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся».

А другой ответил:
«Позабудь трево́ги,
Мы тебе клянёмся:
Не свернём с дороги».

Народное творчество называет Ленина и Сталина светлому́дрыми и славит их ум, светлый, правдивый; народ видит в их де́ятельности осуществле́ние тысячеле́тних иска́ний правды

По-иному светит нам
Солнце на земле:
Знать, оно у Сталина
Побыло в Кремле.

В небе столько звёздочек
Нету в синеве́,
Сколько дум у Сталина
В светлой голове...

так поётся в одной украинской народной песне.

Народная поэзия показывает вождей, как людей необычайной твёрдости, мудрой воли, величайшего бесстра́шия и мужества. Эти черты должны лежать в основе характера каждого советского гражданина. Вот как об этом говорится в одном грузинском народном изрече́нии:

Мать должна воспитать
Такого, как ты, наш вождь!
Вложить в его грудь твёрдое сердце.
Издали устраша́ющее врага.

В народных песнях, посвящённых вождям, показано несокруши́мое еди́нство и могу́щество великой партии большевиков, партии, которая вышла из народа, боролась и борется за народ, никогда не отрывается от народа.

Успехи и достижения социалистического строительства, разгром врагов на фронтах гражданской войны и на фронтах Великой Отечественной войны, сила вождей истолко́вываются в народном творчестве, как успех и сила великой партии большевиков. Ленинский взгляд на роль аванга́рда, на роль партии в революции и в строительстве новой жизни стал народной мудростью. Образы Ленина и Сталина предстают в народном творчестве, как мозг и сердце партии, как знамя партии, её слава, её могущество и непобедимость.

В народной поэзии образы Ленина и Сталина трактуются как образы вождей, рождённых народом, которым органически присуще уменье найти путь к самым сокровенным мечтам и чувствам рабочих, крестьян, трудящихся — всех, кого ведёт под своим знаменем партия большевиков.

В. И. Ленин и И. В. Сталин в песнях акынов, ашугов, гусанов и других народных певцов предстают как вожди, выражающие лучшие стремления масс, вдохновляющие их на труд и подвиг, организующие их деятельность, их волю к борьбе и победе.

В сознании народа образы Ленина и Сталина соединяют в себе простоту, скромность, нетребовательность в своей личной жизни с удивительно глубокой, доходящей до отцовской нежности заботой о людях. Освобождённый человек, созидатель и творец всех материальных и духовных ценностей земли — является в стране социализма высшей ценностью. Эта сталинская идея стала основой новой морали граждан социалистического государства. Вот почему народ воспринимает Сталина не только как вождя и учителя, но и как друга и отца, готового «отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей» (И. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 140). Народ знает это и беспредельной любовью и преданностью отвечает на это вождю, называя его творцом народного счастья, народной славы.

Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя,
И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

Джамбул Джабаев
(«Песня о весне народов»)

Образ Сталина — творца и созидателя новой жизни очень часто сравнивается в народной поэзии с жизнерадостным солнцем. В самской легенде «Песня о возвращённом солнце», представляющей собой своеобразный гимн жизни и созиданию, говорится:

Два солнца у нас на земле,
И одно
Называем мы с гордостью:
— Сталин!

В этой песне, как и в тысяче других, Сталин предстает творцом народного счастья:

Мы солнце свое
Получили от Сталина.
Мы сытую жизнь
Получили от Сталина,
Большого, как солнце,
Мудрого,
Как вместе
Все лопари́,
Как тысячи самых мудрейших
из всех
народов земли.

Образы Ленина и Сталина представлены в народных песнях, как образы вождей, ведущих миллионы людей вперёд к победа́м. Они — руководят массами от имени народа, сове́туясь с народом, обогащаясь народным опытом.

Вот что поётся в одной народной песне о великом Сталине, вожде и друге трудящихся всего мира:

Идут за тобой
Миллионы людей,
К большой высоте
Пролага́ешь ты путь.
И тот, кто однажды
Пошёл за тобой,
Скорее умрёт,
Чем покинет твой путь!

Важнейшим условием могу́щества социалистической Родины, про́чности наших завоева́ний, нашего счастья была организация дружбы между народами в стране Советов. Волей Ленина и Сталина, волей партии большевиков Россия, бы́вшая при царизме тюрьмо́й народов, превращена́ в дружную семью народов, горячо любящих свою родину, самоотве́рженно защищающих ее, умножающих своим героическим трудом ее силу, славу и могущество. Величие Ленина и Сталина в том, что они после́довательно и настойчиво борясь против всякого рода национали́стов, организовали все условия для процвета́ния дружбы между народами СССР, что нашло свое отражение в основном законе нашей Родины — в Сталинской Конституции.

Ленин, Сталин, партия воспитали новый народ, новых людей — пла́менных советских патриотов. А советскому патриотизму, сочета́ющемуся у нас с пролетарским интернационализмом, органически чужды как буржуазный национализм, так и буржуазный космополитизм.

Создав СССР — семью дружеских народов, И. В. Сталин создал основу и прообраз той дружбы народов, которая уже сейчас установилась между СССР и странами народной демокра́тии и которая устано́вится после уничтожения власти капитала между народами всего мира.

Народные песни всех народов славят великого Сталина, как вдохнови́теля и организатора дружбы народов, как созда́теля Сталинской Конституции.

Народный акын Казахстана Джамбул Джабаев в своих звонких песнях славит братство народов, славит великий советский закон и его создателя — мудрого и любимого Сталина:

Я славлю великий советский закон,
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодоро́дит,
Закон, по которому сердце поёт,
Закон, по которому юность цветёт,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа.
. . . . . .
Закон, по которому все мы равны́
В созве́здии братских республик страны.

Песни о Советской Армии и её победах. Особенно широк круг народных песен и сказаний о Советской Армии, о её силе и могуществе, о её самоотве́рженной борьбе с врагами нашей родины. В этих песнях и сказа́ниях образ героической Советской Армии неразрывно связан с именами наших вождей и прежде всего с именем товарища Сталина, гениального полково́дца, страте́га и организатора побед Советской Армии на всём протяже́нии её существова́ния, в особенности побед всемирно-исторического значения в годы Великой Отечественной войны. Отстояв независимость нашей родины от по́лчищ иноземных завоева́телей, Советская Армия, воплоти́вшая в себе гений Сталина, блестяще показала не только своё могу́щество и непобеди́мость, но и способность наноси́ть сокруши́тельные, смертельные удары сильному и кова́рному врагу, посягну́вшему[1] на нашу родину. Это находит отражение в бесчи́сленном количестве песен, посвящённых Советской Армии.

Наша Армия изображается в народном творчестве как Армия социалистической революции, как Армия народа и братства народов. Она — защи́тница нашей социалистической Родины, защитница всего прогрессивного человечества, защитница ра́зума и по́длинной культуры. В ее могу́ществе и силе — сила большевистских идей, сила революции и социализма, сила трудящихся всего мира.

---

[1] Посягну́вший на родину — напавший на родину.

В благоро́дстве и величии по́двигов Советской Армии, в ее огромной гуманистической роли, в нашей великой победе народные певцы видят триу́мф могущества вооружённых сил страны социализма и гения Сталина, организовавшего и выковавшего эту несокруши́мую, но сокруша́ющую всех врагов силу.

Победа Советской Армии осмы́сливается в народном творчестве не только как победа нашей силы, но и как победа воодушевля́ющих нашу Советскую Армию идей коммунизма, как победа ее освободительного революционного духа. Народы мира знали и знают, что составляло и составляет разум и волю Советской Армии, они были уве́рены, что армия, организаторами, строителями и воспитателями которой являются Ленин и Сталин, несёт им свободу и избавле́ние от капиталистической кабалы.

Освобождая мир, в плену томи́мый,
Страна верши́т победный свой полёт.
Нигде тебе фашистская ора́ва,
Не уцелеть, не спрятаться лука́во,
Летят орлы, и клёкот — словно, лава:
«За Родину, за Сталина, вперёд!»

так пишет один украинский народный поэт.

Фольклор в дни Великой Отечественной войны. В дни Великой Отечественной войны особенное распростране́ние получил прифронтово́й фольклор: военные песни и часту́шки, народные сказания о героях-защи́тниках родины, о народных мсти́телях — партизанах, о трудовом подъёме в тылу и пр. Известны, например, песни и частушки о неулови́мых отрядах Де́да, этого руководителя партизанского движения во временно захва́ченных немцами областях.

Ищут немцы Дедов след,
Не даётся в руки Дед!
Где тропа, да где дорога —
тайный разговор,
Там у Деда — внуков много,
парни на подбор!

Известны также народные сказа́ния о героическом по́двиге капитана Гасте́лло, о Зое Космодемья́нской и Шуре Чека́лине, поги́бших от зве́рской распра́вы немецких захватчиков, и о других героях нашей родины, память о которых никогда не

изгла́дится [1] в народе. Рассказами и песнями о таких героях полны не только фронтовые газеты, но и вся наша печать. И это неудивительно. По́длинно народные герои, они живут в сердце и сознании народа, им народ и посвящает самые искренние и задуше́вные свои песни, прославляя их дела и передава́я потомству их велича́вый образ.

Народное творчество наших дней, глубоко правдивое, искреннее и волнующее, идёт от се́рдца, волнует сердца́.

Народная поэзия всегда прекрасна, особенно прекрасна она в годы суровых испыта́ний, которые вы́пали на долю народа. В такие годы с наибо́льшей полното́й проявляется всё богатство национального духа, все лучшие и благоро́днейшие черты́ народного характера. Всё это находит своё отражение в народной поэзии, центральными темами которой являются темы родины и судьбы́ народа.

Дело нашего народа — пра́вое дело. Поэтому народ так уве́рен в своей победе, а это не может не отрази́ться в народном творчестве. Вот почему русские, украинские и белорусские поэты и скази́тели, ашу́ги и гуса́ны Кавказа, аки́ны [2] Казахстана и Киргизии, народные певцы других республик, краёв и областей нашей родины поют свои звонкие и правди́вые песни, полные уве́ренности в непобеди́мости Советского Союза, в про́чности наших завоева́ний, добытых в революционной борьбе, утверждённых героическим трудом социалистического строительства и вновь закреплённых историческими победами на фронтах Великой Отечественной войны.

Устами народных певцов наш народ говорит:

Мы крепки, как ска́лы,
Нас нельзя сломить,
Потому что Сталин
Научил нас жить!

В настоящее время в песнях, сказаниях и новинах народов СССР особенно широко представлена тема победы нашего народа над немецкими захватчиками и тема созидательного мирного труда, направленного на восстановление разрушенных злобным врагом городов и сёл, на выполнение грандиоз-

[1] Не изгла́дится — не забудется.

[2] Ашу́ги, гуса́ны, аки́ны — так в различных республиках называют народных певцов, поэтов, которые выступают не только как творцы своих произведений, но часто и как их исполни́тели.

ного плана послевоенной сталинской пятилетки. В одной из послевоенных песен, например, поётся:

Клянёмся мы сердцем, испытанным боем,
Рукой, отвердевшей в упорстве труда,
Что раны залечим и быстро отстроим
Сожжённые злобным врагом города.

В другой песне говорится:

Чтоб город поднялся скорей из развалин,
Мы будем работать, как учит нас Сталин.

Именно такими думами живёт сейчас наш народ, и это находит своё отражение в народном творчестве наших дней.

ИДУТ ЗА ТОБОЙ МИЛЛИОНЫ ЛЮДЕЙ.

(Перевод с ла́кского.)

Гора над долиной
Стоит высоко,
А небо горит
Над горой далеко,
Но, Сталин, ты выше
Высоких небес,
И выше тебя
Только мудрость твоя!
Созвездий и ме́сяца
Солнце светлей,
Но, Сталин, твой разум
И солнца светлей.
Лучистое солнце
Све́тит лишь днём,
А ра́зум твой светлый —
И ночью и днём.
За то, что высок,
Уважают тебя
Суровые жители
Горных высот [1].

И мыслям другим,
Кроме мыслей твоих,
Не вне́млют народы
В высоких горах.
Когда твои речи
Доходят до нас,
Орлиным становится
Взор у людей!
И если кто слово
Услышал твоё,
Навеки запомнит
Он слово твоё!
Однажды пости́гший [2],
Чему ты учил,
Ни разу не будет
В боях побеждён,
И ду́ши отдать
За ученье твоё
Готовы народы
В высоких горах.

[1] Суровые жители горных высот — здесь: серьёзные, строгие, закалённые в труде и в борьбе горцы.
[2] Пости́гший — здесь: узнавший, понявший.

Идут за тобой
Миллионы людей, —
К большой высоте
Пролагаешь ты путь [1],

И тот, кто однажды
Пошёл за тобой,
Скорее умрёт,
Чем поки́нет твой путь [2].

Вопросы.

1. Какая мысль заложена в заглавии этой песни?
2. Как рисуется в этой песне образ Сталина? (Раскройте светлую мудрость Сталина, всепобежда́ющую силу его учения, любовь масс к нему и их готовность «души отдать за ученье» его.)
3. Какие сравнения испо́льзованы в этой песне для раскрытия образа Сталина? (Выпишите эти сравнения.)

Задание.

Объясните значение следующих строк песни:

И мыслям другим,
Кроме мыслей твоих,
Не вне́млют народы
В высоких горах.

Когда твои речи
Доходят до нас,
Орлиным становится
Взор у людей!

ОРЁЛ.

(Перевод с грузинского.)

Тебя расти́ла ти́гром мать,
Грозо́й доли́н, грозой ущёлий,
Смеялся ты над смертью там,
Где шашки молнией горели.

И голос твой гремел грозней,
Чем пушек смертоно́сных гро́мы.
Вокруг тебя ходила смерть,
Что недруг подсылал позорный.

Тобой испы́танная сталь
Врагов смертельно поража́ет,
Ты — ввысь поднявшийся орёл,
Что над верши́нами летает.

---

[1] К большой высоте пролага́ешь ты путь (образное выражение) — здесь: указываешь народу путь борьбы за светлую, счастливую жизнь; пролага́ешь путь — прокла́дываешь дорогу, ведёшь за собой.

[2] Покинет твой путь — здесь: свернёт с ука́занного тобою пути.

Ты дал возможность видеть нам
Сия́нье радостного света,
И пусть враги дерзну́т [1] напасть,
Мы не заставим ждать ответа!

Они трусли́во побегут, —
Мы дать отпор всегда сумеем,
И словно пыль, и словно сор,
По всем дорогам их развеем.

В горах, где гнёзда вьют орлы,
Певец цветущей, светлой да́ли
За песней песню создаёт
Всё о тебе, великий Сталин!

СЛАВА СТАЛИНУ БУДЕТ ВЕЧНАЯ [2].

(Былина.)

Не Белое море взволнова́лося, —
Молоде́цкое сердце стрепену́лося [3],
Могучи плечи сшевели́лися [4],
Иосиф-свет призамы́слился [5].
Он задумал думушку крепкую.
Тёмны но́ченьки просиживал.
Дни же белые проду́мывал.

Он решился итти в превеликий бой,
В превеликий бой за рабочий люд.
Он скорёхонько тут собирался,
В путь-дороженьку поспеша́лся [6].

---

[1] Дерзну́т — осмелятся.

[2] Эта былина записана в 1937 году со слов знаменитой скази́тельницы Марфы Семёновны Крю́ковой, живущей далеко на Севере, на берегу Белого моря, в деревне Нижняя Золотица, Примо́рского района, Архангельской области.

[3] Стрепену́лося (народное слово) — встрепенулось, то-есть сильно вздрогнуло, забилось сильнее.

[4] Сшевели́лися — зашевелились, то-есть пришли в движение, начали двигаться.

[5] Призамы́слился — задумался.

[6] Поспеша́лся — спешил, торопился.

Две-то зо́рюшки утренние, сходи́лися,
Два-то ясных сокола слета́лися,
Два доро́дных мо́лодца съезжа́лися.
Первый-от был Ленин-свет,
Второй-от — славный Иосиф-свет.
Они свиделись, познакомились,
Познакомились, разговори́лися.
Они начали меж собой разговор вести,
Что собрать надо кре́пку партию,
Крепку партию большевистскую,
Чтобы с ней заодно́ за весь мир стоять,
За весь мир стоять, за народ умирать.
Храбро бился за народ Иосиф-свет,
Не жалел себя, не жалел труда,
Многих он людей от смерти спас.
Да подкрались к нему лиходе́и [1] царя,
Когда крепко спал Иосиф-свет,
Да связали ему руки белые,
Спу́тали пу́тами ремёнными,
Задёргали в цепи железные,
Провели его через строй солдат [2],
Издевались над ним, изгиля́лися [3].
Да не дрогнул тут Иосиф-свет!
Он прошёл похо́дочкой смелою,
Чёрны ку́дри его не стряхну́лися,
Очи ясны его не помути́лися,
Он смотрел вперёд с улы́бочкой.
Рассерди́лись тут слуги царские,
Засади́ли его в тёмну темни́цу,
В тёмну темницу — злодейку заключе́вную.
Они хотели Иосифа-свет огнём сожга́ть [4],
Они хотели Иосифа-свет водой залить,
Они хотели его злым зверям отдать,
Они хотели смори́ть его го́лодом.
Уводи́ли его во тёмны леса,
В страну северную, ту́ндру холодную.

---

[1] Лиходе́и — злодеи, злые люди.

[2] Провели его через строй солдат — заставили его пройти через два ряда солдат под ударами плёток.

[3] Изгиля́лися — издевались над ним, мучили его.

[4] Сожга́ть (народная форма слова) — сжечь.

Они думали, что он там замрёт,
Что погибнет он там смертью лютою [1].
Да не так-то всё случи́лося,
Не по лютым врагам приходи́лося!
Где Иосиф-свет пройдёт —
Там ведь ключ пробьёт,
Ключ пробьёт, трава растёт,
Трава растёт, цветы цветут.
Полюбил Иосифа-свет трудовой народ,
Любил, храни́л его от лихи́х врагов!

*

Не ясный сокол тут полётывал, —
Славный Сталин-свет поразъёзживал
Со своими друзьями со храбрыми,
Со Красною Армией ве́рною.
Он рубил и бил силу белую,
Он рубил и бил не день, не два.
Те остались жить, кто успел сбежать.
Он очистил дороги прямое́зжие,
Он очистил города и деревеньки,
Ещё те ли границы русские,
Он поставил на них стра́жу верную,
Ещё славных ребят-погранича́ников.
Тут свали́лись с земли це́пи крепкие,
Светом вся земля осветила́сь.
Раста́яли, отошли вековые льды,
И свободным стал трудовой народ!
Тут взяли́сь вожди за строительство,
За строительство за советское.
Да несчастье вдруг случи́лося —
Подкоси́ла смерть вождя-Ленина.
При конча́не своей он призвал к себе
Друга верного — сла́вна Сталина:
«Ты прима́й [2], примай все дела́ мои,
Ты веди народ к счастью светлому,
Ты учи его, помогай ему».

---

[1] Лю́тый — злой.
[2] Прима́й (народная форма слова) — принимай.

Сталин дал ему слово верное...
Как булáт[1], оно было крепкое!
Он пошёл путями Ленина
И стопáми большевистскими[2]
Начал мудрый вождь украшать страну,
Перестроил всё ново-зáново.
В деревнях пошли колхозы крепкие.
Работать стали всё машинами.
Жить-то стали все зажúточно.
Зацвелú сады фруктóвые,
Запел нарóд песни весёлые,
Стали вéселы дети малые.
Города устроили людям на-диво,
Крышей в небо дома упираются,
А убранство в домах всё пречýдное,
Что ни в сказке сказать, ни пером описать.
Как под матушкой каменной Москвой
Ходит чудо-машина подземéльная...
Со всего света люди съезжаются,
Делами Сталина-свет дивýются.
Есть чего попить, покушати,
Молодёжи есть чему радоваться,
Есть чему и где поучúтися.
Старикам-то жить снова хочется.
Границы у нас укреплённые,
От врага крепко защищённые,
Крáсна Армия наша хрáбрая...
Самолёты у нас тучей сдымутся[3],
Ледоколы у нас грýдью двúнутся, —
Только смей-ко, враг, потрóгать нас!
Хорошá Москва прекрасная!
Всего краше-дороже стена кремлёвская
Со высокими всё со башнями,
Со звездáми всё со блестящими.
Как со той бáшни день и ночь
Во платье-то во военном всё,
В руках с трýбочкой со подзóрною,

[1] Булáт — литая сталь высокого качества; в переносном смысле булат означает меч.
[2] Стопáми большевистскими — путями большевиков.
[3] Сдымутся — поднимутся вверх.

Со улыбочкой со весёлою
Глядит-правит страной забо́тливо
Превеликий вождь, преде́брый отец,
Ещё славный, мудрый Сталин-свет.
Он глядит, глядит, не насмо́трится,
Чутким ухом всё прослушает,
Зорким взором всё увидит он;
Он всё слышит-видит, как живёт народ,
Как живёт народ, как работает.
За хороший труд награждает всех,
Он в Москву к себе приглашает тех.
Он встречает всех очень ла́сково,
Говорит-то со всеми весело.
Он проводит в свои светлые го́рницы,
Он садит их за сто́лички точёные,
За точёные столички за дубо́вые,
Он на стулики садит на мягкие.
Порасспро́сит всё, поразве́дает [1]:
Как работают, чем нуждаются.
Сам даёт советы мудрые.
Как про Сталина-свет дела́ славные,
Про его доброту превели́кую
Ни пропеть будет, ни описать всего!
Слава Сталину будет вечная!
Много лет ему жить да здра́вствовать —
Белому-то морю всё на тишину,
А Москве-реке на вели́ку честь!

В КОЛХОЗЕ.

(Башки́рская песня.)

Вейся, шаль, ты, моя шаль,
Шёлковые ки́сти!
Знаю: будет урожай
Пу́диков на триста!
Я в колхозе родилась,
И в колхозе моя мать.
Я в колхозе научилась
Книги Ленина читать.
Мой-то милый — коммунист.
И речи́ст, и голоси́ст . . .
А в колхозе на работе
Самый первый тракторист.
Во́лны плёщутся о берег,
Ветер начинается.
Мой хороший тракторист
Пашет, улыбается.

[1] Поразве́дает — узнает, разузнает.

НАША ЗЕМЛЯ.

(Народная украинская песня.)

Ранним утром в поле
Выйду не спеша,
На пшеницу гляну, —
Ой, как хороша!

Это ж та пшеница,
Что я высевáл,
Это ж та землúца,
Где пан катовáл [1]!

Где нагайкой били
Бедноту внахлёст [2], —
Там теперь пшеницу
Сеет наш колхоз!

Ой, пришла, настала
Светлая пора:
В нашем поле ходят
Наши трактора!

Вся земля покрыта
Золотом литым,
И конца не видно
Волнам золотым!

Отдали нам землю
Да на все века.
Враг протянет руку —
Отлетúт рука!

Много силы, мóщи
В молодой стране;
Мы в воде не тóнем,
Не горим в огне.

Что ни год — растём мы,
Дéлаясь сильней,
Потому что стало
Жить нам веселей.

Мы крепкú, как скáлы,
Нас нельзя сломить,
Потому что Сталин
Научил нас жить! . .

Дал он в рýки счастье,
Вывел нас на свет . . .
Твоё имя, Сталин, —
Знамя всех побед!

Мы его подни́мем
Надо всей землёй!
Мы своё спасибо
Шлём тебе, родной!

На Земле советской
Радостно живём!
Твоё имя, Сталин,
С гордостью несём!

ПЕСНЯ О СТОЛИЦЕ.

Стоит наш Союз, как утёс величáвый,
В спокойствии грозном своём.
О гордой столице Советской державы
Мы звонкую песню поём.

[1] Катовáл (украинское слово) — здесь: мучил народ; кат (по-украински) — палач.

[2] Били внахлёст — хлестáли (нагайками), били нещáдно.

Москве свои песни, любовь и заботы
Приносит советский народ.
Там — партии воля, там — сердце народа,
Там Сталин любимый живёт!

Как грозный маяк, пробивающий тучи,
Над Родиной светит Москва,
Овеяна сталинским духом могучим
И сталинским делом жива.

Три слова народу заветными стали —
Большие, родные слова:
Нет имени выше, чем Ленин и Сталин,
Нет слова теплей, чем Москва!

Кремлёвские звёзды, сияйте всё краше
Над нашей землёй трудовой,
Над ленинской нашей, над сталинской нашей,
Над нашей любимой Москвой!

ПРИПЕВ: Вейся, песня, серебряной птицей,
Обгоняй в небесах самолёт!
Кто поёт о Советской столице, —
Тот о Сталине песню поёт!

ОБОРОННЫЕ ЧАСТУШКИ.

Реют наши самолёты,
Армия у нас растёт,
Враг, не суй свиное рыло
В наш советский огород.

*

Наши лётчики летают
Дальше всех и выше всех.
Это вождь — любимый Сталин
Обеспечил им успех.

*

Лётчик мой, возьми с собою,
Выучи меня летать:
Вместе стаей боевою
Будем вражьих птиц сбивать.

*

Крепнем мы и растаем,
Восхищая целый мир,
И ведёт героев Сталин —
Величайший командир.

*

Когда милого призвали,
Я взяла с него обет —
До последней капли крови
Защищать в боях Совет.

*

Сколько ёлочек зелёных,
Сколько веточек в саду,
Сколько девушек, готовых
К обороне и труду.

*

Эй, винтовка, друг мой верный,
С ней не сдамся я в бою,
С ней всегда пойду я первым
В бой за Родину свою.

Будем честно мы трудиться,
Мощь страны родной крепить,
Мы врагов советской власти
Били, бьём и будем би́ть.

Я врагу не дам пощáды,
Смело танк вперёд ведя́,
Биться буду за свободу,
Своей жизни не щадя.

———

НОВЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

О революции и социалистическом строительстве.

1. Сталинское слово не забудется: что скажет, то и сбу́дется.
2. Пятилетка стреляет ме́тко.
3. Спроси у Стаха́нова, как работать на́ново.
4. На бригадира надейся, а сам не плоша́й, вот тогда и соберёшь урожай.
5. На трактор надейся, а коня не бросай.
6. Хорошая ни́ва только в коллективе.
7. У ло́дыря ни гроша́, а у колхозника жизнь хороша́.

О патриотизме и защите родины.

1. Русский с мечо́м не шу́тит.
2. Богатыря узна́ешь на поле бра́ни.
3. Удар тем сильнее, чем крепче сти́снуты пальцы в кулак (узбекская).
4. Человек должен иметь сердце из стали, — тогда у него может быть кольчу́га из дерева и он не испугается в бою (грузинская).
5. Если твоя са́бля светла́, глазам твоим темно не будет (татарская).
6. Дружный табун волка не боится (удму́ртская).
7. Лес рубят — фри́цы летят (белорусская партизанская).

8. Держи́ порох сухи́м, — будешь непобеди́м.
9. Бей фашиста не в бровь, а в глаз — таков народа наказ.
10. И в ночь, и в день страшна́ врагам красноармейская тень.
11. Пословица новая, старой конец: и пуля — не ду́ра, и штык — молоде́ц!

Раздел второй

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Начало русского просвещения и возникновение письменности у нас относятся к периоду образования Киевского государства. Русская культура и государственность той поры не были занесены к нам из какой-либо иной страны, а явились результатом внутреннего общественного развития славянских племён Восточной Европы. О самобытных основах древней русской культуры и государственности свидетельствуют многие данные, в том числе и изыскания советских археологов, доказавших, что никакого массового заселения русских земель другими народами, в частности варягами-норманнами[1], не было. Варяги-норманны не могли насаждать на Руси свою культуру, законы и государственность прежде всего потому, что у себя, в Скандинавии, они находились на более низком уровне общественного и культурного развития, чем древняя Русь.

Киевская Русь уже в те далёкие от нас времена была страной огромных богатств, дорогих товаров, искусно[2] изготовленных предметов и оригинальных сооружений. Изделиям древних русских мастеров дивились иностранцы и охотно покупали или обменивали эти изделия. Благодаря великому водному пути «из варяг в греки», древняя Русь, будучи уже тогда высоко развитым государством, установила тесные торговые и культурные связи со своими соседями, в частности с Визан-

[1] Варя́ги-норма́нны — германские племена, населявшие Скандина́вию в средние века́.

[2] Иску́сно — умело, ловко.

тией. В этих связях и общéниях Русь, обогащая другие народы своим опытом обогащалась и росла сама.

Большую роль в государственном и культурном развитии древней Руси сыгрáло христиáнство, которое стало появляться у нас ещё задолго до крещéния киевских славя́н князем Владимиром в 988 году.

Роль христиáнства в развитии Руси. До христиáнства на Руси было распространено язы́чество. У каждого плéмени были свои и́долы, свои верова́ния, свои обря́ды. Это создавало разобщённость племён и не способствовало объединéнию и укреплению государства. Христианство с его достаточно разрабóтанным еди́ным учением и единой церковной организацией в бóльшей мере было пригодно для целей государственного объединéния. Этим, главным образом, и объясняется его быстрое распространéние на Руси. Послéдователями и активными проводникáми христианства у нас были, главным образом, представители высших слоёв населения, которые стремились к такому объединению и укреплению государства.

Кроме того, христианство, в сравнении с язычеством, несомненно было крупнейшим шагом вперёд и в культурном развитии Руси, так как спосóбствовало сближению славянских народов с другими народами, у которых также было распространено христианство.

До принятия христианства литература на Руси была, но только, вероятно в устной форме. Об этом свидетельствуют позднейшие обрабóтки древней лирики в виде обря́довых песен (календарных, гадáтельных, свáдебных, причитáний по умершим), заговоры, пословицы, а также разнообразные эпи́ческие сказания. Несомненно, фольклор в древней Руси был широко развит. В разнообразных формах устного народного творчества народ отражал свою жизнь и судьбу, слагал свою историю.

На грáни между языческой и христианской эпохой на Руси появилась величáвая фигура вещего Бояна, древнерусского гусляра, создáтеля героических «песен славы», в которых воспевались вóинские пóдвиги во имя защиты родины и иные великие значи́тельные делá. Русские былины не раз бегло очёрчивают этот тип древнерусского песнопéвца, кратко, но вырази́тельно рисуя характер его творчества и исполнéния. Этот образ упоминается и в «Слове о полку Игореве».

Разви́тию просвеще́ния и возникнове́нию письменности на Руси нема́ло спосо́бствовало созда́ние славянской а́збуки.

Изобрели́ славянскую азбуку в IX веке учёные монахи[1] — братья Кирилл и Мефодий; это были миссионеры-пропове́дники[2], распространявшие христиа́нство среди славя́н на Балка́нах.

С изобретением а́збуки на Руси стали появляться книги, оригинальные (самостоятельные) и перево́дные. Например, для церковного обихо́да с греческого языка на славянский были переведены ева́нгелие и другие богослуже́бные книги, затем стали появляться книги ино́го содержания.

Мощной и богатой в древней Руси была оригинальная (самостоятельная) литература.

В этой богатой оригинальной литературе уже тогда наме́тились разнообразные жанры. Широкое распространение получили в ту пору жития княжеские и церковные (рассказы о жизни князей и монахов), воинские повести, этнографические сказания, например, о хазарах и печенегах[3], генеалогическая поэзия, передающая всевозможные предания о происхождении Киева, Переяславля и других городов.

Древнерусское летописа́ние. Одним из первых памятников древней русской пи́сьменности была ле́топись. Древнерусское летописа́ние началось в XI веке и кончилось в XVII веке. В начале XI века была составлена в Киеве «Повесть временны́х лет», которую считают начальной русской ле́тописью. Составление и обработка её припи́сывается монаху Не́стору.

Первые русские кни́жники иногда брали исторические све́дения из греческих «хроно́графов» (то-есть летописей), где описание исторических событий Византи́и дава́лось вперемёшку с известиями о русской жизни. Рост национального самосозна́ния политически и культурно окрепшей Киевской Руси вызвал в среде русских кни́жников стремление создать историю своей земли незави́симо от истории чужой страны. Эта

---

[1] Мона́х — человек, давший обещание (обет) вести жизнь в монастыре по установленным церковным правилам.

[2] Миссионе́ры-пропове́дники — люди, ставившие своей целью распространение в народе какого-либо учения, в данном случае — христианства.

[3] Хаза́ры и печене́ги — древние народы тюркского происхожде́ния, кочева́вшие в 9—11 вв. на юго-востоке Европы.

цель ясно видна́ из первых слов русской летописи: «Се по́вести временны́х лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача́ пе́рвее кня́жити и откуда Русская земля стала есть». В идейном отношении «Повесть временны́х лет» отражает правду героического прошлого русского народа, боровшегося за свою национальную независимость. Многочи́сленные состави́тели летописей в разных местах пользовались как письменными источниками, так и устными преда́ниями.

Памятники художественной литературы. Наряду с ле́тописями создава́лись письменные художественные произведения. Некоторые из них были преиму́щественно церко́вными по содержанию, некоторые — све́тскими (например «Слово о полку Игореве»). Светская (то-есть нецерко́вная) литература существова́ла, конечно, в гораздо бо́льшем количестве, чем она дошла до нашего времени. Это отча́сти объясняется тем, что в древности книгохрани́лищами были мона́сты́рские библиотеки, а перепи́счиками и собирателями книг были, главным образом, монахи, которые заботились больше о сохранении церковных произведений, чем светских.

Переписывание книг в старину. На Руси печатать книги начали только в конце XVI века, а до этого времени книги писались и перепи́сывались от руки. Переписывание книг считалось поле́знейшим делом. Обычно в конце книги помещалось послесло́вие от перепи́счика.

Какая радость чувствуется в этих за́писях! Вот, наконец, удалось благополучно закончить такое трудное и хорошее дело. Переписчик сравнивает себя с ко́рмчим [1], приве́дшим свой корабль «в сти́шие» (в тихую гавань), со стра́нником, возврати́вшимся на родину. Чтобы переписать книгу в шестьсот листов, нужно было потра́тить не дни, не недели, а месяцы и даже годы.

Вначале книги писали на перга́менте, то-есть на коже, особо обрабо́танной, на полотне́, а с XIV века, более дешёвая бумага начинает вытеснять перга́мент и полотно́.

Вначале писали тростя́ми, затем — гуси́ными перьями. Писали широко, толстой чертой. Начальные буквы и заглавия разрисо́вывались красной краской (киноварью) и украша́лись разнообразными фигурами и узо́рами; иногда загла́вным буквам придавали вид цветов, птиц и зверей; и́зредка покрывали

[1] Ко́рмчий — рулевой, управляющий движением судна.

их позолóтой и красками. Первая строка абзáца[1] украшалась особенно старательно, поэтому она называлась крáсной (что значило *красивая*); это название она сохранила и до нашего времени. Писец был в то же время и художник: он хорошо и писал, и рисовал.

В старой Руси ценили книжное слово. Летопи́сец ещё в 1037 году писал: «Велика польза от учения книжного. Книги нас учат, пути размышлению раскрывают, научают мудрости. Это — реки, наполняющие мир, источники знания».

Рукопи́сных книг дошло до нас около шестисот. Много книг погибло во время половéцких набéгов, во время постоянных междоусóбных войн удéльных князей, от татáрского погрóма, во время нашéствия поля́ков в начале XVII века и т. д.

Может быть среди них погибли летописи, различные «хожде́ния» (то-есть описания путешествий), «избóрники» (сборники) и другие книги. Книги стоили в старое время очень дорого. Они доступны были только очень богатым людям и совершенно не доступны были трудовому народу.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ.

Из истории нахождения «Слова о полку Игореве». В 1795 году московский любитель старины граф А. И. Мýсин-Пушкин случайно нашёл в архиве одного старого монастыря́ и купил большой рукопи́сный сбóрник, в котором вместе с другими произведениями древней русской литературы находилось гениальное произведение — «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святосла́вова, внука Олéгова».

«Слово о полку Игореве» означает сказание, речь, повесть, песнь о походе, в данном случае — о походе Игоря.

В 1797 году для Екатерины II снята была копия «Сло́ва», написанная от руки.

Первое издание «Сло́ва» вышло в 1800 году.

В 1812 году, во время московского пожара, дом Мусина-Пушкина сгорел. В огне погибла его замечательная библиотека, в том числе сгорел и единственный экземпляр древней рукописи

[1] Абза́ц — óтступ вправо в начале строки (для отделения одной части текста от другой); абзацем также называют текст между двумя такими отступами.

«Слова о полку Игореве». Сохранилась копия, сделанная для Екатерины II, и немногочи́сленные экземпля́ры издания 1800 года.

«Слово о полку Игореве» является беспо́рным свиде́тельством дре́вности нашей культуры, её высоты и значи́тельности ещё в самые древние времена.

Как же был со́здан этот шеде́вр[1] древней русской литературы?

Историческая основа «Слова о полку Игореве». История древней Руси — это, во многом, история борьбы русского народа за свою государственную самостоя́тельность и незави́симость. Долгой и упо́рной была борьба с по́ловцами, не раз напада́вшими на русские земли и разоря́вшими русские селе́ния. Особенно упорно борьбу вёл русский народ за свою самостоятельность в конце XII века, когда русская земля была раздро́блена на мно́жество самостоя́тельных уде́льных кня́жеств. Князья враждова́ли между собой.

Постоянные междоусо́бные войны ослабля́ли и разоряли русскую землю. Этим, конечно, по́льзовались внешние враги и, главным образом, степные соседи русских — по́ловцы. Они нападали на русские города и сёла, жгли их, грабили и уводили в плен женщин и детей.

Один из эпизо́дов войны с половцами и вдохнови́л автора на создание этой героической во́инской поэмы.

Цепь событий, поло́женных в основу «Сло́ва», развёртывается в следующем плане.

В 1184 году, после нашествия на русские земли полове́цкого ха́на Конча́ка, киевский князь Святосла́в, в союзе с другими южнорусскими князьями, спустился на струга́х вниз по Днепру, на́голову разбил по́ловцев и взял в плен ха́на Кобя́ка с его сыновьями. Се́верские князья, окрылённые успехами южнорусских князей, решили пойти на приде́нских половцев, с которыми у них были давни́шние счёты, заявляя, по словам летописца: «Или мы не князья тоже? Пойдём, такой же славы себе добудем». Основной целью их похода было возвраще́ние некогда принадлежа́вших им земель и освобождение донской во́дной магистра́ли для торговли с южными и восточными ры́нками, так как половцы постоянно мешали се́верским князьям в их торговых связях, нападали на карава́ны и грабили их.

[1] Ше́дэ́вр (французское слово) — образцовое произведение, вершина достижений того или иного автора.

За организацию похода взялся Игорь Святославович, новгород-се́верский князь, вместе со своими ро́дичами, но без содействия других князей.

В 1185 году Игорь вместе с братом Все́володом Трубче́вским сыном — Пути́вльским князем Владимиром и племя́нником Святосла́вом Ольговичем Ры́льским двинули свои хра́брые полки «на землю половецкую, за землю русскую». Углубившись в полове́цкие степи, Игорь после первой удачной битвы потерпел там серьёзное поражение и вместе с другими князьями попал в плен. Затем он бежал из плена, а его сын Владимир вернулся женатым на половча́нке и с «дитя́тем».

Но это только канва́, которую автор расшива́ет то своими рассуждениями, то художественными дета́лями, то историческими подро́бностями, всегда претворёнными в яркие, до сих пор чару́ющие нас поэтические образы.

Об этом походе и рассказывается в «Слове о полку Игореве». Предполага́ют, что «Слово» написано между 1185—1187 годами.

Краткое содержание «Слова о полку Игореве». «Слово о полку Игореве» начинается вступлением. Автор обращается к читателям с вопросом, как ему рассказывать о походе Игоря: так ли, как рассказывал певец-гусля́р Боя́н, воспевавший события XI и начала XII века, или начать эту песню, реально изображая действи́тельные факты.

Автор задумал начать повесть от старого Владимира до ны́нешнего Игоря, но начинает всё же с описа́ния похода Игоря. Он описывает затме́ние солнца перед похо́дом. Игорь не обращает внимания на это дурное предзнаменова́ние. «Лучше быть зару́бленным, чем пленённым», — говорит он.

Затем идёт вторичное обраще́ние к Боя́ну и описание похода. Игорь встречается с братом Все́володом, и во́йско двигается в глубь половецких степей; зловещие приметы предсказывают неуда́чу. В то же время по́ловцы бегут непроторенными дорогами к Дону великому, куда направлял свои полки Игорь.

«О, русская земля, ты уже за холма́ми!» — печально восклица́ет автор.

Заря́ зажгла свет. Русские войска́ вступают в бой с по́ловцами и побеждают: они растопта́ли полки полове́цкие, унося́ богатую добы́чу.

Дре́млет в поле после битвы далеко залете́вшее храброе

гнездо Оле́гово (Игорь и Всеволод были внуками черни́говского кня́зя Олега), а ха́ны Кончак и Гзак убегают к Дону.

На утро следующего дня, в субботу, кровавые зо́ри предваря́ют[1] рассвет; чёрные тучи и гроза предвеща́ют[2] грозные события. «О, русская земля, ты уже за холма́ми!» — снова повторяет автор свой го́рестный припе́в.

Половецкие полки наступают с моря, с Дона, со всех сторон. Половцы кри́ком поля́ преградили, а русские — красными щита́ми.

Геро́ически сражается в передово́м отряде отва́жный князь Все́волод; куда ни поска́чет этот «бу́йный тур»[3], там всюду ложатся головы половецкие; саблей рассекает он ава́рские шле́мы[4].

Автор вспомина́ет прежние битвы XI века, вспоминает междоусо́бную борьбу князей из-за овладения прести́лом.

Тогда, при Олеге Горисла́виче (так, укоряя, называет автор Олега Святославича), се́ялись и росли усо́бицы, погибало достоя́ние дажбожьих вну́ков (то-есть русских). Но такой битвы, как эта, ещё не слыхано: гремит оружие, чёрная земля костьми́ посе́яна, кровью полита.

Бились день, бились другой, и на третий к полудню упали знамёна Игоря, и разлучи́лись оба брата на берегу быстрой Каялы-реки. Сочувствует поражению русского войска природа: ни́кнет трава от жалости, а дерево с печалью к земле приклони́лось. Де́ва-Оби́да (символ горя) восплескала лебеди́ными крылами.

Автор горячо упрекает князей, которые вместо борьбы с половцами занялись стяжа́тельством («Это моё и то тоже моё», — говорили они...) и ковали крамо́лу[5], а пога́ные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю.

Расплакались русские женщины по погибшим мужьям, разлила́сь тоска по русской земле. Князья Игорь и Всеволод про-

---

[1] Предваря́ют рассвет — предшествуют рассвету, появляются перед рассветом.

[2] Предвеща́ют — предсказывают.

[3] Бу́йный тур (эпитет, который автор «Слова» употребляет, говоря о Всеволоде) — воинственный, ярый, смелый и сильный, как тур; тур — от греческого слова *таурос*, что означает бык, буйвол.

[4] Ава́рские шле́мы — металлические или кожаные головные убо́ры, которые появились вместе с ава́рами (отсюда: *аварские шлемы*); ава́ры — народ, вто́ргшийся в VI веке из Азии в Европу.

[5] Крамо́ла — здесь: смута, раздор.

буди́ли напасть («лжу», то-есть набеги половцев), которую «усыпил» было киевский князь Святослав, вступи́в в землю полове́цкую и захвати́в в плен их ха́на Кобя́ка.

Далее излага́ется тревожный ве́щий сон киевского князя Святослава. Бояре так толкуют сон: «Два со́кола (Игорь и Всеволод) слетели с отцовского золотого престо́ла, чтобы добыть город Тмутаракáнь, и подсе́кли уже соколам крылья вражеские сабли, а их самих окова́ли железными пу́тами»... И снова — печаль поэта по поги́бшим на реке Кая́ле.

За описа́нием похо́да и битвы, за описанием разгро́ма русских дружи́н, плене́ния храброго князя Игоря и плача о нём по всей земле идёт рассказ о мудром киевском князе Святославе.

Святослав сказал «золотое слово, со слеза́ми сме́шанное», обраща́ясь к своим двою́родным братьям — Игорю и Всеволоду. Признава́я храбрость князей Святослав упрекает их в преждевре́менном выступле́нии. Далее следует горячий призы́в к отдельным князьям. Немногими штриха́ми здесь даётся ряд живых портретов.

Далее поэма переходит в речь оратора, призыва́ющего отомсти́ть «за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря храброго Святославича».

Тро́гательный образ лю́бящей, самоотве́рженной русской женщины дан в следующей части поэмы — в «плаче Ярослáвны» в Пути́вле.

Во Пути́вле-городе
На стене причита́я,

она стремится подействовать на природу. Силы природы помогают кня́зю Игорю. В полночь всплéскало море; поплыли сме́рчи туманами; это Игорю-князю бог указывает путь из земли половецкой в землю русскую, к отцовскому золотому престóлу.

За этим следует, картинное описание бе́гства Игоря из плена: бежал он горноста́ем и соколом, с рекою Донцóм речь вёл.

Ханы Гзак и Кончак не могли догнать Игоря; они решили удержать его сына Владимира, опутав соколёнка красной девицей.

Князь Игорь — в русской земле.

«Слово» зака́нчивается сла́вой старым и молодым князьям,

здра́вицей князю и дружи́не и обы́чным для древних «Слов» окончанием: *аминь*.

Летописное описание событий Игорева похода. Но не один древний песнотво́рец[1] был взволнован печальным исходом Игорева похода. Бесстра́стные летопи́сцы оставили нам фактическое, «жёсткое» изложение этих событий без расцве́чивания их поэти́ческими красками.

Краткое описание Игорева похода дают Лавре́нтьевская и Радзиви́ловская летописи и более подробное и обстоятельное — Ипа́тьевская летопись. Сравнивая описание одного и того же события у песнотво́рца (поэта) и летописца (историка), мы чувствуем не только разницу типов творчества, но и особый подход к осмысле́нию событий.

Древний летописец в своём повествова́нии склоня́ется к традицио́нному[2] для того времени религио́зно-мора́льному осмысле́нию собы́тий. Для него — всё во власти всевы́шнего. Так, первую победу Игоря над половцами он объясняет божьей помощью; страшное поражение Игоря он считает результатом божьей ка́ры[3] за грехи Игоря, за кровопроли́тие в христиа́нской земле.

Отношение автора «Слова» к описываемым событиям. Совсем другое отношение к опи́сываемым событиям находим мы у автора «Слова». Он меньше всего склонен к морально-религиозному осмысле́нию случи́вшегося. Поражение Игоря рассматривается им конкретно-исторически, в перспекти́ве политических судеб русской земли. Бу́дучи не только поэтом, но и публици́стом, и чутким сыном своей родины, он выражает патриотическую скорбь народа и с глубокой взволно́ванностью говорит о тяжких после́дствиях неуда́чного похода Игоря.

Но автор выступает и как глубокий поли́тик, свободно разбира́ющийся в сложной общественной обстано́вке и чётко анализи́рующий причины страшного поражения Игоря. Феодальная раздро́бленность древней Руси, постоянные разду́ры между отдельными кня́жествами, разро́зненные, несогласо́ванные друг с другом выступления князей, — вот в чём корень зла. В этом плане легко понять и отношение автора к Игорю. С одной стороны, он восторга́ется его высоким «ра́тным ду́хом»,

---

[1] Песнотво́рец — поэт; тот, кто творит песни.
[2] Традицио́нный — здесь: обычный, издавна принятый.
[3] Ка́ра — наказание.

отва́гой, до́блестью, тем, что он «опоя́сал ум кре́постью и изостри́л сердце своё мужеством», но в то же время он осужда́ет его за «буйную авантю́ру», которая отвори́ла врагам воро́та на русскую землю.

Автор остро чувствует общность цели и интересов всего русского народа и зовёт к объедине́нию русской земли, и этот призыв особенно сильно, стра́стно, убеди́тельно звучит в «златом слове» Святослава:

О мои сы́новцы — Игорь и Всеволод!
Рано вы начали половецкую землю мечами дразнить,
А себе славы искать...
Пусть сердца ваши храбрые
Жёстким була́том око́ваны,
А закалены отвагою,
Да то ли вы сотворили
Серебряной моей седине́?

Святослав обращается ко всем храбрым русским кня́зьям с призы́вом сплоти́ться во имя родины, забыть былые разду́ры, вступить «во злат-стремень», прозвучать острыми меча́ми и була́тными са́блями, заради́ть степные ворота острыми стрелами и постоять «за землю русскую, за раны Игоревы — храброго Святославича».

Упрекая Игоря и его брата Всеволода за их невозде́ржанный во́инский пыл, автор вместе с тем стремится вызвать сострада́ние и жалость к ним, к их печа́льной судьбе́. Он описывает возвраще́ние Игоря из плена, как праздник для русской земли:

Солнце светится на небе,
Игорь-князь на русской земле...
. . . . . .
Страны ра́ды! Грады ве́селы!

Даже природа при возвращении Игоря радуется и ликует.

Ду́хом древних эпи́ческих легенд ове́яны описанные здесь дела и походы наших предков, храни́телей своей Родины. Среди о́бразов этого произведения выделяется образ Ярославны, раскрыва́ющий целый мир женской души, в котором наряду с глубоким личным чувством, уже ярко появляется гражданское чувство любви к родине и стремление посвяти́ть себя делу своего народа.

Заканчивается поэма здра́вицей князю и дружине, «бившимся в поле с полками погаными».

Народность поэмы. Историческая заслуга автора «Слова» в том, что он, бу́дучи передовы́м человеком своего века, сумел подняться над групповыми стремле́ниями, сумел стать выше княжеских междоусо́биц, и чётко утвердить обще́наро́дные интересы.

Наро́дностью, народно-поэти́ческими элементами прони́зана и вся худо́жественная ткань поэмы. Такие эпизо́ды как битва, которая уподобля́ется, то крова́вому миру, то посе́ву, как плач Ярославны с его лири́ческой взволно́ванностью и припо́днятостью, как символизированное изображение половецких по́лчищ в образе чёрных туч, стремя́щихся прикрыть собой четыре солнца (четырёх князей), — всё это свидетельствует о тесной связи «Слова» с живи́тельными и бодря́щими исто́чниками народного творчества. Эта связь с богатством народной поэзии обусло́вила неувяда́емую красоту поэмы, которая может быть названа жемчу́жиной древней русской литературы.

Значение «Слова». «Слово о полку Игореве» — один из заме́чательнейших па́мятников[1] русского литературного геро́ического эпоса. Создание безве́стного[2] автора, это высокопоэти́ческое произведение стоит наравне́ с лучшими образца́ми мировой литературы и может быть на́звано народным в самом глубоком значении этого слова. Напи́санное в конце XII века, оно является бесспо́рным свиде́тельством мо́щи и силы древней русской культуры вообще и показателем необычайно высокого уровня поэтического искусства — в частности. Такое произведение не могло появиться в результате случа́йной уда́чи какого-то автора, оно могло быть со́здано только большим поэтом, стоя́вшим на вершине поэтической культуры своего века. Вот почему можно смело утверждать, что «Слово о полку Игореве» не только открывает собой новую эпоху в разви́тии дре́вней русской литературы, но в то же время и завершает довольно дли́тельный процесс развития поэтического искусства в предше́ствующие века.

---

[1] Па́мятник — здесь: произведение.

[2] Безве́стного автора — неизвестного автора, имя которого до нас не дошло.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА.

(Перевод.)

1. Вступление.

Не лучше ли нам, бра́тия, начать на старинный лад печальную повесть о походе Игоря Святославовича [1]? Начнём же эту повесть по бы́лям нашего времени, и не по замышле́нию Бояна [2]. Ибо ве́щий Боян, если хотел создать песню, то растека́лся мы́слью по де́реву, серым во́лком по земле, си́зым орлом под облаками. Сказывают, он помнил усо́бицы [3] старых времён. Тогда пускал он десять со́колов на стадо лебедей: до которой сокол долетал, та первая запева́ла старому Ярославу [4], или храброму Мстисла́ву, заре́завшему Редедю перед полка́ми Каcóжскими (черкесскими) [5], или прекра́сному Роману Святославовичу [6]. Но Боян, братия, не десять соколов напускал на стадо лебедей, а свои ве́щие пе́рсты на живые стру́ны возлага́л, и они сами славу князьям рокота́ли [7].

---

[1] Игорь Святославович — новгород-се́верский князь. Он предпринял в 1185 году поход без содействия других князей. Целью его похода было овладение рекой Доном и городом Тмутаракáнью (на полуострове Тамань, у пролива, соединя́ющего Азо́вское море с Чёрным), которые в конце XII века входили в состав Половецкой земли. Половцы мешали северским князьям в их торговых связях с южными и восточными ры́нками, нападали на карава́ны и гра́били их. В 1184 году киевский князь Святослав в союзе с другими южнорусскими князьями спустился вниз по Днепру и нанёс половцам тяжёлое пораже́ние, захвати́в в плен самого хана Кобяка. Се́верские князья́ не принимали участия в этом походе и решили вернуть не́когда принадлежа́вший им район — Донской водный путь. Игорь вместе с братом Всеволодом из Трубче́вска, сыном Владимиром из Пути́вля и племя́нником Святославом Ольговичем Рыльским двинулись на придо́нских половцев.

[2] Бо́я́н (или Баян) — имя древнего народного поэта, жи́вшего, пови́димому, лет за сто до автора «Слова». Автор «Слова» наме́рен писать о событиях без фантасти́ческих прикра́с Бояна, а только по «были» (так, как было).

[3] Усо́бица — ссо́ра, вражда.

[4] Ярослав Мудрый — князь (умер в 1054 году).

[5] Мстисла́в (умер в 1036 году) — брат Ярослава Мудрого, черни́говский князь, о котором расска́зано в летописи, как он один-на-один победил черкесского богатыря Редедю.

[6] Роман Святославович — князь Тмутаракáнский (умер в 1079 году).

[7] Образы взяты из охо́тничьего быта феода́льной Руси, когда приручённые соколы выпускались для ло́вли ди́чи.

Начнём же, братия, эту повесть от старого Владимира[1] до нынешнего Игоря, который укрепил свой ум, заостри́л сердце му́жеством и, испо́лненный ра́тного ду́ха[2], повёл свои храбрые полки на землю Половецкую, за землю Русскую.

2. Поход Игоря и сражение с половцами.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что всё его во́йско покрыто тьмой. И сказал Игорь дружи́не своей: «Бра́тия и дружи́на! Лучше быть убитыми, чем полонёнными: ся́дем, бра́тия, на своих бо́рзых коней да посмо́трим синего Дона». Вспа́ла князю на ум охота и жа́жда ему знаме́ние заслони́ла — испыта́ть Дону великого. «Хочу, — сказал он, — поломать копьё о конец по́ля полове́цкого; с вами, русские, хочу свою голову положить, либо напи́ться шле́мом из Дона».

Тру́бы трубят в Новгороде[3], стоят боевые знамёна в Пути́вле, Игорь ждёт милого брата Всеволода. И сказал ему буй-тур Все́волод: «Один брат, один свет, светлый ты, Игорь! Оба мы с тобой Святославичи. Седла́й, брат, своих бо́рзых коней, а мои уже готовы, осёдланы впереди у Ку́рска. А мои куря́не — о́пытные во́ины: под трубами пелена́ны, под шле́мами взлеле́яны, с конца копья вскормлены, дороги им известны, овраги знакомы, луки у них натя́нуты, колча́ны открыты, сабли заострены, сами скачут, словно серые во́лки в поле, ища себе че́сти, а князю — славы».

Тогда князь Игорь вступил в золотое стре́мя и поехал по чистому полю. Солнце тьмо́ю застила́ло ему путь; ночь стона́ла грозою, перебуди́ла птиц; поднялся близко свист звери́ный, Див[4] кли́чет наверху дерева: велит послушать земле незна́е-

---

[1] Владимир — Владимир Мономах (1053—1125) — знаменитый князь, который жил в погранйчной со степью Переяславской области и часто совершал походы против половцев.

[2] Испо́лненный ра́тного духа — воодушевлённый воинским ду́хом, воинственно настроенный.

[3] Новгород-Се́верский — уде́льный город князя Игоря на реке Десне.

[4] Див — ночное чудо́вище.

мой, Волге, Помо́рью и Посу́лью, и Су́рожу, и Корсу́ню[1] и тебе, Тмутаракáнский и́дол[2]!

А половцы непроторёнными дорогами побежали к Дону великому; скрипят их телеги в полночь, словно вспу́гнутые ле́беди. Ещё Игорь к До́ну войско ведёт, а уже Беда его (то-есть недоля, несча́стье) кормит птиц по дере́вьям (то-есть тела́ми его воинов); волки накликáют по оврагам грозу; орлы клёкчут, сзыва́я зверей на ко́сти; лиси́цы лают на красные щиты. О, русская земля! Ты уже за холмом! Долго ночь дли́лась; но вот показался свет зари́, тума́ны покрыли поля, уснул соловьи́ный щёкот[3], пробудился говор га́лок. Русские перегороди́ли великие поля своими красными щита́ми, ища́ себе че́сти, а князю — славы.

Рано утром в пя́тницу они́ смя́ли поганые половецкие полки́ и, рассыпавшись, как стре́лы, по полю, помчались, захва́тывая прекрасных полове́цких де́вушек, а с ними золото, шёлковые тка́ни, дорогую ба́рхатную парчу́. Покрыва́лами, наки́дками, шубами и всякими узо́рными половецкими тканями начали мосты мостить по болотам и грязным местам. Красное знамя, белая хору́гвь, красный султа́н и серебряное копьё достались храброму Игорю Святославичу!

Дре́млет в поле храброе Оле́гово гнездо́[4] далеко залете́ло! Не было оно рождено на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, чёрный во́рон, поганый половча́нин! Гзак бежит серым во́лком, Кончак[5] следом за ним к Дону великому.

На другой день очень рано кровавая заря возвещает рассвет, чёрные тучи идут с моря, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепе́щут синие мо́лнии. Быть гро́му великому! Итти дождю стре́лами с Дону великого! Тут излома́ться копьям, тут

---

[1] Помо́рье — черноморское побережье; Посулье — области, расположенные по бассейну реки Су́лы; Сурож (теперь Судак) — город на юговосто́чном берегу Крыма; Корсу́н (Херсонес) — город, находившийся на восточном берегу Крыма, недалеко от нынешнего Севастополя.

[2] Здесь имеется в виду, вероятно, какая-то ста́туя, которая украшала Тмутаракáнь. По крайней мере, известно, что на Тама́нском полуострове ещё в XVIII веке стояли две огромные статуи.

[3] Соловьи́ный щёкот — трель, пенье соловья.

[4] Оле́гово гнездо́ — здесь: род се́верского князя Олега Святославовича.

[5] Гзак и Кончáк — половецкие ха́ны.

притупи́ться саблям о шлёмы полове́цкие, на реке на Каяле [1], у великого Дона. О, русская земля! Ты уже за холмо́м!

Вот ве́тры, вну́ки Стрибо́га [2], веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля дрожит, реки мутно текут; пыль покрывает поля. Знамёна шумят; половцы идут от Дона и от моря, и от всех стран, обступи́ли русские полки.

Кри́ком перегороди́ли поля бе́совы дети (то-есть половцы), а храбрые русские перегороди́ли красными щита́ми.

Ярый тур Всеволод! Стоишь ты на поле бра́ни, осыпа́ешь вражеских воинов стрелами, гремишь о шлёмы була́тными меча́ми. Куда ты, тур, поска́чешь, посве́чивая своим золотым шлемом, там лежат пога́ные половецкие го́ловы; разбиваешь ты, я́рый тур Всеволод, шлемы ава́рские калёными саблями! Какая рана, бра́тия, дорога ему, когда он забыл и о по́честях, и о бога́тстве, и о городе Черни́гове, золотом отцовском столе и о приве́те и ласке своей милой жены, краса́вицы Гле́бовны!

С утра до вечера, с вечера до рассвета летят калёные стрелы, гремят сабли о шлёмы, трещат була́тные ко́пья в чужой степи среди половецкой земли. Чёрная земля под копы́тами была засе́яна костьми́, поли́та кровью, — печа́лью взошёл (этот посев) по русской земле.

Что это шумит, что звенит вдалеке́ рано пред зарёю? Игорь завора́чивает полки [3]; ведь жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой; на третий день к полу́дню пали знамёна Игоря. Тут разлучи́лись братья на берегу быстрой Каялы; тут нехватило крова́вого вина; тут пир доко́нчили храбрые русские: сва́тов напои́ли, а сами полегли за землю русскую. Ни́кнет трава от жа́лости, а дерево печально к земле приклони́лось.

Уже, братия, невесёлая годи́на настала, уже пустыня (степь) прикрыла силу (русскую); поднялась обида на силы Дажьбо́га

---

[1] Ка я́ л а (Калка) — река горя и слёз (название это происходит от слова *каяти* — считать несчастным).

[2] С т р и б о́ г — древнерусский язы́ческий бог ветра.

[3] Летописный рассказ о походе Игоря подробно описывает этот слу́чай. Кочево́е племя ковуев, ста́вшее мирным, приняло участие в походе Игоря. Во время боя с половцами они дрогнули и побежали. Игорь, издалека увидев их бегу́щими бро́сился вернуть их обратно. Часть воинов не побежала; среди них был брат Игоря Всеволод. Игорь видит бе́дственное положение брата, но помо́чь ему бесси́лен, так как наперере́з ему поска́кавшие половцы разъединили братьев. Он об одном просит судьбу: чтобы не быть ему очеви́дцем смерти своего брата.

внука (на русскую землю); вступила дéвою на землю Троя́на, заплеска́ла лебеди́ными кры́льями на синем море у Дона, пробуди́ла ско́рбные времена. У князей вместо борьбы с погаными междоусо́бия, брат стал брату говорить: «Это моё и то моё!» И начали князья про малое «это — великое» говорить, сами на себя ковать крамо́лу [1]; поганые же со всех сторон приходили с победой на русскую землю. О, далеко залетел сокол, избивая птиц, — к морю! А Игорева храброго войска уже не воскреси́ть.

Вслед ему завопи́ла Ка́рна, и скорбная Жля [2] поскака́ла по русской земле, раски́дывая огни в пла́менном ро́ге [3]. Запла́кали русские жёны, причитая: «Уж нам своих милых мужей ни мы́слию помы́слить, ни думою подумать, ни оча́ми поглядеть, а золота и серебра и пода́вно не держать в руках». И застона́л, бра́тия, Киев от печали, а Черни́гов от напасти; тоска разлилась по русской земле, печаль обильно потекла среди русской земли. А князья сами на себя кова́ли крамо́лу; поганые же победно налета́ли на русскую землю и брали дань по бе́лке со двора.

Эти два храбрые Святославича, Игорь и Всеволод, уже ра́спрю пробуди́ли враждою. Её было усыпи́л отец их Святослав, грозный, великий киевский князь; разбил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами и напал на половецкую землю, притоптал холмы и овраги, возмутил реки и озёра, иссуши́л пото́ки и болота, а поганого Кобяка ви́хрем вырвал из лукомо́рья от железных великих полков половецких. И пал Кобяк в городе Киеве, в гри́днице [4] Святославовой. Тут Немцы и Венециа́не, тут Греки и Морава́ поют славу Святославу, порица́ют князя Игоря, который погуби́л богатство на

---

[1] К о в а т ь к р а м о́ л у — создавать сму́ту, раздор, вражду.

[2] К а р н а и Ж л я — олицетворе́ние понятий пла́ча и ско́рби; К а р н а (от слова *кари́ти* — плакать) — во́пленница; Ж л я (от слов *жалити, жалеть*) — жальница, плакальщица по мёртвым. (Образы эти созданы под влиянием фольклора.)

[3] Р а с к и́ д ы в а я о г н и в п л а м е н н о м р о́ г е — художественное изображение пожаров, которые устраивали половцы при нападении на Русь после поражения Игоря.

[4] Слово *гри́дница* происходит от слова *гридь* — так назывались телохрани́тели князя. Следовательно, г р и д н и ц а — помещение для ближайшей охра́ны князя. В гри́днице, между прочим, держали арестованных, особенно знатных пле́нников. Здесь именно и умер Святославов пленник — Кобяк.

дне половецкой реки Каялы; насыпали русского золота. Тут пересел князь Игорь с золотого седла в седло раба. Приуныли городские стены, поникло весе́лье.

3. Ве́щий сон Святослава.

А Святослав видел трево́жный сон в Киеве на горах. «Этой ночью, — рассказывал он, — одевали меня с самого вечера чёрным покрыва́лом на тесо́вой кровати[1]; черпали мне синее вино, смешанное с печалью, сыпали мне на грудь крупный жемчуг из пустых колча́нов поганых инозе́мцев и не́жили меня; уже доски на моём златове́рхом те́реме без князька́[2]. Всю ночь с вечера ка́ркали серые воро́ны ... и неслись к синему мо́рю».

И сказали боя́ре князю: «Уже печаль запо́лнила твой ум, князь: вот два сокола слетели с отцовского золотого престо́ла поискать города Тмутаракáни или напиться шле́мом из Дона Уже со́колам кры́лья подре́зали саблями поганых, а самих их опутали железными силка́ми[3]. Было темно в третий день: два солнца поме́ркли, оба багря́ные[4] столпа́ погасли и с ними оба молодых ме́сяца. Олег[5] и Святослав[6] тьмою заволокли́сь и в море погрузи́лись и великую де́рзость придали пога́ным. На реке на Каяле тьма закрыла свет; по русской земле рассеялись половцы, словно барсово гнездо. Уже позор вознёсся над славою, уже могуче вышла Нужда на волю, уже бросился Див на землю. И вот го́тские[7] красавицы-де́вы запели на берегу синего моря, позва́нивая русским золотом: воспевают время

[1] Тесо́вая кровать — кровать из тёса; тёс — доски из сосны, кедра и других деревьев.

[2] Князёк (по-древнерусски — кнес) — перекла́дина, которая свя́зывает и поддерживает изо́гнутые до́ски на крыше. Так как лицом, объединя́ющим князей, является Святослав, то образ крыши без связующей перекла́дины предвеща́ет ги́бель — и ему лично, и всему княжескому роду. Вообще, весь сон предвещает (по народным приметам) недо́брое.

[3] Сило́к (силки́) — приспособле́ние для ловли птиц (птица запу́тывается в раскрытой петле).

[4] Багря́ный — красный, яркий, светлый.

[5] Олег — здесь, вероятно, второй сын Игоря.

[6] Святослав — здесь: племя́нник Игоря.

[7] Остатки го́тов, посели́вшихся на берегах Чёрного и Азо́вского морей, существовали в Крыму ещё в XVII веке. О готских поселе́ниях в Крыму писал, между прочим, Карл Маркс Фридриху Энгельсу в связи с изучением «Слова о полку Игореве» (во французском переводе): «Всякое поражение русских обогащало готских купцов раба́ми и добы́чей, потому и вызывало у них радость».

Бу́сово, ле́леют месть Шарука́нову[1]... А вы, дружи́на, уже лишены весе́лья».

4. «Золотое слово» Святослава.

Тогда великий Святослав изрони́л золотое слово, сме́шанное со слеза́ми, и сказал: «О, мои племя́нники, Игорь и Всеволод! Рано вы начали сокруша́ть мечами замлю половецкую, а себе славы искать, но бесславно вы одоле́ли, без славы пролили вы кровь поганых. Ваши храбрые сердца́ из твёрдого була́та выкованы и в мужестве закалены. Что вы сделали с моей серебряной сединой. Уже не вижу я мощи сильного, богатого, владеющего многочисленным войском брата моего Ярослава[2] с черни́говскими боя́рами, с могучими воево́дами, и с татра́нами, и с шельби́рами, и с топчака́ми, и с рево́гами, и с ольбе́рами[3]; это, бывало, без щитов с засапо́жными ножами, кликом побеждают полки, звеня сла́вою пра́дедов. Но вы сказали: «Будем одни мужественны, одни захва́тим будущую славу, да и прежнюю сами поделим». И разве ди́во, бра́тия, старому помолоде́ть? Когда со́кол линяет, он высоко избива́ет птиц, не даст своего гнезда в оби́ду. Но вот зло: от князей мне непомо́га».

(Да́лее князь Святослав обращается с призы́вом ко многим русским князьям «вступи́ться за землю русскую, за раны Игоря, храброго Святославича».

В этом обраще́нии он восхваля́ет тех князей, которые стояли за еди́нство Руси, и порица́ет тех, кто мешал этому единству.

В конце обращения он с гру́стью сра́внивает прошлое с настоящим, особо выделяя Владимира Мономаха, которого «нельзя было пригвозди́ть к Киевским (только) горам»: он был озабо́чен объедине́нием всех княжеств в одно целое.)

5. Плач Ярославны.

На Дуна́е[4] слышится голос Ярослáвны[5]; одинокой куку́шкой рано утром кукует: «Полечу́ я кукушкой по Дунаю: омочу́ бобро́вый рукав в реке Каяле, утру́ князю кровавые его раны

---

[1] Бус и Шарука́н — половецкие ханы; первый из них прославился победами, второй потерпел несколько поражений от русских.

[2] Ярослава Все́володовича, князя черниговского.

[3] Татра́ны, шельби́ры, топчаки́, рево́ги и ольбе́ры — названия мелких племён, служивших в войске черниговского князя.

[4] Дуна́й — в устно-народной поэзии это поэтический образ реки вообще.

[5] Ефроси́ния Ярославна — жена Игоря.

на могучем его теле». Ярославна рано утром плачет в Путивле на городской стене, причитая: «О ветер, ветрило! Зачем ты так сильно веешь? Зачем ты мечешь ханские стрелы на своих лёгких крыльях против воинов моего милого мужа? Разве мало тебе веять вверху под облаками, лелея корабли на синем море? Зачем же, господин, ты развеял по ковылю мою радость?» Ярославна плачет рано утром в Путивле на городской стене, причитая: «О Днепр Словутич[1]! ты пробил каменные горы сквозь половецкую землю; ты лелеял на себе Святославовы ладьи до войска Кобяка: взлелей же ко мне моего милого, чтобы я не посылала к нему на море слёз рано утром».

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене, причитая: «Светлое, пресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: зачем, владыка, ты простёр свои знойные лучи на воинов моего мужа? В безводной степи жаждой стянул им луки, печалью заткал им колчаны?»

6. Бегство Игоря из плена и возвращение на Русь.

Зашумело в полночь море; идут туманные смерчи; князю Игорю бог указывает путь из земли половецкой к отцову золотому престолу. Погасли вечерние зори. Игорь спит, Игорь бодрствует, Игорь в мыслях измеряет поля от великого Дона до малого Донца. Конь (готов) в полночь. Овлур[2] свистнул за рекой, давая этим знак князю. Стукнула земля, зашумела трава, задвигались половецкие шатры. А князь Игорь поскакал горностаем к камышу и белым гоголем[3] на воду; вскочил на борзого коня, потом соскочил с него босым волком[4], побежал к лугу Донца и полетел соколом под туманами, избивая гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину. Когда Игорь летел соколом, то Овлур бежал волком, стряхивая с себя студёную росу; надорвали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе славы, а Кончаку досады, а русской земле веселия!» Игорь ответил: «О До-

---

[1] Словутич — прославленный, славный, знаменитый.

[2] Половчанин Лавор, по летописи, содействовал побегу Игоря из плена; в «Слове» он назван Овлур.

[3] Гоголь — порода уток.

[4] Босым волком —поэтический образ, указывающий на лёгкость движений князя-беглеца.

нец! Не мало и тебе славы за то, что ты лелеял князя на волнах, стлал для него зелёную траву на своих серебряных берегáх, одевал его тёплыми тумáнами под сéнью зелёного дерева, стерёг его гóголем на воде, чайками на струях, ýтками на ветрах». Не такова́-то, говорят, река Стрýгна [1]: бýдучи маловóдной, но пожрáвши чужие ручьи́ и потóки, расши́ренная к устью, она ю́ноше князю Ростисла́ву [2] затвори́ла Днепр у тёмного берега. Плачется мать по юноше князе Ростиславе: «Приуны́ли цветы от жалости, и дерево с печали к земле приклони́лось».

То не сороки застрекота́ли: по слéду Игоря едет Гзак с Кончаком. Тогда вороны не ка́ркали, га́лки замóлкли, сороки не стрекота́ли, только ползали по ветвям; дя́тлы сту́ком путь к реке указывают, соловьи́ весёлыми пе́снями возвеща́ют рассвет. Говорит Гзак Кончаку: «Коли сокол к гнезду летит, расстреляем соколёнка своими золочёными стрелами». Ответил Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, опу́таем соколёнка красной деви́цей». Гзак сказал Кончаку: «Если мы опутаем его красной девицей, не будет у нас ни соколёнка, ни красной девицы, и почну́т нас птицы бить в поле половецком».

Говорил Боян о похóдах Святосла́вовых, песнотво́рец старого времени Ярослáвова, Олéгова, кня́жего: «Тя́жко тебе, голова, без плеч, ху́до тебе, тело, без головы». Так и русской земле без Игоря.

Солнце све́тит на небе, Игорь-князь на русской земле. Девицы поют на Дунае, вьются их голоса́ через море до Киева, — Игорь едет по Бори́чеву [3] — ко святой богоро́дице Пирогощей [4]. Страны ра́ды, города ве́селы.

Спев песню старым князьям, будем петь и молодым: «Слава Игорю Святославичу, буйному туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуют князья́ и дружи́на, бо́рющиеся за христиа́н с погаными полка́ми! Слава князьям и дружине!» Ами́нь [5].

---

[1] Стру́гна — мелково́дный приток Днепра́, оби́льный водой во время весеннего разли́ва.

[2] Ростисла́в — брат Владимира Мономаха; он утонул в 1093 году в реке Стругне, спасаясь от преследования половцев.

[3] «Бори́чев взвоз» — улица в Киеве.

[4] Здесь говорится о киевской церкви богородицы Пирогощей с образом (иконой) богоро́дицы, вы́везенным из Византи́и купцом Пирогощей.

[5] Ами́нь — устаре́вшее слово, означа́ющее: верно! и́стинно так! да будет! Аминь употребляется для заключения молитв, про́поведей, и поуче́ний.

Вопросы.

1. Какие исторические события положены в основу «Слова о полку Игореве»? В какой исторической последовательности развёртываются эти события? (Расскажите содержание «Слова о полку Игореве» по эпизодам — в том плане, как они здесь намечены.)

2. Каковы цели и задачи похода Игоря? В чём кроются причины поражения Игоря?

3. Какие последствия для русской земли имел неудачный поход Игоря? (Найдите места, где чувствуется патриотическая скорбь автора в связи с поражением Игоря.)

4. В чём заключается различие в описании одного и того же события у безвестного автора «Слова» и летописца?

5. Каково отношение автора к Игорю? За что осуждает он его и чем (какими его качествами) восторгается?

6. В чём смысл «золотого слова» Святослава?

7. Какова основная идея «Слова»? В чём историческая заслуга автора этого гениального творения?

Задания.

I. Установите художественные особенности «Слова» как героической поэмы. Какие художественные элементы «Слова» указывают на тесную связь этого произведения с устным народным героическим эпосом?

II. Проанализируйте произведение и скажите, какими средствами художественной изобразительности пользуется автор.

III. Определите словами отдельные части вооружения древнего русского воина:

шлем, кольчуга, щит, меч, копьё, лук и стрелы, колчан.

IV. От корня *-щит-* можно образовать следующие слова:

защита, защищать, беззащитный.

Объясните значение этих слов и придумайте предложения с ними.

V. От корня *-стрел-* можно образовать следующие слова:

стрелять, отстреливаться, застрелить, перестрелка.

Объясните значение этих слов.

VI. Объясните приведённые ниже антонимы (противоположные по смыслу слова). Придумайте предложения с этими словами.

Свет—тьма,	*свобода—неволя, плен,*
победа—поражение,	*слава—позор,*
друзья—враги,	*радость—печаль.*

VII. Автор «Слова» сравнивает своих героев с птицами и животными, используя укрепившиеся в народной поэзии образы. Например: «Когда Игорь летел соколом, то Овлур бежал волком».

Перечитайте отдельные места «Слова» и укажите, какими поэтическими образами обрисован Боян, его пение.

VIII. Расскажите о битве русских с половцами, используя эпитеты «Слова»: *великий Дон, красные щиты, чистое поле, чёрные тучи, кровавый рассвет, храбрые полки, храбрые русские, яр тур Всеволод, золотой шлем калёные стрелы.*

IX. Повторите всё пройдённое по героическому э́посу древней Руси и напишите сочинение на одну из следующих тем:

1. Богатырь Илья Му́ромец — народный герой.
2. «Слово о полку Игореве» как героическая во́инская поэ́ма.

ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН СОЧИНЕНИЯ НА ТЕМУ «БОГАТЫРЬ ИЛЬЯ МУРОМЕЦ — НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ».

1. Богаты́рский эпос, его происхожде́ние и формы распростране́ния.
2. Наро́дность были́н.
3. Илья Муромец — наиболее популярный богатырь героического эпоса.
4. Характе́рные черты Ильи Муромца — защи́тника русской земли, борца за народную правду.
5. Отображе́ние в образе Ильи Муромца по́длинно геро́ических черт русского народа, его верности заве́там родины, его до́блести, бескоры́стия и мужества, его безграничной тала́нтливости, его опыта и мудрости, нако́пленных веками трудовой жизни.
6. Выражение в образе Ильи Муромца священного гнева и не́нависти к врагам, угрожа́вшим существованию нашей родины и мирному труду народа.
7. Любовь народа к своему герою.

НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ НА РЯЗАНЬ[1].

(Историческая повесть.)

I.

Князь Юрий рязанский узнал о приближении Батыя к Рязани, и поднялся плач по всей Рязани.

Потом стали собирать во́йско. И сказал князь Юрий боярам и воево́дам: «Лучше нам сме́ртью добыть себе жизнь, нежели быть под властью татарского царя Батыя. Изопьём[2] чашу смертную за русскую землю».

Князь Юрий простился с княги́ней и вы́ступил со своим войском против царя Батыя. И встретил его у пределов Рязанской земли. И напал на него. И начал биться крепко и мужественно.

И была се́ча[3] — зла и ужасна.

Убит был брат рязанского князя Давид и множество других бояр и воинов. И князь Юрий вскричал тогда: «О, братья милые и друзи́на ла́сковая, украше́ние земли Рязанской, мужа́йтесь и крепи́тесь!»

---

[1] Повесть «Наше́ствие Батыя на Рязань» принадлежит к произведе́ниям древней русской литературы и относится, вероятно, к XIII веку.

[2] И з о п ь ё м — выпьем.

[3] С е́ ч а — битва.

И пересе́ли на свежих коней и снова начали биться. И би́лись так крепко, что земля стона́ла. И многие полки Батыя были разби́ты, и татары диви́лись кре́пости и мужеству рязанского во́йска.

Но па́дали русские воины один за другим, и ни один из них не вернулся с по́ля би́твы, все легли мёртвые.

Батый увидал, что множество татар легло на поле битвы: он разгне́вался и пошёл громить рязанские города. И всех люде́й бил без милости, и мужей, и жён, и детей. И кровь текла рекою.

Потом Батый подошёл к самой Рязани, обступил город и бился пять дней. Тата́ры меня́лись в строю, а ряза́нцы бились бессме́нно. На шестой день город был взят.

Татары ворвались в собо́р, где прятались женщины, и всех поби́ли и поре́зали. Баты́ево войско уничто́жило весь город, людей топи́ли и резали, дома́ все пожгли́. Все богатства забрали и многих людей увели в плен.

И не осталось в городе никого из живых, все испили сме́ртную ча́шу [1], некому было ни стонать, ни плакать: ни отцу, ни матери о детях, ни детям об отце с матерью, ни брату о брате. Все лежали вместе — мёртвые.

II.

Один из рязанцев Евпа́тий Коловра́т, был в то время в Черни́гове, собирал по́дать для ряза́нского князя. Он услышал про прихо́д царя Батыя и вышел из Чернигова с небольшим отрядом.

И вскоре Евпатий прибыл в Рязань и увидел её всю опустошённую и разорённую. Он собрал дружи́ну в тысяча семьсот человек из тех, кто успел спастись, кто не был в городе.

Отряд Евпатия Коловрата погнался за Батыем и нагнал его в земле Су́здальской. И русские внеза́пно напали на стан Батыя и начали сечь [2] без поща́ды. И смути́лись татарские полки. Нейстовый Евпатий бил их так неща́дно, что и мечи притупи́лись; русские хвата́ли татарские мечи и бились снова. А татары думали, не мёртвые ли встали?

---

[1] Испи́ли сме́ртную ча́шу (образное выражение) — здесь: умерли.

[2] Сечь — здесь: рубить, уничтожа́ть.

Наконец, схватили из полка Евпатия пять человек (они уже умирали от ран) и привели их к царю Батыю. И Батый стал спрашивать: «Кто вы такие, что мне столько зла твори́те?» Они отве́тили: «Мы люди князя Юрия рязанского, из полка Евпа́тия Коловра́та. Мы по́сланы от князя рязанского тебя, сильного царя, угости́ть и проводить с честью. Да налива́ть не успеваем — велика рать тата́рская!»

Царь подивился их мудрому ответу и послал новые полки на Евпатия. Татары хотели захватить Евпатия живым. Евпатий же наехал на их предводи́теля и рассе́к его пополам до седла. И начал Евпатий снова сечь татар и побил многих богатырей баты́евых: кого пополам рассека́л, кого рубил до самого седла́.

Татары испуга́лись, видя Евпатия-исполи́на, и навели на него стенобо́итные ору́дия [1]. Наконец, убили его и принесли тело его к Батыю.

Царь Батый собрал своих князей и дивился на храбрость и мужество рязанского войска. И татары сказали Батыю: «Мы во многих бранях и битвах бывали [2], но таких удальцо́в [3] не видели никогда и от отцов не слыха́ли. Эти крыла́тые люди, не зна́ющие смерти, бьются они — один с ты́сячью. Ни один из них не уходил живым с побо́ища».

Царь Батый, гляди́ на тело Евпа́тия, сказал: «О Коловра́т Евпатий! Ты побил моих богатырей, целые полки пали от тебя! Будь у меня такой служи́тель, держал бы его против своего се́рдца».

И Батый отдал тело Евпатия уцеле́вшим из его дружины и велел их отпустить, ничем не вредя им.

Вопросы.

1. Как изображены́ в повести русские воины?
2. Как отзывались о Евпатии Коловрате его враги?
3. Какова основная мысль, зало́женная в по́вести «Наше́ствие Баты́я на Ряза́нь»?

Задания.

I. Перескажите устно содержание повести; при пересказе испо́льзуйте данные ниже с и н о́ н и м ы, вводя их попереме́нно в разных сочета́ниях.

---

[1] С т е н о б и́ т н ы е о р у д и я — орудия, применя́вшиеся для разрушения стен кре́пости.

[2] В о м н о г и х б р а́ н я х б ы в а л и — во многих похо́дах, сраже́ниях, битвах бывали; много воевали.

[3] У д а л ь ц ы́ — смелые, отва́жные люди.

Битва, се́ча, сражение, побо́ище;
рать, войско, полки, отряд, дружина;
воины, ви́тязи, ра́тники;
биться, сражаться, рубиться;
без поща́ды, без милости, неща́дно. немилосе́рдно.

II. Напишите краткий пересказ повести, сохраня́я при этом следующие оборо́ты речи и выраже́ния:

смертью добыть себе жизнь;
испить сме́ртную чашу;
и была сеча зла и ужасна;
братья милые и дружина ла́сковая;
легли на поле битвы;
кровь текла рекою;
рассек пополам до седла;
никогда не видали и от отцов не слыхали;
ни один из них не уходил живым с побо́ища.

III. Укажите в данных ниже словах корень и приставку и объясните точно смысл каждого из этих слов.

Прихо́д, проход, поход.
Нагна́л, прогна́л, угна́л.
Смутились, помути́лись, замути́лись.
Тупой, притуплённый,
Гости́ть, угости́ть.
Мужа́ться, возмужа́ть, му́жество.

СКАЗКА О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ.

«Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» передаёт историю суда, который был у мелкой рыбёшки ерша с кру́пными знатными рыбами: лещо́м, щу́кой, сёмгой и другими.

Дело было так. Ёрш расплоди́лся (размножи́лся) в Ростовском озере, и лещи́ подали на него жа́лобу. Ерша повели на суд; он отвечал дерзко и смело, говорил небыли́цы о своих права́х и ускользну́л от суда.

Сказка отражает в сатирической форме древнерусское судопроизво́дство и становится на защиту мелкого человека—бедняка́, крестьянина, которого притесня́ли в судах, которому трудно было суди́ться с купцами и боя́рами.

Зародился ерши́шко-плути́шко,
Худа́я голови́шко...
Прижалось, прискуда́лось[1] ерши́шку-плути́шку
В своём славном Куби́нском озере.

Собрался на ве́тхих[2] дровнишках[3]
С женою и дети́шками,
Поехал в Белозёрское озеро,
С Белозёрского — в Корбозёрское.

---

[1] Прискуда́лось (прискудилось) — нечем жить стало (от слова *скудный* — бедный).

[2] Ве́тхие — очень старые.

[3] Дровни́шки — дровни; деревенские сани.

С Корбозёрского в
Ростовское:
«Здравствуйте, лещи́,
Ростовские жильцы!
Пустите ерша пообедать
И коня покормить».
Лещи распространи́лись [1],
Ерша к ночи пустили.
Ёрш, где ночь ночевал,
Тут и год годова́л;
Где две ночевал;
Тут два года годовал;
Сыновей пожени́л,
А дочерей замуж повы́дал,
Изогна́л лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
В про́пасти земные [2],
Три года лещи
Хлеба-со́ли не еда́ли;
Три года лещи
Хорошей воды не пива́ли,
Три года лещи
Хлеба-соли не еда́ли;
Три года лещи
Хорошей воды не пивали;
Три года лещи
Бе́лого света не ви́дали;
С того лещи
С голоду помира́ли.
Сбира́лися лещи
в зе́мскую избу,
И думали ду́му заеди́но [3]
И написали про́сьбу,
И подавали Белозер-
Па́лтос-рыбе!
«Матушка Белозер-
Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжи́лся, распосели́лся [4]
В нашем Росто́вском озере
И изогна́л нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота.
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, о́тписи и па́спорты [5]
какие?»
И думали думу заеди́но
Щука ярославска,
Другая пере(я)сла́вска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька [6] послать —
У него гу́бы толстые,
И зубы ре́дкие,
Речь не уми́льна(я), —
Говорить с ершом не сумеет,
Приду́мала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом
га́рьюса [7],
У гарьюса гу́бки то́неньки,
Пла́тьице бе́ленько,

---

[1] Распространи́лись — здесь: расступились, дали ершу место.
[2] В про́пасти земные — вниз, в низины, долой с лица земли.
[3] Думали думу заеди́но — думали, размышля́ли все вместе.
[4] Распосели́лся — расселился, размножился.
[5] Книги, о́тписи, па́спорты — докуме́нты, бумаги.
[6] Менёк (мень) — рыба нали́м.
[7] Га́рьюс — ха́риус, род лососей.

Речь моско́вска,
Похо́дка госпо́дска.
Дали ему о́куня рассыльным,
Карася́ пятисо́тским [1],
Семь молей [2], понятых
людей [3].
Взяли ерша,
Скова́ли, связали
И на суд предста́вили;
Ёрш пред судом стоит
И не упа́дкой [4] говорит:
«Матушка Белозер-
Палтос-рыба!
Почему меня на суд
повеща́л?» [5]
«Ах ты, ерши́шко-плути́шко,
Худая головишко!
Почему ты разжился
и расселя́лся
В зде́шнем Ростовском озере,
Изогна́л лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
И про́пасти земны́е?
Три года лещи
Хлеба-соли не е́дали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, о́тписи и па́спорты
какие?»
«Матушка Белозер-
Палтос-рыба!
В память или нет тебе
пришло:
Когда горело наше славное
Кубинское озеро,
Там и была у ерши́шка
изби́шка,
В избишке были сени́шки,
В сенишках клети́шко,
В клетишке ларчи́шко,
У ларчишка замчи́шко,
У замчишка ключи́шко:
Там-то были книги, о́тписи
И паспорты — и всё
пригорело!
Да не то́ одно пригорело!
Был у батюшки дворец
На семи верста́х,
На семи столба́х,
Под пола́тями бобры́,
На полатях ковры́ —
И то всё пригоре́ло!»
А рыба-сёмга позади стояла
И на ерша злым голосом
кричала:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая голови́шко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял
И сорок человек разбо́ю
держал,
И много голов погубил,

---

[1] Пятисо́тский — ни́зшая полицейская до́лжность (сотский).
[2] Моль — самая мелкая рыба, только что выведшаяся.
[3] Понятые́ лю́ди — свиде́тели при аре́сте.
[4] Не с упа́дкой — здесь: без страху, без боязни.
[5] Повеща́л — оповеща́л, звал.

И много животá[1] притопи́л!»
И ершу стало азáртно[2];
Как с рыбою-сёмгою
не отговориться?[3].
«Ах ты, рыба-сёмга, бока
твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока
твои кислы!
Вас едят господа да бояре!
Меня — мелкая чета,
крестьяне.
Бабы щей наварят
И блинов напекут,
Щи хлебают, похваливают.
Рыба костля́ва, да ухá
хороша!»
Тут ёрш с сёмгой отговори́лся.
Говорит Белозер-
Палтос-рыба:
«Карась пятисотский,
Окунь рассы́льный,
Семь молей, понятых людей!
Возьмите ерша».
А ёрш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боро́нится[4].
Собрался он, ершишко-
плутишко,
На свои на ветхие дровни́шки
С женою с детишками
И поезжает в своё славное
В Кубинское озеро.
Рыба-сёмга хоть на ерша злым
голосом крича́ла,
Только за ершом вслед
подава́лась:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Возьми ты меня в своё
славное
В Кубинское озеро —
Кубинское озеро поглядеть
И Кубанские ста́ны[5]
посмотреть».
Ёрш зла и лиха́ не помнит,
Рыбу-сёмгу за собой пово́дит.
Рыба-сёмга, иду́чи, устала,
В Кубинском устье вздрема́ла
И мужику в сети попала,
Ёрш сёмге поди́вовал,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе, го́споди!
Вчера рыба-сёмга
На ерша злым голосом
кричала,
А сегодня мужику в сеть
попала».
Ёрш сёмге поди́вовал,
А сам на утренней заре́
вздремну́л,
Мужику в морду[6] попал.

Вопросы.

1. Какой просту́пок совершил ёрш?
2. Какие крупные рыбы су́дятся с мелкой рыбёшкой — ершо́м? (Перечислите их.)

---

[1] Живот — здесь: богатство, имущество.
[2] Стало азáртно — разобрáл задóр, стал ёрш смелым.
[3] Как с рыбою-сёмгою не отговориться — здесь: как рыбе-сёмге не ответить, не возразить?
[4] Боро́нится — обороня́ется, защища́ется.
[5] Ста́ны — здесь: житьё, обычай.
[6] В мóрду попал — здесь: в расста́вленные рыболóвные снáсти.

3. Как изображается в этой сказке суд в Ростовском озере?

4. Что ответил ёрш на предъявленное ему обвине́ние? Как характеризует ерша́ этот ответ?

5. Чем конча́ется сказка о Ерше Ершовиче?

6. Из каких слов сказки видно, что рассказчик сочу́вствует маленькому человеку — ершишке-плутишке?

Задания.

I. Передайте содержание «Сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» своими словами.

II. Сказка эта рассказывает о маленьком человеке, его бедности, о том, что его таскают по судам, и т. д. В связи с этим, в тексте сказки употребляются такие слова: *ершишко, плутишко, головишко, дровнишки, детишки.* Скажите, почему в сказке употребляются слова с суффиксом *-ишк*? Какое значение они имеют? Перечитайте рассказ Ерша про пожар на Кубинском озере и вы́делите там обороты речи с такими же словами.

III. Обратите внимание на следующие (народные) обороты речи: *ду́му думали, ночь ночевать.* Объясни́те их. Найдите такие же обороты в сказке и объясните их смысл. Не замечали ли вы их в живой речи?

IV. Найдите в сказке повторя́ющиеся места́, прочтите их ещё раз и перескажи́те напа́мять.

Раздел третий

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Реформы Петра I и их историческая необходимость. Русский народ в течение ряда веков должен был в непрерывной борьбе с народами, обитавшими в Юго-восточной части русской равнины и в Средней Азии, отстаивать свою независимость. Защищённая с Востока русским государством Западная Европа могла спокойно развивать свое хозяйство, культуру и литературу. Русский же народ большую часть своих сил должен был направлять на борьбу с внешними врагами. Вследствие этого задерживался рост хозяйства, техники и культуры московского государства.

Передовые русские люди понимали необходимость преодоления хозяйственной и культурной отсталости своей родины. Особенно остро стала осознаваться эта отсталость в конце 17-го и 18-го веков, когда во главе Московского государства стал энергичный и талантливый царь Пётр Первый.

Перед Петром I-м и его современниками стояла задача укрепления военно-политического значения страны, продвижения границ страны к морю и преодоление экономической и культурной отсталости.

Преобразовательная деятельность Петра была направлена на решение этих исторических задач. Завоевание выхода к морю, создание новой армии и военного флота, развитие промышленности, распространение просвещения, основание гражданских школ и культурно-просветительных учреждений, за-

боты о распространении науки, издание книг и другие преобразова́ния подняли высоко международное значение России, превратили её в великую державу, создали условия для преодоления культурной отсталости.

Государство, укреплённое Петром, было национальным государством помещиков и купцов, осно́ванным на жестокой эксплоатации крепостного крестьянства. Однако всё же де́ятельность Петра была прогрессивной. Пётр мог считать себя «слугой отечества», так как много сделал для возвышения России.

К. Маркс, В. И. Ленин и И. В. Сталин о Петре I. К. Маркс, В. И. Ленин и И. В. Сталин отмечали прогрессивный характер деятельности Петра I, который сумел много сделать для укрепления военно-политической мо́щи и развития культуры России. Но гениальные вожди человечества раскрывали и классовое содержание преобразова́ний Петра и жестокость, которой сопровождались эти преобразования.

Больше всего выиграли от реформы Петра помещики и купцы. Главная же тя́жесть легла на крепостное крестьянство. «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарожда́ющегося купеческого класса, — говорит товарищ Сталин... — Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождающемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого дра́ли три шкуры»[1].

На жестокость средств борьбы, применявшихся Петром при проведении преобразований, указывали К. Маркс и В. И. Ленин.

К. Маркс писал: «Пётр Великий ва́рварством победил русское ва́рварство»[2].

В. И. Ленин отмечал: «Пётр ускоря́л перенима́ние западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими сре́дствами борьбы против варварства»[3].

Литература начала XVIII века. В петровское время не было создано выдающихся художественных произведений. Люди

[1] И. В. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом.
[2] Маркс и Энгельс. Сочинения т. XIII, ч. I, стр. 29.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXII, стр. 517.

этого времени были заняты преимущественно военной и хозяйственной работой.

В литературе преобладали публицистические виды сочинений: рассуждения, записки, путевые дневники. Основное содержание этих сочинений — разъяснение смысла и значения преобразований Петра.

Один из духовных писателей того времени Феофан Прокопович был горячим сторонником реформ Петра. В своих сочинениях он разъяснял всю важность для народа деятельности Петра.

Художественная литература получила широкое развитие после смерти Петра во второй трети XVIII века. К этому времени относится деятельность А. Д. Кантемира, К. В. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и гениального М. В. Ломоносова.

Трудами этих писателей были заложены основы русской литературы.

Классицизм как литературное направление эпохи «просвещённого абсолютизма». Эпохой просвещённого абсолютизма историки называют время возникновения и существования в Европе национальных государств с неограниченными монархами во главе. Эти национальные государства возникли путём объединения многочисленных мелких государств, управляемых отдельными феодалами (графами, герцогами, князьями и т. д.).

Литература этого времени (17-ого—18-ого веков) во всех странах, в том числе и в России развивалась на основе некоторых общих принципов и приобрела некоторые общие черты. Это дало право историкам литературы говорить о едином литературном направлении классицизма.

Общие черты классицизма. Подражание античным писателям. Писатели этого направления («классицисты») считали для себя обязательным подражать в своём творчестве древне-греческим и древне-римским («античным») писателям. Деятели литературы и искусства этой эпохи («просвещённого абсолютизма») полагали, что античное искусство является недосягаемым для них образцом. Нужно хорошо знать и следовать тем правилам и законам, на основе которых создавались античные произведения, чтобы приблизиться к этим совершенным образцам. Отсюда и сами термины — классицизм, классическое искусство, то-есть совершенно, образцовое искусство.

Догмати́зм и схемати́зм. Из признания античной литературы образцовой и достойной подражания вытекла и вторая особенность классицизма — его догматизм и схематизм. Литературное произведение должно было создаваться на основе каких-то общих для всех времён и народов законов. Оно отрывалось от жизни народа, в нём должны были раскрываться темы и идеи, общие всем временам и народам: идея до́лга идеальный прави́тель, идея правосу́дия и т. д.

Для каждого жа́нра литературы (оды, комедии, поэмы и т. д.) были определены́ особые правила построения. Писатель должен был строго следовать этим правилам. Смеше́ние жанров не допускалось.

Связь классицизма с интересами дворянства и буржуазии. Просвещённый абсолютизм опирался на дворянство и буржуазию. Писатели классицизма в своём творчестве отражали интересы этих двух классов «Изучайте двор и знако́мьтесь с городом», — у́чит писателей знаменитый теоретик классицизма француз Буало́. «Двор» — это придво́рные круги, аристократическое окружение монарха, дворянства. «Город» — городское население, преиму́щественно крупная буржуазия, торговая и промышленная.

Особенности русского классицизма. Русский классицизм имел некоторые общие черты с классицизмом других европейских стран, так как Россия подобно другим европейским странам критически усва́ивала великое наследие античной культуры. Однако, своеобразные исторические и социально-экономические условия развития России определили характер и пределы критического усвоения русскими писателями античного наследия. Русский классицизм имел свои особые национальные черты, определённые своеобразными условиями исторического развития России.

Тесная связь русского классицизма с родной историей и совреме́нностью. Русские писатели-классицисты в своих произведениях ставили и решали важные и нужные для своих современников вопросы: о защите родины, о воинском долге, о ве́рности кля́тве, о значении просвещения, о развитии наук и т. д. Причём освещали они эти вопросы на материале родной истории и современности (трагедии Сумарокова, оды Ломоносова и пр.).

Критическое отношение к действительности. Русские писатели-классицисты в своём творчестве уделяли большое внима-

ние сатире, борьбе с недостатками и поро́ками пра́вящих классов со слепым подража́нием иностранному: неве́жеством, пра́здностью, жестоким отношением к низшим классам, мракобе́сием, ха́нжеством и пр. Кантемир в своих сатирах осме́ивал мракобесов, ханжей и праздных людей. Сумароков в своих комедиях нападал на взя́точников, ростовщико́в, лицеме́ров и щёголей. Ломоносов писал сатиры и эпиграммы на неве́жд и гони́телей просвещения, преимущественно из среды служи́телей ку́льта («Гимн бороде», эпиграммы).

Тесная связь русского классицизма с устно-народным творчеством. Кантемир в своих сатирах пользуется словами и выражениями народного языка. Тредиаковский и Ломоносов в своей реформе русского литературного стиха опираются на народный стих. Сумароков в своих песнях, сатирах и баснях пользуется меткими выражениями и словами русского народного языка.

В русском классицизме имелось много самых разнообразных направлений и более быстрое сравнительно с западом развитие в нём элементов критического реализма. Каждый из русских писателей классицистов резко отличается от других и своей тематикой и своим стилем. Например, Ломоносов и Сумароков, наиболее яркие представители русского классицизма, живут и пишут приблизительно в одно время. Однако творчество каждого из них носит свои особые черты. Это осознают и сами писатели и их современники.

Элементы критического реализма обнару́живаются в той или иной мере у всех крупных писателей классици́стов (Кантемира, Ломоносова, Сумарокова и др.). Однако распа́д классицизма и быстрый рост реализма мы наблюдаем лишь в творчестве писателей последней трети XVIII века: Державина, Фонвизина и других. Деятельность писателей русского классицизма имела огромное культурное и историко-литературное значение.

Русская литература этого периода помогала русскому народу преодолевать свою культурную отсталость, возни́кшую в результате неблагопри́ятных исторических условий.

В художественной литературе выражались чувства и стремления передовых людей этого времени (любовь к родине, пропаганда науки и т. д.) и бичева́лись поро́ки и недостатки пра́вящих классов, низкопокло́нства перед западом, мракобе́сие, взя́точничество и пр.

Писатели русского классицизма создали новую русскую литературу. Они подготовили почву для расцве́та русской литературы критического реализма, заня́вшей в XIX веке первое место среди других литератур мира.

М. В. ЛОМОНОСОВ.

(1711—1765)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. В. ЛОМОНОСОВА.

Конец XVII и первая четверть XVIII века, как сказано выше, были для России временем огромных сдви́гов и потрясе́ний. Она укрепила своё военно-политическое, хозя́йственное и культурное значение, превратилась в одну из могу́щественных стран Европы. В этом возвыше́нии России очень большую роль сыграл Петр I.

То акаде́мик, то герой,
То мореплава́тель, то пло́тник,
Он всеобъе́млющей душой
На троне вечный был работник...

В таких стиха́х определил великий русский поэт Пушкин де́ятельную и кипучую нату́ру Петра.

Со смертью Петра наступила реакция. Безда́рные и некультурные прави́тели, занима́вшие царский прести́л после Петра, стреми́лись задержать развитие его дела. Однако остановить движение России к культуре, к просвеще́нию они были не в состоя́нии.

В середине XVIII века появился велича́йший де́ятель русской культуры того времени, один из гениа́льнейших русских людей — Михаил Васильевич Ломоносов.

Это был человек, наделённый большим умом, разносторо́нними дарова́ниями, несгиба́емой волей и глубокой любо́вью к своей родине. Сын крестьянина-рыбака, он стал культу́рнейшим человеком своего времени. Знамени́тый русский критик В. Г. Белинский писал о Ломоносове:

«На берегах Ледовитого океана, подóбно северному сиянию, сверкнýл Ломоносов. Ослепи́тельно и прекрасно было явление!.. Оно доказало собой, что... ге́ний умеет торжествова́ть над всеми препя́тствиями, какие ни противопоста́вит ему враждебная судьба́, что, наконец, русский способен ко всему великому и прекрасному... С Ломоносова начинается наша литература; он был её отцом и пестуно́м [1], он был её Петром Великим».

Родина поэта. Родился М. В. Ломоносов в 1711 году в селе Дени́совка (теперь Ломоно́совка), около города Холмогоры, Архангельской губернии. Нельзя считать случайностью, что именно отсюда, с севера России, вышел великий сын русского народа, гениальный учёный и поэт, пламенный патриот. Эти места в XVII веке были своеобра́зным центром народной культуры. Население их не знало монго́льского нашествия, крепостно́го права, самовла́стия московских царей. Сюда уходили наиболее предприи́мчивые и свободолюби́вые русские люди: крестьяне, восстава́вшие против помещиков; раско́льники, бунтова́вшие против государственной (правосла́вной) це́ркви; носи́тели и созда́тели народных поэтических произведений, изгоня́емые из центральных областей московскими царями.

Детство. Отец Ломоносова, государственный крестьянин Василий Дорофе́евич, занимался сельским хозя́йством и рыболо́вством. Это был очень энергичный и предприи́мчимый человек, хотя и неграмотный.

На своём небольшом рыболовном су́дне «Чайка» он ходил и в далёкие пла́вания, нередко доезжа́я до порто́в Норве́гии. Иногда он брал с собой в эти далёкие пла́вания своего еди́нственного сына Михаи́ла, будущего гениального учёного и поэта.

Постоя́нный труд, опасные пла́вания в бу́рном море, вели́чественная и суровая северная природа и более или менее свободные условия жизни помогли вы́работаться незави́симому и твёрдому характеру Ломоносова. Любовь к труду, чувство со́бственного досто́инства, железная сила воли и неутоми́мая работа на пользу родины — вот основные черты, характеризу́ющие весь жизненный путь Михаила Васильевича Ломоносова.

Уже в детстве Ломоносов научился грамоте у своего соседа

---

[1] Пестýн — здесь: воспитатель.

Шубного. Затем он достал две книжки: «Грамматику» Смотри́цкого и «Арифме́тику» Магни́цкого — и вско́ре изучи́л их.

«Арифметика» Магницкого, кроме све́дений по математике, давала также основны́е знания по физике, географии, астроно́мии и другим наукам.

Книги Смотрицкого и Магницкого пробуди́ли у юноши жажду знаний, стремле́ние всё узнать.

Уход в Москву. Между тем, в семье отца жить становилось всё труднее и труднее. Ма́чеха не взлюби́ла Ломоносова. Особенно она была недово́льна тем, что па́сынок читает книги. Она старалась возбудить в отце гнев, дока́зывая, что сын его по́пусту прово́дит время. Ломоносову приходилось читать теперь в уединённых местах; часто терпел он голод.

В 1730 году Ломоносов ушёл из дому в Москву учиться. В Холмого́рское училище его не приняли, так как де́тям крестьян в то время был закрыт до́ступ во все училища.

Годы учения. В Москве Ломоносов поступил учиться в славя́но-гре́ко-лати́нскую академию при одном из московских монастыре́й. Приняли его только потому, что он назва́лся сыном дворяни́на.

С жа́дностью набро́сился умный и пытли́вый юноша на учение. В течение года он прошёл программу первых трёх классов академии.

Ломоносов не ограни́чивался только тем, что давали учителя в классе. Он добился разреше́ния работать в московских библиотеках и усе́рдно изучал в них книги и ру́кописи по всем разделам знаний.

Условия жизни и учения в академии были очень тяжёлыми. Он получал «алты́н» (три копейки) в день и на это жил. Товарищи по школе (Ломоносов был гораздо старше их) дразни́ли его и говорили: «Какой болва́н в двадцать лет пришёл латы́ни учиться»...

Отец через земляко́в, приезжа́вших в Москву, звал сына на родину, соблазня́л жени́тьбой на богатой невесте и обещал передать ему всё своё имущество. Но насто́йчивый и упря́мый «архангельский мужик» (слова поэта Некрасова) всё преодоле́л и не бро́сил ученья.

В конце 1735 года, когда Ломоносов был в последнем классе, из Петербурга пришёл приказ отобра́ть лучших учеников и направить их в Академию наук для слу́шания лекций профессоров в университете. Среди лучших учеников, по́слан-

ных из славяно-греко-латинской академии, был и Ломоносов. Но ему не пришлось долго учиться в университете при Академии наук: в 1736 году он был отпра́влен вместе с двумя другими студентами в Германию для изучения горного дела и металлу́ргии.

Началась жизнь за границей, жизнь русского студента, полная трудов и лише́ний. За границей он пробыл пять лет. Изучал физику, химию, математику, горное дело, металлургию. Но одновре́менно изучал иностранные языки и художественную литературу.

В 1739 году он прислал в Академию наук «Письмо о правилах российского стихотво́рства» и о́ду «На взя́тие Хо́тина[1]. Этими трудами Ломоносов ввёл в русскую литературу новую систему стихосложе́ния, осно́ванную на правильном чередова́нии ударных и неуда́рных слогов. Система Ломоносова, обогащённая и усовершенствованная русскими поэтами, XVIII и XIX веков, просуществовала до настоящего времени, и большинство́ современных советских поэтов пишет свои стихи на основе этой системы.

Очень хорошо сказал Белинский: «Ломоносов — Пётр Великий русской литературы — прислал из немецкой земли свою знаменитую оду «На взятие Хотина», с которой, по всей справедли́вости, должно считать начало литературы».

Ломоносов как учёный. В 1741 году Ломоносов возврати́лся из-за границы и был назна́чен адъюнктом (помощником профессора) по физическим наукам. С этого времени и до самой смерти, то-есть в течение почти 24 лет, Ломоносов работал при Академии наук не покладая́ рук, не щадя́ своего здоро́вья. Через четыре года после возвраще́ния из-за границы он получил звание профессора. Труды Ломоносова как учёного огромны. Он сделал много научных открытий в области химии, фи́зики и других наук. Он опередил в этих открытиях своё время на целое столетие. Всю свою могу́чую силу, все свои гениальные способности он отдал науке и борьбе за распростране́ние культуры и просвещения среди русского народа. В своей де́ятельности и борьбе Ломоносов был почти одинок. Он не находил подде́ржки своим пла́нам и наме́рениям ни у тогдашнего правительства, ни у руководящих работников Академии.

---

[1] Хо́тин — турецкая кре́пость, взя́тая русскими войсками.

Борьба с врагами русской науки и русского просвещения. В Академии среди учёных оказалось очень много людей, меша́вших распростране́нию просвещения среди русского народа, ду́мавших только о своих интересах. Это были, главным образом, профессора́, вы́писанные русским правительством из Германии.

В их обя́занности входи́ла забота о подгото́вке учёных из русских людей. Но они́ больше всего боялись этого. Ломоносов вёл борьбу с этими немцами в Академии за выра́щивание «новых Ломоносовых», «со́бственных Плато́нов[1] и быстрых ра́зумом Невто́нов»[2].

Враги Ломоносова плати́ли ему не́навистью и клевето́й, всячески стремились помешать ему в работе. Один из них, правитель канцеля́рии Академии наук Шума́хер, говорил: «Я великую прошибку[3] в политике своей сделал, что допусти́л Ломоносова в профе́ссоры». Другой немец, зять Шумахера, Та́уберг, отка́зываясь допускать русских людей для научной работы в Академии, так говорил: «Разве нам десять Ломоносовых на́лобно? и один нам в тя́гость!»

И всё-таки Ломоносов не только сам сумел много сделать для науки, но добился того, что ему поручили заве́дывание гимна́зией и университетом при Академии, учрежде́ниями, которые должны были готовить «новых Ломоносовых».

Он же составил проект основания Московского Университета, и Университет был открыт в 1755 году.

Литературная деятельность. Основным делом своей жизни Ломоносов считал науку. Литературой он занимался меньше. Однако и в литературе труды Ломоносова не менее велики́, чем в науке. Он — основополо́жник новой русской литературы.

Писал Ломоносов в самых разнообра́зных жа́нрах: лири́ческие стихотворения, траге́дии, на́дписи, эпигра́ммы и т. д. Но больше всего им написано торже́ственных од (около 20).

Основные темы его од — воспева́ние сла́вы и вели́чия России, её военной мо́щи, её несме́тных богатств, воспева́ние науки, техники и просвещения. Большой интерес представляют

---

[1] Плато́н — греческий фило́соф, живший в IV веке до нашего летоисчисле́ния.

[2] Невто́нов — Ньютонов; Ньюто́н (1643—1727) — знаменитый английский учёный.

[3] Проши́бку — ошибку.

его военные о́ды, например, «На взя́тие Хотина», «На победы над прусским королём» и др. В оде «На победы над прусским королём» Ломоносов, наряду с воспеванием че́сти российского народа, нарисовал образ обращённых в бегство пру́ссов, которых «главы валятся, как листы́».

Теперь с готовыми трубáми
Перед Берлинскими вратáми
Побéды нашей дайте звук:
Что ваш король, полки, снаря́ды,
Не могут вам подáть отрады.
Рассы́паны от наших рук.

Поэзия Ломоносова оказывается тесно свя́занной с его научной де́ятельностью. Его стихи являются как бы продолже́нием его учёных статей и книг.

В «Оде на день восше́ствия на престо́л Елисаве́ты Петро́вны, 1747 г.» дан настоящий гимн в честь наук и просвещения.

Поэт касается в своих одах многих важне́йших вопросов своего времени: го́рного дела, кругосве́тных путеше́ствий и т. д.

В нескольких местах Ломоносов говорит о северном морском пути:

Колу́мбы[1] ро́сские, презре́в угрюмый рок,
Меж льдáми новый путь откроют на восток,
И наши досягнёт[2] в Америку держáва.

В другом месте о том же поэт говорит следующими словами:

...Напрасно стро́гая природа
От нас скрывает место вхо́да
С брего́в вечерних на восток.
Я вижу умными очáми:
Колумб Российский между льдáми
Спешит и презира́ет рок[3].

Как известно, мечта об испо́льзовании северного морского пути только в наши дни превратилась в действительность.

В оде 1750 года имеется взволно́ванное обращение к русским учёным, призы́в быть сме́лыми в своих иссле́дованиях:

---

[1] Колу́мбы — здесь: мореплáватели.

[2] Досягнёт — достигнет, найдёт путь.

[3] Рок — здесь: в значении судьбы. (Здесь такой смысл, что Колумб Российский презирает судьбу, которая, возможно, предопределила ему смерть во льдах Севера.)

Пройди́те землю и пучи́ну,
И степи, и глубо́кий лес,
И нутр[1] Рифе́йский[2], и вершину,
И са́му высоту небес.

Везде исследуйте всеча́сно,
Что есть вели́ко и прекрасно,
Чего еще не видел свет.

Этот призы́в к исследователям в поэтической форме выражал постоянную заботу Ломоносова о необходи́мости разрабо́тки есте́ственных богатств страны.

В докладе, по́данном Ломоносовым в Сенат, говорится, что даже «в северных земных не́драх просто́рно и бога́то царствует природа, а искать о́ных сокро́вищ некому. А металлы и минералы сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих по́исках».

Об этих словах великого учёного и поэта вспо́мнил в 1932 году С. М. Киров в своём докладе на партийной конференции, когда он призыва́л к иссле́дованию ископа́емых богатств севера. Он говорил: «Действительно, надо глазами и руками прощупать то, что имеется в этом богатом и обши́рном крае».

М. В. Ломоносов писал простым, почти разгово́рным языком небольшие стихотворе́ния на темы о ра́дости жизни, веселье, любви (анакреонти́ческие стихи). Однако эти стихи занимали в его творчестве очень незначи́тельное место. Поэт видел главное назначе́ние своего творчества в воспева́нии науки, техники, просвещения и людей, соверша́ющих героические дела. В стихотворении «Разговор с Анакре́оном» Ломоносов писал:

Хоть не́жности серде́чной
В любви я не лишён,
Героев славой ве́чной
Я больше восхищён.

Сын трудового народа. Вся жизнь Ломоносова была отдана на служе́ние науке, просвещению, родине и борьбе с их врагами. Он, этот гениальный крестьянин, учёный и поэт, сумел в тяжёлых условиях сохранить чувство собственного досто́инства. Своему другу И. И. Шува́лову Ломоносов писал: «Не то́кмо[3] у стола́ разных господ или у каких земных власти́телей дураком быть не хочу[4], но ни́же[5] у самого́ го́спода бога».

Умер Ломоносов в 1765 году, сло́мленный борьбой с врагами

[1] Нутр (устаревшее слово) — нутро, недра.
[2] Рифе́йский — уральский.
[3] Не то́кмо — не только.
[4] Дураком быть не хочу — здесь: шутом быть не хочу.
[5] Но ни́же — здесь: но даже.

русского просвещения и культуры. Он, сын трудового народа, воплотил в своей жизни и своих трудах лучшие черты характера русского народа: несгибаемую силу воли, любовь к родине, стремление к свободе, творческую одарённость.

В 1856 году, то-есть почти сто лет спустя, в эпоху крепостничества, народный поэт Некрасов, вспоминая Ломоносова, писал:

Не бездарна та природа,
Не погиб ещё тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай...

«Ода на день восшествия[1] на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.». Ода написана в год утверждения Елизаветой нового устава Академии наук и приурочена ко дню, в который Елизавета Петровна вступила на престол.

Академия стала получать за свои работы вдвое больше денег.

В том же году правительство хотело послать свои войска на помощь Англии, воевавшей в союзе с Австрией и Голландией против Франции и союза германских государств. Ломоносов, противник войны и страстный борец за просвещение и науку, пишет оду, в которой восхваляет мир («тишину») и тесно связанное с ним процветание наук.

Восхваление императрицы — лишь внешняя оболочка оды. Поэт, изображая императрицу, сторонницей мира и покровительницей наук (чего в действительности не было), стремится повлиять на неё и её правительство в желательном для народа духе. Ода для Ломоносова — орудие борьбы за интересы науки и распространение просвещения среди народа.

Краткое содержание оды. Поэт восхваляет мир («тишину»), который даёт блаженство селениям, защищает города. При нём развивается сельское хозяйство («колосья на полях желтеют»), морская торговля. Мир сыплет щедрою рукою богатство по земле. Елизавета достойна похвалы, так как, вступив на престол, она прекратила войну, установила мир. Вступление её на престол приветствовали все. Должны умолкнуть звуки войны: Елизавета распространяет науки и просвещение.

Россия достигла величия при Петре I. Это человек, каких не было ещё на земле. Он варварскую Россию возвысил до

---

[1] Восшествие (устаревшее слово) — вступление.

небес. Сам бог войны Марс страши́лся Петра, видя меч в его руках, а бог морей Нептун с испу́гом смотрел на российский флаг. Нева́, увидев себя окружённой зда́ниями и укреплённой стенами, произнесла: «Не сби́лась ли я с пре́жнего своего пути». Науки пришли в Россию и готовы были уже дать свои плоды́. Но внеза́пная смерть похища́ет Петра. Всеобщая печаль и плач. Екатерина, жена Петра, после его смерти стала продолжать дело своего мужа. Но скоро и она умерла́. На престо́л вступила дочь Петра — Елизаве́та. Слава ей за распространение наук и искусств! Осо́бенной же славы достойна она за установле́ние мира. Военная слава не может сравни́ться со славой, со́зданной заботой о науках и иску́сствах. Поэт восхищён обширными простра́нствами своей родины, разнообра́зием её природы, есте́ственными бога́тствами. Но для испо́льзования всех этих богатств нужны просвещённые люди. Россия требует «искусством утверждённых рук», необходимо «восстановле́ние наук». Как много ещё в России неизве́данных мест, нетро́нутых лесов, где крик охотников не устраша́л оленей, где земледелец своим сту́ком не разгонял птиц! Границы государства на Востоке доходят до Аму́ра.

Русский Колумб (поэт имеет в виду русского мореплавателя Беринга) открывает новые страны, чтобы рассказать другим наро́дам о том, как заботится императри́ца о просвещении.

Начинается уже добы́ча серебра́ и золота из земных недр. Подзе́мный бог Плуто́н мечется в расще́линах земли, оттого что дорогой его металл переходит в руки русских.

Поэт призывает молодых людей заняться науками и доказать, что «Российская земля может рождать со́бственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Поэт поёт гимн в честь наук (см. строфы 22 и 23). Заканчивается ода похва́льными стихами Елизавете.

От времени, когда творил гениальный русский учёный и поэт, нас отделяют два столе́тия. Но несмотря на это, Ломоносов реши́тельно принадлежит нашей эпохе.

Он близок нам своей беспредельной любовью к родине, глубоким чувством национальной гордости, пламенной верой в великое будущее своего народа.

Русский народ по праву гордится Ломоносовым как одним из гениальных своих сынов, много потрудившемся не только для своего народа, но и для всего человечества.

ОДА НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ПРЕСТОЛ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, 1747 Г.

(Отдельные стро́фы.)

1. Восхвале́ние мира [1].

(Строфа́ 1-я.)

Царей и царств земных отра́да [2],
Возлю́бленная тишина [3],
Блаженство сёл, градо́в [4] огра́да [5],
Коль ты поле́зна и красна [6].
Вокруг тебя цветы пестреют,
И класы́ [7] на полях желтеют;
Сокро́вищ по́лны корабли
Дерза́ют [8] в море за тобою [9];
Ты сы́плешь ще́дрою рукою
Твоё богатство по земли [10].

2. Дела Петра первого.

(Строфы 7—10.)

7.

Ужасный [11] чу́дными дела́ми,
Зижди́тель мира [12] и́скони [13]
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послав в Россию Человека [14],

[1] Мир — здесь: в значении тишины, согласия, спокойствия.
[2] Отра́да — радость, наслаждение.
[3] Тишина — здесь: мир.
[4] Градо́в (старое слово) — городов.
[5] Огра́да — здесь: защита.
[6] Красна́ (старое слово) — здесь: прекрасна, красива, хороша.
[7] Класы́ (старое слово) — колосья.
[8] Дерза́ют — здесь: осме́ливаются.
[9] За тобою — здесь: охраняемые тобою.
[10] Последние две строки нужно понимать в том смысле, что мир между народами несёт человечеству богатство и благополучие.
[11] Ужасный — здесь: вызыва́ющий одновре́менно и восторг, и ужас.
[12] Зижди́тель мира — создатель мира, бог.
[13] Искони (старое слово) — издавна.
[14] Послал в Россию Человека — поэт говорит здесь о Петре I.

Каков не слы́хан был от века.
Сквозь все препя́тства [1] он вознёс
Главу, победами венча́нну,
Россию, ва́рварством попра́нну [2],
С собой возвысил до небес.

8.

В полях кровавых Марс [3] страши́лся,
Свой меч в Петровых зря [4] руках,
И с тре́петом Непту́н [5] чуди́лся [6],
Взирая на Российский флаг.
В стенах внезапно укреплённа
И зданиями окруже́нна
Сомне́нная [7] Нева́ рекла́ [8].
«Или́ я ныне позабы́лась
И с о́ного [9] пути склони́лась,
Которым прежде я текла?»

9.

Тогда боже́ственны [10] науки,
Чрез горы, реки и моря,
В Россию простира́ли руки
К сему мона́рху, говоря:
«Мы с крайним тща́нием [11] готовы
Подать в Российском роде [12] но́вы

---

[1] Препя́тства (старая форма слова) — препятствия.
[2] Венча́нна, попра́нна и др. — старые краткие формы причастий страда́тельного залога; в совреме́нном литературном языке не употребляются.
[3] Марс — бог войны (в мифоло́гии древних римлян).
[4] Зря (старая форма слова) — видя (родственные слова: *зреть, зрение).*
[5] Непту́н — бог морей (в мифоло́гии древних римлян).
[6] Чуди́лся (устаревшее слово) — здесь: удивлялся.
[7] Сомне́нная (устаревшее слово) — смущённая.
[8] Рекла́ (устаревшее слово) — сказала.
[9] Оный (устаревшее слово) — тот.
[10] Боже́ственны, небе́сны и др. — устаревшие краткие формы прилагательных.
[11] Тща́ние (устаревшее слово) старание, усердие; современные родственные слова: *тща́тельно, тщательность, тщательный.*
[12] Российский род — здесь: российский народ.

Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает [1],
Уже Россия ожидает
Полéзны видеть их труды.

10.

Но, ах! жестокая судьби́на [2]!
Бессме́ртия достойный муж,
Блаже́нства нашего причина,
К несносной ско́рби наших душ,
Зави́стливым отто́ржен ро́ком [3],
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух [4],
Верхи́ Парна́сски восстена́ли,
И Му́зы [5] во́плем провождали [6]
В небе́сну дверь пресве́тлый дух.

3. Призы́в к русским людям заняться науками.

(Строфы 22—23.)

22.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр [7] своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовёт от стран чужих,
О наши дни благослове́нны!
Дерза́йте ныне ободре́нны [8]
Рачéньем [9] вашим показать,

---

[1] Монарх к себе их (науки) призыва́ет — намёк на указ Петра I об основа́нии Академии наук в 1724 году и открытии её в 1725 году.

[2] Судьби́на — судьба, рок.

[3] Зави́стливым отто́ржен ро́ком — унесён из жизни завистливой судьбой, то-есть умер.

[4] Внушив рыда́ний наших слух — услышав наши рыдания.

[5] Парна́с, Музы — в греческой мифологии гора Парнас считалась местом, где обитали Му́зы, то-есть богини, покрови́тельницы искусств и наук.

[6] Провожда́ли — провожали.

[7] От недр своих — здесь: из своих пределов, из своих областей.

[8] Дерзайте ныне ободре́нны (устаревшее выражение) — решайтесь, теперь нашедшие поддержку (ободрение).

[9] Рачéнье (старое слово) — старанье, забота.

Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

23.

Науки ю́ношей питают,
Отра́ду старым подают,
В счастливой жизни украша́ют,
В несча́стный слу́чай берегут;
В домашних трудностях уте́ха,
И в дальних стра́нствах[1] не поме́ха,
Науки по́льзуют[2] везде,
Среди народов и в пустыне,
В градско́м[3] шуму и наеди́не,
В покое сла́дки и в труде.

Вопросы.

1. В чём заключается основная тема оды «На день восше́ствия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.»?
2. Почему поэт припи́сывает Елизавете такие качества, каких в действительности у неё не было?
3. Как относится поэт к Петру I ?
4. Какие имена великих русских учёных (бы́стрых ра́зумом Невто́нов) известны вам?
5. Как относится к науке советский народ и советское правительство?

Задания.

I. Укажите в оде приёмы, характе́рные для сти́ля русской класси́ческой оды (хвале́бные песни); употребление о́бразов анти́чной мифоло́гии, употребление архаи́ческих (устарелых) слов и выраже́ний, олицетворе́ния и гипе́рболы, рито́рические вопросы и восклица́ния.

II. Вы́делите в оде художественные приёмы, относя́щиеся к образу Петра. Скажите, что дают они для раскры́тия образа Петра, для выявле́ния отношения к нему поэта?

III. Выучите наизусть строфу́, начина́ющуюся словами «Науки юношей питают . . .»

IV. Ломоносов употребляет много устаре́вших слов, которых уже нет в современном нам литературном языке. Однако в нашей речи живут слова, произво́дные от этих устаревших слов, и для понимания русского языка полезно установить связь современного языка со стари́нным.

Сей—этот (сейчас, сию минуту).
Еди́н—один (единственный, единообра́зие).
Очи—глаза (очки, очеви́дно).

---

[1] Стра́нства (устаревшая форма) — стра́нствования, путешествия.
[2] Пользуют (устаревшая форма) — приносят пользу.
[3] В градско́м (устаревшая форма) — в городском.

Зреть—смотреть (зрение, воззре́ние, мировоззре́ние).
Зрак—вид (при́зрак, невзра́чный, прозра́чный).
Рекла́—сказала (изрекла́, изрече́ние).

Найдите в современном русском языке слова, свя́занные со следующими старыми формами:
град (город), *глава* (голова), *тща́ние* (старание), *провожда́ли* (провожали), *красный* (красивый).

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ [1].

Анакреон.

Ода I.

Мне петь было́ о Тро́е [2],
О Ка́дме [3] мне бы петь,
Да гу́сли мне в покое
Любовь велят звенеть.

Я гусли со струна́ми
Вчера переменил,
И славными делами
Алки́да [4] возносил;

Да гусли понево́ле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов.

Ответ.

Мне петь было о нежной,
Анакреон! любви;
Я чувствовал жар прежний
В согре́вшейся крови́;
Я бегать стал перста́ми [5]
По тоненьким струна́м
И сладкими словами
Последовать стопа́м.
Мне стру́ны понево́ле
Звучат геройский шум,
Не возмуща́йте боле,
Любо́вны мысли, ум;
Хоть нежности серде́чной
В любви я не лишён;
Героев славой вечной
Я больше восхищён.

Примечание.

Произведение «Разговор с Анакреоном» состоит из четырёх од Анакреона, переведённых Ломоносовым, и четырёх оригина́льных стихотворений, явля́ющихся ответами Ломоносова на оды Анакреона.

---

[1] Анакре́он — древнегре́ческий поэт, воспева́вший любовь, вино, пиры.

[2] Петь о Тро́е — петь о героях, просла́вившихся во время Троя́нской войны; Тро́я — государство в Малой Азии, падение которого описано в древнегреческой поэме «Илиа́да» (VIII в. до н. э.).

[3] Кадм — легенда́рный герой у греков, основатель города Фив.

[4] Алки́д (Гера́кл, Геркуле́с) — герой греческих ми́фов, наделённый невероятной силой.

[5] Перст (старинное слово) — палец.

В произведении «Разговор с Анакреоном» поэт даёт сжа́тую, но выразительную характеристику своего творчества путём противопоставле́ния своих излю́бленных тем темам творчества Анакреона. Анакреон воспевает любовь, вино, веселье, рисует образ возлю́бленной; Ломоносов восхваляет героев и их по́двиги, родину и её образ.

Вопросы.

1. В каких стихах вы́ражена основная мысль оды Анакреона?
2. В каких стихах выражена основная мысль «Ответа» Ломоносова?

Задания.

Выучите наизусть последние четыре стиха из «Ответа» Ломоносова.

ЕВРОПА, НЫНЕ ВОСХИЩЕ́ННА.

(Из оды 1762 г.)

Европа, ныне восхище́нна,
Внима́я смотрит на Восток [1]
И ожидает, изумле́нна [2],
Какой определи́т ей рок... [3]
Германия, сему подобно,
По со́бственной крови плывёт,
Но время смутно, неспокойно,
Конца своих не видит бед...

ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА.

Обострение классовой борьбы в этот период. Рост военно-политического могу́щества, культуры и просвещения России не прекращался и при преемниках Петра I. Однако, Россия продолжала развиваться как государство помещиков и купцов. Власть в стране принадлежала дворянству, наделённому всеми правами. Культура и просвещение распространя́лись среди дворянства и незначи́тельной группы торгово-промышленного класса. Но основную массу населения составляло крепостное крестьянство, положение которого всё больше ухудшалось. При Екатерине II (1762—1796) огромное коли-

[1] Смотрит на Восток — здесь: смотрит на Россию (так как Россия расположена на востоке Европы).
[2] Изумле́нна — изумлённая, удивлённая.
[3] Рок — судьба, предназначе́ние.

чество свободного крестьянства, чи́слящегося за государством, было закрепощено́ за помещиками.

Власть последних над крестья́нами значительно возросла. Усиление эксплоатации крепостного крестьянства и близких к нему социальных групп, каза́чества, мелких народностей Повóлжья и Урала, рабочих на заводах и фабриках обострило классовую борьбу в государстве в последней трети XVIII века.

Крестьянская война под предводи́тельством Емельяна Пугачёва. Широкое недовольство закрепощенного крестьянства и близких к нему социальных групп своим положением вылилось в крестьянскую войну против дворянского государства под предводительством Емельяна Пугачёва (1773—1775). Хотя крестьянское восстание и было пода́влено, всё же оно сыгра́ло огромную прогрессивную роль в стране. Восстание показало широким народным массам и́стинный путь борьбы за лучшее будущее. Убедило их в том, что власть помещиков не безграни́чна и должна быть рано или поздно уничто́жена.

Восстание заставило задуматься передовых деятелей русской культуры, вы́ходцев из дворянского класса, над взаимоотношением правящего класса и народа.

Литература этого периода. В публицистике и художественной литературе последней трети XVIII века ставится вопрос о злоупотребле́ниях со стороны помещиков своим правом над крестьянами. Выдающиеся писатели этого времени (Н. Н. Новиков, Д. И. Фонвизин и др.) в своих литературных выступлениях бичуют «злонра́вных помещиков», требуют ограничения их права бесконтрольно распоряжаться своими работами.

Наиболее прогрессивный писатель последней трети XVIII века и первый русский революционер А. Н. Радищев отразил недовольство широких народных масс, порабощённых дворянским государством. В своем просла́вленном произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» он призывал народ к восстанию для уничтожения самодержавия и крепостничества.

Распад классицизма и рост реализма. Изменение в соотношении классовых сил в стране, широкое развитие просвещения, общий рост русской литературы приво́дит и к изменению литературных форм. Классицизм, как литературное направ-

ление, свя́занное по преиму́ществу с выражением и защитой интересов господствующих классов дворянства и крупной буржуазии, не может уже удовлетворить передовое русское общество.

Русские писатели ищут и находят уже новые литературные формы для выражения новых идей и настроений различных социальных групп.

В творчестве наиболее значительных писателей этого периода наблюдается отход от устано́вленных теоретиками классицизма литературных правил и норм. Это даёт возможность крупнейшим русским писателям (Фонвизину, Державину, Радищеву) ещё больше сбли́зить литературу с жизнью, отразить в ней идеи и настроения различных социально-классовых групп русского народа. В творчестве Фонвизина и Державина мы наблюдаем распад классицизма и рост реализма.

Однако наибольшее развитие реализм получает в творчестве революционного писателя А. Н. Радищева, отразившего идеи и настроения широких масс русского крепостного крестьянства.

Г. Р. ДЕРЖАВИН.

(1743—1816)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА.

Встреча двух поэтов. Гаврии́л Романович Державин — крупнейший русский поэт XVIII века. На его стихах учился поэтическому творчеству величайший русский поэт Пушкин.

В 1815 году, на экзамене в лице́е, произошла́ встреча двух великих поэтов: старика Державина и юноши Пушкина. Пушкин читал стихотворение, написанное в подража́ние Державину. Старый поэт по досто́инству оценил искусство начина́ющего поэта:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благослови́л, —

писал позднее Пушкин, вспомина́я эту встречу.

Детство и школьные годы Державина. Отец Державина был офицер из бедных дворян Каза́нской губернии; он умер,

когда мальчику испо́лнилось 11 лет. Смертью главы семьи́ воспользовался нече́стный сосед-помещик и отобрал у вдовы́, матери будущего поэта, небольшое имение. Семья оказалась без всяких средств к жизни.

Державин писал об этом времени в своих «Записках»: «Матери с малыми детьми пришлось ходить по судьям, стоять у них в передней по нескольку часов, дожида́ясь их вы́хода; но когда выходи́ли, никто не хотел её вы́слушать поря́дочно, но все с жестокосе́рдием проходили мимо». Вдове́ пришлось перенести́ много забот и трудов, чтобы прокормить детей и дать им хоть какое-нибудь образование. Учился Гавриил Романович у разных учителей, подча́с малогра́мотных и нече́стных. Сначала он обучался у дьячка́, затем в пансио́не (то есть в школе с общежи́тием) ссыльного немца Розе — неве́жественного и гру́бого человека. Славился этот воспитатель лишь тем, что умел придумывать муче́ительные наказания для своих учеников. Смени́в ещё несколько учителей, Гавриил Романович попадает, наконец, в 1759 году в казанскую гимназию, открытую в том же году. Пробыл он здесь три года.

Хотя учителя вновь открытой гимназии не отлича́лись большими знаниями, однако учение шло более систематично, чем прежде. Занимался Державин с большим стара́нием. Особенно хорошо давалось ему черче́ние пером рисунков и чертеже́й. Но гимназии он не закончил: в 1762 году его призвали на военную службу и отправили в Петербург.

Военная служба. В течение десяти лет служил Державин простым солдатом. Жил в каза́рмах, выполнял все тяжёлые работы солдата царской армии. Однако Державин продолжал заниматься литературой. Он доставал произведе́ния Ломоносова и Сумаро́кова (другого крупного поэта того времени) и занимался чтением и изучением их. В каза́рме же начал он писать свои первые стихи, подража́я в них Ломоносову и Сумарокову. Упорно работая над собой, не имея подде́ржки окружа́ющих, он всё-таки сумел сохранить и развить свой поэтический талант.

В 1772 году Державин получил первый офицерский чин. Положение его улучшилось. За участие в подавле́нии восстания Пугачёва Державин был награждён. Через несколько лет ему пришлось, однако, оставить военную службу и перейти на гражданскую. При этом перехо́де, за беспоро́чную военную службу, он получил в награду имение в Белоруссии.

Начало литературной деятельности и сближение со Львóвым. Вскоре Державин вы́ступил уже в печати со своими произведениями. Через некоторое время он сбли́зился с известным писателем Н. А. Львóвым. Новый друг поэта, культурный и образованный человек, ввёл его в круг других писателей. Это знакомство имело огромное значение для роста общей культуры и поэтического таланта Державина. Друзья поэта помогали ему своими советами и связями. Но широкую известность Гавриил Романович приобрёл лишь после созда́ния одного из крупнейших своих произведений «Ода к Фели́це» (1782).

«Ода к Фели́це». В этом произведении ярче всего прояви́лась самостоя́тельность Державина как поэта. В нём Державин отка́зывается от одного из важнейших правил госпóдствовавшего литературного направле́ния (к л а с с и ц и́ з м а) — строгого разграниче́ния ви́дов (ж а́ н р о в) литературных произведений. Он создаёт стихотворение, в котором гармони́чески слива́ются два жа́нра, ранее очень строго разграни́ченные, — о д а (хвалебная песня) и с а т и р а (обличи́тельное произведение).

Резко почувствовали совреме́нники Державина его нова́торство и в поэтическом языке. Живой язык, пересы́панный шу́тками и сатири́ческими вы́падами, говорящий о бы́те и нра́вах придворных вельмóж, приятно удиви́л читателей.

О Державине говорили и писали в журналах. О нём спорили в беседах. Его оду заучивали наизусть.

Одна понравилась Екатерине II. Ведь Державин изобразил императрицу в идеа́льных чертах. «В Фелице» она оказывалась мудрой прави́тельницей и простым человеком, чу́ждым ро́скоши, тщесла́вия и пра́здности. Разумеется, в действительности Екатерина была иным человеком. Но поэт находился под влиянием того официального восто́рга, который окружал имя императрицы. Позднée, в девяно́стых годах, когда Державин имел возможность ближе присмотре́ться к жизни царского двора и самой императри́цы, он уже не писал ей больше похва́льных од.

За «Оду к Фелице» поэт был приглашён во дворец и ще́дро награждён. Улучшилось его служебное положение. Он вско́ре получил место губерна́тора (начальника губернии).

Однако поэт был плохим чино́вником. Он не мог созда́ть себе более или менее прочное служе́бное положе́ние. Он не умел

ла́дить с начальством, стреми́лся быть незави́симым и сохранить личное досто́инство в любых усло́виях. При царе Павле Державин получил назначение на высокую до́лжность, но был уволен «за непристо́йный ответ», как зна́чилось в прика́зе царя.

Последние годы жизни (после ухода в отста́вку) Державин летнее время проводил в своём имении Зва́нка, на́ зиму же выезжа́л в Петербург. Теперь он уже всё своё время отдавал литературным трудам.

Умер Гавриил Романович в 1816 году.

Гражданские темы в лирике Державина. Литературные труды Державина имели огромное значение для русской культуры и литературы. По своим полити́ческим убежде́ниям он был уме́ренным человеком, признава́л самодержа́вие и крепостно́е право, но, тем не менее, по своим мы́слям и чу́вствам оставался близким народу. В своих произведениях Державин давал русскому обществу и его влады́кам (царям и вельмо́жам) смелые уроки. Поэт стра́стно бичева́л пра́здных, коры́стных и жестоких правителей, забы́вших о своём долге перед народом.

В оде «Вельмо́жа», обращаясь к недостойному правителю, он говорит:

А ты, второй Сарданапа́л [1]!
К чему стремишь всех мыслей бе́ги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и не́ги?
Чтоб пу́рпур, зла́то всюду взор
В твоих черто́гах восхища́ли,
Карти́ны в зе́ркалах дышали,
Муси́я [2], мрамор и фарфо́р?

В ярких красках поэт изображает ро́скошь, развра́т и пра́здность вельможи. В то время, когда вельможа предаётся ле́ни, бедные и несчастные люди ожидают его выхода:

А там — вдова стоит в сенях
И го́рьки слёзы проливает,

---

[1] Сарданапа́л — последний из персидских царей, трусли́вый и изне́женный деспо́т.

[2] Муси́я — мозаи́ка, мозаи́чные изде́лия, то-есть изделия из цветных кусочков стекла.

С грудным младе́нцем на руках,
Покро́ва [1] твоего желает.
За выгоды твои, за честь,
Она лиши́лася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.
А там — на ле́стничный восход [2]
Прибрёл на ко́стылях согбе́нный
Бесстра́шный старый воин тот,
Тремя меда́льми украше́нный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту просте́рти [3]
Для хлеба от тебя куска.

Никакие украшения не могут скрыть в вельможе глупость:

Осёл останется ослом,
Хоть и осы́пь его звезда́ми,
Где нужно действовать умо́м,
Он только хло́пает ушами...

Поэт бичует не только вельмож. Его обличе́ния напра́влены и против «земных богов», то-есть против царей. Цари, по мы́сли его, забывают о своих обяза́нностях перед народом. В стихотворении «Власти́телям и су́диям» он, переч и́слив преступле́ния земных царей, восклицает, обращаясь к богу:

... Приди, суди, карай лука́вых,
И будь един царём земли!

Державин создавал произведения, в которых прославля́лись герои родины — Суворов, Румя́нцев и другие.

В стихотворении «Снигирь», напи́санном на смерть Суворова, поэт говорит:

...Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Се́верны гро́мы в гро́бе лежат.
Кто перед ра́тью будет, пыла́я,
Ездить на кля́че, есть сухари́;
В сту́же и в зное меч закаля́я,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затво́ров
С горстью Россиян всё побеждать?

---

[1] Покро́в (устаревшее слово) — здесь: покрови́тельство, помощь.
[2] Восхо́д (устаревшее слово) — здесь: всход, ступеньки лестницы.
[3] Просте́рти (старинное слово) — протяну́ть.

Идея славы родины, идея беззаве́тного служения ей вдохновля́ла поэта. Благо России он ставит выше всего.

Важно отметить, например, что героем оды «На взятие Измаи́ла» Державин показал не полково́дца, а простого русского солдата, пре́данного своей родной земле до конца. Воспева́нию чести и славы России, изба́вившей народы Европы «от новых Тамерла́на[1] орд», посвящён его «Гимн лиро-эпи́ческий на прогнание французов из Отечества 1812 года». В этом «Ги́мне» Державин писал:

...О Росс! о до́блестный народ,
Единственный, великоду́шный,
Великий, сильный, славной звучный
Изя́щностью своих добро́т!
По мы́шцам ты — неутоми́мый,
По духу ты — непобедимый,
По сердцу — прост, по чувству — добр,
Ты в сча́стьи тих, в несча́стьи — бодр...

В этих стихах зало́жены основы глубоча́йшего патриотизма Державина, певца русской славы и вели́чия России.

Воспевание земных радостей и наслажде́ний. Гавриил Рома́нович немало писал на гражданские темы, но преобладáют в его творчестве другие темы. Он был человеком, люби́вшим жизнь с её земными ра́достями и наслажде́ниями; он воспева́л весёлые пи́ршества, природу, любовь и пра́зднества.

В стихотворении «Приглаше́ние к обеду» поэт, как художник, рисует всё, что стоит на пиршественном столе:

Шексни́нска сте́рлядь золотая,
Каймáк и борщ уже стоят,
В графи́нах ви́на, пунш, блиста́я
То льдом, то и́скрами, манят...

В «Осени во время оса́ды Оча́кова» ярко изображены́ картины осенней русской природы: ве́тры с седыми тума́нами, проливны́е дожди, снопы́ златые на гумне́, стаи птиц, улета́ющих на юг, красножёлтые шумя́щие листья и т. д.

В «Русских девушках» дано живое изображение народного танца.

Народность Державина. Язык Державина включает в большом числе элементы живой народной речи. Рядом со словами «высокими» стоят слова и выражения народной речи.

---

[1] Под Тамерла́ном здесь поэт подразумева́ет Наполеона.

В. Г. Белинский отмечал в поэзии Державина черты народности. Он писал: «В ней (то-есть в поэзии) уже слы́шатся и чу́ются звуки и картины русской природы, хотя и сме́шанные с греческой мифоло́гией, в ориги́нальном взгля́де на предме́ты, в мане́ре выража́ться... В оде «На счастье» виден русский ум, русский юмор, слышится русская речь».

Значение литературной деятельности Державина. Литературная деятельность Державина имела большое общественное и историко-литературное значение. Виднейший из поэтов-декабри́стов К. Ф. Рыле́ев особенно ценил в Державине его стремление к правде, к обще́ственному бла́гу и прославле́нию родины. Рылеев пишет стихотворение «Державин», в котором рисует образ поэта — борца за правду:

Он выше всех на свете благ
Обще́ственное бла́го ставил
И в огневы́х своих стихах
Святую добродетель сла́вил...

. . . . . .

К непра́вде он кипит враждо́й.
Ярмо гражда́н его трево́жит,
Как во́льный славяни́н душо́й,
Он раболе́пствовать не может.

Николай Алексеевич Некрасов в стихотворении «Размышле́ния у пара́дного подъе́зда» рисует картины и о́бразы, напомина́ющие картины и образы оды Державина «Вельмо́жа». Владелец роско́шных пала́т из «Размышле́ний у парадного подъезда» бли́зок ко второму Сарданапа́лу Державина (из оды «Вельможа»).

Державин давал широкое и живое изображение русских людей и русской природы; он обогаща́л русский язык введе́нием в литературу народных слов и выражений.

Всё это подгото́вило почву для творчества таких писателей, как Жуковский, Рыле́ев, Ба́тюшков. Но что особенно важно отметить — литературные труды Державина оказали влияние на «солнце русской поэзии» — А. С. Пушкина — и подгото́вили расцвет русской литературы.

ОДА К ФЕЛИЦЕ [1].
(1782)

1.

Богоподо́бная царе́вна
Киргиз-Кайса́цкия орды́! [2]
Которой мудрость
несравне́нна [3]
Открыла верные следы
Царевичу младо́му Хло́ру
Взойти на ту высо́ку го́ру,
Где роза без шипо́в растёт,
Где добродете́ль обита́ет:
Она мой дух и ум пленя́ет [4],
Подай, найти её, совет [5].

2.

Подай, Фелица,
наставле́нье:
Как пы́шно и правди́во жить,
Как укроща́ть страстей
волне́нье
И сча́стливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын
препровожда́ет, [6]
Но им после́довать я слаб,
Мятя́сь [7] житейской суето́ю,
Сегодня вла́ствую собою:
А завтра при́хотям я раб.

3.

Мурза́м [8] твоим не подража́я,
Поча́сту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа́ твоим поко́ем,
Читаешь, пишешь пред
нало́ем [9]
И всем из твоего пера [10]

---

[1] Фели́ца — Фелицей Державин называет в этой оде Екатерину II. Имя это поэт взял из «Сказки о царе́виче Хло́ре», напи́санной Екатериной для своего внука Александра. В сказке рассказывается о том, как сын Киевского царя Хлор был похищён ха́ном киргиз-кайса́цкой орды. Хан поручает Хлору найти розу без шипов, то-есть добродете́ль. Царевичу в его по́исках помогает дочь хана Фелица; она дала Хлору в спутники своего сына, по имени Рассу́док; *Фелица* — слово, заи́мствованное из латинского языка: *фелицитас* — счастье.

[2] Киргиз-кайсацкия орды́ — старое название Киргизии. (Окончание *-ия-* устаре́вшая форма, вместо современного *-ой*).

[3] Несравне́нна, высо́ку и прочие слова являются устаревшими краткими формами прилагательных.

[4] Пленя́ет — увлекает.

[5] Пода́й, найти её, совет — необычный порядок слов; обычный порядок таков: подай совет найти её (то-есть: дай совет, как мне найти её).

[6] Меня твой сын препровожда́ет... — имеется в виду сын Рассу́док, — намёк на «Сказку о царевиче Хло́ре».

[7] Мятя́сь (старинное слово) — трево́жась, беспоко́ясь. *(Мятясь* — деепричастие от устаревшего глагола *мятися* — смущаться, трево́житься.)

[8] Мурза́ (татарское слово) — князь; здесь: вельмо́жа.

[9] Нало́й (старинное слово) — столик с поло́гою крышкой; здесь стол.

[10] И всем из твоего пера... — намёк на то, что Екатерина занималась писательством.

Блаже́нство сме́ртным
проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не ходишь с трона на Восток;
Но кро́тости ходя стезёю [4],
Благотворя́щею [5] душою
Полезных дней прово́дишь
ток [6]

4.

Не слишком любишь
маскара́ды,
А в клуб не сту́пишь и ногой;
Храня́ обы́чаи, обряды,
Не донкишо́тствуешь [1] собой;
Коня Парна́сска, не
седла́ешь [2],
К духам в собранье не
въезжа́ешь [3],

5.

А я, проспавши до
полу́дни [7]
Курю табак и кофе пью;
Преобраща́я [8] в праздник
бу́дни,
Кружу́ в химе́рах мысль мою [9]:
То плен [10] от пе́рсов похища́ю;
То стре́лы к туркам обращаю;
То, возмечта́в, что я султан,

---

[1] Не донкишо́тствуешь собой... — Слово *донкишотствуешь* образовано из имени героя романа испанского писателя Сервантеса «Дон-Кихо́т» (в произноше́нии того времени: Дон Кишот). Дон-Кихот — человек, не понимающий окружа́ющей жизни, живущий в мире вы́мысла и фанта́зии.

[2] Коня Парна́сска не седла́ешь (о́бразное выражение) — здесь: не занима́ешься сочинением стихов.

В мифоло́гии (в сказках о богах и героях) древних греков гора Парнас считалась местом, где жили богини, покрови́тельницы наук и искусств (Му́зы). На той же горе находился сказочный крылатый конь Пегас, который мог подниматься на своих крыльях в беспреде́льную высь. Пегас считался конём муз и поэтов. Отсюда образ Пега́са превратился в знак (символ) поэтического творчества.

[3] К духа́м в собранье не въезжа́ешь — здесь: не ходишь на собранья в ло́жи масо́нов.

(Маcóнские ло́жи — полута́йные организации дворянства, ста́вившие перед собой религиозно-нравственные задачи, а иногда и политические. Некоторые из лож отрицательно относились к Екатерине и её правительству. Иногда эти ложи назывались Востоками.)

[4] Стезя́ (старинное слово) — дорога, путь.

[5] Благотворя́щая душа (старинное выражение) — душа, лю́бящая делать добро людям.

[6] Ток (старинное слово) — здесь: течение.

[7] А я, проспа́вши до полу́дни... — поэт пользуется здесь своеобразным художественным приёмом: относить к себе черты, характеризующие вельмож, приближённых Екатерины; этим он создаёт обобщающий образ «мурзы», через который и раскрываются нравы и привычки придворных Екатерины.

[8] Преобраща́я (старинное слово) — превращая.

[9] Кружу в химе́рах мысль мою (образное выражение) — занимаюсь пустыми, несбыточными мечтами.

[10] Плен — здесь: пленные.

Вселе́нну[1] устрашаю
взглядом;
То вдруг, прельща́ясь
нарядом,
Скачу к портному по кафтан[2].

8.

Или́ великолепным
цу́гом[3]
В карете Английской[4], златой,
С собакой, шу́том и́ли другом,
Или́ с красавицей какой
Я под каче́лями гуляю;
В шинки́[5] пить мёду заезжаю;
Или́, как то наску́чит мне,
По скло́нности моей
к преме́не[6],
Имея шапку на бекре́не[7],
Лечу на ре́звом бегуне́.

9.

Или музы́кой[8] и певцами
Орга́ном и волынкой[9] вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской весели́ мой дух;
Или́, о всех делах заботу
Оста́вя, езжу на охоту,
И забавляюсь лаем псов[10];
Или над Невскими брегами
Я те́шусь по ночам рога́ми[11]
И гре́блей удалы́х гребцов.

10.

Иль сидя дома я прока́жу
Играю в дураки́ с женой;
То с ней на голубя́тню ла́жу,
То в жму́рки резвимся порой;
То в сва́йку с нею весели́ся,
То ею в голове ищу́ся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полка́на и Бову[12] читаю;
Над библией[13] зевая сплю.

11.

Таков, Фелица,
я развра́тен!
Но на меня весь свет похож.

---

[1] Вселе́нна (старинная форма слова) — вселенная, то-есть, весь мир.

[2] Скачу к портному по кафтан... — в этой и в последующих трёх строфах (6, 7, 8) даются намёки на всесильного, близкого к Екатерине вельможу Потёмкина; в дальнейшем — намёки и на других вельмож (например на Орлова).

[3] Цуг — упря́жка из четырёх или шести лошадей попа́рно.

[4] В карете Английской (старинная форма выражения) — в карете англи́йской.

[5] Шино́к — место продажи опьяня́ющих напи́тков.

[6] Преме́на (старинная форма слова) — перемена.

[7] Имея шапку на бекре́не — надев шапку несколько набок; бекре́нь — бок, сторона.

[8] Музы́ка — старинное произношение, вместо современного му́зыка.

[9] Орга́н и волы́нка — музыкальные инструме́нты.

[10] Забавляюсь ла́ем псов — здесь: развлекаюсь псовой охотой.

[11] Те́шусь по ночам рога́ми — здесь: слушаю роговую музыку, то-есть звуки, извлека́емые из особым образом выде́ланных рогов.

[12] Полка́н и Бова́ — герои ска́зочного романа, переведённого в XVIII веке на русский язык с итальянского.

[13] Би́блия — священная книга ве́рующих евреев и христиа́н, содержа́щая в себе ми́фы (сказки) о богах и героях.

Кто только му́дростью ни
знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями [1],
Бежим развра́та за мечта́ми [2].
Между́ Лентяем и Брюзго́й [3],
Между тщесла́вья [4] и пороком,
Нашёл кто разве ненаро́ком [5]
Путь доброде́тели прямой.

13.

Тебе единой лишь
присто́йно,
Царе́вна! свет из тьмы
творить:
Деля хаос [6] на сфе́ры [7]
стройно,
Союзом це́лость их крепить;
Из разногла́сия согла́сье
И из страстей свире́пых
счастье
Ты можешь только созида́ть.
Так ко́рмщик [8], через понт [9]
плывущий,
Ловя́ под парус ветр ревущий,
Умеет су́дном управлять.

14.

Еди́на ты лишь не
обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дура́чествы [10] сквозь пальцы
видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожде́ньем
испра́вишь [11]
Как волк овец, людей
не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвла́стны воле:
Но богу правосу́дну боле,
Живущему в законах их.

15.

Ты здра́во [12] о заслугах
мы́слишь,
Достойным воздаёшь ты честь,
Проро́ком ты того не чи́слишь,
Кто только ри́фмы может
плесть;
А что сия́ ума заба́ва
Кали́фов [13] добрых честь и
слава.

[1] Не ходим света мы путя́ми — необычный порядок слов, вместо: не ходим мы путями света.

[2] Бежим развра́та за мечтами — необычный порядок слов, вместо: бежим за мечтами разврата.

[3] Лентяй и Брюзга́ — отрицательные герои «Сказки о царевиче Хлоре». Современники утверждали, что Екатерина в Лентяе и Брюзге изобрази́ла своих приближённых — Потёмкина и князя Ви́земского.

[4] Между тщесла́вья (старинная форма выражения) — между тщеславием.

[5] Ненаро́ком — случайно.

[6] Ха́ос — беспорядок, неустро́енность.

[7] Сфе́ра — здесь: область.

[8] Ко́рмщик — управляющий судном.

[9] Понт — море.

[10] Дура́чествы (старинная форма слова) — дурачества.

[11] Проступки снисхожде́ньем пра́вишь — исправляешь людей, прощая им их проступки.

[12] Здра́во — правильно, верно.

[13] Кали́ф — здесь: правитель, государь.

Снисхо́дишь ты на ли́рный лад [1];
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сла́достна, поле́зна,
Как летом вкусный лимона́д.

16.

Слух и́дет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда:
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напа́стях равноду́шна:
А в славе так великодушна,
Что отрекла́сь и мудрой слыть [2].
Ещё же говорят не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

26.

Прошу великого проро́ка [3]
Да пра́ха [4] ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладча́йша то́ка
И лицезре́нья наслаждусь! [5]
Небесные прошу я силы,
Да их простря́ сафи́рны кры́лы [6],
Неви́димо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звёзды, возблестят! [7]

---

[1] Снисхо́дишь ты на ли́рный лад (образное выражение) — покрови́тельствуешь ты развитию искусства.

[2] Отрекла́сь и мудрой слыть. — Льсти́вые вельможи два раза предлагали Екатерине звание «великой премудрой матери», и оба раза из лицемерия и показно́й скро́мности Екатерина отказывалась от этого звания (от этого титула).

[3] Великий пророк — Магоме́т, основатель мусульма́нской религии (VII век нашей эры).

[4] Прах (старинное слово) — здесь: пыль.

[5] Слов твоих сладча́йша то́ка и лицезре́нья наслаждусь (образное выражение) — наслажусь звуками твоей речи и созерцанием (видом) твоего лица.

[6] Сафи́рны кры́лы (старинное выражение) — сапфирные крылья.

[7] Ода «Фелица» очень понра́вилась Екатерине; поэт был приглашён ко двору и получил за неё подарок — золотую табаке́рку и 500 черво́нцев. Однако позднее (после 1791 года), когда Державин был приглашён в качестве секретаря к Екатерине, он уже не мог писать больше похва́льных од императрице, потому что, по его собственным словам, не видел, за что хвалить: «не будучи возбуждён каким-либо патриотическим славным по́двигом, не мог он (поэт пишет здесь о себе в третьем лице) воспламенить своего духа, чтобы поддерживать свой высокий идеал, когда вблизи увидел по́длинник человеческий с великими сла́бостями».

Вопросы.

1. Каким рисует Державин образ императрицы Екатерины?

(Для ответа на этот вопрос вспо́мните те моменты из биографии поэта, в которых говорится о нём, как о человеке незави́симом, смелом и сво-

бодолюби́вом; примите во внимание и ответ Державина на вопрос о том, почему он, после того как побывал при дворе, перестал писать похва́льные стихи Екатерине.)

а) Какие черты частной жизни императрицы показаны в «Оде к Фелице»?

б) Что говорится об Екатерине как о правительнице?

в) Какой была Екатерина в действительности?

г) Чем можно объяснить приукра́шенное изображе́ние Екатерины в оде?

2. В каких чертах изображаются в оде придво́рные вельмо́жи?

а) Почему поэт называет придворных мурзами?

б) В чём сказывается праздность, ро́скошь, пустая мечта́тельность и некультурность екатерининских вельмож?

(Найдите слова, которыми поэт подчёркивает типичность образа мурзы.)

3. Чем близка «Ода к Фелице» Державина к «Оде на день восше́ствия...» Ломоносова и в чём между ними различие?

4. Что нового внёс Державин в русскую литературу созданием «Оды к Фелице»? (Для ответа используйте материал предыду́щего вопроса и све́дения о творчестве Державина.)

Задания.

I. Придумайте заглавия к пяти частям «Оды к Фелице»:

1 часть — строфы 1—2;
2 часть — строфы 3—4;
3 часть — строфы 5—12;
4 часть — строфы 13—16;
5 часть — строфа 26.

II. Проследите в третьей части оды оби́лие сказуемых к подлежащему *я* (*«А я, проспавши до полудни...»*). В следующей части оды проследите сказуемые к подлежащему *ты*. Обратите внимание на ряд предложений, начина́ющихся с местоимения *который*, и укажите, к какому главному предложению относятся все эти придаточные с *который* и сколько этих придаточных предложений.

Сделав все эти наблюдения, скажите, каков синтаксис оды Державина. Прост он или сложен?

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ[1].

(1787)

Восстал всевы́шний бог, да судит
Земных богов[2] во сонме их[3];

---

[1] Стихотворение это является вольной переработкой одного из пса́лмов (псалом — религиозная песнь).

[2] Земные боги (образное выражение) — земные властители, то-есть цари и их помощники.

[3] Сонм (старинное слово) — собрание, сбо́рище.

Доколе[1], рек[2], доколь вам будет
Щадить непра́ведных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На ли́ца сильных не взира́ть[3],
Без помощи без оборо́ны
Сиро́т и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед неви́нных,
Несча́стливым подать покров;
От сильных защищать бесси́льных,
Исто́ргнуть бедных из оков[4].

Не вне́млют![5] — видят и не знают!
Покрыты мздо́ю[6] очеса́[7]:
Злоде́йствы[8] землю потрясают,
Неправда зы́блет[9] небеса́.

Цари! — Я мнил[10], вы боги вла́стны,
Никто над вами не судья:
Но вы, как я, подо́бно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падёте,
Как с древ[11] увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!

Воскресни, боже! боже правых!
И их моле́нию внемли́:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царём земли.

---

[1] Докóле, докóль (старинное слово) — до каких пор.
[2] Рек (старинное слово) — сказал.
[3] На ли́ца сильных не взира́ть (образное выражение) — не считаться с сильными (знатными и чиновными) людьми.
[4] Исто́ргнуть бедных из оков — освободить бедных от нищеты и бесправия.
[5] Не вне́млют (старинное слово) — не слушают, не обращают внимания.
[6] Мзда (старинное слово) — награда; здесь: богатство, ро́скошь.
[7] Очеса́ (старинное слово) — глаза.
[8] Злоде́йствы (старинная форма) — злодейства.
[9] Зы́блет — коле́блет, сотряса́ет.
[10] Я мнил (мнил — старинное слово) — я думал.
[11] С древ (старинная форма слова) — с деревьев.

Примечание.

Стихотворение «Властителям и судиям» несколько раз перераба́тывалось автором. При жизни Екатерины цензура два раза запрещала печатать это стихотворение, и автора пытались даже обвинить в якоби́нстве (в революционности). Державин, разуме́ется, был далёк от революционности.

Вопрос.

Почему Державина обвиняли в якоби́нстве за стихотворение «Властителям и судиям»?

НА МИР.

...О ру́сска грудь неколеби́ма!
Твердейшая горы́ стена,
Скорей ты ляжешь трупом зри́ма,
Чем будешь кем побеждена [1].
Не раз в огнях, в грома́х, средь бою
В крови тонувши ты своей,
Примеры подала собою,
Что Ро́ссов в свете нет храбрей...

ПАМЯТНИК [2].

Я памятник себе воздвиг чуде́сный, ве́чный,
Металлов твёрже он и выше пирами́д [3];
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстроте́чный,
И времени полёт его не сокруши́т.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тле́на [4] убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увяда́я,
Доколь Славянов род вселе́нна будет чтить.

---

[1] Смысл этой строки таков: «Скорее предпочтёшь смерть, чем будешь кем-либо побеждена».

[2] В стихотворении «Памятник» поэт определяет важнейшие черты своего творчества, дающие ему право на бессмертие.

[3] Пирами́ды — гробни́цы древнейших еги́петских фарао́нов, воздви́гнутые около 2000 лет до нашей эры.

[4] Тлен (старинное слово) — тле́ние, разруше́ние.

Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Чёрных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифе́я[1] льёт Урал,
Всяк будет помнить то в народах неисчётных,
Как из безве́стности я тем известен стал,

Что первый я дерзну́л в забавном русском слоге
О добродете́лях Фелицы возгласи́ть,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгорди́сь заслугой справедливой,
И пре́зрит кто тебя, сама тех презира́й;
Непринуждённою рукой, неторопли́вой,
Чело́ твоё зарёй бессме́ртия венча́й.

Вопросы.

1. О каком памятнике говорит поэт?
2. В чём видит поэт свои заслуги?
3. В чём схо́дство и различие между «Памятником» Державина и «Памятником» Пушкина?

Задание.

Укажите в стихотворении «Памятник» осо́бенности языка: сложные и слитные предложения, книжные оборо́ты речи. Подходит ли к теме стихотворения этот строй речи и этот словарь?

Д. И. ФОНВИЗИН.
(1745—1792)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Д. И. ФОНВИЗИНА.

Фонвизин и Державин. Дени́с Иванович Фонвизин жил и создава́л свои произведения в одну эпо́ху с Г. Р. Державиным. Оба они изображали русскую жизнь, но изображали её по-ра́зному.

Державин воспева́л, главным образом, славу русского ору́жия, по́двиги героев, радости спокойной и тихой жизни, наслажде́ние дру́жбой и любовью.

Фонвизин обращает всё своё внимание на иные сто́роны

[1] Р и ф е́ й — древнее название Уральских гор.

русской жизни. Он показывает самоду́рство, неве́жество и жадность помещиков, забитость и уни́женность крепостного крестья́нина. Он обличает праздность, лицеме́рие и подхали́мство придво́рных Екатерины II, пытается бороться с самовла́стием самой царицы.

Державин — поэт, воспевающий в стихах светлые сто́роны жизни. Лишь времена́ми касается он отрица́тельных сторон её. Фонвизин — сати́рик, бичу́ющий в своих коме́диях и статьях поро́ки и недостатки русского общества.

Пушкин о Фонвизине. Гениальный поэт Пушкин называет Фонвизина «властели́ном сатиры» и «другом свободы». Сатирик был близок Пушкину не только своей борьбой за свободу, но и своим художественным творчеством. Фонвизин был предше́ственником Пушкина как созда́теля нового направления в русской литературе — реали́зма.

Семейное воспитание будущего сатирика. Денис Иванович Фонвизин родился в 1745 году в Москве, в семье помещика сре́днего доста́тка. Отец его служил чиновником. Он был честным и неподку́пным человеком. Вспоминая своего отца, Денис Иванович писал: «Ненавидел лихои́мство[1] и, быв в таких местах, где люди нажива́ются, никаких никогда подарков не принимал. «Государь мой! — гова́ривал он приноси́телю[2], — сахарная голова не есть резо́н[3] для обвине́ния вашего сопе́рника: изво́льте её отнести́ назад, а принесите законное доказа́тельство пра́ва». После сего более уже не гова́ривал с проси́телем».

В семье Фонвизиных было восемь человек детей. Отец очень много внимания и заботы уделял их воспита́нию. Денис уже в четырёхлетнем возрасте стал обучаться чтению. Отец часто рассказывал детям интересные и занима́тельные истории, вычитанные из книг. Вспомина́л впосле́дствии Денис Иванович крепостного крестьянина Фёдора Сура́това, рассказывавшего ему народные сказки.

Годы учения в гимназии. В 1755 году будущий писатель и его брат были о́тданы учиться в гимна́зию при открытом в том же году Московском университете, а потом перешли учиться и в самый университет.

---

[1] Лихои́мство — получение взя́ток.
[2] Приноси́тель (устаревшее слово) — принёсший взятку.
[3] Не есть резо́н — не является доказа́тельством.

Писатель с большой благода́рностью вспомина́л позднее́ университет: «В нём, обуча́ясь по-латы́ни, положил основа́ние некоторым моим знаниям. В нём научился я довольно[1] немецкому языку, а па́че всего[2] получил я вкус к слове́сным наукам[3]».

Были, однако, в университетской гимназии и довольно неве́жественные учителя. Писатель с тонким юмором рассказывает об одном немце, который был принят по знако́мству в учителя географии. Как же проходил экзамен по географии? «Товарищ мой, — вспоминает Денис Иванович, — спро́шен был: «Куда течёт Волга?» — «В Чёрное море», — отвечал он. Спросили о том же другого моего товарища. — «В Белое», — отвечал тот. Сей же самый вопрос сде́лан был мне. «Не знаю», — сказал я с таким видом простоду́шия, что экзамина́торы единогласно мне медаль присуди́ли. Я, конечно, сказать правду, заслужил бы её из класса практи́ческого нравоуче́ния[4], но отнюдь не из географи́ческого».

Встреча с Ломоносовым. В 1758 году Фонвизин с группой лучших учеников гимназии посетил Петербург. Во время пребыва́ния в этом городе он прису́тствовал на спекта́кле в придво́рном театре. «Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно», — замечает Фонвизин. В Петербурге же произошла в доме Ивана Ивановича Шува́лова встреча его со знаменитым учёным и поэтом, старшим совреме́нником — М. В. Ломоносовым. Денис Иванович в таких словах описывает свою встречу: «Сей добродетельный муж[5], которого заслуг Россия позабыть не должна́, принял нас весьма ми́лостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, которого вид обратил на себя моё почти́тельное внимание. То был бессме́ртный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? «По-латыни», — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноре́чием».

---

[1] Дово́льно — здесь: хорошо.

[2] Па́че всего́ — (устаревшее выражение) — больше всего.

[3] Слове́сные нау́ки — науки о языке и литературе.

[4] Писатель здесь ирони́чески говорит о том, что в данном случае он заслужи́л медаль за свою и́скренность и правди́вость, а не за знания по географии.

[5] Доброде́тельным му́жем он называет И. И. Шува́лова, друга Ломоносова.

Сближе́ние с Н. Па́ниным. Московский университет дал Фонвизину систематические знания, помог ему овладеть иностранными языками. С 1762 года начинается слу́жба Дениса Ивановича в Колле́гии иностранных дел [1] и одновре́менно — литературная деятельность.

Писатель сбли́зился с одним из виднёйших политических де́ятелей того времени Н. И. Па́ниным. Панин, воспитатель сына Екатерины — Павла, объединя́л передову́ю группу русского дворянства. Эта группа ставила перед собой следующие политические задачи: ограниче́ние самодержа́вия про́чными законами; уничтожение власти и самоду́рства царских любимцев (фавори́тов); ограничение власти помещиков над крепостны́ми крестьянами.

Произведения сатирика. Фонвизин разделя́л эти взгляды Панина и его группы. Литературная де́ятельность Дениса Ивановича Фонвизина была многообра́зна. Он писал сатири́ческие стихи («Лисица-Кознодей», «Послание к слугам моим»), комедии («Бригадир», «Недоросль»), сатирические статьи («Придво́рная грамматика», «Вопросы» и другие).

Коме́дия «Бригади́р». В комедии «Бригадир» (1766 г.) автор осме́ивает неве́жество и грубость старого дворянства, стремле́ние молодого дворянства подража́ть иностра́нным мо́дам и вне́шней культуре Запада. Фонвизин бо́рется здесь за развитие национальной русской культуры, за по́длинное просвещение, за политическую созна́тельность.

Комедия «Не́доросль» и её идейное содержание. Комедия «Недоросль» (1782 г.) — вершина творчества Фонвизина. В ней он даёт острую сатиру на русских помещиков. Он бичу́ет их неве́жество, жа́дность, произво́л. Писатель пока́зывает нам стремление помещиков уклони́ться от всяких обя́занностей перед родиной, по́льзуясь в то же время бесконтро́льным правом эксплоата́ции крестьянина.

В ответ на слова Пра́вдина «тира́нствовать никто не во́лен» Простако́ва восклица́ет: «Не во́лен! Дворянин, когда захочет, и слуги вы́сечь не волен? Да на что же дан нам указ-то о вольности дворяни́на?»

Один из критиков замечает по по́воду этих слов: «Да,

---

[1] Колле́гия иностранных дел — прави́тельственное учреждение, ве́давшее иностра́нными делами госуда́рства.

госпожа́ Простакова — мастери́ца толковать ука́зы. Она хотела сказать, что закон опра́вдывает её беззако́ние».

Комедия ставит вопрос о необходи́мости ограниче́ния крепостного права. Развязка «Недоросля» — взятие в опе́ку имения Простаковой — изображает не то, что было в жизни, а то, что, по мнению автора, должно быть. Ведь правительство Екатерины отверга́ло все предложения ввести закон об опе́ке.

В «Недоросле» дана и критика самодержавия. Стародум обру́шивается на распу́щенность, ро́скошь и лицеме́рие двора, то-есть правительства Екатерины. По мнению Стародума (а он высказывает здесь мысли автора), двор исправить нельзя. Честные дворяне ничем уже помочь не могут двору: «Тщетно [1] звать врача к больным неисце́льно [2]. Тут врач не пособит [3], разве сам зарази́тся».

Наряду с идеями ограниче́ния крепостного права и самодержавия Фонвизин ставит вопрос о необходимости просвеще́ния и воспитания для дворянства.

Только правильное воспитание и образова́ние, по мысли автора, делает человека дворяни́ном. Через всю пьесу проходят сцены, показывающие презре́ние дворян к просвеще́нию, их неве́жество, непонимание ими значения науки.

Реализм комедии. Комедия «Недоросль» является глубоко правди́вым, реалистическим произведе́нием. Некоторые действующие лица (Простакова, Митрофа́н и другие) пока́заны многосторо́нне. Это не схе́мы, а живые люди. Язык героев строго индивидуализи́рован, то-есть каждый герой говорит своим языком. Наряду с отрица́тельными о́бразами, в комедии даны и положи́тельные образы. В речах Стародума, Пра́вдина и других героев автор даёт прямое решение многих вопросов, вы́двинутых его временем.

Наряду с коми́ческими в «Недоросле» есть и почти драмати́ческие сцены, например, похище́ние Со́фьи. Таким образом «Недоросль» оказывается полукоме́дией, полудра́мой.

Фонвизин и Екатерина II. В 1783 году Фонвизин напечатал несколько сатирических статей в журнале «Собесе́дник Любителей Российского сло́ва». Одна из них под названием

---

[1] Тще́тно — напрасно, бесполезно.
[2] Неисце́льно — неизлечимо, безнадёжно.
[3] Не пособит (народное выражение) — не поможет.

«Вопросы» была обращена́ к автору «Былей и небыли́ц», то-есть к самой Екатерине II, печа́тавшей свои статьи в том же журнале под названием «Бы́ли и небыли́цы».

Сатирические статьи Фонвизина напра́влены против тех же зол русской жизни, которые облича́лись и в комедиях.

«Отчего в век законода́тельный никто в сей ча́сти не помышля́ет отличи́ться?» — спрашивал Фонвизин.

Вопрос этот был направлен против лицеме́рной и двули́чной политики Екатерины. На словах она осуждала рабство, говорила о права́х человека, а на деле раздава́ла своим люби́мцам сотни тысяч крестьян, пресле́довала за всякую попытку критиковать прави́тельство.

«Отчего в прежние времена шуты, шпы́ни[1] и балагу́ры чино́в не имели, а ныне имеют, и весьма большие?»

Вопрос этот был направлен против Екатерины, которая раздава́ла чины и награ́ды своим друзьям и любимцам за то, что они хорошо умели развлекать её. Один из друзей императри́цы имел даже про́звище шпыня.

Разуме́ется, подо́бная статья не могла понравиться Екатерине. Она ответила на вопросы. Но к ответам присоедини́ла ряд угроз. В частности, по по́воду последнего вопроса (о шутах) Екатерина заметила: «Сей вопрос родился от свободоязы́чия[2], которого предки наши не имели».

Попытка Фонвизина напечатать свою новую сатирическую статью не удалась: Екатерина решила совсем не допускать к печати его произведений. Сатирик был лишён возмо́жности печа́таться.

Позднее, несколько лет спустя́, Фонвизин задумал издава́ть журнал «Друг честных людей, или Стародум» (1788 г.). Он написал ряд интересных статей и очерков, но императрица не могла забыть «Вопросов» сатирика. Журнал был запрещён. Так зако́нчилась литературная деятельность Фонвизина.

Умер он в 1792 году после тяжёлой и продолжи́тельной болезни.

---

[1] Шпынь — весельча́к, шутни́к.

[2] Свободоязы́чие — здесь: слове́сная невоздержанность, дерзость.

НЕДОРОСЛЬ.

(Комедия в пяти действиях.)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Простако́в.
Госпожа Простако́ва — жена его.
Митрофа́н — сын их, недоросль[1].
Еремéевна — мама[2] Митрофанова.
Пра́вдин.
Стародýм.
Со́фья — племянница Стародума.
Мило́н.
Господин Скоти́нин — брат госпожи Простаковой.
Кутéйкин — семинарист.
Цыфи́ркин — отставной сержант.
Вра́льман — учитель.
Три́шка — портной.
Слуга Простакова.
Камерди́нер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Явление I.

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(осматривая кафта́н на Митрофане)*. Кафтан весь испóрчен. Еремéевна, введи сюда мошéнника Тришку. *(Еремеевна отходит.)* Он, вор, везде его обýзил. Митрофа́нушка, друг мой! Я ча́ю тебя жмёт до смерти. Позови сюда отца. *(Митрофан отходит.)*

Явление II.

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Тришке)*. А ты, скот, подойди́ поближе. Не говорила ль я тебе, воровская ха́ря, чтобы ты кафта́н пустил шире[3]. Дитя́, пéрвое, растёт; другое, дитя и без узкого кафтана деликáтного сложéния[4]. Скажи, болва́н, чем ты оправдáешься?

ТРИШКА. Да ведь я, судáрыня, учился самоýчкой. Я тогда же вам докладывал: ну да извóльте отдавать портному.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Так разве необходимо нáдобно быть

---

[1] Недоросль — так в XVIII веке называли молодого дворянина, ещё не поступившего на военную службу и не имеющего свидéтельства об образовании.

[2] Мама — здесь: няня, кормúлица.

[3] Пустил шире — вы́кроил и сшил более широким.

[4] Деликáтного сложéния — нежного, слабого сложения.

портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошéнько. Экое скóтское рассуждéние!

ТРИШКА. Да ведь портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ещё он же и спорит! Портной учился у другого, другой у третьего; да пéрвоет[1] портной у кого же учился? говори, скот.

ТРИШКА. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего

МИТРОФАН *(вбегáет)*. Звал бáтюшку. Извóлил сказать[2]: тотчáс.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Так поди́ же вы́тащи его, коли́[3] добром не дозовёшься.

МИТРОФАН. Да вот и батюшка.

Явление III.

Те же и Простаков.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Что, что ты от меня прятаться извóлишь? Вот, сýдарь, до чего я дожила с твоим потворством[4]. Какова́ сыну обнóвка[5] к дя́диному говóру[6]? Каков кафта́нец Тришка сшить изволил?

ПРОСТАКОВ *(от рóбости запинáясь)*. Ме... мешкова́т[7] немного.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Сам ты мешковат, умная голова.

ПРОСТАКОВ. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа ПРОСТАКОВА. А ты сам разве ослéп?

ПРОСТАКОВ. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Вот каким муженькóм награди́л меня господь: не смы́слит сам разобра́ть, что широко, что узко.

ПРОСТАКОВ. В этом я тебе, ма́тушка, и верил, и верю.

---

[1] Пéрвоет (нелитературное произношение) — первый-то.

[2] Извóлил сказать — сказал.

[3] Колú — если.

[4] Потвóрство — снисходи́тельное, недостаточно строгое отношение к чему-либо недозво́ленному, запрещённому.

[5] Обнóвка — новая, недавно сделанная или приобретённая вещь, впервы́е употребля́емая.

[6] Сговóр — здесь: сва́дебный обычай — пра́зднество после получения согласия на брак со стороны родителей или опеку́нов молодых людей, вступающих в брак.

[7] Мешковáт — похож на мешок, сшит шире, чем нужно.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Так верь же и тому, что я холо́пям[1] потака́ть не наме́рена. Поди́, су́дарь, и теперь же накажи́...

Явление IV.

Те же и Скоти́нин.

СКОТИНИН. Кого? за что? в день моего сгово́ра! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложи́ть наказа́ние до за́втрева[3], а завтра, коль изво́лишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина винова́та[4]. У меня в этом, сестрица, один обычай[5] с тобою. Да за что ж ты так прогне́валась?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Да вот, братец, на твои глаза пошлю́сь[6]. Митрофанушка, подойди сюда. Мешкова́т ли этот кафтан?

СКОТИНИН. Нет.

ПРОСТАКОВ. Да я и сам уже вижу, матушка, что он у́зок.

СКОТИНИН. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднёхонько[7].

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Тришке)*. Выйди вон, скот. *(Еремеевне.)* Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребёнку, Ведь, чаю, скоро и учи́тели придут.

ЕРЕМЕЕВНА. Он уже и так, ма́тушка, пять бу́лочек ску́шать изволил.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Так тебе жаль шестой, бе́стия[8]? Вот какое усердие! изво́ль смотреть.

ЕРЕМЕЕВНА. Да во здра́вие[9], матушка. Я ведь сказала

---

[1] Холо́пи (старинная форма слова) — холопы, крепостные слуги.

[2] Потака́ть — не обращать внимания на что-либо плохое, оставлять без наказа́ния.

[3] До за́втрева (нелитературная форма слова) — до следующего (завтрашнего) дня; за́втре (нелитературная форма) — завтра, на следующий день.

[4] Всякая вина винова́та (образное выражение) — всегда виноватый будет найден.

[5] Обычай — привычка, правило, которого всегда приде́рживаются.

[6] На твои глаза пошлюсь (образное выражение) — сошлюсь на твои глаза, поверю твоим глазам.

[7] Изряднёхонько (народное слово) — как следует, хорошо.

[8] Бе́стия (бра́нное слово) — животное, скотина.

[9] Во здра́вие — на здоровье, чтобы приба́вилось здоровья, чтобы было полезно для здоровья.

это для Митрофана же Терéнтьевича. Протоскова́л до самого утра.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

МИТРОФАН. Так, матушка. Вчера после ужина схвати́ло [1].

СКОТИНИН. Да видно, брат, пу́жинал ты пло́тно.

МИТРОФАН. А я, дядюшка, почти и во́все не ужинал.

ПРОСТАКОВ. По́мнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

МИТРОФАН. Да что! солони́ны ло́мтика три, да подо́вых [2], не помню, пять, не помню, шесть.

ЕРЕМЕЕВНА. Ночью то и дело испи́ть просил. Квасу целый кувши́нец выкушать изволил.

МИТРОФАН. И теперь как шально́й хожу. Ночь всю така́ [3] дрянь в глаза лезла.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

МИТРОФАН. Да то ты, ма́тушка, то ба́тюшка.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Как же это?

МИТРОФАН. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

ПРОСТАКОВ *(в сторону)*. Ну! беда моя! сон в руку! [4]

МИТРОФАН *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(с доса́дою)*. Кого, Митрофанушка?

МИТРОФАН. Тебя, матушка: ты так устала, колотя́ батюшку.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Обойми́ меня, друг мой серде́чный! Вот сынок, одно моё утеше́ние.

СКОТИНИН. Ну, Митрофанушка! ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин.

ПРОСТАКОВ. По крайней мере я люблю его, как надлежи́т роди́телю; то-то умное дитя, то-то разумное, заба́вник, зате́йник [5], иногда я от него вне себя [6], и от радости сам и́стинно не верю, что он мой сын.

---

[1] Схвати́ло — здесь: сильно заболело сразу, внезапно.

[2] Подо́вые — пироги, испечённые на поду; под — дно печи.

[3] Така́ (нелитературное произношение) — такая.

[4] Сон в ру́ку (образное выражение) — сон осуществи́тся, сбу́дется.

[5] Зате́йник — выдумщик затей, интересных развлече́ний.

[6] Вне себя — образное выражение, употребляемое для обозначе́ния высшей степени какого-либо чувства, охвати́вшего человека.

СКОТИНИН. Только теперь забáвник наш стоит что-то нахмýрясь.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Уж не послать ли за доктором в город?

МИТРОФАН. Нет, нет, матушка. Я уже лучше сам выздоровлю. Побегу-тка [1] теперь на голубя́тню, так авóсь либо...

Г-жа ПРОСТАКОВА. Так авось либо господь мúлостив. Поди́, порезви́сь, Митрофанушка. *(Митрофан с Еремеевною отходят.)*

Явление V.

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин.

СКОТИНИН. Что ж я не вижу моей невéсты? где она? Ввечеру́ быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают её замуж?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может ещё подумать, что мы ей докла́дываемся. Хотя по мýже, однако, я ей свóйственница [2], а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

ПРОСТАКОВ *(Скотинину)*. Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сýщею сирóткой [3]. После отца осталась. она младéнцем. Тому с полгóда, как её матушке, а моей сва́тьюшке [4], сделался удар...

Г-жа ПРОСТАКОВА *(показывая, будто крестит сердце)*. С нами сила крéстная! [5]

ПРОСТАКОВ. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка её, господин Стародýм, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нём ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли её в нашу деревéньку и надзира́ем [6] над её имением, как над своим.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Что, что ты сегодня так разовра́лся,

---

[1] Побегу-тка (народная форма слова) — побегу-ка.

[2] Свóйственница — дальняя родственница со стороны мужа или жены.

[3] Как с сýщею сирóткой — как с настоящей, действительной сироткой.

[4] Сватьюшка — здесь: дальняя родственница жены.

[5] С нами сила крéстная (старинное выражение) — обращение христиáнина к богу с просьбой оградить от несчастия.

[6] Надзира́ем — присматриваем, наблюдаем.

мой батюшка? Ещё братец может подумать, что мы для интере́су её к себе взяли.

ПРОСТАКОВ. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Со́фьюшкино недви́жимое име́ние[1] нам к себе придви́нуть не можно.

СКОТИНИН. А дви́жимое хотя и вы́двинуто, я не челоби́тчик[2]. Хлопота́ть я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом[3], а всякий убыток, чем за ним ходить, сдеру́[4] с своих же крестьян: так и концы́ в во́ду[5].

ПРОСТАКОВ. То правда, братец; весь околото́к[6] говорит, что ты ма́стерски обро́к[7] собираешь.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Хоть бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор, как всё, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содра́ть не можем. Такая беда!

СКОТИНИН. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жени́те меня на Со́фьюшке.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

СКОТИНИН. Нет, мне нравится не девчонка.

ПРОСТАКОВ. Так по сосе́дству её дереве́ньки?

СКОТИНИН. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то её водится, и до чего моя смертная охота.

Г-жа ПРОСТАКОВА. До чего же, братец?

СКОТИНИН. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные сви́ньи, что нет из них ни одной, кото́ра[8], став на за́дни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головой.

---

[1] Имение, недвижимое имение — земельные владения помещика с хозяйством и усадьбой.

[2] Челобитчик (старое слово) — проситель, человек, подающий прошение, жалобу (чаще всего в суд).

[3] Челом бить (устаревшее выражение) — жаловаться, подавать заявление, прошение, кланяться (дословно челом бить означает бить лбом о землю; чело — лоб).

[4] Сдеру́ — отниму, возьму силою.

[5] Концы в воду (образное выражение) — закончить дело быстро и без после́дствий, скрыть следы какого-либо преступления.

[6] Околото́к — здесь: все, живущие в околотке, то-есть в окрестных (располо́женных вокруг) местах.

[7] Обро́к — определённый помещиком сбор (налог) с крестьян деньгами или продуктами (при крепостном праве).

[8] Кото́ра (нелитературное произношение) — которая.

Явление VI.

Те же и Софья.
(Софья вошла, держа письмо в руке и имея весёлый вид.)

Г-жа ПРОСТАКОВА (*Софье*). Что так весела, матушка? чему обрáдовалась?

СОФЬЯ. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитáю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа ПРОСТАКОВА (*испугáвшись, с злóбою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! и ты извóлишь затевáть [1], что он воскрес! Вот изрядный вымысел! [2].

СОФЬЯ. Да он никогда не умирал.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, судáрыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращáть [3], чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдёт способ меня выручить. Вот чему ты рáда, судáрыня; однако, пожáлуй, не очень весели́сь; дядюшка твой, конечно, не воскресáл.

СКОТИНИН. Сестра! ну, да коли он не умирал.

ПРОСТАКОВ. Избави́ бóже, коли он не умирал!

Г-жа ПРОСТАКОВА (*к мужу*). Как не умирал! что ты бабушку пýтаешь? [4] Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в пáмятцах [5] за упокóй поминáли [6]? Неýжто-таки и грешные-то мои молúтвы не доходúли! (*К Софье*). Письмецó-то мне пожалуй (*почти вырывает*). Я об заклáд бьюсь [7], что оно какое-нибудь амýрное [8]. И догáдываюсь, от кого. Это

---

[1] Затевáть — здесь: выдумывать.

[2] Изрядный вымысел — здесь: отличная выдумка. (Простакова говорит это иронически.)

[3] Застращáть (просторечие) — запугать.

[4] Бабушку путаешь (образное выражение) — хочешь обмануть хорошо знающего, опытного человека.

[5] Пáмятцы — записнáя книжка, куда религиозные люди впúсывали имена умерших.

[6] За упокóй поминáли — произносили во время церковной слýжбы имя умершего человека с обращением к богу простить этому человéку грехú (религиозный обряд у христиан).

[7] Биться об заклáд — спорить о чём-нибудь на какýю-либо вещь.

[8] Амýрное — любовное.

от того офицера, который искал на тебе жениться[1], и за которого ты сама итти хотела. Да которая бе́стия без моего спро́су[2] отдаёт тебе пи́сьма? Я доберу́сь. Вот до чего до́жили. К де́ушкам[3] письма пишут! Деушки гра́моте умеют!

СОФЬЯ. Прочтите его сами, суда́рыня. Вы увидите, что ничего неви́ннее быть не может.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодарю бога, не так воспи́тана. Я могу пи́сьма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу.*) Читай.

ПРОСТАКОВ (*долго смотря*). Мудрено́.

Г-жа ПРОСТАКОВА. И тебя, мой батюшка, видно воспи́тывали, как кра́сную девицу. Братец, прочти потруди́сь.

СКОТИНИН. Я! Я и от роду ничего не чи́тывал, сестрица! Бог меня изба́вил этой скуки.

СОФЬЯ. Позвольте мне прочесть.

Г-жа ПРОСТАКОВА. О, матушка! знаю, что ты мастери́ца, да лих[4] не очень тебе ве́рю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придёт. Ему велю́ ...

СКОТИНИН. А уж зача́ли[5] молодца учить грамоте?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах, батюшка бра́тец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям де́нежки пла́тим. Для гра́моты хо́дит к нему дьячо́к от Покро́ва Кутейкин. Арихме́тике[6] учит его, батюшка, один отставной сержа́нт Цыфи́ркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трёх верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Ада́м Ада́мыч Вра́льман. Этому по триста ру́бликов на год. Сажа́ем за стол с собою[7]. Бельё его наши бабы моют. Куда на́добно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь

---

[1] Искал на тебе жениться (оборот речи, заимствованный из французского языка) — хотел на тебе жениться.

[2] Без моего спро́су — без моего разрешения, не спросясь у меня.

[3] Де́ушки (народное произношение) — девушки.

[4] Да лих (устаревшее) — здесь: да только.

[5] Зача́ли (просторечие) — на́чали.

[6] Арихме́тика (нелитературное произношение) — арифметика.

[7] Сажа́ем за стол с собою (образное выражение) — пользуется тем же столом, то-есть кормим той же пищей, какую и сами употребляем.

са́льная свеча́ [1], и парик [2] направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребёнка не невóлит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка ещё в нéдорослях, пота́ [3] его и понéжить; а там лет через десяток как войдёт, избави боже, в службу, всего натéрпится. Как кому счастие на роду́ написано, братец. Из нашей же фами́лии Простаковых, смотри-тка, на боку́, лёжа, летят себе в чины [4]. Чем же плóше [5] их Митрофанушка? Ба! да вот пожа́ловал кстати дорогой наш постоя́лец.

Явление VII.

Те же и Пра́вдин.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Братец, друг мой! рекоменду́ю вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой! рекомендую брата моего:

ПРАВДИН. Ра́дуюсь, сделав ваше знако́мство [6].

СКОТИНИН. Хорошо, государь мой! а как по фамилии? я не дослышал.

ПРАВДИН. Я называюсь Пра́вдин, чтобы вы дослы́шали.

СКОТИНИН. Какой урожéнец, государь мой? где деревéньки?

ПРАВДИН. Я родился в Москве, ежели вам то знать на́добно, а деревни мои в здéшнем намéстничестве [7].

СКОТИНИН. А смею ли спросить, государь мой! и́мени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Полно братец, о свиньях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. (*К Правдину.*) Вот,

---

[1] На ночь са́льная свеча... — сальная свеча в то время была предметом ро́скоши, так к бóльшей частью помещение освещали горящей лучи́ной.

[2] Пари́к — причёска из искусственных воло́с или из волос другого человека.

[3] Пота́ (нелитературное произношение) — до тех пор пока.

[4] На боку лёжа, летят себе в чины (образное выражение) — не служа́, а лишь числясь на службе, быстро получают чины и повышение по службе.

[5] Пло́ше (народное слово) — хуже.

[6] Сделав ваше знако́мство (устаревшее выражение) — познако́мившись с вами.

[7] Намéстничество (старинное слово) — губерния, область.

батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изво́лит получать гра́мотки[1] от дя́душек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потруди́сь, прочти́ всем нам вслух.

ПРАВДИН. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволе́ния тех, к кому они пи́саны.

СОФЬЯ. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжи́те.

ПРАВДИН. Если вы прика́зываете. (*Читает.*)

«Любезная племя́нница! Дела мои прину́дили[2] меня жить несколько лет в разлу́ке с моими бли́жними; а дальность лиши́ла меня удово́льствия иметь о вас изве́стия. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить приме́ром, что труда́ми и че́стностью состоя́ние своё сделать можно. Си́ми сре́дствами, с помощью счастья, нажил я десять тысяч рублей доходу . . . ».

СКОТИНИН и оба ПРОСТАКОВЫ. Десять тысяч!

ПРАВДИН (*читает.*) «Которым тебя, моя любезная племя́нница, тебя делаю насле́дницею . . .»

СКОТИНИН. Её насле́дницею!
ПРОСТАКОВ. Софью наследницею!
Г-жа ПРОСТАКОВА. Тебя наследницею! } *Вместе*

Г-жа ПРОСТАКОВА (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравля́ю, Софьюшка! поздравляю, душа моя! я вне себя от ра́дости! Теперь тебе на́добен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама всё-таки думала, что бог его хранит, что он ещё здра́вствует.

СКОТИНИН (*протянув руку*). Ну, сестри́ца! скорей же по рука́м[3].

Г-жа ПРОСТАКОВА (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва на́добно спросить её, хочет ли ещё она за тебя выйти?

СКОТИНИН. Как! что за вопрос! неу́жто ты ей докла́дываться станешь?

ПРАВДИН. Позво́лите ли письмо дочита́ть?

СКОТИНИН. А на что? да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочита́ешься.

Г-жа ПРОСТАКОВА (к Софье). Софьюшка, душа моя!

---

[1] Гра́мотки (устаревшее слово) — записки, письма.

[2] Прину́дили — заставили.

[3] По рука́м (образное выражение) — здесь: ударим друг друга по рукам, то-есть заключим соглашение.

пойдём ко мне в спáльню. Мне крайняя нуждá с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

СКОТИНИН. Ба! так я вижу, что сегодня говóру-то вряд и быть ли.

Явление VIII.

Правдин, Простаков, Скотинин, слуга.

СЛУГА (*к Простакову, запыхáвшись*). Барин! барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

ПРОСТАКОВ. Какая беда! ну! разорят нас до конца.

ПРАВДИН. Чего вы испугались?

ПРОСТАКОВ. Ах ты, отец родной! мы уж видали виды[1]. Я к ним и появúться не смею.

ПРАВДИН. Не бойтесь. Их, конечно, ведёт офицер, который не допустит ни до какой нáглости. Пойдём к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно. (*Правдин, Простаков и слуга отходят.*).

СКОТИНИН. Все меня одного оставили. Пойти-было прогуля́ться на скотный двор.

Вопросы.

1. Как происходúла примéрка кафтана Митрофана?
2. С каким намéрением приехал Скотинин к Простаковым?
3. О чём ведут беседу Простаковы со Скотининым?
4. С каким известием пришла Софья? Как к этому известию отнеслись Простаковы и Скотинин?
5. Как проходила сцéна чтения письма?
6. Как отнеслись присýтствующие к известию о приходе солдат?
7. В каких постýпках и словах Простаковой раскрываются её внýтренние качества:
   а) произвол в отношении к крепостным, к Софье, к мужу;
   б) невéжество и презрéние к науке;
   в) жáдность;
   г) животная любовь к сыну;
   д) грýбость.
8. Что мы узнаём о Митрофане из первого действия комедии?

Задания.

I. Покажите на примерах из комедии, что поступки и слова Правдина, Скотинина и Простакова находятся в соответствии с их фамúлиями.

---

[1] Видали виды (образное выражение) — опытны, много видали на свете, хорошо знаем жизнь.

II. Дайте письменное изложение первого действия комедии в краткой форме (на одной-двух страничках тетради).

III. Подумайте, какие картины можно нарисовать к первому действию. Дайте устное описание этих картин.

IV. На примерах из комедии покажите живость разговорного языка действующих лиц: вопросы, восклицания, неполные предложения, отсутствие сложных предложений в диалоге. Выпишите эти примеры.

Кто говорит из действующих лиц комедии книжным языком?

V. Напишите небольшой диалог на любую тему. Постарайтесь ставить вопросы и давать ответы в форме живого разговорного языка, короткими и неполными предложениями.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Содержание второго действия.

Солдат привёл в деревню офицер Милон — друг Правдина. Он давно знаком с Софьей, любит её и любим ею. Но уже полгода он не имел от неё сведений. Недавно его известили, что после смерти матери Софья увезена из своего имения какой-то дальней родственницей. Милон хочет во что бы то ни стало разыскать Софью; поэтому он торопится в Москву.

Правдин рассказывает, зачем он здесь: по распоряжению начальства он следит за помещиками, которые жестоко обращаются с крепостными. Правдин живёт здесь три дня и наблюдает, как злая и свирепая Простакова мучает своих крестьян. Он хочет лишить её власти над крестьянами.

Милон встречается с Софьей, узнаёт от неё о грубостях, которые терпела она от Простаковой до получения известия от дяди. Теперь Простакова узнала, что Софья богатая невеста; она сделалась ласкова с нею и хочет (это видно по всему) выдать её замуж за своего сына Митрофана.

Вошедший Скотинин жалуется на свою сестру (Простакову), которая вызвала его жениться, а теперь говорит: «Что тебе в жене, была бы у тебя хорошая свинья».

Скотинин обращается к Софье: «Не бойся... тебя у меня никто не перебьёт... Десять тысяч твоего доходу... Я на них всех свиней со бела света выкуплю... В здешнем-то околотке (местности) и житьё одним свиньям».

Софья взволнована. Милон утешает её. Правдин раскрывает Скотинину замыслы Простаковой. Скотинин взбешён, хочет избить Митрофана, «изломать, как чорта». Он говорит: «Не будь я свиной сын, если я не буду её мужем, или Митрофан уродом».

Скотинин набрасывается на Митрофана. Однако заступничество Еремеевны и Правдина спасает племянника от рассвирепевшего дяди. Простакова знакомится с Милоном, жалуется ему и Правдину на мужа, на его неподвижность, неуменье расправляться со слугами. По её словам, он смирён «как телёнок. Иногда, выпуча глаза, стоит как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала, чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймёшь! Если столбняк и пройдёт, так занесёт такую дичь, что у бога просишь опять столбняка». Ей же очень много хлопот: «С утра до вечера... рук не покладаю, то бранюсь, то дерусь, тем и дом держится».

Простакова очень ла́сково с Софьей, называет её «душа моя», а дя-дюшку «любезным почте́нным старичком».

Появляются Куте́йкин и Цыфи́ркин, учителя Митрофана; они знаками спрашивают Еремеевну, можно ли войти. Еремеевна зовёт их, а Митрофанушка отма́хивается. Простакова уговаривает сына поучи́ться. Митрофан отказывается («Не пойдёт на ум ученье с дя́дюшкиных кулаков . . .») и грози́тся: «Река близко, нырну́, так помина́й, как звали».

Простакова узнаёт о драке Митрофана со Скотининым и злобно набра́сывается на Еремеевну: «Ты, бе́стия, остолбене́ла, ты не вцепи́лась братцу в ха́рю, не раздёрнула ему ры́ла по у́ши». Еремеевна плачет: «Сорок лет служу, а получаю по пяти рублей на год, да по пяти пощёчин на день».

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Содержание I—V явлений.

Стародум при встрече с Пра́вдиным высказывает мнение о своём воспитании: «В то время не умели чужим умом набива́ть пустые головы». Главное: «Имей сердце, имей душу и будешь человеком во всякое время. Без души просвещённая у́мница — тварь».

О царском дворе он отзывается с осужде́нием: «В придво́рных кругах, в большом свете — преме́лкие души. Чины́ получают не за действительную службу, не за раны в битвах, а за близость к царскому двору. К царскому же двору никто прямой дорогой не ездит, а все объезжа́ют кри́ком, надеясь скорее доехать». На этой дороге «один другого сва́ливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земле . . . пеку́тся только о себе. Двора не оставляют не потому, что они двору полезны, а для того, что им двор полезен». Такое состояние двора и его приближённых в настоящее время непоправи́мо. «Тщетно (напрасно) звать врача к больным неисце́льно: врач не посо́бит (не поможет), разве сам зарази́тся».

Софье Стародум рассказывает, что был там, «где можно добыть денег, не проме́нивая их на совесть, не грабя отечества, без по́длой выслуги». Большого богатства и не надо иметь, и не надо оставлять его детям: «умны́ будут — без него обойду́тся, а глу́пому сыну не в помощь богатство». Одни деньги — не досто́инство: «золотой болва́н — всё равно болван».

Их разговор прерыва́ется шумом дра́ки: Простакова мстит брату за Митрофана.

Узнав, что приехал Стародум, Простакова просит у него проще́ния за то, что так плохо его встретила; хочет обнять его; называет благоде́телем, зовёт мужа, сына, слугу, девку Пала́шку. Еремеевна сообщает, что Палашка больна, лежит в жару, бредит. Простакова возмущена́: «Ах она, бе́стия . . . лежит . . . как будто благоро́дная . . . бредит, как будто благородная».

На зов Простаковой приходят муж, сын, Скотинин.

Все стараются понра́виться бога́тому дяде.

Скотинин говорит: «Скажу, не похвалясь, каков я, право, таких мало».

Простакова заявляет, что она «от роду ни с кем не бра́нивалась» . . . «. . . Хоть ругай, век сло́ва не скажу: пусть бог тому запла́тит, кто меня,

бедную, обижает...», что она будет рада, если Митрофан окажется племянником Стародума, женившись на Софье. Её родители — простые люди, ничему не учившие детей. Батюшка её кричал: «Прокляну ребёнка, который что-нибудь переймёт у басурма́н, и не будь тот Скотинин, кто чему-нибудь учиться захочет!» Но теперь век другой, и поэтому они последней крохи не жалеют, чтобы выучить сына. Простакова приглашает Стародума полюбова́ться, чему вы́учился Митрофан. Стародум отказывается, ссылаясь на усталость, и уходит.

Явление VI.

Кутейкин и Цыфиркин.

КУТЕЙКИН. Что за бесовщи́на[1]! С самого утра то́лку не добьёшься[2]. Здесь каждое утро процветёт и поги́бнет[3].

ЦЫФИРКИН. А наш брат и век так живёт. Дела не делай, а от де́ла не бе́гай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодня к здешнему обеду провиа́нту[4] не стало...

КУТЕЙКИН. Да ка́бы не умудри́л[5] и меня влады́ко, ше́дши сюда, забрести́ на перепу́тье[6] к нашей просви́рне[7], взалка́х[8] бы я́ко[9] пёс ко вечеру.

ЦЫФИРКИН. Зде́шни господа до́бры командиры!

КУТЕЙКИН. Слыхал ли ты, братец, каково жить-то здешним челя́динцам[10], даром, что ты служи́вый[11], бывал на бата́лиях[12], страх и трепет прийдет на тя[13]...

ЦЫФИРКИН. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь бег-

---

[1] Бесовщи́на — беспорядок, дело нечистой силы (то-есть, беса).

[2] То́лку не добьёшься — цели не дости́гнешь, бесполе́зно проведёшь время.

[3] Утро процветёт и поги́бнет (о́бразное выражение) — настанет утро, наде́ешься время провести с пользой, а оно пройдёт напрасно, без смысла.

[4] Провиа́нт — продово́льствие.

[5] Умудри́л — сделал умным, хитрым, дога́дливым.

[6] Забрести́ на перепу́тье — зайти по пути.

[7] Просви́рня (старинное слово) — женщина, занима́вшаяся выпечкой просвир (маленьких белых хлебцев, употребля́ющихся при церковных слу́жбах).

[8] Взалка́х (старинное слово) — захотел есть.

[9] Яко (старинное слово) — как.

[10] Челя́динцам (устаревшее слово) — слугам.

[11] Служи́вый — так в народе до революции называли солдат.

[12] Бата́лия (старое слово) — битва, сражение.

[13] Прийдет на тя (старинное выражение) — придёт на тебя.

лый огонь[1] в сутки сря́ду[2] часа по три. *(Вздохнув.)* Ох-ти мне! грусть берёт.

КУТЕЙКИН (*вздохнув*). О, горе мне грешному!

ЦЫФИРКИН. О чём вздохнул, Сидо́рыч?

КУТЕЙКИН. И в тебе смяте́ся[3] сердце твоё, Пафну́тьевич?

ЦЫФИРКИН. За неволю[4] призаду́маешься. Дал мне бог ученичка, боярского сынка. Бьюсь с ним третий год: трёх перечесть не умеет.

КУТЕЙКИН. Так у нас одна кручи́на. Четвёртый год мучу свой живо́т[5]. По сей час кроме задо́в[6] новой строки не разберёт; да и зады́ мя́млит[7], прости господи, без скла́ду по складам, без то́лку по толка́м[8].

ЦЫФИРКИН. А кто виноват? Лишь он гри́фель[9] в руки, а немец в две́ри. Ему шаба́ш[10] из-за доски, а меня ра́ды в толчки́[11].

КУТЕЙКИН. Тут мой ли грех? Лишь ука́зку[12] в персты, басурма́н[13] в глаза́. Ученика́ по голо́вке, а меня по шее.

ЦЫФИРКИН *(с жаром)*. Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунея́дца[14] прошко́лить[15] по-солда́тски.

---

[1] Бе́глый ого́нь — здесь: непрерывный огонь, непрерывная стрельба.

[2] Сря́ду — подряд, то-есть сплошь, безостано́вочно.

[3] Смяте́ся (старинное слово) — взволнова́лось, возмутилось.

[4] За неволю — здесь: невольно.

[5] Живот — здесь: жизнь; мучу свой живо́т — мучу свою жизнь, мучаюсь.

[6] Зады́ — здесь: старое, давно выу́ченное, всем известное.

[7] Мя́млит — неясно, неразбо́рчиво, медленно говорит.

[8] Слово склад имеет здесь два значения: слог в слове и смысл в слове: без складу по складам — без то́лку по толка́м (образное выражение) — не понимает смысла и тогда, когда читает медленно (по складам, то-есть по слогам), и тогда, когда читает бегло (по толкам).

[9] Гри́фель — тонкая небольшая палочка из особой гли́нистой поро́ды (графи́та). Писали ею на чёрных досках, приготовленных из особого минера́ла (аспи́да).

[10] Ша́ба́ш — конец дела, конец работы.

[11] Ра́ды в толчки́ — здесь: готовы выгнать при помощи толчков (ударов).

[12] Ука́зка (старинное слово) — заострённая небольшая палочка, которой ука́зывали, води́ли по бу́квам, чтобы не сби́ться при чтении, не пропустить слогов.

[13] Басурма́н (устаревшее слово) — пренебрежи́тельное название иностра́нца.

[14] Тунея́дец — лентяй, безде́льник, живущий на чужой счёт.

[15] Прошко́лить — проучить, строго обойтись, — так, чтобы исправился.

КУТЕЙКИН. Меня хоть теперь шелепа́ми [1], лишь бы вы́ю гре́шничу [2] путём [3] накостыля́ть [4].

Явление VII.

Те же, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для ви́ду поучи́сь, чтоб дошло́ до ушей его, как ты тру́дишься, Митрофанушка.

МИТРОФАН. Ну! А там что?

Г-жа ПРОСТАКОВА. А там и же́нишься.

МИТРОФАН. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучу́сь; только, чтоб это был последний раз, и чтобы сегодня ж быть сго́вору.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Придёт час во́ли бо́жией!..

МИТРОФАН. Час моей воли пришёл. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взмани́ла [5], пеня́й [6] на себя. Вот я сел. *(Цыфиркин очи́нивает грифель.)*

Г-жа ПРОСТАКОВА. А я тут же присяду. Кошелёк повяжу́ для тебя, друг мой! Со́фьюшкины де́нежки было бы куды́ [7] класть.

МИТРОФАН. Ну! Давай доску, гарнизо́нна кры́са [8]! Задавай, что писать.

ЦЫФИРКИН. Ваше благородие завсегда́ [9] без дела ля́яться извóлите.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(работая)*. Ах, го́споди бо́же мой! Уж ребёнок не смей и избрани́ть [10] Пафну́тьича! Уж и разгне́вался!

ЦЫФИРКИН. За что разгне́ваться, ваше благородие? У нас российская посло́вица: собака лает, ветер но́сит.

МИТРОФАН. Задавай же зады́, повора́чивайся.

ЦЫФИРКИН. Всё зады, ваше благородие. Ведь с зада́ми-то век назади́ оста́нешься.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Не твоё дело, Пафнутьич. Мне очень

---

[1] Ше́лепа́ми (старинное слово) — плетьми́.

[2] Вы́ю (старинная форма слова) — шею; гре́шничу — грешничью, грешника; вы́ю гре́шничу — шею грешника.

[3] Путём — здесь: как следует.

[4] Накостыля́ть — здесь: избить.

[5] Взмани́ть — возбуди́ть желание к чему-либо, соблазни́ть.

[6] Пеня́ть — жаловаться, выражать неудовольствие.

[7] Куды́ (нелитературное произношение) — куда.

[8] Гарнизо́нная крыса — пренебрежительное название солдата.

[9] Завсегда́, (неправильное произношение) — всегда.

[10] Избрани́ть (некультурное произношение) — выбранить, выругать.

мило, что Митрофанушка вперёд шагать не любит. С его умом, да залете́ть далеко, да и боже избави!

ЦЫФИРКИН. Задача. Изво́лил ты, на прикла́д [1], итти по дороге со мной. Ну, хоть возьмём с собою Си́дорыча. Нашли мы трое...

МИТРОФАН *(пишет)*. Трое.

ЦЫФИРКИН. На дороге, на прикла́д же, триста рублей.

МИТРОФАН *(пишет)*. Триста.

ЦЫФИРКИН. Дошло́ дело до дележа́. Смякни́-тко [2] по чему на брата? [3]

МИТРОФАН *(вычисляя, пишет)*. Еди́ножды три — три. Единожды нуль — нуль.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Что, что до дележа́?

МИТРОФАН. Вишь [4] триста рублей, что нашли, троим разделить.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Врёт он, друг мой серде́чный! Наше́д деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

МИТРОФАН. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

ЦЫФИРКИН. Пиши, ваше благородие. За ученье жа́луете мне в год десять рублей.

МИТРОФАН. Десять.

ЦЫФИРКИН. Теперь, правда, не за что, а кабы́ ты, барин, что-нибудь у меня перенял [5], не грех бы тогда было и ещё прибавить десять.

МИТРОФАН *(пишет)*. Ну, ну, десять.

ЦЫФИРКИН. Сколько же бы на год?

МИТРОФАН *(вычисля́я, ше́пчет)*. Нуль да нуль — нуль. Один да один... *(Задумался)*.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Не трудись попусту́ (попусту́) му, друг мой! Гроша́ не приба́влю: да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе муче́нье, а всё, вижу, пустота́. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтём и без Пафнутьича хорошо́хонько.

---

[1] На прикла́д (старинное выражение) — здесь: например.

[2] Смякни́-тко (народная форма) — смекни-ка; то-есть, сообрази́-ка.

[3] Почему на брата (старинное выражение) — сколько на каждого.

[4] Вишь (народная форма) — видишь.

[5] Перенял — здесь: усвоил что-нибудь.

[6] На прове́рку приводить — здесь: проверять.

КУТЕЙКИН. Шабáш, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Ведь, на проверку приводúть[6] не станут.

МИТРОФАН. Небось, брат. Матушка тут сама не ошибётся. Ступай-ка теперь, Кутейкин, проучú[1] вчерáшнее.

КУТЕЙКИН *(открывает часослóв. Митрофан берёт укáзку)*. Начнём благословясь. За мною со внимáнием. «Аз же есмь червь...»[2]

МИТРОФАН. «Аз же есмь червь...»

КУТЕЙКИН. Червь, сúречь[3] животина, скот. Сиречь: «Аз есмь скот»[4].

МИТРОФАН. «Аз есмь скот».

КУТЕЙКИН *(учебным голосом)*. «А не человек».

МИТРОФАН *(так же)*. «А не человек».

КУТЕЙКИН. «Поношéние[5] человéков[6]».

МИТРОФАН. «Поношение человéков».

КУТЕЙКИН. «И уни...»

Содержание VIII—IX явлений.

Входит Врáльман. Он притвóрно высказывает сожалéние Митрофану: дай волю этим злодéям (то-есть учителям) — они могут из умного и хорошего ребёнка сделать болвáна. После беседы с Простаковой Вральман отпускает Митрофана гулять. Митрофан убегает. Госпожа Простакова уходит из комнаты.

Между остáвшимися учителями возникает ссóра. Цыфиркин и Кутейкин упрекáют Вральмана в том, что он не даёт им возможности заниматься с Митрофаном, что он праздно ест хлеб. Ссора переходит в драку, однако Вральман успевает вырваться из рук Кутейкина и Цыфиркина и убегает.

Вопросы.

1. О чём разговаривают учителя Митрофана до его появлéния?
2. При каком условии Митрофан даёт матери согласие учиться?
3. Как происходúло обучéние арифметике и языкý?
4. Почему было прéрвано обучение?
5. Какие новые факты даёт эта сцена для характеристики Простаковой?
6. В чём проявились у Митрофана невежество, лень, избалóванность и грубое отношение к учителям?

---

[1] Проучú — здесь: повтори.

[2] «Аз же есмь червь» (старославянское выражение) — я есть червь (я червь).

[3] Сúречь (старинное слово) — то-есть.

[4] «Аз есмь скот» (старославянское выражение) — я есть скот (я скот).

[5] Поношéние — здесь: то, над чем смеются, издеваются.

[6] Человéков (старинная форма) — людей.

Задания.

I. Покажите, что язык учителей Кутейкина[1] и Цыфиркина находится в соответствии с их воспитанием, профе́ссией и общественным положением.

II. Выпишите из речи Цыфиркина погово́рочные народные выражения (например: «Дела не делай, от дела не бегай ...» и другие), что они дают для характеристики этого лица?

III. Дайте заглавие каждому из этих явлений, испо́льзовав, где это возможно, краткие выражения из текста комедии.

IV. Научитесь читать VI и VII явления по роля́м. Перед чтением продумайте следующее: 1) каков характер того лица, роль которого вы читаете? 2) как должно это лицо говорить?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Содержание I—VII явлений.

Стародум беседует с Софьей о зна́тности и доброде́тели. Добродетельным же, по его словам, может быть всякий, «если бы захотел не делать того, что совесть не позволяет». Знатность должна счита́ться «по числу дел для оте́чества, а не по числу дел, которых нахвата́л себе. Без знатных дел знатное состояние ничто. Богат тот, кто отсчи́тывает у себя лишнее, чтобы помочь тому, у кого нет ну́жного. Прямую цену уму даёт нра́вственное воспитание. Без него умный человек — чудо́вище». Труд — свяще́нная обяза́нность. Если бы дворянин понимал это, то «считал бы за полное бесче́стье не делать ничего, когда есть ему столько дела: есть люди, которым надо помогать; есть отечество, которому — служить».

У мужа и жены тоже есть обязанности по отношению друг к другу и детям. «... В нынешнем супру́жестве редко с сердцем сове́туются. Дело в том — зна́тен ли, богат ли жених, хороша́ ли, бога́та ли невеста? ... Честный человек без большого чи́на — презна́тная особа ... доброде́тель всё заменяет, а добродетель ничто заменить не может».

Стародум получает письмо от графа Честа́на с предложе́нием выдать за Милона Софью.

Стародум считает это возможным, если только сердце Софьи свобо́дно.

Правдин знакомит его с Мило́ном, который в разговоре со Стародумом[1] высказывает свои взгляды на хра́брость и неустраши́мость души́. По словам Милона, геройство и храбрость доказываются в час сраже́ния, а неустраши́мость души — во всех испыта́ниях, во всех положениях жизни. Судья, который не боится сильного, его угроз, а по справедли́вости поступает с беспомо́щным, — герой.

Стародум признаёт Милона достойным жениха́м для Софьи. Скотинин не оставляет наде́жды присво́ить доходы Софьи. Он просит Стародума: «Обняв меня покре́пче, скажи: Софья твоя». Стародум смеётся.

---

[1] Фамилия *Кутейкин* произведена Фонвизиным от слова *кутейник*. Кутейниками ирони́чески называли служи́телей культа и семинари́стов, то есть учеников духовной школы, гото́вившей служи́телей культа. Кутья — название кушанья, приготовленного для употребления на поминках по умершему.

Явление VIII.

Те же, г-жа Простакова, Простаков, Митрофан и Еремеевна.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(входя)*. Всё ли с тобою, Митрофанушка?

МИТРОФАН. Ну, да уж не забóться . . .

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Стародуму)* . . . Мы пришли, батюшка, потрудúть вас[1] теперь óбщею нашею прóсьбою. *(Мужу и сыну.)* Клáняйтесь.

СТАРОДУМ. Какóю, судáрыня?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Во-первых, прошу мúлости всех садúться. *(Все садятся, кроме Митрофана и Еремеевны.)* Вот в чём дело, батюшка. За молитвы родителей наших — нам, грéшным, где б и умолить, — даровáл нам госпóдь Митрофанушку. Мы всё делали, чтоб он у нас стал таков, как изволúшь его видеть. Не угóдно ль, мой батюшка, взять на себя труд и посмотреть, как он у нас выучен?

СТАРОДУМ. О сударыня! До моих ушей уже дошло, что он теперь только и отучúться изволúл. Я узнал, кто его и учители. Вижу напéрёд, какому грамотéю ему быть нáдобно, учáся у Кутейкина, и какому математику, учася у Цыфиркина. *(К Правдину.)* Любопытен бы я был послушать, чему немец от его выучил.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Всем наукам, батюшка.
ПРОСТАКОВ. Всему, мой отец.
МИТРОФАН. Всему, чему изволишь. } *Вместе.*

ПРАВДИН *(Митрофану)*. Чему ж бы, например?

МИТРОФАН *(подаёт ему книгу)*. Вот, грамматике.

ПРАВДИН *(взяв книгу)*. Вижу. Это грамматика. Что ж вы в ней знаете?

МИТРОФАН. Много. Существúтельна, да прилагáтельна[2]...

ПРАВДИН. Дверь, например, какое имя: существительное или прилагательное?

МИТРОФАН. Дверь, котóра дверь?

ПРАВДИН. Которая дверь? Вот эта.

---

[1] Потрудúть вас — затруднúть вас.

[2] Существúтельна, прилагáтельна — искажённое произношение слов существительное, прилагательное.

МИТРОФАН. Эта? Прилагательна.

ПРАВДИН. Почему же?

МИТРОФАН. Потому что она прило́жена к своему месту. Вон у чула́на шеста́ [1] неделя дверь стоит ещё не наве́шана: так та покамест существительна.

СТАРОДУМ. Так поэтому у тебя слово *дурак* прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку?

МИТРОФАН. И ве́домо.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Что, каково́, мой батюшка?

ПРОСТАКОВ. Каково, мой отец?

ПРАВДИН. Нельзя лучше. В грамматике он силён.

МИЛОН. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа ПРОСТАКОВА. То, мой батюшка, он ещё сы́змала [2] к историям охотник.

СКОТИНИН. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтобы выборно́й [3] не расска́зывал мне историй. Мастер, соба́чей [4] сын, откуда что берётся!

Г-жа ПРОСТАКОВА. Однако всё-таки не придёт против Адама Адамыча.

ПРАВДИН *(Митрофану)*. А далеко ли вы в истории?

МИТРОФАН. Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за три́девять земель, за тридеся́то ца́рство [5].

ПРАВДИН. А! так этой-то истории учит вас Вральман?

СТАРОДУМ. Вральман! Имя что-то знакомое...

ПРАВДИН. Да не так же ли вы знаете и географию?

Г-жа ПРОСТАКОВА *(сыну)*. Слышишь, друг мой сердечный. Это что за наука?

МИТРОФАН *(тихо матери)*. А я почём знаю.

Гжа ПРОСТАКОВА *(тихо Митрофану)*. Не упря́мься, ду́шенька. Теперь-то себя и показать.

МИТРОФАН *(тихо матери)*. Да я не возьму в толк, о чём спрашивают.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Правдину)*. Как, батюшка, назвал ты науку-то?

---

[1] Шеста́ (просторечие) — шестая.

[2] Сы́змала — с ранних лет, когда был ещё маленьким.

[3] Выборно́й (старая форма) — выборный, то-есть староста в селе.

[4] Собачей (искажённое окончание) — собачий; собачий сын — бра́нное выражение.

[5] За три́девять земель, за тридеся́тое царство (устаревшее выражение, обычно употребляемое в сказках) — очень далеко.

ПРАВДИН. География.

Г-жа ПРОСТАКО А *(Митрофану)*. Слышишь, еорга́фия.

МИТРОФАН. Да что такое! Господи боже мой! Приста́ли с ножо́м к го́рлу.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Правдину)*. И ве́домо, батюшка. Да скажи ему, сделай милость, какая это наука-то, он её и расскажет.

ПРАВДИН. Описание земли.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Стародуму)*. А к чему бы это служи́ло на первый случай?

СТАРОДУМ. На первый случай сгоди́лось бы[1] и к тому, что ежели б случилось ехать, так знаешь, куда едешь.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах, мой батюшка! Да изво́зчики-то на что-ж? Это их дело. Это-таки и наука-то не дворянская. Дворяни́н только скажи: повези меня туда, свезу́т, куда изво́лишь. Мне поверь, батюшка, что, конечно, то вздор, чего не знает Митрофанушка.

СТАРОДУМ. О, конечно, сударыня. В человеческом неве́жестве весьма утеши́тельно считать всё то за вздор, чего не знаешь...

СКОТИНИН. Что у́ченье вздор, то неоспори́мо доказал покойной дядя Вави́л Фалеле́евич. О гра́моте никто от него не слы́хивал, ни он ни от кого слышать не хотел. А какова была голо́ушка[2]!

ПРАВДИН. Что ж такое?

СКОТИНИН. Да с ним на роду́ вот что случи́лось. Верхом на бо́рзом[3] иноходце[4] разбежался он хмельной в ка́менны ворота. Мужик был рослый, ворота низки, забыл наклони́ться. Как хва́тит себя лбом о при́толоку, и́ндо[5] пригну́ло дядю к похвя́м[6] поты́лицею[7], и бодрый конь вынес его из ворот к крыльцу на́взничь. Я хотел бы знать, есть ли на свете учёный лоб, который бы от такого тумака́[8] не развалился; а дядя, вечная ему память, протрезвясь, спросил только, целы ли ворота?

---

[1] Сгоди́лось бы (просторечие) — пригодилось бы.
[2] Голо́ушка (народная форма) — головушка.
[3] Борзо́й — быстрый, прово́рный.
[4] Иноходец — порода лошади.
[5] Индо (устаревшее слово) — даже.
[6] Похви — ремень, подхво́стник, приде́рживающий седло.
[7] Потылица — затылок.
[8] Тума́к — удар.

МИЛОН. Вы, господин Скотинин, сами признаёте себя неучёным человеком; однако, я думаю, в этом случае и ваш лоб был бы не крепче учёного.

СТАРОДУМ *(Милону)*. Об закла́д не бейся... Я думаю, что Скотинины все ро́дом крепколо́бы.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Батюшка мой! Да что за радость и вы́учиться? *(Правдину)*... Ты сам, батюшка, других посмышлёнее, так сколько тру́дишься! Вот и теперь, сюда ше́дши, я видела, что к тебе несут какой-то пакет.

ПРАВДИН. Ко мне пакет? И мне никто этого не скажет! *(Вставая)*. Я прошу извинить меня, что вас оставлю. Может быть, есть ко мне какие-нибудь повеле́ния от наме́стника.

СТАРОДУМ *(встаёт, и все встают)*. Поди, мой друг; однако я с тобою не прощаюсь.

ПРАВДИН. Я ещё увижусь с вами. Вы завтра едете поутру?

СТАРОДУМ. Часов в семь. *(Правдин отходит.)*

МИЛОН. А я завтра же, проводя́ вас, поведу́ мою команду. Теперь пойду сделать к тому распоряжение. *(Милон отходит, прощаясь с Софьею взо́рами.)*

Явление IX.

Г-жа Простакова, Митрофан, Простаков, Еремеевна, Стародум и Софья.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Стародуму)*. Ну, мой батюшка! Ты довольно видел, каков Митрофанушка?

СКОТИНИН. Ну, мой друг сердечный! Ты видишь, каков я?

СТАРОДУМ. Узнал обоих, нельзя коро́че.

СКОТИНИН. Быть ли ж за мною Софьюшке?

СТАРОДУМ. Не бывать.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Жених ли ей Митрофанушка?

СТАРОДУМ. Не жених. } *Вместе.*

Г-жа ПРОСТАКОВА. А что б помеша́ло? }

СКОТИНИН. За чем дело стало?

СТАРОДУМ *(сведя обоих)*. Вам одним за секрет сказать можно. Она сгово́рена. *(Отходит и даёт знак Софье, чтоб шла за ним.)*

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах! злодей!

СКОТИНИН. Да он рехну́лся.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(нетерпеливо)*. Когда они выедут?

СКОТИНИН. Ведь ты слышала, поутру в семь часов.

Г-жа ПРОСТАКОВА. В семь часов.

СКОТИНИН. Завтра и я проснусь с светом вдруг. Будь он умён, как изволит, а и с Скотининым развя́жется не скоро. *(Отходит)*.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(бегая по театру в злобе и в мыслях)*. В семь часов!.. Мы встанем пора́не... Что захоте́ла, поставлю на своём... Все ко мне. *(Все подбега́ют.)*

Г-жа ПРОСТАКОВА *(к мужу)*. Завтра в шесть часов, чтобы карета подвезена́ была к за́днему крыльцу. Слышишь ли ты? Не прозева́й.

ПРОСТАКОВ. Слушаю, мать моя.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(к Еремеевне)*. Ты во всю ночь не смей вздремать у Софьиных дверей. Лишь она проснётся, беги ко мне.

ЕРЕМЕЕВНА. Не промигну́[1], моя матушка.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(сыну)*. Ты, мой друг сердечный, сам в шесть часов будь совсем готов и не вели лакеям из комнат отлуча́ться.

МИТРОФАН. Всё будет сделано...

Г-жа ПРОСТАКОВА. Подите ж с богом. *(Все отходят.)* А я уж знаю, что делать. Где гнев, тут и милость. Старик погне́вается, да прости́т и за нево́лю. А мы своё возьмём.

Вопросы.

1. С какой целью Простакова просит Стародума проверить знания Митрофана?
2. Какие познания обнару́жил Митрофан в грамматике, истории и географии?
3. Как доказывал Скотинин, что ученье— вздор?
4. Что отвечает Стародум на сватовство́ Скотинина и Митрофана?
5. Какие приказания отдаёт Простакова и для чего?

Задание.

Прочитайте по ролям VIII явление.

[1] Не промигну — здесь: не пропущу́.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

Содержание I явления.

Правдин должен взять в опе́ку имение Простаковой. Стародум радуется, что «челове́чество найти защиту может». Чтобы не было недостатка в добродете́льных людях, надо их воспитывать. От дурного воспитания — дурные последствия.

«Ну что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого неве́жды-родители пла́тят ещё и деньги неве́ждам-учителям? Главная цель человеческих знаний — благонра́вие. Наука в развращённом человеке — лютое оружие зла. Просвещение возвышает одну добродете́льную душу».

Слышен шум. Оказывается, Простакова наси́льно увозит Софью в церковь, чтобы там обвенча́ть её с Митрофаном.

Явление II.

Те же, Милон, Софья, Еремеевна.

МИЛОН (*отталкивая от Софьи Еремеевну, которая за неё было уцепи́лась, кричит к людям, имея в руке обнажённую шпагу*). Не смей никто подойти ко мне!

СОФЬЯ (*бросаясь к Стародуму*). Ах, дядюшка! Защити́ меня.

СТАРОДУМ. Друг мой! Что такое?
ПРАВДИН. Какое злодея́ние!
СОФЬЯ. Сердце моё трепе́щет!
ЕРЕМЕЕВНА. Пропала моя голо́ушка!

Вместе.

МИЛОН. Злоде́и! Иду́чи сюда, вижу множество людей, которые, подхвати́ её под руки, несмотря на сопротивле́ние и крик, сво́дят уже с крыльца к карете.

СОФЬЯ. Вот мой избави́тель!

СТАРОДУМ. Друг мой!

ПРАВДИН (*Еремеевне*). Сейчас скажи, куда везти хотели. или как с злоде́йкой...

ЕРЕМЕЕВНА. Венча́ться, мой батюшка, венчаться!

Г-жа ПРОСТАКОВА (*за кулисами*). Плуты! Воры! Мошенники! Всех приби́ть велю до смерти!

Явление III.

Те же, г-жа Простакова, Простаков и Митрофан.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Какая я госпожа в доме! (*Указывая на Милона.*) Чужой погрози́т, прика́з мой ни во что...

ПРАВДИН. Злодея́ние, которому я сам свиде́тель, даёт право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа ПРОСТАКОВА. Жениху!

ПРОСТАКОВ. Хороши мы! } *Вместе.*

МИТРОФАН. Всё к чорту!

ПРАВДИН. Требовать от правительства, чтоб сде́ланная ей оби́да нака́зана была всею стро́гостью законов. Сейчас предста́влю её перед суд[1], как наруши́тельницу гражданского споко́йства.

Г-жа ПРОСТАКОВА (*бросаясь на колени*). Батюшки, виновата!

ПРАВДИН. Муж и сын не могли не иметь участия в злодея́нии...

ПРОСТАКОВ. Без вины виноват. *Вместе, бросаясь*

МИТРОФАН. Виноват, дядюшка! *на колени.*

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах, я собачья дочь! Что я наде́лала!

Явление IV.

Те же и Скотинин.

СКОТИНИН. Ну, сестра, хорошу было шутку... Ба! Что это! Все наши на коле́нях.

Г-жа ПРОСТАКОВА (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечёт. Мой грех. Не погуби́те меня. (*К Софье*). Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись[2] надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

СКОТИНИН. Сестра! О своём ли ты уме?

ПРАВДИН. Молчи, Скотинин.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Бог даст тебе благополу́чие, и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

СОФЬЯ (*Стародуму*). Дядюшка! Я моё оскорбле́ние забываю.

Г-жа ПРОСТАКОВА (*подняв руки, к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, гре́шную. Ведь я человек, не а́нгел.

СТАРОДУМ. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть а́нгелом. Да не на́добно быть чо́ртом.

---

[1] Перед суд (старинное выражение) — в суд.

[2] Умилосе́рдись — прояви милосе́рдие, сжа́лься

МИЛОН. И преступление и раска́яние в ней презре́ния досто́йны.

ПРАВДИН *(Стародуму)*. Ваша мале́йшая жалоба, ваше одно слово пред правительством . . . и уж спасти её нельзя.

СТАРОДУМ. Не хочу ничьей поги́бели. Я её прощаю.

Г-жа ПРОСТАКОВА. *(Все вскочили с коленей)*. Простил! ах, батюшка! . . Ну! Теперь-то дам я зо́рю [1] кана́льям своим людям. Теперь-то я всех переберу́ по одиночке. Теперь-то допы́таюсь, кто из рук её вы́пустил. Нет, мошенники! Нет, воры! век не прощу, не прощу этой насме́шки.

ПРАВДИН. А за что вы хотите нака́зывать людей ваших?

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих лю́дях?

ПРАВДИН. А вы считаете себя впра́ве драться тогда, когда вам вздумается?

СКОТИНИН. Да разве дворянин не волен поколоти́ть слугу, когда захочет?

ПРАВДИН. Когда захочет! Да что за охота? Прямо́й ты Скотинин. *(Г-же Простаковой.)* Нет, сударыня, тира́нствовать [2] никто не во́лен.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги́ вы́сечь не волен: да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства? [3].

СТАРОДУМ. Мастери́ца толковать ука́зы.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Извольте насмеха́ться, а я теперь же всех с головы на голову . . . *(Порыва́ется идти.)*

ПРАВДИН *(останавливая её)*. Поостанови́тесь, суда́рыня. *(Вынув бумагу и важным голосом Простакову)*. Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших, для объявления им указа, что за бесчелове́чие жены вашей, до которого попусти́ло её ваше крайнее слабомы́слие, повелева́ет мне правительство принять в опе́ку [4] дом ваш и деревни.

ПРОСТАКОВ. А! До чего мы до́жили!

---

[1] Дам я им зо́рю — распра́влюсь я с ними; сильно накажу я их.

[2] Тира́нствовать — здесь: мучить, истяза́ть.

[3] Ука́з о во́льности дворя́нской — указ царя Петра III, освобожда́ющий дворян от обяза́тельной государственной службы.

[4] Принять в опе́ку — взять под наблюдение, лишить возможности самостоя́тельно распоряжаться иму́ществом.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Как! Новая беда! За что? . За что, батюшка? что я в своём доме госпожа...

ПРАВДИН. Госпожа бесчеловéчная, которой злонрáвие в благоучреждённом государстве[1] терпи́мо быть не может. *(Простакову.)* Поди́те.

ПРОСТАКОВ *(отходит, всплеснýв руками)*. От кого это, матушка?

Г-жа ПРОСТАКОВА *(тоскуя)*. О, горе взялó! О, грустно!

СКОТИНИН *(в сторону)*. Ба! ба! ба! Да этак и до меня доберýтся. Да этак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда по-добрý, по-здорóву.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Всё теряю! Совсем погибáю!

СКОТИНИН *(Стародуму)*. Я шёл было к тебе добиться тóлку. Жених...

СТАРОДУМ *(указывая на Милона)*. Вот он.

СКОТИНИН. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь да и...

ПРАВДИН. Да и ступай в свои хлевá. Советую однакож и тебе поостерéчься. Я слыхал, что с свúньями не в пример лучше обхóдишься, нéжели с людьми.

СКОТИНИН *(отходя с трусостью)*. Государь ты мой мúлостивый, да как к людям и лежать у меня сердцу?.. Люди передо мною ýмничают, а между свúньями я сам всех умнее.

Явление V.

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(Правдину)*. Батюшка, не погуби́ ты меня, что тебе прúбыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменúть[2]? Все ли указы исполня́ются?

ПРАВДИН. Я от должности никак не отступлю́.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Дай мне срóку хоть на три дня. *(В сторону.)* Я дала бы себя знать[3]...

ПРАВДИН. Ни на три часа.

---

[1] В благоучреждённом государстве — в хорошо устроенном государстве.

[2] Поотменúть — отменить.

[3] Дала́ бы себя знать (образное выражение) — показала бы свою волю, свою власть.

СТАРОДУМ. Да, друг мой! Она и в три часа напрока́зить может столько, что ве́ком не пособишь.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Да как вам, мой батюшка, самому, входи́ть в ме́лочи? . .

ПРАВДИН. Это моё дело. Чужое возвращено́ будет хозяевам, а . . .

Г-жа ПРОСТАКОВА. А с долгами-то разде́латься? . . Не допла́чено учителям . . .

ПРАВДИН. Учителям? *(Еремеевне)*. Здесь ли они ? Введи их сюда.

ЕРЕМЕЕВНА. Чай, что прибрели́. А немца-то, мой батюшка? . .

ПРАВДИН. Всех позови. *(Еремеевна отходит.)* Не заботься ни о чём, сударыня, я всех удово́льствую.

СТАРОДУМ *(видя в тоске г-жу Простакову)*. Сударыня! Ты сама себя почу́вствуешь лучше, потеряв силу делать другим ду́рно.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Благода́рна за ми́лость! Куда я гожусь, когда в моём доме моим же рукам и воли нет!

Явление VI.

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

ЕРЕМЕЕВНА *(введя учителей, к Правдину)*. Вот тебе и вся наша сво́лочь, мой батюшка.

ВРАЛЬМАН *(к Правдину)*. Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе́ прасить? . .[1]

КУТЕЙКИН *(к Правдину)*. Зван бых, и приидо́х[2].

ЦЫФИРКИН *(к Правдину)*. Что прика́зу будет[3], ваше благоро́дие?

СТАРОДУМ *(с прихода Вральмана в него вглядывается)*. Ба! Это ты, Вральман?

ВРАЛЬМАН *(узнав Стародума)*. Ай! ай! ай! ай! Это ты,

---

[1] Фа́ше фысо́ко-и-плахоро́тие. Исфо́лили меня к сепе́ прасить? (неправильное произношение) — Ваше высокоблагоро́дие. Изво́лили меня к себе просить? . . .

[2] Зван бых, и приидо́х (старославя́нское выражение) — зван был, и пришёл.

[3] Что прика́зу будет? — Что будете приказывать?

мой милостифый хоспотин[1]. *(Целуя полу Стародума.)* Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?[2].

ПРАВДИН. Как? Он вам знаком?

СТАРОДУМ. Как не знаком? Он три года был у меня ку́чером. *(Все показывают удивле́ние.)*

ПРАВДИН. Изря́дный учитель!

СТАРОДУМ. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за своё не возьмёшься.

ВРАЛЬМАН. Та што телать, мой патюшка![3] Не я перфой, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, куштер нихте не ната[4]. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитель[5]...

ПРАВДИН *(к учителям)*. По воле правительства, став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

ЦЫФИРКИН. Лучше не надо.

КУТЕЙКИН. Отпуска́ть благоволите? Да прежде разочтёмся...

ПРАВДИН. А что тебе на́добно?

КУТЕЙКИН. Нет, ми́лостивый господин, мой счётец не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаска́л в три года, за простой, что сюда прибредёшь, бывало, попусто́му, за...

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ненасы́тная душа! Кутейкин, за что это?

ПРАВДИН. Не мешайтесь, суда́рыня, я вас прошу.

Г-жа ПРОСТАКОВА. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

КУТЕЙКИН. Это его дело. Не моё.

ПРАВДИН *(Кутейкину)*. Хорошо, хорошо. *(Цыфиркину.)* Тебе много ль заплатить?

ЦЫФИРКИН. Мне? Ничего.

---

[1] Ми́лостифый хоспотин (неправильное произношение) — милостивый господин.

[2] Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь? (неправильное произношение) — Здоровенько ли, мой отец, поживать извóлишь?

[3] Та што телать, мой патюшка! — Да что делать, мой ба́тюшка!

[4] Три месеса ф Москфе шатался пез мест, куштер нихте не ната. — Три месяца в Москве шатался (бесце́льно ходил) без места, ку́чера нигде не надо.

[5] Пришло мне ли́по с го́лот мере́ть, липо уши́тель... — Пришлось мне или с голоду умирать, или быть учителем...

Г-жа ПРОСТАКОВА. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а ещё за год ни полу́шки не запла́чено.

ЦЫФИРКИН. Так: на те десять рублей я износи́л сапогов в два года. Мы и кви́ты [1].

ПРАВДИН. А за ученье?

ЦЫФИРКИН. Ничего.

СТАРОДУМ. Как ничего?

ЦЫФИРКИН. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

СТАРОДУМ. Да тем не меньше тебе заплати́ть на́добно.

ЦЫФИРКИН. Не за что. Я госуда́рю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, попусто́му не бира́л и не возьму.

СТАРОДУМ. Вот прямо добрый человек!

(Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.)

ПРАВДИН. Тебе не стыдно, Кутейкин.

КУТЕЙКИН *(потупя голову)*. Посра́михся [2], окаянный.

СТАРОДУМ *(Цыфиркину)*. Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

ЦЫФИРКИН. Спасибо, ваше высокородие. Благода́рен. Дари́ть меня ты во́лен. Сам, не заслужа, век не потребую.

МИЛОН *(давая ему деньги)*. Вот ещё тебе, друг мой!

ЦЫФИРКИН. И ещё спасибо. *(Правдин даёт также ему деньги.)*

ЦЫФИРКИН. Да за что, ваше благородие, жа́луете?

ПРАВДИН. За то, что ты не похо́дишь на Кутейкина.

ЦЫФИРКИН. И! ваше благоро́дие. Я солдат.

ПРАВДИН *(к Цыфиркину)*. Поди́ ж, мой друг, с богом. *(Цыфиркин отходит.)*

ПРАВДИН. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра, да потрудись рассче́ться с самой госпожою.

КУТЕЙКИН *(выбегая)*. С самою! Ото всего отступлюсь.

ВРАЛЬМАН *(Стародуму)*. Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие [3]! Фосмите меня апять к сепе [4].

---

[1] Кви́ты — рассчитались, ничего не должны друг другу.

[2] Посра́михся (старинное слово) — осрами́лся.

[3] Старофа слуха не остафте, фаше фысокоротие — старого слугу не оставьте, ваше высокоблагоро́дие.

[4] Фосмите меня апять к сепе — возьмите меня опять к себе.

СТАРОДУМ. Да ты, Врaльман, я ча́ю, отстал и от лошадей [1].

ВРАЛЬМАН. Эй, нет, мой патюшка [2]! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсё с лошатками! [3]

Явление VII.

Те же и камерди́нер.

КАМЕРДИНЕР *(Стародуму)*. Каре́та ваша готова.

ВРАЛЬМАН. Прикашишь мне дофести сепя? [4]

СТАРОДУМ. Поди́, садись на ко́злы. *(Врaльман отходит)*.

Явление последнее.

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья, Правдин, Митрофан и Еремеевна.

СТАРОДУМ *(к Правдину, держа́ руку Софьи и Милона)*. Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

ПРАВДИН. Всего счастья, на которое имеют право че́стные сердца́.

Г-жа ПРОСТАКОВА *(бросаясь обнимать сына)*. Один ты остался у меня, мой серде́чный друг, Митрофанушка.

МИТРОФАН. Да отвяжи́сь [5], матушка, как навяза́лась...

Г-жа ПРОСТАКОВА. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагода́рный! *(Упала в о́бморок.)*

СОФЬЯ *(подбежав к ней)*. Боже мой! Она без памяти.

СТАРОДУМ *(Софье)*. Помоги ей, помоги. *(Софья и Еремеевна помогают.)*

ПРАВДИН *(Митрофану)*. Него́дник! Тебе ли груби́ть матери? К тебе её безу́мная любовь и довела́ её всего больше до несча́стья.

---

[1] Отстал от лошадей — здесь: отвык уха́живать за лошадьми; теперь не сумеешь за ними уха́живать.

[2] Патюшка — ба́тюшка.

[3] Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсё с лошатками — Живу́чи с здешними господа́ми, казалось мне, что я всё с лоша́дками!

[4] Прикашишь мне дофести сепя? — Прика́жешь мне довезти себя?

[5] Отвяжи́сь — здесь: не приставай.

МИТРОФАН. Да она как будто неве́домо[1]...

ПРАВДИН. Грубия́н!

СТАРОДУМ *(Еремеевне)*. Что она теперь? Что?

ЕРЕМЕЕВНА *(посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками)*. Очнётся, мой батюшка, очнётся.

ПРАВДИН *(Митрофану)*. С тобой, дружо́к, знаю, что делать. Пошёл-ка служить...

МИТРОФА́Н *(махнув рукой)*. По мне, куда велят...

Г-жа ПРОСТАКОВА *(очнувшись, в отчаянии)*. Погибла я совсем! Отнята́ у меня власть! От стыда никуда глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

СТАРОДУМ *(указывая на г-жу Простакову)*. Вот злонра́вия[2] досто́йные плоды́!

Вопросы.

1. Что нового даёт эта сцена для показа жесто́кости и жа́дности Простаковой?
2. Как относятся к ней слуги, судя по поведе́нию Еремеевны?
3. Какая новая черта характера Простаковой раскрывается в её отношении к Стародуму и Правдину?
4. Как ведут себя при расчёте Кутейкин и Цыфиркин?

Задания.

I. Дайте заглавие каждому явле́нию.

II. Перескажи́те содержание этих явлений.

III. Найдите в речи Правдина слова, которые указывают на основную причину посту́пков Простаковой.

IV. Вы́пишите из последнего явления слова Простаковой и Правдина, в которых определяется поведение Митрофана.

V. Найдите в последнем действии фразу, которая указывает на основную мысль комедии.

Вопросы к комедии в целом.

1. В чём идейное значение комедии?
2. Как оце́нивал автор крепостно́е право, судя по сценам жесто́кости, самоду́рства и эксплоатации, да́нным в комедии?
3. Какую оценку давал автор в словах Стародума придво́рным Екатерины?
4. К чему звал автор, давая в своей комедии такую развязку, как взятие имения в опеку? (В действи́тельности крепостны́м было запрещено́ жаловаться на своих помещиков. Меры управления Простаковой своими крестьянами были такие же, какие применя́ли многие помещики.)

---

[1] Неве́домо — неизвестно.

[2] Злонра́вие — злой нрав (то-есть характер), бесчеловечное поведение.

Задания к комедии в целом.

I. Найдите в комедии основные этапы действия — экспози́цию, завя́зку, нараста́ние действия, кульмина́цию, развя́зку — и покажите их значение для раскры́тия хара́ктеров действующих лиц.

II. Напишите сочинение на тему «Семья Простаковых».

III. Объясните данные ниже сино́нимы:

Поме́щица, ба́рыня, госпожа́;
колоти́ть, бить, расправля́ться, нака́зывать;
истяза́ть, тира́нствовать;
грубость, жестокость, бессерде́чие, бесчелове́чность;
неве́жество, некультурность, дикость;
насилие, принужде́ние;
пороки, недостатки, отрицательные сто́роны;
злонра́вие;
беззако́ние, злодейство, преступление.

Перескажите содержание комедии. Употребляйте в своём пересказе только что объяснённые вами синонимы.

IV. Замените приведённые ниже выражения из комедии более простыми и современными оборо́тами.

1. Госпожа бесчеловечная, которой злонра́вие в благоучреждённом государстве терпи́мо быть не может.

2. Вот злонра́вия достойные плоды.

V. Найдите в языке действующих лиц характе́рные для бытово́й комедии поговóрки (в V действии). Например: *«Уберусь я отсюда по-добру по-здорову»* (Скотинин); *«Без вины виноват»* (Простаков).

VI. Подготовьте в драмати́ческом кружке́ и поставьте на общешкольном вечере одну или несколько сцен из комедии (примерка кафтана, обучение Митрофана и др.).

А. Н. РАДИЩЕВ.
(1749—1802)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. РАДИЩЕВА.

Писатель-революционер и демократ. Среди русских писателей XVIII века Александр Николаевич Радищев занимает особое место. Де́ятельность таких писателей, как Державин, Фонвизин и других, безусло́вно имела большое прогресси́вное значение, однако эти писатели были далеки́ от революционных взглядов. Радищев же вошёл в историю нашей обще́ственной мысли как первый русский писатель-революционер и демокра́т.

Он первый из русских писателей выступил открыто в защиту многомиллио́нной массы русского крестьянства; он первый открыто обру́шился на поме́щиков-крепостнико́в и на самодержа́вие; он первый сумел отрази́ть в литературе стремле́ния русского народа к свободной и счастливой жизни и указать на высокие и благоро́дные качества в хара́ктере нашего народа.

«Твердость в предприя́тиях, неутоми́мость в исполне́нии — суть ка́чества, отличающие народ российский. О, народ, к вели́чию и сла́ве рождённый!», — так писал Радищев о народе, который всегда считал его своим чутким и верным сыном.

В. И. Ленин о любви русских революционеров к родине. Владимир Ильич Ленин в 1914 году писал о любви русских революционеров к родине, об их национа́льной го́рдости: «Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *её* трудящиеся массы (то есть $^{9}/_{10}$ *её* населения) поднять до созна́тельной жизни демокра́тов и социали́стов. Нам больне́е всего видеть и чувствовать, каким наси́лиям, гнёту и издева́тельствам подверга́ют нашу прекрасную родину царские палачи́, дворяне и капиталисты. Мы горди́мся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великору́ссов [1], что *эта* среда вы́двинула Радищева, декабристов, революционеров-разночи́нцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великору́сский мужик начал в то же время станови́ться демокра́том, начал сверга́ть попа и помещика». (В. И. Ленин, Собр. соч., XVIII, стр. 81.)

Отец Радищева. Радищев родился в 1749 году в семье помещика Сара́товской губернии (ныне Саратовской области). Отец Радищева был образованным и гума́нным человеком. Он сумел вызвать к себе уваже́ние и любовь со стороны своих крепостных крестьян. Позднее, во время Пугачёвского восстания, благода́рные крестьяне спасли́ жизнь старику Радищеву и его де́тям.

Годы учения в Москве и в Па́жеском ко́рпусе. Отец прояви́л много заботы, чтобы дать своему сыну прекрасное воспитание и образование. Сначала будущий писатель обуча́лся в семье. Восьми́ лет его отпра́вили в Москву для продолжения образования. Здесь он жил у ро́дственника своего, Арга-

[1] Великору́ссы — так называли тогда русских.

ма́кова, и обуча́лся вместе с его детьми. Среди учителей Радищева были профессора́ Московского университета и республика́нец-францу́з, оста́вивший свою родину вслéдствие преслéдований со стороны правительства.

Когда мальчику испóлнилось тринадцать лет, его отправили учиться в Петербург, в Па́жеский ко́рпус. Это было учебное заведение, со́зданное правительством для подгото́вки дворянских ю́ношей к придво́рной слу́жбе. Учеников часто отвлека́ли от учения для участия в придво́рных пра́здниках и церемо́ниях. Но Радищев не увлёкся придво́рной жизнью, он не потерял интереса к учению. Знание же придворной жизни он испóльзовал позднéе для того, чтобы реши́тельнее и рéзче напасть на самодержа́вный строй.

Жизнь за границей. В 1766 году Радищев с группой лучших учеников Па́жеского корпуса был отправлен за грани́цу для продолжения образования. Правительство хотело подгото́вить из ю́ношей образованных русских чино́вников.

В течение пяти лет Радищев занимался с исключи́тельным усéрдием. Он не терял времени напрасно. Кроме юриди́ческих наук, Александр Николаевич изучал филосóфию, естéственные науки, медици́ну; следил за худóжественной литературой Германии и Франции; читал книги наиболее передовы́х мысли́телей и писателей Запада (Руссо, Монтескьё и других), в которых он находил горячую прóповедь свободы, стра́стное обличéние рабства и тирании, разоблачéние религиозных предрассудков.

Во время ученья за границей Радищев очень подружи́лся с двумя товарищами из гру́ппы русских студентов — Ф. В. Ушако́вым и А. М. Кутýзовым. Ф. В. Ушаков (самый старший из них) оказал особенно большое влияние на будущего писателя. Он увлека́л Радищева своей стра́стью к науке, своим стремлéнием разреши́ть основные вопросы поли́тики и философии, своей борьбой с наси́лием. Радищев называл Ушакова «вождём своей юности». Ушаков умер за границей.

Служба и литературная деятельность. После возвращения Алéксандра Николаевича из Лéйпцига начинается его служéбная и литературная деятельность. На слýжбе он приобрёл известность своей чéстностью, незави́симостью своих сужде́ний.

Одновремéнно со слýжбой Радищев начал заниматься и литературной работой. Сначала это были перево́ды книг с иностра́нных языков. Однако уже и в перево́дах обнару́живаются

полити́ческие взгляды Радищева. Так, например, в книге Мабли́ «Размышле́ния о греческой истории», переведённой Радищевым на русский язык, встре́тилось слово *деспоти́зм*. Перево́дчик перевёл это слово на русский язык словом *самодержа́вство*. Затем он сделал к нему обши́рное примеча́ние, в котором встречаются такие выражения: «Самодержа́вство есть наипротивне́йшее человеческому естеству́ состоя́ние...», «Неправосу́дие государя даёт народу, его су́дии, то же и более над ним право, какое ему даёт закон над престу́пниками». В этих разъяснениях Радищева обосно́вывается право народа на революцию.

Пишет Радищев и некоторые оригинальные произведения.

Изда́ние книги «Путеше́ствие из Петербурга в Москву». Однако основным трудом его жизни была книга «Путешествие из Петербурга в Москву». Работал над этой книгой Радищев в течение многих лет. В 1790 году книга была напеча́тана им в собственной типогра́фии без указания и́мени автора. Часть отпеча́танных книг он передал в кни́жную лавку купца Зо́това для прода́жи, несколько экземпляров разосла́л своим знакомым. Остальные экземпля́ры оставил у себя.

Радищев и Екатерина II. Вы́ход книги оказался собы́тием огромного революционного значе́ния. В городе заговори́ли о ней. Книгой заинтересова́лась Екатерина. Она прочита́ла «Путешествие из Петербурга в Москву» и сделала свои́ замеча́ния на книге. Императри́ца поняла́ революционный смысл произведе́ния. Вот некоторые из её замеча́ний:

«Проти́ву двора́ и придво́рных[1] и́щет излива́ть свою злобу... Кло́нится к возмуще́нию крестьян проти́ву помещиков, войск, противу начальства... Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает... Сочини́тель везде ищет случай придра́ться к царю и власти...

...Надежду полагает на бунт от мужиков... Ода[2] совершенно и явно бунтовска́я, где царям грози́тся пла́хою...».

Своему секретарю́ Екатерина сказала об авторе книги: «Он бунтовщи́к, хуже Пугачёва».

Екатерина отдала приказ своему тайному палачу́ разыска́ть автора. Радищев, предупреждённый друзья́ми, поспеши́л

---

[1] Проти́ву двора и придво́рных — здесь: против правительства.

[2] Здесь речь идёт об оде «Вольность», включённой в книгу.

уничто́жить оста́вшиеся экземпля́ры «Путеше́ствия». Через несколько дней он был арестован. На допро́се Радищев держался очень осторожно, но доста́точно твёрдо. Он признал своё а́вторство, но никого из своих друзей и товарищей не вы́дал.

Суд, назна́ченный Екатери́ной, приговори́л Радищева к смертной ка́зни.

Лицеме́рная царица заста́вила утвердить приго́вор в двух высших госуда́рственных учрежде́ниях: снача́ла в сена́те, а потом в совете, после чего замени́ла сме́ртную казнь ссы́лкой на 10 лет в Сибирь (в Или́мск). Книга же была осуждена́ на сожже́ние. Ссылка в Или́мск, почти за семь тысяч верст, рассчи́тана была на то, что Радищев не выдержит пути и погибнет. Но его спас бывший его начальник по службе и друг А. Р. Воронцо́в, влия́тельный и богатый вельмо́жа. При помощи своих свя́зей он добился того, что Радищева везли в сно́сных условиях: сняли с него це́пи, дали тёплую одежду, разрешали остано́вки в крупных поселе́ниях и прочее.

Воронцо́в помог семье Радищева перебраться в Или́мск, снабжал его деньгами, книгами...

Тюрьма и ссылка не сломи́ли ду́ха Радищева. Он не отказался от своих убежде́ний. В Сибири Радищев продолжал свою литерату́рную работу.

Смерть писателя. После смерти Екатерины на русский престо́л вступил Павел. Он возврати́л из ссылки Радищева и разрешил ему жить в деревне без права передвиже́ния. Через несколько лет на престол вступил Александр. Подо́бно своей ба́бке Екатерине, он отличался большим лицеме́рием. Желая привлечь русских прогресси́вных людей на свою сто́рону, Александр давал обещание ввести́ новые законы, облегчи́ть положение крестьян и т. п. Радищева он восстанови́л в права́х и разрешил ему жить в Петербурге.

Через некоторое время Радищев был назна́чен членом комиссии по составле́нию новых законов. Он с жа́ром заня́лся новой работой. Однако скоро Радищев убедился, что Александр лишь на словах либера́л.

Пушкин, много изуча́вший Радищева, написал статью об этом писателе-революционере. В ней великий поэт так рассказывает о конце жизни Радищева: «Император Александр вспомнил о Радищеве... Он определил Радищева в комиссию составле́ния законов и приказал ему изложи́ть свои

мысли... Бедный Радищев... вспóмнил старинý и в проéкте, предстáвленном начальству, предáлся своим прéжним мечтáниям. Граф Завадóвский (председатель комиссии) удивился мóлодости его седúн и сказал ему с дружеским упрёком: «Ах, Александр Николаевич, óхóта тебе пустослóвить попрéжнему! Или мало тебе было Сибири?» В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорчённый и испуганный, он возвратился домой... и отравúлся». Это произошлó в 1802 году.

Цель написания книги «Путешествие из Петербурга в Москву». «Путешествие из Петербурга в Москву» даёт художественное изображение наибóлее важных сторóн русской жизни XVIII века. В предисловии автор говорит о той цели, которую он поставил перед своим трудом. Радищева поразúла картина бéдствий и несчáстий русского народа. Он пóнял, что все страдáния человека происходят от самогó человека, то-есть от эксплоатации человека человеком. После некоторых размышлéний он пришёл к выводу, что «возможно всякому соучáстником быть в благодéнствии себе подóбных».

Работа на пользу близких, работа для своего народа — вот та высокая и благорóдная задача, которую поставил перед собой Александр Николаевич Радищев.

Борьба с крепостничеством. Основной темой «Путешéствия» является крепостни́чество. Через целый ряд картин и óбразов Радищев показывает всю нелéпость и бесчеловéчность таких отношений людей друг к другу, которые получили название крепостни́ческих отношéний. Перед читателем проходят образы всевлáстных, хúщных, жадных и развратных помещиков-рабовладельцев.

Помещикам противопостáвлены крестьяне, беспрáвные и бедные, но трудолюбúвые, честные, способные в решúтельную минуту на геройзм.

Автор рисует ряд типичных для эпохи крепостни́чества сцен. Сцены эти вызывают у читателя чувство возмущéния и нéнависти к хозяевам жизни — помещикам. С другой стороны, они бýдят чувство жáлости и сострадáния к забúтому и беспрáвному народу.

В главе «Любáни» показан непосúльный труд крестьянина на помещика. В главе «Зáйцево» — картины бесчеловечной эксплоатации и унижéния человéческого достóинства крепостных рабов и стихúйное восстание этих рабов против угнетáтелей. В главе «Мéдное» — отвратúтельная сцена продажи с

аукцио́на крепостных крестьян. В «Горо́дне» — рекру́тчина (призыв в царскую армию).

Борьба с самодержавием. Другой темой, тесно свя́занной с первой, является самодержавие. Автор прекрасно понимает, что самодержавие опира́ется на помещиков-крепостников. Помещики подде́рживают самодержавие потому, что оно обеспе́чивает им возможность бесконтро́льно распоряжа́ться трудом и жизнью крестьян.

Радищев — я́рый противник самодержавия. В «Спа́сской полести» даётся картина состояния России при правительстве Екатерины. Ближайшими исполни́телями прика́зов монарха были люди, совершенно чуждые народу и его интересам. Их цель — личное благо. Бо́рются они за это благо са́мыми отврати́тельными сре́дствами: расхище́нием государственной казны, ограбле́нием народа, ле́стью госуда́рю и т. п.

Спасти народ от наси́лий помещиков и царя может лишь революция. Эта мысль автора «Путешествия» лежит не только в основе его системы о́бразов и картин, но нередко высказывается почти в прямо́й форме.

Так, например, в оде «Вольность» дан образ мона́рха-де́спота, надме́нного, жестокого и всевла́стного:

Чело́ [1] надменное вознёсши,
Схватив железный ски́петр, царь,
На гро́мном тро́не [2] власти се́вши,
В народе зрит [3] лишь по́длу тварь.

Угнетённый народ должен восстать и све́ргнуть де́спота. Это его право и обязанность. Царю угото́вана пла́ха.

Меч остр, я зрю [4], везде сверка́ет,
В различных ви́дах смерть летает
Над гордою главо́й царя.

Ликуйте, склёпанны [5] народы!
Се право мще́нное [6] приро́ды
На плаху возвело царя.

В главе «Вышний Волочо́к» показана чудо́вищная картина эксплоатации помещиком своих крестьян. Автор включает в эту главу слова, звучащие как прямой призы́в к восстанию.

[1] Чело́ — лоб; здесь: голова.
[2] На гро́мном тро́не — на троне, вселяющем страх (громный — от слова гром).
[3] Зрит (устаревшее слово) — видит.
[4] Зрю (устаревшее слово) — вижу.
[5] Скле́панны (склёпанные) — здесь: закованные, угнетённые.
[6] Право мще́нное — право мести.

«Богатство сего кровопи́йца ему не принадлежит: оно на́жито грабежом и заслуживает строгого в зако́не наказа́ния... Простри́те[1] на сего злодея ваше человеколюби́вое мще́ние. Сокруши́те орудия его земледелия. Сожгите его ри́ги, ови́ны, жи́тницы и разве́йте пепел по ни́вам, на них же совершалось его мучи́тельство...».

Радищев был уве́рен в неизбе́жности русской революции.

Картина продажи крепостных (в главе «Городня») для сдачи их в солдаты вызывает в авторе взрыв негодова́ния. «О! если бы рабы, — восклицает он, — тя́жкими узами отягчённые..., разбили железом... гла́вы бесчеловечных свои́х господ... Что бы тем потеряло государство?» Свой призы́в к восста́нию он заканчивает следующими словами: «Не мечта сие́, но взор проница́ет густую заве́су времени, от оче́й наших будущее скрыва́ющую; я зрю сквозь целое столетие».

Реализм Радищева. Революционные взгляды Радищева определили наибо́льшую правди́вость и зо́ркость его при изображе́нии жизни.

В выборе языковых средств Радищев также пошёл дальше своих совреме́нников. Он пользуется разли́чными элементами русского литературного языка, в зависимости от того, что является предметом его изображения. По вы́бору языко́вых средств, там, где речь идёт о высоком предмете (например в оде «Вольность»), Радищев близок к Ломоносову и Державину. Там же, где ему приходится давать бытовы́е картины (например, разговор с крестьянином в «Любани», описание избы в «Пешках»), Радищев пользуется живым разговорным языком, далёким от архаи́змов.

Значение творчества Радищева. Выше было отме́чено огромное значение Радищева для развития русского революционного движения. Велико́ было влияние писателя-революционера и на русскую литературу. В 1801 году организова́лась группа молодых писателей, высоко цени́вших творчество Радищева. Они разраба́тывали те же вопросы, которые разрабатывал и Радищев.

Большое влияние оказал писатель-революционер на творчество гениального русского поэта А. С. Пушкина. Ода «Вольность», напи́санная юношей Пушкиным, тесно свя́зана с одой «Вольность» Радищева.

---

[1] Простри́те (устаревшее слово) — распространи́те.

Подводя итоги своему творчеству, А. С. Пушкин в 1836 году в одной из реда́кций [1] своего «Памятника» писал:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обре́л,
Что вслед Радищеву восслáвил я свободу
И милосе́рдие воспе́л.

Русский народ глубоко чтит одного из величайших своих сынов. Предсказа́ния Радищева о неизбе́жности русской революции сбыли́сь.

В 1918 году русский народ поставил памятник Радищеву, первому писателю-революционеру.

[1] В одной из реда́кций — в одном из вариа́нтов, в одном из первоначальных набро́сков.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ.

(Отдельные главы.)

«Чу́дище о́бло, озо́рно, огро́мно, стозе́вно и ла́яй» [1].
«Тилемахи́да», том II, кн. XVIII, стих 514.
А. М. К. Любе́знейшему другу [2].

1. Любани.

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно́ [3]. Может быть, и зимою, и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на саня́х, а возвращаются на телегах. — Летом. Бревёшками вы́мощенная дорога заму́чила мои бока́; я вылез из кибитки и пошёл пешком ... В нескольких шагах от дороги увидел я па́шущего ни́ву крестьянина. Время было жа́ркое Посмотрел я на часы. — Пе́рвого сорок минут. — Я вы́ехал в субботу. — Сегодня праздник [4]. — Па́шущий кресть-

[1] «Чу́дище о́бло, озо́рно, огро́мно, стозе́вно и ла́яй» — чудовище толстое, большое, огромное, стозе́вное (имеющее сто пасте́й) и ла́ющее. (Эпиграф этот взят Радищевым из поэмы В. К. Тредьяко́вского «Тилемахи́да» с некоторыми изменениями. В одном стихе Тредьяковский даёт изображение мифологи́ческого существа́ — а́дского пса Це́рбера (Кербера). Радищев, взяв этот стих эпи́графом ко всей книге, относит его к самодержавно-крепостническому строю. Обло (старинное слово) — толстое, круглое; озорно (старинное слово) — большое, стозевно (старинное слово) имеющее сто пастей (зевов); лаяй (старинная форма) — лающее.

[2] А. М. К. Любе́знейшему другу. — Книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев посвятил своему другу Алексею Михайловичу Кутузову. В посвяще́нии автор указывает на своё отношение к окружающей жизни: «Я взглянул окрест (вокруг) меня — душа моя страданиями человечества уя́звлена стала». По мнению автора, «бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взира́ет непря́мо на окружающие его предметы». Цель написания книги — «соуча́стником быть во благоде́нствии себе подо́бных».

Книга состоит из 24 глав, на́званных именами почтовых станций между Петербургом и Москвой (Софи́я, То́сна и другие). Кроме того, в ней имеется: в начале — посвящение Кутузову и глава «Выезд», в конце — «Слово о Ломоносове».

[3] Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно́... — В этой фразе содержится намёк на то, что путешествие его — только своеобразный приём построения произведения, дающий возможность показать самые разнообра́зные сто́роны жизни.

[4] Сегодня праздник — сегодня воскресенье, то-есть седьмой день недели, пра́здничный день.

янин принадлежит, конечно, поме́щику, который обро́ку с него не берёт. — Крестьянин пашет с великим тща́нием [1]. — Ни́ва, конечно, не госпо́дская. — Соху́ повора́чивает с удиви́тельной лёгкостью. — «Бог в по́мощь» [2], — сказал я, подоше́д к па́харю, который, не останавливаясь, дока́нчивал за́чатую [3] бо́розду. — «Бог в помощь», — повторил я. — «Спасибо, барин», — говорил мне пахарь, отряха́я сошни́к и перенося соху на новую борозду. — «Ты, конечно, раско́льник [4], что пашешь по воскресеньям?» — «Нет, барин, я прямым [5] крестом крещу́сь, — сказал он, показывая мне сло́женные три перста́ [6]. — А бог ми́лостив, с голоду умирать не велит, когда есть сила и семья». — «Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресе́нью не спуска́ешь, да ещё и в самый жар?» — «В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на ба́рщину [7]; да под вечером возим оста́вшее [8] в лесу сено на господский двор, коли погода хороша́; а бабы и де́вки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы́ да по я́годы. Дай бог (крестяся), чтобы под вечер сегодня дождик пошёл. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у го́спода молят...»

— У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянёт. Велика́ ли у тебя семья?» — «Три сына и три дочки. Пе́рвенькому-то десятый годок!..» — «Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?» — «Не одни праздники — и ночь наша. Не лени́сь наш брат, то с голоду не умрёт. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьму́сь за другую; дело-то и спо́ро!..» — «Так ли ты работаешь на господи́на своего?» —

---

[1] Тща́ние (старое слово) — старание, усе́рдие.

[2] Бог в помощь (старое выражение) — пусть поможет бог (приветствие-поговорка, возни́кшая среди религиозных людей).

[3] За́чатую (старое слово) — начатую.

[4] Раско́льник (от слова раскол) — человек, приде́рживающийся старых христиа́нских обря́дов, иначе — старообря́дец; раскол — религиозное движение XVII века, порва́вшее связь с госпо́дствующей русской правосла́вной це́рковью.

[5] Прямой — здесь: правильный.

[6] Перст (старое слово) — палец.

[7] Обро́к и ба́рщина — две различные формы эксплоатации помещиками своих крепостных крестьян: при оброке крестьянин давал помещику определённую сумму денег и проду́кты, при ба́рщине крестьянин работал на поле или в уса́дьбе помещика.

[8] Оста́вшее (нелитературная форма) — оставшееся.

«Нет, барин, грешно́ было бы так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи́ ртов, сам ты счёт знаешь. Да хотя растяни́сь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин поду́шных[1] не запла́тит; ни бара́на, ни холста́, ни курицы, ни ма́сла не усту́пит. То ли житьё нашему брату, как где барин оброк берёт с крестьянина, да ещё без прика́щика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трёх рублей с души; но всё лучше ба́рщины. Ныне ещё пове́рье заво́дится: отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это: отдавать голово́й. Голый наёмник дерёт с мужиков ко́жу; даже лучшей поры́ нам не оставляет. Зимою не пускает в изво́з, ни в работу в город; всё работай на него, для того что он поду́шные пла́тит за нас. Самая дья́вольская вы́думка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного прикащика хотя можно пожа́ловаться, а на наёмника кому?» — «Друг мой, ты ошиба́ешься, мучи́ть людей зако́ны запрещают». — «Мучить? Правда; но небо́сь, барин, не захо́чешь в мою ко́жу?» — Между тем па́харь запряг другую лошадь в соху и, начав новую бо́розду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбуди́л во мне множество мыслей. Первое предста́вилось мне нера́венство крестьянского состоя́ния. Сравнил я крестьян казённых[2] с крестьянами поме́щичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни су́дятся своими ра́вными, а другие в законе мертвы́, разве по делам уголовным. — Член общества стано́вится только тогда изве́стен правительству, его охраня́ющему, когда нарушает союз обще́ственный, когда стано́вится злоде́й! Сия́ мысль всю кровь во мне воспали́ла. — «Страши́сь, помещик жестокосе́рдый, на челе́ каждого из твоих крестьян вижу твоё осужде́ние». Углублённый в сих размышле́ниях, я нечая́нно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны́ в сто́рону... Мне так стало во внутренности моей[3] стыдно, что едва я не запла-

---

[1] Поду́шные — деньги, упла́чиваемые крестьянами государству в ви́де налога.

[2] Казённые крестьяне — крестьяне, принадлежа́вшие казне́, то-есть государству.

[3] Во вну́тренности моей (устаревшее выражение) — здесь: в душе моей.

кал. «Ты во гневе твоём, — говорил я сам себе, — устремля́ешься на го́рдого господи́на, изнуря́ющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или ещё хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспреща́ешь по́льзоваться услади́телем наших бедствий, величайшим да́ром природы несча́стному, — сном? .. Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу́ ни плетьми́, ни батожьём [1]. (О, уме́ренный человек!) — И ты думаешь, что кусок хлеба и лоску́т сукна тебе дают право поступать с подо́бным тебе существом, как с ку́барем [2], и тем ты только хва́стаешь, что не часто подсека́ешь его в его верте́нии. Ве́даешь ли, что в первенственном уложе́нии, в сердце каждого написано? Если я кого уда́рю, тот и меня уда́рить может... Вспо́мни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощёчине. О, если бы он тогда хотя пьяный опо́мнился и тебе отвечал бы соразме́рно твоему вопросу! — А кто тебе дал власть над ним? — Закон. — Закон? И ты смеешь поноси́ть сие свяще́нное имя? Несча́стный...» Слёзы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые кля́чи дотащи́ли меня до следующего ста́на.

Вопросы.

1. При каких условиях встретил путешественник крестьянина?
2. Почему крестьянин работал в пра́здничный день?
3. Когда крестьянин работал на помещика и когда на свою семью?
4. Как оце́нивал крестьянин три фо́рмы эксплоатации поме́щиками своих крепостны́х?
5. Какие мысли вызвал в путешественнике разговор с крестья́нином?
6. Что вспомнил путешественник, взглянув на своего слугу?

Задания.

I. Выпишите из главы «Любани» фразы, в которых соде́ржится прямо́е осуждение крепостни́чества и призыв к его уничтожению.

II. Сравни́те по языку первую и вторую половину этой главы «Путешествия из Петербурга в Москву»; покажите сравни́тельную простоту начала (разговор с крестьянином) и большу́ю кни́жность языка во второй половине.

---

[1] Батожьём — батогами, палками.

[2] Куба́рь — детская игрушка в виде ша́рика, укреплённого неподвижно на оси, около которой он вращается при пуска́нии.

2. Пешки.

Сколь[1] мне ни хотелось поспешать в окончáнии моего путешествия, но, по послóвице, голод — не свой брат, принудил меня зайти в избу и, докóле не доберýся опять до рагý, фрикасé, паштéтов[2] и прочего французского кýшанья, на отрáву изобретённого, принудил меня пообедáть старым куском жареной говя́дины, которая со мною ехала в запáсе. Пообéдав сей раз гораздо хуже, нежели иногда обедают многие полковники (не говорю о генералах) в дáльних похóдах, я, по похвáльному общему обыкновéнию, налил в чашку приготóвленного для меня кóфию и услаждáл прихотли́вость мою плодáми пота несчастных африканских невóльников[3].

Увидев предо мною сахар, месúвшая квашню́[4] хозяйка подослáла ко мне маленького мальчика попросить кусочек сего боя́рского[5] кýшанья.

— Почему боярское? — сказал я ей, давая ребёнку остаток моего сáхара, — неужели и ты его употреблять не можешь?

— Потому и боярское, что нам купить его не на что; а бояре его употребляют для того, что не сами достаю́т деньги. Правда, что и бурми́стр[6] наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слёзы.

— Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?

— Не все, но все господá дворя́не. Не слёзы ли ты крестьян своих пьёшь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?

Говоря сиé, показывала она мне состáв своего хлеба. Он состоял из трёх четвертéй мяки́ны[7] и одной части несéяной муки.

— Да и то слава богу при ны́нешних неурожáях. У многих сосéдей наших и того хуже. Что ж вам, боя́ре, в том прибыли,

---

[1] Сколь (старинное слово) — сколько.

[2] Рагý, фрикасé, паштéты — названия кýшаний.

[3] Плоды пота африка́нских невóльников — так называет Радищев кофе, доставля́вшееся из колóний, в частности из Африки.

[4] Квашня́ — сосуд, в котором приготовляют тесто для хлеба.

[5] Боярское — относящееся к боярину; боярин — зна́тный и родови́тый помещик.

[6] Бурми́стр — управитель ба́рским имéнием, назнача́вшийся обычно из богатых крестьян.

[7] Мяки́на — отбрóсы, получа́ющиеся при молотьбé хлеба и состоящие из облóмков стеблéй, колóсьев и пр. Мякина идёт на корм скоту.

что вы едите сахар, а мы голо́дны? Ребята мрут, мрут и взрослые. Но как быть? Потужишь, потужишь, а делай то, что господин велит! — И начала сажа́ть хлебы в печь.

Сия укори́зна, произнесённая не гневом или негодова́нием, но глубоким ощуще́нием душе́вной ско́рби, испо́лнила сердце моё гру́стию. Я обозрел в первый раз внимательно всю у́тварь крестьянской избы. Первый раз обратил сердце к тому, что досе́ле на нём скользи́ло. — Четыре стены, до половины покры́тые так, как и весь потолок, са́жею; пол в щеля́х, на вершок, по крайней мере, поро́сший гря́зью; печь без трубы́, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполня́ющий избу; око́нчины [1], в коих натя́нутый пузы́рь, смерка́ющийся в полдень, пропускал свет; горшка́ два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи!). Деревянная чашка и кружки́, тарелками называ́емые; стол, топором сру́бленный, который скобля́т скребко́м по праздникам. Кормы́то кормить свиней или телят, бу́де есть [2], спать с ними вместе, глотая воздух, в ко́ем горя́щая свеча как будто в тумане или за заве́сою кажется. К сча́стию, ка́дка с квасом, на у́ксус похожим, и на дворе баня, в ко́ей коли не па́рятся, то спит скотина. Поско́нная рубаха [3], обувь, данная природою, ону́чки [4] с лаптями для выхода. — Вот в чём почитается по справедли́вости источник государственного избы́тка, силы, могу́щества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребле́ния законов и их шерохова́тая, так сказать, сторона. Тут видна а́лчность [5] дворянства, грабёж, мучи́тельство наше и беззащитное нищеты́ состояние. — Звери алчные, пия́вицы ненасы́тные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух. Отъе́млем нередко у него не то́кмо дар земли, хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъя́ти у него жизнь. — Но разве мгнове́нно. Сколько способов отъя́ти её у него постепенно! С одной стороны — почти всеси́лие, с другой — не́мощь беззащи́тная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законода́тель, су́дия, исполни́тель своего решения и, по желанию

---

[1] Око́нчины (старинное слово) — око́нные рамы.

[2] Бу́де есть (старинная форма) — если есть.

[3] Поско́нная рубаха — рубаха из посконины, то-есть из грубой ткани, изготовля́емой крестьянами из конопли́.

[4] Ону́чки — обёртки из холста для ног (при ношении лаптей).

[5] Алчность — жадность.

своему, истéц, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклёпанного во узы[1], се жребий заключённого в смрáдной[2] темнице, се жребий вола во ярмé...[3].

Жестокосéрдый помещик, посмотри на детей крестьян тебе подвлáстных. Они почти нагú. Отчего? не ты ли рóдших их в болезни и горести обложúл сверх всех полевых работ оброком? Не ты ли несотканное еще полотнó определяешь себе в пользу? На что тебе смрáдное рубище[4], которое к нéге привыкшая твоя рука подъяти гнушáется? Едва послужит оно на отирание служащего тебе скотá. Ты собираешь и то, что тебе не нáдобно, несмотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Неусыпный сей деяний твоих страж уловит тебя наедине, и ты почувствуешь его кáры. О, если бы они были тебе и подвлáстным тебе на пользу!..

Вопросы.

1. Какой разговор произошёл у путешественника с хозяйкой избы?
2. Что увидел он в избе?
3. Кто виновник нúщенского и беспрáвного существования крестьянина?
4. Как называет автор помещиков?
5. С чем срáвнивает он судьбу крестьянина? (Выпишите цитаты.)

Задания.

I. Отметьте несколько риторúческих вопросов, восклицáний и незакóнченных фраз, в которых раскрываются различные чувства автора (чувства негодовáния, жáлости, презрéния и другие).

II. Сопостáвьте план главы «Пешки» с планом главы «Любани». Сравните диалог здесь и там. Что в нём общего?

III. Перечитайте описание избы. Какими подрóбностями подчéркивает Радищев бедность обстановки?

VI. В приведённом ниже отрывке замените вúделенные слова другими, более вам понятными:

«С одной стороны — почти всесилие, с другой — нéмощь беззащúтная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодáтель, судия, исполнúтель своего решения и, по желанию своему, истéц, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклёпанного во узы, се жребий заключённого в смрáдной темнúце, се жребий вола во ярме».

---

[1] Заклёпанный во узы (старинное выражение) — закованный в кандалы (в цепи).

[2] Смрáдная — здесь: плохо пáхнущая.

[3] Ярмó — деревянный хомýт, приспособлéние для ýпряжи вола.

[4] Рýбище — жалкая, рваная одежда.

Раздел четвёртый

ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

И. А. КРЫЛОВ.

(1769—1844)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. А. КРЫЛОВА.

Ива́н Андре́евич Крыло́в — знамени́тый ру́сский баснопи́сец. Он принадлежи́т к числу́ тех немно́гих поэтов и писа́телей, кото́рые, спустя́ почти́ два столе́тия, мо́гут предста́ть перед свои́ми пото́мками во всей силе и све́жести своего́ самобы́тного дарова́ния. Его высокохудо́жественные произведе́ния, не устаре́вшие от вре́мени, до сих пор волну́ют нас глубино́й за́мысла, жи́зненной правди́востью опи́сываемых положе́ний и простото́й фо́рмы. «Самый наро́дный из ру́сских поэтов», как назва́л его Пу́шкин, Крыло́в жил жизнью наро́да, мы́слил его мы́слями, страда́л его страда́ниями и стал вырази́телем его мы́слей и дум, борцо́м и защи́тником.

Детство Крылова. Родился Иван Андреевич в 1769 году в семье армейского офице́ра, скоро переше́дшего на гражданскую службу в качестве мелкого чиновника. Детские годы поэта прохо́дят сначала в Оренбу́рге, а затем в Тве́ри (теперь г. Калинин), куда отец его, выйдя в отставку, переехал с семьёй. О детстве и ранней юности баснописца имеется очень мало точных и прове́ренных све́дений, да и сам Крылов не любил вспоминать об этом периоде своей жизни.

Образование он получил домашнее. Очень много в этом помога́ла ему его мать, женщина умная, хотя и необразо́ванная.

Она приохо́тила его к чтению книг, развива́я в нём волю и упорство в преодоле́нии трудностей. Чтобы помочь своему сыну изучить французский язык, она, например, заставля́ла его каждый день читать ей французские книги, хотя сама ни слова не понима́ла из того, что он читал.

Самостоятельная жизнь. Со смертью отца (сыну Ивану было всего девять лет, когда умер отец) в семью пришла бедность. Мать, оста́вшаяся без всяких средств, вы́нуждена была определить десятилетнего сына на службу в у́ездный суд. Мальчик получал очень ску́дное[1] вознагражде́ние, и оно являлось почти еди́нственным источником существова́ния семьи.

Четырнадцатиле́тним мальчиком Крылов переезжает с матерью в Петербург и поступает на службу в казённую палату секретарём. Жизнь в столи́це расши́рила его интересы; он попре́жнему много читает, стра́стно увлекается театром, сближа́ется с артистами, литераторами и сам начинает про́бовать свои силы[2] в литературе.

В 1783 году им напи́сана первая пьеса «Кофейница», за которой после́довал ряд комедий, комических опер[3] и трагедий.

Журнальная де́ятельность. В 1787 году в журналах появляются первые произведения Крылова, а через два года, в 1789 году, он выступает уже со своим собственным журналом под названием «По́чта ду́хов», просуществова́вшим недолго (меньше года) и име́вшим семьдесят подпи́счиков. После того, как «Почта духов» была закрыта, Крылов вместе с другими писателями издаёт журнал «Зритель», потом «Санкт-Петербургский Меркурий» и развивает широкую литературную де́ятельность.

Как писатель Крылов находился под сильнейшим влиянием А. Н. Радищева, который был идейным вождём и учителем передовой молодёжи той поры. Подобно Радищеву, он борется с социа́льным злом, резко нападает на крепостное право, критикует вельмо́ж[4], царскую власть, рисует разложе́ние нравов

[1] Ску́дное — небольшое, малое вознагражде́ние.

[2] Про́бовать свои силы — начинать что-нибудь делать в первый раз.

[3] Коми́ческая опера — комедия со вставными купле́тами для пения.

[4] Критикует вельмо́ж — резко осужда́ет зна́тных царских сано́вников, крупных чиновников. Вельможа — знатный, богатый и влия́тельный человек в старое время.

дворянского общества. Всё это обратило внимание правительственных органов на литературную деятельность Крылова. В результате журнал был запрещён, типография закрыта, а сам Крылов должен был, по указанию начальства, покинуть Петербург.

Вынужденный долгие годы жить в провинции и выступать то в качестве секретаря какого-нибудь вельможи, то просто жить без определённых занятий, Крылов тем не менее не оставляет литературной работы. Например, живя в имении князя Голицына, он написал пьесу, в которой резко и зло высмеял режим[1] императора Павла.

По возвращении в Петербург он продолжает свою литературную деятельность и одновременно работает в Публичной библиотеке, в которой он прослужил 29 лет. Умер писатель в 1844 году.

Характеристика творчества. Многообразно и многосложно было творчество Крылова. Он писал и журнальные статьи, и драматические произведения, и басни. И только, пожалуй, басни были той формой творчества, которая больше всего соответствовала природе дарования Крылова. Из всего, написанного им, басни, бесспорно, имеют для нас наибольшую ценность. Да и для самого Крылова этот жанр[2] был излюбленным жанром его творчества. Он нашёл себя в басне, точно так же, как басня нашла в его лице гениального мастера, который довёл её до поэтического совершенства, вывел на площадь и сделал подлинно-народным жанром.

К басням, как к основному виду своего творчества, Крылов обратился в самом начале XIX века (в 1805 году), хотя пробовал свои силы в этом жанре и раньше. Его увлекала в басне её простота, её доступность народным массам, её аллегорическая, иносказательная форма, которая давала возможность говорить намёками о самых острых и злободневных вопросах.

Басня — это краткий рассказ обычно в стихотворной форме. В качестве действующих лиц в басне часто выступают звери, птицы и пр., причём автор наделяет их свойствами и качествами людей. Чаще всего в тех или иных образах зверей высмеиваются человеческие недостатки или пороки целых соци-

---

[1] Режим — здесь: система управления.

[2] Жанр — род творчества писателя.

альных групп. Поэтому басня всегда имеет скрытый, иносказа́тельный смысл. Это иначе называют аллего́рией басни. Характерный элемент басни — это наставле́ние, нравоуче́ние или мораль. Автор как бы обращается к читателю с определённым выводом и говорит как нужно и как ненужно поступать, обличает пороки и способствует их изживанию.

Басни Крылова — это и есть коро́тенькие нравоучи́тельные рассказы в стихах. Часто в этих рассказах приводится разговор между действующими лицами, иску́сно [1] характеризу́ющий героев басни. Борясь с теми или иными поро́ками людей, обличая́ [2] зло, басня всегда в качестве положительного противове́са выставляет добро́. В этом её нравоучи́тельное значение. Поуче́ние или так называемая мораль басни иногда даётся после рассказа, иногда перед рассказом, например, в баснях «Обо́з», «Свинья под ду́бом», «Осёл и Соловей» поучение даётся после рассказа, а басня «Ворона и Лисица» прямо начинается с поуче́ния: «Уж сколько раз твердили́ миру, что лесть гнусна́, вредна́ ...» Бывают басни, мораль которых даётся в самом рассказе.

Всего Крылов написал более двухсот басен, и все они поражают нас я́ркостью и со́чностью кра́сок, правди́востью жи́зненных положе́ний, чрезвыча́йной сжа́тостью и преде́льной выразительностью языка. Несколько метких слов и выражений, два-три характе́рных штриха, и перед нами встаёт соверше́нно зако́нченный образ.

В основе басен И. А. Крылова всегда лежит какой-нибудь конкретный случай, происше́ствие, факт. Поэтому мораль даётся в его баснях не в отвлечённой форме рассуждений, а как неизбежный вывод, как следствие из того или иного описанного случая или факта.

Тема́тика басен Крылова чрезвычайно разнообра́зна. Вот ряд басен: «Слон на воево́дстве», «Лисица и Суро́к», «Крестьянин и Овца» и другие. Здесь Крылов со всей силой своей сатиры обру́шивается на неправосу́дие, взя́точничество, подку́пность и а́лчность [3] чиновников, которые до́чиста грабят народ. Тунея́дство [4] дворян, их спеси́вая [5] гордость и хвастов-

[1] Иску́сно — умело, ярко, выразительно.
[2] Обличая́ — резко критикуя.
[3] Алчность — здесь: жадность, стремление к обогаще́нию.
[4] Тунея́дство — дармое́дство.
[5] Спеси́вая — надме́нная, высокомерная, ва́нная.

ство́ высме́иваются в таких баснях, как «Собака и Лошадь», «Листы и Корни», «Гуси».

В целом ряде басен Крылов обличáет обман и плутовство́ («Купец»), ложь и мни́мую[1] дру́жбу («Лжец», «Собачья дружба»), лень и легкомы́слие («Стрекоза́ и Муравей»), невежество и глупость («Осёл и Соловей», «Петух и жемчу́жное зерно») и много других поро́ков.

Целый ряд басен напи́сан Крыловым на исторические темы; это прежде всего басни, свя́занные с обстоя́тельствами Отечественной войны 1812 года или другими какими-либо важными событиями. К такого рода басням отно́сятся «Волк на псáрне». «Обоз», «Ворона и Лисица», «Щука и Кот» и другие. Например, в басне «Волк на псарне» в образе Волка изображён Наполео́н, в образе ло́вчего — знамени́тый русский полково́дец Кутузов. В басне «Обоз» в иносказа́тельной форме опрáвдывается мудрая и еди́нственно правильная в тогда́шних условиях войны та́ктика Кутузова, не спеши́вшего с генеральным сражением против Наполеона и тем самым сохрани́вшего армию для дальнейших наступательных действий. Во всех этих баснях Крылов выступает как настоящий, по́длинный русский патриот, для которого бла́го оте́чества[2] важнее и превы́ше всего.

Для изображе́ния своих героев Крылов чаще всего по́льзовался о́бразами животных. Хитрая и кова́рная лиса, упря́мый осёл, жа́дный волк, неповоро́тливый и несообрази́тельный медведь, трусли́вый заяц, неве́жественная, глу́пая свинья — вот основные крыло́вские образы из животного мира. Но только на первый взгляд басни Крылова кажутся бесхи́тростными рассказами о зверях, об их смешны́х и глупых проде́лках. А на самом деле, всмотре́вшись в крыловских зверей, нетрудно убедиться, что за их поро́ками скрываются не только человеческие, людски́е пороки, но и пороки обще́ственные, социальные.

Язык басен И. А. Крылова отличается простотой, я́сностью и необычайной жи́востью. Это в полном смысле слова народный язык. Заслуга Крылова в том, что он едва ли не самый первый из русских писателей ввёл в нашу литературу этот о́бразный, ме́ткий и со́чный народный язык, насы́щенный посло́вицами и погово́рками. Многими его выраже́ниями в силу их

---

[1] Мни́мый — не настоящий, ложный.

[2] Бла́го отечества — счастье, величие родины.

меткости и остроты мы часто по́льзуемся в нашей обихо́дной речи. Вот примеры таких метких выражений и поговорок:

Дело мастера боится. Сильнее кошки зве́ря нет. Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. У сильного всегда бессильный виноват. Слона-то я и не приметил. А вы, друзья, как ни сади́тесь, всё в музыканты не годитесь.

Все это свидетельствует о том, что творчество Крылова в своей основе близко народной поэзии и по духу, и по «живопи́сному способу выражения» мыслей.

Крылов в оценке совреме́нников. Пушкин высоко ценил басни Крылова и называл его «поэтом и́стинно-наро́дным». Белинский также восторга́лся ими и считал Крылова «великим русским поэтом». Вот, например, что он писал о басне «Крестьянин и Овца», которую считал едва ли не лучшей из всех его басен: «...Это по́весть, коме́дия, юмористи́ческий о́черк, злая сатира, сло́вом, что хотите, только не просто басня... Это поэтическая картина одной из сторон о́бщества, маленькая комедийка, в которой удивительно верно вы́держаны характеры действующих лиц, действующие ли́ца говорят каждое сообра́зно с своим характером и своим знанием».

Большое общественно-воспита́тельное значение басен Крылова оцени́ли уже его современники. Поэт Вя́земский, называя его глубоким мудрецом, писал о нём:

Где нужно, он наве́сть умеет
Своё волшебное стекло,
И в зеркале его яснеет
Суровой и́стины чело́.
Весь мир в руках у чародея,
Все тва́ри дань ему несут:
По дудке нашего Орфе́я[1]
Все звери пляшут и поют.

Заба́вой он людей исправил,
Сметая с них поро́ков пыль;
Он ба́снями себя просла́вил
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затверди́ли,
Её и внуки затвердят...

В условиях нашей советской действительности басни Крылова имеют большое значение, так как они во многом могут быть испо́льзованы в борьбе с пережитками старого в сознании и поведении людей.

В памяти своего народа Крылов всегда будет жить как великий русский писатель и патриот, как критик человеческих поро́ков и обличи́тель социальных несправедли́востей, как борец против тунея́дства и угнетения за свободную, трудовую, полную созида́тельного творчества жизнь.

[1] Орфе́й — здесь в значении — поэт.

ОБОЗ.

С горшками шёл обоз [1],
И на́добно с крутой горы [2] спуска́ться.
Вот, на горе́ других оста́вя дожида́ться,
Хозяин стал сводить лего́нько первый воз.
Конь добрый на крестце́ [3] почти его понёс,
Кати́ться во́зу не давая;
А лошадь све́рху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай конь хвалёный [4], то-то диво [5]!
Смотрите: ле́пится, как рак [6];
Вот чуть не зацепи́л за камень. Ко́со! кри́во!
Смеле́е! Вот толчок опять:
А тут бы вле́во лишь принять [7].
Какой осёл! Добро бы было [8] в гору
Или в ночную по́ру;
А то и по́д-гору, и днём
Смотреть, так выйдешь из терпе́нья!
Уж воду бы таска́л, коль [9] нет в тебе уменья!
Гляди́-тко нас [10], как мы махнём [11]!
Не бойсь, минуты не потра́тим,
И возик свой мы не свезём, а ска́тим.
Тут, вы́гнувши хребе́т [12] и понату́жа [13] грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под-гору она переваля́лась,
Воз начал напирать, телега раскати́лась:
Коня толкает взад, коня кидает в бок;

---

[1] Обо́з — множество повозок.
[2] Крута́я гора — не пока́тая, а почти отве́сная.
[3] Кресте́ц — у лошади задняя часть позвоно́чного столба́.
[4] Конь хвалёный — хороший конь, конь, которого всегда хвалят.
[5] То-то ди́во — вот смешно, вот странно.
[6] Ле́пится, как рак — здесь в значении: медленно спускается, медленно тащится, как рак.
[7] Вле́во лишь принять — взять влево.
[8] Добро́ бы было — было бы ещё простительно, понятно.
[9] Коль — если.
[10] Гляди-тко нас — посмотри-ка на нас.
[11] Махнём — здесь в значении: помчимся.
[12] Хребе́т — середи́на спины; то место, где проходит позвоно́чный столб.
[13] Понату́жа — напряга́я.

Пустился конь со всех четы́рех ног[1]
На славу[2];
По камням, ры́твинам[3] пошли толчки,
Скачки́,
Левей, леве́й, и с возом — бух в кана́ву![4]
Прощай, хозяйские го́ршки![5]
Как в людях многие имеют слабость ту же:
Всё кажется в другом оши́бкой нам;
А при́мешься за дело сам,
Так напрока́зишь вдво́е хуже[6].

Примечание.

Басня «Обоз» принадлежит к числу исторических басен. В ней И. А. Крылов в иносказательной форме оправдывает медлительный образ действий Кутузова, который, несмотря на упрёки со стороны вы́сшей знати и самого царя, не спешил с генеральным сражением против Наполеона. Тактика Кутузова заключа́лась в сохране́нии своих сил и хоть в ме́дленном, но неукло́нном ослабле́нии врага без сражений, в ослаблении его измо́ром (голодом). Эта тактика в тогда́шних условиях войны по́лностью оправда́ла себя.

Басня «Обоз» может быть истолко́вана и более широко. Она учит тому, что всякую работу следует исполня́ть умело, толко́во, с терпением и осторожно.

Вопросы.

1. В чём проявилась осторо́жность хозяина и его доброго коня при спуске с горы?
2. В чём прояви́лось хвастовство́ и неосторо́жность молодой лошади?
3. Каков вывод автора?
4. К каким слу́чаям жизни можно применить основную мысль этой басни?

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ.

Свинья под Дубом вековы́м[7]
Наелась жёлудей досы́та, доотва́ла[8];
Наевшись, вы́спалась под ним;
Потом, глаза продра́вши[9], встала.

---

[1] Со всех четы́рех (четырёх) ног — очень быстро.
[2] На сла́ву — отлично.
[3] Ры́твина — ров, яма от дождей.
[4] Бух в канаву — упал в канаву.
[5] Прощай хозяйские горшки́ — здесь в значении: пропали хозяйские горшки.
[6] Напрока́зишь вдвое хуже — наделаешь больше всяких бед.
[7] Вековóй дуб — старый долговéчный.
[8] Наéлась доотва́ла — наелась до́сыта, так, что больше не могла есть.
[9] Глаза продра́вши — открыв глаза после сна, проснувшись.

И ры́лом [1] подрыва́ть у Ду́ба корни стала.
«Ведь это дереву вреди́т», —
Ей с Дубу Во́рон говорит: —
«Коль [2] корни обнажи́шь, оно засо́хнуть может».
— «Пусть сохнет», — говорит Свинья: —
«Ничуть меня то не трево́жит [3];
В нём про́ку [4] мало вижу я,
Хоть век его не будь, ничуть не пожале́ю;
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею».
— «Неблагода́рная!» — приме́лвил [5] Дуб ей тут: —
«Когда бы вверх могла поднять ты ры́ло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Неве́жда так же в ослепле́нье
Брани́т науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкуша́ет [6] их плоды.

Вэпросы.

1. Что делала Свинья под Дубом?
2. Что сказал ей Ворон и как она ему ответила? Что проме́лвил Дуб в ответ на слова Свиньи?
3. С кем автор сра́внивает Свинью?
4. Основная мысль этой басни — обличе́ние невежества. В каких слу́чаях жизни может быть применена́ мысль басни?

Задания.

1. Приготовьте эту басню для чтения по ролям.
2. Выучите басню наизу́сть без последних четырёх строк.

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ.

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружи́ще [7]!

---

[1] Ры́ло — вытянутая вперёд передняя часть головы у животных, мо́рда.
[2] Коль — если.
[3] Не тревожит — не беспокоит.
[4] Про́ку мало — мало пользы.
[5] Приме́лвил (промолвил) — сказал.
[6] Вкуша́ть — есть, питаться.
[7] Дружи́ще — увеличи́тельно-ласка́тельная форма от слова *друг*; мастери́ще — увеличительно-ласкательное от слова *мастер*.

Ты, ска́зывают, петь великий масте́рище [1]:
Хотел бы очень я
Сам посуди́ть, твоё услы́шав пенье,
Вели́ко ль подлинно твоё уменье?»
Тут Соловей явля́ть своё искусство стал [2]:
Защёлкал, засвиста́л
На тысячу ладо́в [3], тянул, переliва́лся [4];
То нежно он ослабева́л,
И то́мной вдалеке́ свире́лью [5] отдава́лся,
То мелкой дро́бью вдруг по ро́ще рассыпа́лся [6].
Внима́ло всё тогда
Любимцу и певцу Авро́ры [7];
Затихли ветерки́, замо́лкли птичек хо́ры,
И прилегли стада́.
Чуть-чуть дыша́, пастух им любовался
И только иногда,
Внима́я Соловью [8], пасту́шке улыбался.
Скончал певец. Осёл, уста́вясь в землю лбом,
«Изря́дно» [9], — говорит: — «Сказать нело́жно [10],
Тебя без скуки слушать можно,
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом:
Ещё б ты боле навостри́лся [11],
Когда бы у него немножко поучился».

---

[1] Ты, сказывают, петь великий мастери́ще — ты, говорят, хорошо поёшь.

[2] Являть своё иску́сство стал — показывать, обнару́живать своё уменье.

[3] Засвиста́л на тысячу ладов — засвистал различным образом, множество раз меняя свой голос.

[4] Переliва́лся — здесь в значении: подражал го́лосом журча́нию переliва́ющегося ручейка́.

[5] То́мной свире́лью — здесь в значении: не́жной мело́дией.

[6] Дро́бью рассыпа́лся — пенье соловья похоже на удары дроби по какому-либо твёрдому предмету.

[7] Авро́ра — утренняя заря.

[8] Внима́я соловью — слушая соловья.

[9] Изря́дно — здесь: неду́рно, довольно хорошо.

[10] Сказать нело́жно — говоря по правде.

[11] Навостри́лся — научился, наловчи́лся.

Услыша суд [1] такой, мой бедный Соловей
Вспорхну́л и — полетел за три́девять полей [2].
Изба́ви [3] бог и нас от этаких судей!

Вопросы.

1. Что сказал Осёл, увидев Соловья?
2. Как пел Соловей и как слушали его пенье?
3. Каков суд Осла и его совет?
4. Что хотел автор сказать этой басней?

Упражнения.

I. Перепиши́те то место басни, где автор описывает пение Соловья.
II. Разбе́йте текст басни на ча́сти, согла́сно следующим пунктам плана:
   1) Просьба Осла
   2) Пение Соловья.
   3) Восхище́ние этим пением.
   4) Суд Осла.
   5) Отноше́ние Соловья к такому суду.
   6) Вывод автора.
III. Выучите наизусть эту басню.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
Броса́я по доли́не тень,
Листы на дереве с зефи́рами [4] шептались,
Хвалились густото́й, зелёностью своей,
И вот как о себе зефирам толковали:
—«Не правда ли, что мы краса́ доли́ны всей?
Что на́ми дерево так пы́шно [5] и кудря́во [6],
Раски́дисто и велича́во?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха́!
Не мы ль от зно́я [7] пастуха
И странника [8] в тени прохла́дной укрываем?

---

[1] Суд — здесь: отзыв, суждение, мнение.
[2] Полетел за три́девять полей — полетел очень далеко.
[3] Изба́ви — спаси.
[4] Зефи́р — олицетворение лёгкого и тёплого ветра.
[5] Пы́шно — богато, прекрасно, великолепно.
[6] Кудря́во — богато ветвями, листво́ю.
[7] Зной — сильная жара.
[8] Стра́нник — путник, путешественник; тот, кто стра́нствует.

Не мы ль краси́востью своей
Плясáть[1] сюда пастушек привлекáем?
У нас же рáннею и пóзднею зарёй
Насви́стывает соловей,
Да вы, зефи́ры, сами
Почти не расстаётесь с нами».
— «Примóлвить[2] можно бы спасибо тут и нам»,
Им голос отвечал из-под земли смирéнно.
— «Кто смеет говорить столь нагло и надмéнно[3]?
Вы кто такие там,
Что дерзко так считáться с нами стали»[4],
Листы, по дереву шумя́, залепетáли[5].
— «Мы те», —
Им снизу отвечали:
— «Которые, здесь рóясь в темноте́[6],
Питаем вас. Ужéль не узнаёте?
Мы — корни дерева, на коем вы цветёте
Красуйтесь в добрый час![7]
Но только пóмните ту рáзницу меж нас:
Что с новою весною лист новый народится;
А если корень иссуши́тся, —
Не станет дерева, ни вас».

Басня «Листы и корни» ставит вопрос о классовых отношениях в крепостну́ю эпóху. Листы — это дворянство, живу́щее без труда и забот. Корни — это трудово́й народ, пита́ющий дворянство. Листы характеризу́ются преувели́ченным представлением о своих досто́инствах, о своей обще́ственной роли в государстве и вместе с тем пренебрежи́тельным отноше́нием к корням, которым они обя́заны своей пы́шной красо́ю. Корни, осознава́я свое́ общественное значение, напоминают верхним слоям общества о той важной роли, которую они играют в жизни страны.

Вопросы.

1. О чём шептались листы на дереве с зефи́рами, чем хвали́лись они?
2. О чём напóмнили корни листьям?
3. Кто здесь подразумева́ется под ли́стьями и корнями?

---

[1] Пляса́ть — танцовать.
[2] Примóлвить — прибавить к ска́занному.
[3] Надмéнно — гордо, высокомéрно.
[4] Считаться с нами стали — стали сравнивать свои досто́инства, свои заслу́ги с нашими.
[5] Залепета́ли — заговорили.
[6] Рóясь в темноте — копаясь в земле.
[7] В добрый час — здесь в значении: благополу́чно, счастливо.

При каком общественном строе могли существовать такие социальные отношения?

4. Что хотел автор сказать этой басней?

Упражнения.

1. Расскажите содержание басни по следующему плану:
   1) Хвастовство́ листьев.
   2) Замечание корней.
   3) Негоду́ющий вопрос листьев.
   4) Ответ корней.
2. Подгото́вьте басню к чтению в ли́цах.

БЕЛИНСКИЙ О КРЫЛОВЕ.

...Басни Крылова, кроме поэзии, имеют ещё другое досто́инство, которое, вместе с первым, заставляет забыть, что они — басни, и делает его великим русским поэтом: мы говорим о наро́дности его басен. Он вполне исче́рпал в них и вполне выразил ими целую сто́рону русского национального духа: в его баснях, как в чистом полиро́ванном зе́ркале, отражается русский практический ум с его ка́жущейся неповоро́тливостью, но и с о́стрыми зубами, которые бо́льно кусаются; с его сме́тливостью, остроте́ю и добродушно саркасти́ческой насме́шливостью [1]; с его природной ве́рностью взгляда на предметы и спосо́бностью ко́ротко, я́сно и вместе кудря́во выража́ться. В них вся жите́йская му́дрость, плод практической о́пытности, и своей со́бственной, и заве́щанной отцами из рода в род. И всё это вы́ражено в таких оригинальных русских, не передава́емых ни на какой язык в мире, образах и оборо́тах; всё это представляет собою такое неисчерпа́емое богатство идио́мов [2], русси́змов [3], составля́ющих народную физиономию языка, его оригина́льные средства и самобытное богатство, — что сам Пушкин не по́лон без Крылова в этом отношении. О есте́ственности, простоте и разговорной ясности его языка не́чего и говорить...

---

[1] Саркасти́ческая насме́шливость — е́дкая, остро-язви́тельная насмешливость.

[2] Идио́мы — своеобра́зные обороты речи, сво́йственные какому-либо языку и дослóвно непереводи́мые на другой язык, например, такие русские выражения, как *«спустя́ рукава́»*, *«махнуть рукой»*, *«продра́ть глаза»* и др.

[3] Русси́змы — чисто русские выражения.

К. Ф. РЫЛЕЕВ.

(1795—1826)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. Ф. РЫЛЕЕВА.

Рылеев и Радищев. Кондра́тий Фёдорович Рылеев — му́жественный революционер и тала́нтливый поэт. Он один из тех русских людей, которые жи́во воспри́няли заве́ты великого революционера-писателя XVIII века Радищева.

Кондратий Фёдорович был продолжа́телем дела Радищева. Руководитель революционного «Северного общества» и лучший поэт среди декабри́стов [1], он созна́тельно пошёл на я́вную гибель, чтобы своим примером увлечь других на борьбу за интере́сы родины. Один из героев Рылеева говорит:

Изве́стно мне: поги́бель ждёт
Того, кто первый восста́ет
На утесни́телей народа;
Судьба меня уж обрекла́.
Но где, скажи, когда была
Без жертв иску́плена свобода?

. . . . . .

Поги́бну я за край родной, —
Я это чу́вствую, я знаю.
И радостно, отец свято́й,
Свой жребий я благословля́ю!

Стихи эти могут быть с полным правом отнесены́ к самому поэту. Он, один из первых восста́вших на утесни́телей народа, погиб на эшафо́те — как революционер.

Герцен (русский писатель и революционер середины XIX века) называл Рылеева и его товарищей богатыря́ми, ко́ванными из чистой ста́ли.

Родился Рылеев в 1795 году в семье небогатого помещика. Учился в I Петербургском каде́тском ко́рпусе [2]. Здесь его застала Оте́чественная война 1812 года.

Рылеев и Отечественная война 1812 г. Юный Рылеев рва́лся в бой за родину и мечтал о героических по́д-

[1] Декабри́сты — революционеры, организова́вшие восстание против русского царя Николая I в день 14 декабря 1825 года (по старому стилю).

[2] Каде́тский ко́рпус — военная гимназия, гото́вившая командиров для армии.

вигах. В письме к отцу из кадéтского корпуса после начáла войны он пишет, что в годину тя́жких испыта́ний, выпавших на долю России, его сердце говорит ему: «Иди смело, презира́й все несча́стья, все бе́дствия, и если о́ные пости́гнут тебя, то перенеси их с и́стинною твёрдостью, и ты будешь героем, получишь му́ченический венец и вознесёшься превы́ше человеков». Он негодова́л,[1] что выпуск из кадетского корпуса заде́рживается, он мечтал об офицерском чи́не, но только для того, чтобы «иметь счастье приобщи́ться к числу защи́тников своего отечества». Его мечты сбылись только в 1814 году, когда русские армии были уже за грани́цей.

Рылеев в качестве артиллери́йского офицера принимает участие в заграни́чных похо́дах русской армии, был в Дре́здене, Париже, вместе со всем народом он переживает необыча́йный патриоти́ческий подъём.

Позднее, при допро́сах по делу о восстании декабристов, Рылеев признава́лся, что заграни́чные похо́ды спосо́бствовали развитию в нём революционных взглядов. Наблюда́тельный и образованный юноша имел возмо́жность сра́внивать порядки отста́лой самодержавно-крепостни́ческой России с порядками передовы́х стран Европы. Сравне́ния эти были оскорби́тельны для патриотически настро́енного юноши, они вызвали стремление улучшить порядки на родине.

Оставление военной службы. По окончании войны 1812 года Рылеев с русской армией возврати́лся на родину. Военная служба в царской армии не могла удовлетвори́ть молодого и свободолюби́во настро́енного офицера. Он решил оставить армию. Вот что писал Рылеев матери о причи́нах оставле́ния военной службы: «Для ны́нешней службы нужны подлецы́, а я, сча́стию, не могу быть им, и по тому самому ничего не вы́играю».

После ухода из армии в отста́вку Рылеев жил в течение не́скольких лет в деревне. Однако тихая и далёкая от общественных и культурных интересов жизнь в деревне не могла удовлетворить Рылеева. В 1820 году он переехал в Петербург. Начала́сь служба в граждáнских учрежде́ниях и одновре́менно — литературная и общественная деятельность Рылеева.

Сатира «К вре́менщику». В том же (1820) году он напеча́тал в журнале «Не́вский зри́тель» свою сатиру «К вре́менщи-

---

[1] Негодова́л — гне́вался, сердился, приходил в раздражение.

ку». Сатира была напра́влена против всеси́льного военного министра Аракче́ева — жесто́кого, тупо́го и жадного любимца царя Александра I.

Автор не назвал имени Аракчеева. Однако, по име́вшимся в сатире намёкам, читатели по́няли сразу, кто это «временщик» (временный и случайный власти́тель). Николай Бестужев (один из декабристов) вспоминал по́зднее:

«Нельзя представить изумле́ние, ужас, даже можно сказать, оцепене́ние, какими были поражены читатели столицы при сих неслы́ханных звуках правды и укори́зны, при сей борьбе младе́нца с велика́ном. Все думали, что ка́ры гря́нут, истребя́т и дерзнове́нного поэта, и тех, которые внима́ли ему. Но изображение было слишком ве́рно, очень бли́зко, чтобы оби́женному вельмо́же осме́литься узнать себя в сати́ре. Он постыди́лся признаться я́вно, туча пронесла́сь мимо... глухой шопот одобре́ния был награ́дой юному правди́вому поэту. Это был первый удар, нанесённый Рылеевым самовла́стию. С этого стихотворе́ния началось политическое по́прище Рылеева. Пы́лкость юношеской души, поры́вы благородного негодова́ния и ме́ткие удары сатиры, нанесённые такому врагу, обратили общее внимание».

Революционное дело Рылеева. В 1823 году Рылеев вступил в чле́ны тайного революционного общества. Вскоре его избра́ли председателем общества. Среди других революционеров-декабристов Рылеев выделя́лся своей пре́данностью революционному делу, непримири́мостью своих взглядов. Он выска́зывался за освобождение крестьян с землёю, за истребле́ние всех членов царской фами́лии и за учреждение народного правле́ния. В день выступле́ния (14 декабря 1825 года) Рылеев прису́тствовал на Сена́тской площади и руководил восста́вшими. Войска Николая I подави́ли восстание. Рылеева вместе с другими революционерами арестова́ли и посади́ли в тюрьму́. В ожидании суда и казни поэт-революционер не терял веры в победу дела революции.

Он писал:

Тюрьма мне в честь, не в укори́зну.
За дело пра́вое я в ней,
И мне ль стыди́ться сих цепей,
Когда ношу их за отчи́зну.

Суд Николая I жесто́ко распра́вился с декабристами. Смертная казнь — главным руководителям и ссылка в ка́торжные

работы — остальным. В 1826 году Рылеева вместе с его четырьмя товарищами повéсили.

Современник казнённого революционера — поэт Н. М. Язы́ков — писал в том же (1826) году:

О, вспомяни́ о нём, Россия,
Когда восста́нешь от цепей
И силы дви́нешь громовые
На самовла́стие царей!

Литературное творчество. Несмотря на недолгий жи́зненный путь Рылеева, творчество его имело большое исто́рико-литературное значение. Он был вождём не только в политике, но и в литературе. Ряд поэтов-декабристов (Кюхельбе́кер, В. Раéвский и др.) создава́ли свои произведе́ния в духе произведений Рылеева, разделяли его политические и художественные при́нципы.

Рылеев писал в различных жанрах. Мы найдём у него сатиры, оды, думы, поэмы, политические стихотворения, песни. Всё его творчество было прони́зано высокими идéями служе́ния родине, идеями борьбы с тира́нами, борьбы за свободу.

В посла́нии к Бесту́жеву Рылеев писал:

Моя душа до гроба сохрани́т
Высоких дум кипя́щую отва́гу;
Мой друг! Недаром в юноше горит
Любовь к обще́ственному бла́гу!

Оды. В своих одах Рылеев воспевает людей обще́ственного долга, борцов с тира́нами. В оде «Гражда́нское му́жество» он высказывает мысль о том, что гражданское мужество должно цени́ться выше военного:

...По́двиг воина гигантский
И стыд сражённых им врагов —
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред до́блестью гражданской.
. . . . . .

Увы, Атти́л [1], Наполео́нов
Зрел каждый век своей чредой:
Они явля́лися толпой...
Но много ль было Цицеро́нов [2]?

Для поэта Цицеро́н, древнери́мский оратор и республика́нец, — образ борца, му́жественно облича́вшего тира́на.

[1] Атти́ла — предводитель племени гу́ннов (V век нашей эры); он прославился жесто́кими войнами.

[2] Цицеро́н — знаменитый римский ора́тор (106—43 годы до нашей эры).

«Думы». Думы Рылеева создавались на основе материала русской истории. В прошлом русского народа поэт искал примеры геройзма, отва́ги, гражданского мужества, любви к родине.

На этих примерах он хотел воспи́тывать в молодом поколении гражданские добродéтели.

В думе «Державин» он рисует образ поэта, смелого и незави́симого, говори́вшего и́стину царям:

Он выше всех на свете благ
Обще́ственное бла́го ставил
И в о́гненных своих стихах
Святую добродéтель славил.

В думе «Вади́м» дан образ легенда́рного борца за незави́симость Но́вгорода.

Поэмы Рылеева, подобно ду́мам, осно́ваны на исторических материалах. В них поэт показывает борьбу украи́нцев за свою национальную незави́симость.

Поэмы Рылеева напи́саны в романти́ческом стиле. Они — свиде́тельство отхода поэта от классици́зма.

Стихотворение «Гражданин». Среди политических стихов Рылеева одно из первых мест занимает стихотворение «Гражданин». Поэт чувствует приближение обще́ственного взрыва. Он готов принять в нём участие. Он не может позо́рить «граждани́на сан». Но его гражданское чувство возмущено́ поведением «изне́женного племени перероди́вшихся славян», то-есть дворянства. Он напоминает этому «пле́мени» о народном гневе.

Песни. Песни Рылеева («Ах, то́шно мне . . .» и др.) составля́лись с агитацио́нной целью: они предназнача́лись для распростране́ния среди солдат, на которых опирались декабристы из офицеров. Отсюда и язык песен: простой, чу́ждый образов античной древности и высоких слов и выражений.

Значение творчества Рылеева. Царская цензура запреща́ла печа́тание произведений Рылеева. Царское правительство, уничто́жив революционеров, рассчи́тывало и на уничтожение их идей. Однако произведения Рылеева распространя́лись подпо́льно, выпи́сывались из старых журналов и книг и ходили в рукопи́сных списках.

Творчество поэта-революционера оказа́ло огромное влияние на после́дующих русских поэтов (Лермонтова и др.). Один из поэтов середины XIX века — Огарёв — писал:

Рылеев был мне первым светом...
Отец! По духу мне родной...

Заканчивает своё стихотворение Огарёв обещанием:

Мы стих твой вырвем из забве́нья
И в первый вольный русский день,
В виду младого поколенья,
Восстанови́м для поклоне́нья
Твою страда́льческую тень.

ТЫ ПОСЕТИТЬ, МОЙ ДРУГ, ЖЕЛАЛА...

Ты посети́ть, мой друг, желала:
Уединённый угол мой,
Когда душа изнемога́ла
В борьбе с болезнью рокова́й.

Твой милый взор, твой взор волше́бный
Хотел страда́льца оживить,
Хотела ты покой целе́бный
В взволно́ванную ду́шу влить.

Твоё отра́дное участье,
Твоё внима́нье, милый друг,
Мне снова возвращает счастье
И исцеля́ет мой недуг.

Я не хочу любви твоей,
Я не могу её присво́ить;
Я отвечать не в силах ей,
Моя душа твоей не сто́ит.

Полна́ душа твоя всегда
Одних прекрасных ощуще́ний,
Ты бурных чувств моих чужда́,
Чужда моих суровых мне́ний.

Проща́ешь ты врагам своим...
Я не знаком с сим чувством не́жным,
И оскорби́телям моим
Плачу отмще́ньем неизбе́жным.

Лишь вре́менно кажусь я слаб,
Движе́ньями души владе́ю;
Не христиа́нин и не раб,
Прощать обид я не умею.

Мне не любовь твоя нужна,
Заня́тья ждут меня ины́е:
Отра́дна мне одна война,
Одни трево́ги боевые.

Любовь никак нейдёт на ум:
Увы! моя отчи́зна стра́ждет,
Душа в волне́ньи тя́жких дум
Теперь одной свободы жа́ждет

Вопрос.

Какова основная мысль этого стихотворения?

ИЗ ДУМЫ «ВОЛЫНСКИЙ».

Не тот отчи́зны верный сын,
Не тот в стране самодержа́вья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презре́нного тщесла́вья;

Но тот, кто с гордыми в борьбе,
Награ́д не ждёт и их не про́сит,
И, забыва́я о себе,
Всё в жертву родине приносит.
Проти́в тиранов лю́тых [1] твёрд,
Он будет и в цепях свобо́ден,
В час казни правото́ю горд
И вечно в чувствах благоро́ден.

Повсю́ду честный человек,
Повсюду верный сын отчи́зны,
Он проживёт и кончит век,
Как друг добра́, без укори́зны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеме́нной цепи —
Он на него, как хищный вран [2],
Как вихрь губи́тельный из сте́пи...

И хоть падёт, но будет жив
В сердцах и памяти народной,
И он, и пла́менный поры́в
Души прекрасной и свобо́дной.
Славна́ кончи́на за народ!
Певцы, герою в воздая́нье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его дея́нье...

[1] Тира́ны лютые — злые деспоты, угнетатели народа.
[2] Вран (старая форма) — ворон.

ГРАЖДАНИН.
(1824—1825)

Я ль буду в рокового́ время [1]
Позо́рить граждани́на сан [2]
И подражать тебе, изне́женное племя
Перероди́вшихся Славян? [3]
Нет, не способен я в объя́тьях сладостра́стья,
В посты́дной [4] пра́здности влачи́ть [5] свой век младо́й
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовла́стья [6].
Пусть юноши, своей не разгада́в судьбы́,
Пости́гнуть не хотят предназначе́нья века [7]
И не гото́вятся для будущей борьбы
За угнетённую свобо́ду человека.
Пусть с хладнокро́вием [8] бросают хладный взор
На бе́дствия страда́ющей отчи́зны [9]
И не читают в них гряду́щий [10] свой позор [11]
И справедли́вые пото́мков укори́зны [12]
Они раска́ются, когда народ, восстав,
Заста́нет их в объя́тьях пра́здной не́ги [13]
И, в бурном мятеже́ ища́ свободных прав,
В них не найдёт ни Бру́та [14], ни Риэ́ги [15].

---

[1] Рокового́ время — время, когда должно что-то соверши́ться, когда судьба решит участь страны.

[2] Сан — здесь: досто́инство.

[3] Изне́женное племя перероди́вшихся Славян — поэт называет дворянскую молодёжь, чуждую политических интересов.

[4] Посты́дная — позорная.

[5] Влачи́ть свой век — проводить своё время.

[6] Иго самовла́стья — тяжёлый гнёт самодержавия.

[7] Пости́гнуть не хотят предназначе́нья века — здесь: не хотят понять революционных задач своего времени.

[8] С хладнокро́вием — холодно, равнодушно.

[9] Отчи́зна — родина.

[10] Гряду́щий — здесь: будущий, приближа́ющийся.

[11] Позо́р — стыд, посрамле́нье.

[12] Укори́зны — укоры, упрёки.

[13] Объя́тья пра́здной не́ги (образное выражение) — наслажде́ния и удовольствия.

[14] Брут — героический защитник Римской империи, убивший императора Юлия Цезаря (в 44 году до нашей эры).

[15] Рафаэ́ль Риэ́го — испанский революционер, казнённый в 1823 году.

Вопросы.

1. Что считает поэт позорным для досто́инства (для сана) граждани́на?
2. В чём обвиняет поэт дворянскую молодёжь своего времени?
3. В чём видит он предназначе́нье века?

Задания.

I. Установи́те общий корень в следующих словах: *развле́кать, увлече́ние, на́волочка, обвола́кивать.* Скажите, в чём разли́чие и что общего в значении этих слов.

II. К слову *предназначе́нье* подберите другие слова, образо́ванные от того же корня, что и в этом слове.

ПАРТИЗАНЫ.

Вкуша́ет[1] враг беспе́чный сон;
Но мы не спим, мы надзира́ем[2]
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внеза́пный, налета́ем.

В одно мгнове́нье враг разбит,
Врасплох засти́гнут удальца́ми,
И вслед за ними страх летит
С неутоми́мыми донца́ми.

Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской ухо́дим.
И там за чашей круговой
Минуты отдыха проводим.

С зарёй бросаем свой ночлег,
С зарёй опять с врагами встре́ча,
На них нечая́нный набег
Иль неожи́данная се́ча . . .

---

[1] Вкуша́ет — здесь в значении: находится в состоянии (беспечного сна).

[2] Надзира́ем — бдительно смотрим, высле́живаем.

А. С. ГРИБОЕДОВ.
(1795—1829)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. ГРИБОЕДОВА.

Грибоедов — один из образо́ваннейших и культу́рнейших людей своего времени. Александр Сергеевич Грибоедов — созда́тель бессмертной комедии «Горе от ума». Прошло больше ста лет после появления комедии, но она до сих пор не сходит со сцены лучших русских театров. Автор комедии, современник Рылеева и Пушкина, один из самых образованных и культурных людей своего времени.

Родился он в Москве в 1795 году. Его мать, вла́стная и энерги́чная женщина, позабо́тилась о том, чтобы сын получил блестящее образование. Иностранным языкам он обучался у иностранцев-гувернёров.

Среди учителей, дава́вших ему ча́стные уроки на дому́, были профессора Московского университета. Кроме того он обучался музыке и прекрасно умел играть на фортепиа́но.

Около трёх лет Грибоедов учился в благоро́дном пансио́не при Московском университете, а затем, в 1806 году, поступил в университет на словесный (то-есть литературный) факультет.

В университете Александр Сергеевич учился в течение шести с половиной лет. За это время он изучил науки трёх факульте́тов: словесного, юриди́ческого и естественно-математи́ческого. Здесь же он усоверше́нствовался в знании новых европейских языков: немецкого, французского, английского и итальянского. Третий факультет — (естественно-математический) ему не удалось закончить, так как в связи с войной 1812 года Московский университет был временно закрыт.

Огромное влияние оказали на развитие Грибоедова московские театры.

Кроме государственного театра и университетского, в Москве существова́ло около двадцати частных (д о м о в ы х) театров, принадлежа́вших крупным помещикам. Артисты этих театров набира́лись помещиками из принадлежа́вших им крепостных крестьян.

Юноша Грибоедов увлека́лся театральными представле-

ниями. Это дало ему возможность очень хорошо изучить драмати́ческое искусство.

Военная служба. Наступил грозный 1812 год. Юноша Грибоедов, увлечённый патриотическим чувством, поступает доброво́льцем в Московский гуса́рский полк. Вот что он сам писал о своих настрое́ниях того времени:

«Я был готов к испытанию для поступления в чин до́ктора [1], когда получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего и вскоре затем последовало воззва́ние к дворянству ополчи́ться для защиты отечества. Я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу».

Однако Грибоедову не пришлось участвовать в боях и заграни́чных походах русской армии. Вместо блестя́щих кавалери́йских атак и уда́лых нае́здов, просла́вивших таких его современников, как Д. В. Дави́дова, Грибоедову предстоя́ло заняться бу́дничным, незаме́тным, но крайне необходи́мым делом — форми́рованием кавалерийских резервов. Эта де́ятельность Грибоедова нашла отражение в его статье «О кавалерийских резе́рвах», напечатанной в 1814 году в «Ве́стнике Европы». Важно отметить, что за год работы по комплектова́нию кавалерийских резервов главной квартирой генерала Кологри́вова, адъютантом которого состоял Грибоедов, было отправлено в действующую армию 65 000 кавалерии. Для того времени это исключительно большая цифра. Грибоедов, как по́длинный патриот, с огро́мнейшим вниманием относился к этой своей работе, как к важному госуда́рственному делу.

После окончания войны Грибоедов оставляет военную службу, переезжает в Петербург и определяется на службу в колле́гию иностранных дел [2].

Жизнь в Петербурге. Грибоедов прожил около трёх лет в Петербурге — в культурном и политическом центре страны. Здесь Александр Сергеевич сбли́зился с видными общественными и литературными де́ятелями России: Рылеевым, Пушкиным, Чаада́евым и другими.

В это время он написал (в сотру́дничестве с другими писателями) несколько комедий, не имеющих значительной художественной ценности. Однако эта работа была важна в другом

[1] Чин доктора — учёная степень доктора наук, следующая степень после кандидата наук.

[2] Коллегия иностранных дел — государственное учреждение, ве́давшее отношениями с иностранными государствами.

отношéнии: она давала Грибоедову нáвыки литературного мастерства, была своеобразной школой драматурга. К этому же времени относится и зáмысел бессмéртной комедии «Горе от ума».

Служба. Работа над комедией «Горе от ума». В 1818 году Грибоедов получил назначение на должность секретаря русского посóльства в Пéрсии. Он уезжает из Петербурга и живёт в Персии до 1822 года. Служéбные дела, хотя Грибоедов уделял им много времени и внимания, не могли прервать его литературных занятий. Здесь он работает над комедией «Горе от ума» и вчернé закончил два первых действия.

В 1823 году Грибоедов получил длительный óтпуск в Москву. Многочúсленные встречи с родственниками и знакомыми, посещение московских бáлов, маскарáдов и обедов — всё это дало писателю много нового материала для комедии. Летом 1823 года комедия была вчерне уже закончена.

Комедия и московское барство. Грибоедов очень хорошо знал жизнь московского дворянского общества и с исключительной жúвостью и я́ркостью описывал её. Современники автора «Горя от ума» видели в действующих лицах и сценах комедии изображение известных им людей и их быта. Центральный эпизод произведéния — бал у Фамусова — типичная бытовая сцена в жизни праздных и пустых людей, úщущих только развлечений и удовольствий. Вот вы́держка из подлинного письма одной московской барышни, современúницы Грибоедова: «В субботу танцовала до пяти часов утра у Оболéнских, а вчера до трёх — у Голúцына. К счастью, костюмúрованный бал у Рябúниной отложен до четверга, так что мне можно будет отдохнуть два дня. Зато предстоит потом вертеться несколько дней сря́ду. В субботу вечер у Оболенских, в воскресенье нас звали к графу Толстому на завтрак, после которого будут танцы, а вечером в этот же день придётся плясать у Голицына».

Грибоедов резко осуждал жизнь московского бáрства. «В Москве всё не по мне, — писал он своему другу, — прáздность, рóскошь, не сопряжённые ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему . . .»

Грибоедов и декабристы. Во время декабрьского восстания (14 декабря 1825 года) Грибоедов был на Кавказе. Слéдственный комитет по делу декабристов отдал приказ об арéсте Грибоедова. Его арестовáли и достáвили в Петербург. На до-

прóсе Грибоедов отвергал свою принадлéжность к тайному обществу.

Отрицал на допросе принадлежность Грибоедова к тайному обществу и Рылеев. Он показывал: «С Грибоедовым я имел несколько общих разговоров о положении России и делал ему намёки о существовáнии óбщества, имеющего целью переменить образ правления в России и ввести конституциóнную монáрхию, но как он полагал Россию к тому неготóвую и к тому же неохотно входил в суждéние о сем предмете, то я и оставил его».

Однако Грибоедов признавáлся в том, что он «разделял многие из идей арестóванных революционеров... В разговорах их (то-есть декабристов), — покáзывал Грибоедов, — видел часто смелые суждения насчёт правительства, в кóих сам брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего».

Слéдственный комитет вынес решение: «... не принадлежал к обществу и существования óного не знал».

По приказу Николая I Грибоедова освободили из-под стражи, и он возвратился на Кавказ (в Тифлис) к месту своей службы.

Ему поручили вести внéшние сношения с Персией и Турцией.

Смерть Грибоедова. В 1828 году, после заключения очень вы́годного для России дóговора с побеждённой Персией, Грибоедова назнáчили полномóчным послóм (министром) в Персию. На него возложи́ли обя́занность доби́ться выполнения этого дóговора.

В Тегерáне полномочный русский посол встрéтился с противодействием перси́дского двора и представителей Англии, боровшихся с влиянием России на Востоке.

Английские агенты стремились возбудить персиян против русского посольства, разжигая их религиозные и национальные чувства. Эта агитация привела 30 января 1829 года к зверской распрáве над работниками русского посóльства. Возбуждённая толпа персия́н напала на русское посольство и переби́ла всех его членов; в том числе погиб и Александр Сергеевич Грибоедов. Спáсся случайно лишь один секретарь посольства, который и рассказал позднéе, как всё это произошло.

Пушкин о Грибоедове. В 1829 году великий современник Грибоедова, Александр Сергеевич Пушкин, совершал поездку

по Кавказу. Он ехал из Тифлиса в Карс. По дороге произошла́ его встреча с телом убитого Грибоедова. Вот что говорил Пушкин об этой встрече и о ли́чности великого драмату́рга.

«Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу́, поднима́лись по крутой дороге. Несколько грузин сопровожда́ло арбу. — Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегера́на. — Что вы везёте? — Грибоеда. — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровожда́ли в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова. Я расстался с ним в прошлом году в Петербурге, перед его отъездом в Персию. Он был печа́лен и имел странное предчу́вствие. Я было хотел его успоко́ить; он мне сказал: «Вы ещё не знаете этих людей; вы увидите, что дело дойдёт до ноже́й...»

Он погиб под кинжа́лами персиян, жертвой неве́жества и веролóмства. Обезобра́женный труп его, бы́вший три дня игра́лищем тегеранской че́рни, узнан был только по руке, некогда простре́ленной пулей...

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году... Всё в нем было необыкновенно привлека́тельно... Спосóбности человека государственного оставались без употребле́ния: талант поэта был не при́знан; даже его холодная и блестящая хра́брость остава́лась некоторое время в подозре́нии... Он простился с Петербургом... уехал в Гру́зию, где пробыл восемь лет в уединённых неуста́нных занятиях. Возвращение его в Москву... было перевоpóтом в его судьбе и началом беспреры́вных успехов. Его рукопи́сная комедия: «Горе от ума» — произвела неопи́санное действие и вдруг поставила его рядом с первыми нашими поэтами.

...Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы лени́вы и нелюбопы́тны...»

Основная тема комедии. Действующие лица. Комедия «Горе от ума» — гениальное произведение Грибоедова, сде́лавшее имя автора бессме́ртным. Всё, написанное автором до этой комедии, не имеет большого значения. Остальные же литературные за́мыслы писателя (трагедия «1812 год» и др.) не были осуществлены́ или зако́нчены.

В «Горе от ума» автор показал тяжёлое (почти траги́ческое)

положение русского передового человека в обществе ничто́жных карьери́стов и тупых неве́жд.

«В моей комедии, — писал Грибоедов своему другу, — двадцать пять глупцо́в на одного здравомы́слящего человека, и этот человек... в противоре́чии с обществом... его никто не понимает, никто прости́ть не хочет, зачем немножко повыше прочих...»

Общество, изображённое в комедии, — это общество дворянской Москвы двадцатых годов XIX века.

Члены его заняты пого́ней за ни́зменными или ничто́жными це́лями. Человека в нём ценят не за ум, бескоры́стие, знания или другие по́длинно человеческие досто́инства, а за служебное положение, чин, богатство, свя́зи с пра́вящими кругами. Члены этого общества праздно проводят своё время. Они живут спле́тнями, балами, обильными обедами. Для них идеалом является жизнь их отцов и дедов, пробива́вших дорогу к богатству, чинам и по́честям подхали́мством и прислу́живанием перед властью. Они, как огня, боятся науки, просвещения, всякой новой, све́жей мысли.

* * *

Грибоедов рисует типичные образы дворянской Москвы. Каждый из этих образов имеет свой характер, своё особое лицо. И в то же время все они близки друг к другу своим отношением к Ча́цкому и к его идеям. Все они — члены одного кру́га, объединённые общей не́навистью ко всему новому.

Этой тесной группе реакционеров и мелких люди́шек противопоста́влен в комедии передово́й молодой человек Чацкий. По своему обще́ственному положению он принадлежи́т к дворянскому о́бществу. Но его мысли, чу́вства и поступки находятся в ре́зком противоре́чии с нра́вами, обычаями и образом жизни фа́мусовского круга.

Чацкий беспоща́дно обру́шивается на те осно́вы, на которых де́ржится дворянская фа́мусовская Москва. Он клеймит пра́здность и пустоту интересов фамусовского общества. Он негоду́ет на карьери́зм, чинопочита́ние и прислу́жничество. С особенной силой он нападает на жалкое подражание москвичё́й чужестра́нцам и на крепостни́чество, основу праздной и пустой жизни дворянства.

Симпа́тии Чацкого на стороне новых идей и новых людей. Он стоит за свободу мне́ний, за незави́симость, за бескоры́ст-

ное служение родине, за науку, просвещение, новое воспитание, за труд, за сближе́ние с народом.

Чацкий — вырази́тель взгля́дов и настрое́ний, за которые боролись члены тайных революционных обществ; он вырази́тель декабри́стских идей и настрое́ний.

Декабристы, по́льзовались коме́дией для привлече́ния новых сторо́нников.

На сле́дствии декабристу Ште́йнгелю поставили вопрос: какие сочинения наиболее спосо́бствовали развитию в нём либера́льных взглядов? Он указал на ненапеча́танное произведение Грибоедова.

Реализм комедии. Комедия «Горе от ума» глубоко́ реалисти́ческое произведение. Правда, в ней ещё сохранились некоторые черты, сближа́ющие её с драмати́ческими произведениями русских писателей — предше́ственников Грибоедова, созда́вших свои произведения по пра́вилам классицизма. В комедии, например, сохраня́ются три еди́нства — ме́ста, времени и действия; герои её носят имена-ма́ски: Фа́мусов (от латинского слова *фама* — молва), то-есть человек, боя́щийся молвы́; Молча́лин и др.; написана комедия стихотво́рной ре́чью.

Однако другие, наиболее важные, сто́роны произведения говорят о победе в нём реали́зма, правди́вого и глубокого пока́за жизни.

Прежде всего, это широкая, многосторо́нняя зарисо́вка типи́чных хара́ктеров. Герои комедии — не воплоще́ние какой-нибудь одной черты челове́ческого характера, а носи́тели многих черт, живые, сложные характеры. Возьмём образ Фамусова. Он крайне любопы́тен, негоду́ет на пристра́стие к мо́дам, любит читать поуче́ния, добродушен временами, временами зол, карьерист, ухаживает за чино́вными и знатными людьми, требует почте́ния и благода́рности со стороны тех, кого он выше чином (например, со стороны Молчалина).

Язык героев комедии строго индивидуализи́рован, то-есть каждый герой говорит своим собственным языком, соответствующим его характеру (уровню развития, интересам и т. д.).

Так, например, Скалозу́б, тупо́й и неве́жественный офицер, весь уше́дший в заботы о чинах и награ́дах, наделён и речью, характе́рной для таких людей. Фра́за Скалозуба, краткая и несложная по своему составу, напо́лнена грубыми словами и подча́с звучит, как военная команда.

Пово́дья затянул, ну жалкий же ездо́к!
Взглянуть, как тре́снулся он, грудью или в бок... —

говорит он о падении Молчалина с лошади и направля́ется посмотреть на неуда́чливого ездока́.

Человек, чу́ждый всяких интересов, кроме военных, он пользуется военными словами и выражениями даже и в тех случаях, когда разговор касается иных тем. Фамусов спрашивает Скалозу́ба:

«А, батюшка, призна́йтесь, что едва
Где сы́щется столица, как Москва?»

Скалозуб соглаша́ется:

«Диста́нция огромного размера»...

На вопрос Фамусова:

«Как вам дово́дится Наста́сья Никола́вна?» —

Скалозуб, обнару́живая свою ограни́ченность, отвечает с я́вно неудачной попыткой состри́ть:

«Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили».

С осо́бенным искусством Грибоедов сумел соединить в своей комедии две линии борьбы («интри́ги»): личную (борьба за любовь к Софье) и общественную (борьба с ничто́жным фа́мусовским обществом). Чацкий остаётся в фамусовском обществе, пока думает, что Софья чужда этому обществу. Но как только Чацкий узнаёт, что Софья — досто́йная дочь Фамусова, он оставляет дом её отца.

Значение комедии. Комедия имеет большое обще́ственно-политическое значение и для нашего времени. Она даёт нам живое представление о русском обществе двадцатых годов прошлого века. Она учит нас ненави́деть пережи́тки молча́линщины и скалозу́бовщины, кое-где сохрани́вшиеся в наши дни. Она учит нас любви к своему народу, к своей родине. Она учит нас яркому, живому, выразительному языку.

Владимир Ильич Ленин прекрасно знал комедию «Горе от ума» и по́льзовался её образами в своих политических статьях и речах. В 1901 году В. И. Ленин написал статью «Отда́ча в солдаты 183-х студентов». В ней Владимир Ильич выступил

с протестом против царского правительства, которое отправило в солдаты студентов Киевского университета, трéбовавших свободного обсужде́ния своих дел. Владимир Ильич писал: «Отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!» эта формула нисколько не устарела...» (В. И. Ленин, Собрание сочинений, том IV, стр. 70).

ГОРЕ ОТ УМА.

(Комедия в четырёх действиях, в стихáх.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Павел Афана́сьевич Фа́мусов, управляющий в казённом месте [1].
Софья Па́вловна, дочь его.
Лиза, служа́нка.
Алексей Степанович Молча́лин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.
Александр Андреевич Ча́цкий.
Полко́вник Скалозу́б, Сергей Сергеевич.
Ната́лья Дми́триевна, молодая дама } Горич.
Платон Михайлович, муж её }
Князь Тугоу́ховский.
Княги́ня, жена его с шестью дочерьми.
Графиня-бабушка } Хрю́мины.
Графиня-внучка }
Антон Антонович Загоре́цкий.
Старуха Хлёстова, свояченица [2] Фамусова.
Г. Н.
Г. Д.
Репети́лов.
Петру́шка и несколько говорящих слуг.
Множество гостей всякого разбо́ра [3] и их лакеев [4] при разъезде.
Официа́нты [5] Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

---

[1] Управляющий в казённом месте — начальник государственного учреждения.
[2] Свояченица — сестра жены.
[3] Разбо́р — здесь: разряд, общественное положение.
[4] Лакей — слуга комнатный.
[5] Официа́нт — слуга, подающий ку́шанья.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление I.

Гости́ная [1], в ней большие часы, справа дверь в спальню Софьи, откуда слышно фортепиано [2] с фле́йтою [3], которые потом умолкают. Лиза среди комнаты спит, свесившись с кре́сел.

(Утро, чуть день брезжится.)

ЛИЗА.

(Вдруг просыпа́ется, встаёт с кресел, огля́дывается.)

Светает!.. Ах! как скоро ночь мину́ла!
Вчера проси́лась спать: — отказ.
«Ждём друга». — Нужен глаз да глаз.
Не спи, поку́дова [4] не ска́тишься со стула.
Теперь вот только что вздремну́ла —
Уж день!.. Сказать им.

(Стучится к Софье.)

Господа!
Эй, Софья Павловна, беда!
Зашла беседа ваша за́ ночь [5].
Вы глу́хи — Алексей Степаныч [6]?
Сударыня!.. — И страх их не берёт!

(Отхо́дит от дверей.)

Ну, гость неприглашённый,
Быть может батюшка войдёт!
Прошу служить у ба́рышни влюблённой!

(Опять к дверям.)

Да расходи́тесь. Утро. — Что-с?

Голос Со́фьи.

Который час?

ЛИЗА.

Всё в доме поднялось [7].

---

[1] Гости́ная — комната для приёма гостей.

[2] Фортепиа́но — музыкальный инструмент, похо́жий на совреме́нное пианино.

[3] Фле́йта — духово́й музыка́льный инструме́нт (имеющий форму трубки).

[4] Поку́дова (народная форма) — пока.

[5] Зашла́ за́ ночь — продолжается очень долго; больше, чем длится ночь.

[6] Степа́ныч (старинная форма) — Степанович.

[7] Всё в доме поднялось — в доме все проснулись, все встали.

СОФЬЯ *(из своей комнаты)*.

Который час?

ЛИЗА.

Седьмой, осьмой[1], девятый.

СОФЬЯ *(оттуда же)*.

Неправда.

ЛИЗА *(прочь от дверей)*.

Ах! аму́р[2] прокля́тый!
И слышат, не хотят понять.
Ну что бы ста́вни им отня́ть[3]?
Переведу́ часы, хоть знаю, будет го́нка[4].
Заста́влю их играть.

(Лезет на стул, передвига́ет стре́лку, часы бьют и играют.)

Явление 2.

Лиза, Фамусов.

ЛИЗА.

Ах! барин!

ФАМУСОВ.

Барин, да.

(Остана́вливает часову́ю музыку.)

Ведь э́кая[5] шалу́нья ты, девчонка!
Не мог приду́мать я, что это за беда!
То фле́йта слышится, то будто фортепья́но:
Для Софьи слишком было б рано?..

ЛИЗА.

Нет, су́дарь, я... лишь невзнача́й[6]...

---

[1] Осьмо́й (народная форма) — восьмой.

[2] Аму́р — бог любви в древней Греции; в перено́сном значении: любовь.

[3] Ста́вни отнять — открыть деревянные затво́ры к окнам, закрывающие все окна сплошь.

[4] Го́нка (народное слово) — здесь: вы́говор, нагоняй.

[5] Э́кая (народное слово) — вот какая.

[6] Невзнача́й — случайно, неожиданно для себя.

ФАМУСОВ.

Вот то-то невзначáй; за вами примечáй,
Так верно с у́мыслом [1].

(Жмётся к ней и зайгрывает.)

Ох! зе́лье [2], баловни́ца.

ЛИЗА.

Вы баловни́к, к лицу́ ль вам эти ли́ца! [3]

ФАМУСОВ.

Скромна́, а ничего кроме́
Проказ [4] и ве́тру на уме [5].

ЛИЗА.

Пустите, ве́трeники сами!..
Опо́мнитесь, вы старики...

ФАМУСОВ.

Почти.

ЛИЗА.

Ну, кто придёт, куда мы с вами?

ФАМУСОВ.

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

ЛИЗА.

Сейчас започива́ла [6].

ФАМУСОВ.

Сейчас! А ночь?

ЛИЗА.

Ночь целую читала.

---

[1] С у́мыслом — с каким-либо намере́нием, с какой-либо целью.

[2] Зе́лье — питьё, приготóвленное из какой-либо ядовитой травы; здесь в перенóсном значении: очень хитрая, ловкая, умеющая одура́чить.

[3] К лицу ль вам эти ли́ца! (óбразное выражение). — Подходит ли вам поведение (эта мане́ра вести себя)!

[4] Прока́зы — здесь баловствó.

[5] Ветер на уме (образное выражение) — легкомы́слие, несерьёзность.

[6] Започива́ла — крепко уснула.

ФАМУСОВ.

Вишь, при́хоти какие завели́сь [1]!

ЛИЗА.

Всё по-французски, вслух читает, запери́сь.

ФАМУСОВ.

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится.
И в чте́ньи прок-от [2] не велик.
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

ЛИЗА.

Что встанет [3], доложу́-с [4].
Изво́льте же идти: разбу́дите, боюсь.

ФАМУСОВ.

Чего будить? Сама часы заво́дишь,
На весь кварта́л симфо́нию греми́шь [5]

ЛИЗА *(как можно громче)*.

Да полноте-с!

ФАМУСОВ *(зажимает ей рот)*.

Поми́луй, как кричишь,
С ума ты схо́дишь?

ЛИЗА.

Боюсь, чтобы не вышло из того...

ФАМУСОВ.

Чего?

ЛИЗА.

Пора, сударь, вам знать, вы не ребёнок;
У девушек сон у́тренний так тонок;
Чуть дверью скри́пнешь, чуть шепнёшь:
Всё слышат...

---

[1] При́хоти завелись — появились капри́зы, своево́лие.
[2] Прок-от (народная форма) — прок-то, то есть польза, толк.
[3] Что встанет — здесь: как только встанет.
[4] Доложу́-с (устаревшая форма) — скажу, передам.
[5] Симфо́ния — большое музыкальное произведение; здесь: часы так громко и так долго бьют, что кажется, будто исполня́ется симфо́ния.

ФАМУСОВ.

Всё ты лжёшь!

Голос Софьи.

Эй, Лиза!

ФАМУСОВ *(торопливо)*.

Тс!

(Крадётся вон из комнаты на цы́почках.)

ЛИЗА *(одна)*.

Ушёл... Ах! от госпо́д пода́лей [1];
У них беды себе на всякий час готовь [2],
Минуй [3] нас пу́ще [4] всех печа́лей
И ба́рский гнев, и барская любовь.

Явление 3.

Лиза, Софья со све́чкой, за ней Молчалин.

СОФЬЯ.

Что, Лиза, на тебя напа́ло? [5]
Шуми́шь...

ЛИЗА.

Конечно, вам расстаться тяжело́?
До света запершись, и кажется всё мало?

СОФЬЯ.

Ах, в самом деле рассвело́!

(Тушит свечу.)

И свет, и грусть. Как бы́стры ночи!

---

[1] Пода́лей (народное слово) — подальше.

[2] Беды́ себе на всякий час готовь — ожидай всё время от них для себя беды.

[3] Мину́й — оставь, обойди, пропусти.

[4] Пу́ще (народное слово) — больше.

[5] Что на тебя напа́ло? — Какое желание охвати́ло тебя внеза́пно, сразу, вдруг.

ЛИЗА.

Тужи́те[1] знай, со стороны нет мо́чи[2].
Сюда ваш батюшка зашёл, я обмерла́[3];
Верте́лась[4] перед ним, не помню что врала́;
Ну что же стали вы? поклон, суда́рь, отвесьте[5].
Поди́те, сердце не на месте[6];
Смотрите на часы, взгляни́те-ка в окно.
Вали́т народ[7] по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

СОФЬЯ.

Счастли́вые часов не наблюда́ют.

ЛИЗА.

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попа́сть[8].

СОФЬЯ *(Молчалину)*.

Идите; целый день ещё поте́рпим скуку.

ЛИЗА.

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разво́дит их, Молчалин в дверя́х ста́лкивается с Фамусовым.)

Явление 4.

Софья, Лиза, Молчалин, Фамусов.

ФАМУСОВ.

Что за ока́зия[9]! Молчалин, ты, брат?

---

[1] Ту́жите — сожалейте, печа́льтесь.

[2] Нет мо́чи — нет сил.

[3] Обмерла́ (народное слово) — испуга́лась так сильно, что чуть не лишилась чувств.

[4] Верте́ться — кружиться; здесь перено́сное значение: отгова́риваться, кружиться около и́стинного ответа, чтобы не сказать его, а скрыть правду.

[5] Поклон отве́сьте — поклони́тесь.

[6] Сердце не на месте (образное выражение) — беспокойно себя чувствую, волнуюсь.

[7] Валит народ (образное выражение) — идёт много народу.

[8] В ответ попасть — отвечать за что-нибудь (или за кого-нибудь), быть обвинённым в чём-нибудь.

[9] Ока́зия — слу́чай, неожиданное происше́ствие.

МОЛЧАЛИН.

Я-с.

ФАМУСОВ.

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья! .. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялáсь! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пóру вместе свёл? [1]

СОФЬЯ.

Он только что теперь вошёл.

МОЛЧАЛИН.

Сейчас с прогýлки.

ФАМУСОВ.

Друг, нельзя ли для прогýлок
Подáльше выбрать закоýлок? [2]
А ты, судáрыня, чуть из постéли прыг,
С мужчиной! с молодым! — Занятье для девúцы!
Всю ночь читает небылúцы,
И вот плоды́ от этих книг!
А всё Кузнéцкий мост, и вéчные французы [3],
Оттуда мóды к нам, и áвторы, и мýзы [4];
Губúтели карманов и сердец!
Когда избáвит нас творец
От шляпок их! чепцóв [5]! и шпúлек! и булáвок!
И книжных и бисквúтных лáвок [6]!

СОФЬЯ.

Позвольте, батюшка, кружúтся голова;
Я от испýга дух перевожý едва.

---

[1] Бог не в пóру вместе свёл — вместе сошлись не вó-время, когда не надо.

[2] Закоýлок — тесный, маленький переýлок, маленькая улица.

[3] А всё Кузнéцкий мост и вéчные французы... — На Кузнецком мосту (одна из улиц Москвы) во времена Грибоедова было очень много модных французских магазúнов, которые часто посещали дамы.

[4] Мýзы — греческие богини, покровúтельницы искусств.

[5] Чепцы́ — старинные женские головны́е убóры.

[6] Бисквúтные лавки (старое выражение) — кондúтерские магазины.

Изво́лили вбежа́ть вы так прово́рно,
Смеша́лась я [1].

ФАМУСОВ.

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помеша́л! я испужа́л [2]!
Я, Софья Павловна, расстро́ен сам, день целый
Нет отдыха, мечу́сь, как словно угоре́лый [3].
По до́лжности, по службе хлопотня́ [4],
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопо́т? чтоб был обма́нут...

СОФЬЯ *(сквозь слёзы)*.

Кем, батюшка?

ФАМУСОВ.

Вот попрека́ть мне станут,
Что бестолку всегда журю [5].
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не раде́ли [6]
Об воспита́ньи! с колыбе́ли!
Мать умерла́: умел я принаня́ть [7]
В мадам Розье́ [8] вторую мать.
Старушку зо́лото в надзо́р [9] к тебе приста́вил:
Умна́ была, нрав тихий, ре́дких пра́вил.
Одно не к че́сти служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Смани́ть [10] себя другими допусти́ла.
Да не в мада́ме [11] сила.

---

[1] Смеша́лась я — смути́лась я.

[2] Испужа́л (нелитературное слово) — испугал.

[3] Мечу́сь, как словно угорелый — мечусь, бегаю беспреры́вно из стороны в сторону.

[4] Хлопотня́ — хло́поты, забо́ты.

[5] Журю́ — браню́, ворчу́.

[6] Раде́ли (народное слово) — старались, забо́тились.

[7] Принаня́ть — нанять в помощь.

[8] Мадам Розье́ — госпожа Розье; здесь: францу́женка-гувернантка, то-есть воспита́тельница и учительница, живу́щая в доме вместе с воспи́танницей (или воспитанником).

[9] В надзо́р — для присмо́тра.

[10] Смани́ть — привлечь обеща́ниями; здесь: уговорить перейти с одного места на другое.

[11] Мада́ма (искажённое французское слово) — мадам, то-есть госпожа́.

Не на́добно ино́го образца́,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хва́стаюсь сложе́ньем:
Однако бодр и свеж, и до́жил до седи́н,
Свобо́ден, вдов, себе я господи́н...
Мона́шеским изве́стен поведе́ньем!..

ЛИЗА.

Осме́люсь я, сударь...

ФАМУСОВ.

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудри́лись не по летам [1].
А пу́ще дочери, да сами добряки́ —
Дали́сь нам эти языки! [2]
Берём же побродя́г [3], и в дом, и по биле́там [4],
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и не́жностям! и вздо́хам!
Как будто в жёны их готовим скоморо́хам [5].
Ты, посети́тель, что? Ты здесь, сударь, к чему?
Безро́дного пригре́л и ввёл в моё семейство,
Дал чин асе́ссора [6] и взял в секретари́:
В Москву переведён через моё содейство [7];
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

---

[1] Умудри́лись не по ле́там (образное выражение) — здесь: стали мудрыми, умными, дога́дливыми не по годам (не по во́зрасту).

[2] Дали́сь нам эти языки́! — Здесь имеется в виду обяза́тельная для дворян мо́да учить своих детей иностранному языку, бо́льшей частью францу́зскому.

[3] Побродя́га — человек без определённых заня́тий, знаний, ме́ста жи́тельства, случайный человек, не внуша́ющий дове́рия. (Так называет Фамусов иностранцев, которых бра́ли в учителя, не принимая во внимание их подгото́вленности к этому делу.)

[4] И в дом, и по биле́там... — Учителя были разные: одни жили в доме дворянина, другие были приходя́щими; приходящие учителя получали пла́ту по квита́нциям — билетам, вы́данным нанима́телем.

[5] Скоморо́хи (старое слово) — народные артисты, развлека́вшие музыкой, пе́снями, пля́сками, шу́тками; скоморохи бо́льшей частью ходили из одного места в другое или жили в старой Руси при дворе царя, у бога́тых помещиков.

[6] Чин асе́ссора — гражданский чин, получение которого давало звание дворянина.

[7] Содейство (старинная форма) — содействие.

СОФЬЯ.

Я гнева вашего никак не растолку́ю [1].
Он в доме здесь живёт, великая напа́сть [2]!
Шёл в комнату, попал в другую.

ФАМУСОВ.

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы́ случайно.

СОФЬЯ.

Вот в чём, однако, слу́чай весь:
Как да́веча [3] вы с Лизой были здесь.
Перепуга́л меня ваш голос чрезвыча́йно,
И бро́силась сюда со всех я ног...

ФАМУСОВ.

Пожалуй, на меня всю суматóху [4] сло́жит.
Не в по́ру голос мой наде́лал им тревог!

СОФЬЯ.

По сму́тном сне безде́лица трево́жит;
Сказать вам сон: поймёте вы тогда.

ФАМУСОВ.

Что за история?

СОФЬЯ.

Вам рассказать?

ФАМУСОВ.

Ну да.

(Садится.)

СОФЬЯ.

Позвольте... видите ль... сначала
Цвети́стый луг; и я искала
Траву,
Какую-то, не вспомню наяву́ [5].

---

[1] Не растолку́ю — не объясню.
[2] Напа́сть — здесь: беда, несчастье.
[3] Да́веча (народное слово) — некоторое время тому назад.
[4] Суматóха — беспокойство, хло́поты, беспоря́док.
[5] Наяву́ — в действи́тельности, не во сне.

Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Уви́дим — будто век знако́мы,
Явился тут со мной; и вкра́дчив, и умён,
Но ро́бок... Знаете, кто в бедности рождён...

ФАМУСОВ.

Ах! матушка, не доверша́й[1] уда́ра!
Кто беден, тот тебе не пара.

СОФЬЯ.

Потом пропало всё: луга́ и небеса́. —
Мы в тёмной комнате. Для доверше́нья[2] чу́да
Раскрылся пол — и вы оттуда,
Бледны́ как смерть, и ды́бом волоса́[3]!
Тут с громом распахну́ли двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь — и му́чили сиде́вшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокро́вищ,
Хочу к нему — вы та́щите с собой:
Нас провожа́ет стон, рёв, хохот, свист чудо́вищ.
Он вслед кричит!..
Проснулась... кто-то говорит:
Ваш голос был, что, думаю, так рано?
Бегу сюда — и вас обоих нахожу́.

ФАМУСОВ.

Да, ду́рен сон, как погляжу́;
Тут всё есть, коли нет обма́на:
И че́рти, и любовь, и стра́хи, и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

МОЛЧАЛИН.

Я слышал голос ваш.

ФАМУСОВ.

Заба́вно.
Дался́ им голос мой, и как себе испра́вно
Всем слы́шится и всех сзыва́ет до зари́!
На голос мой спешил, за чем же? — Говори.

---

[1] Не доверша́й — не зака́нчивай.
[2] Доверше́нье (старое слово) — окончание, заверше́ние.
[3] Ды́бом волоса́ — во́лосы поднялись кве́рху.

МОЛЧАЛИН.

С бумага́ми-с.

ФАМУСОВ.

Да! их не доставáло.
Помилуйте, что это вдруг припáло.
Усéрдье к пи́сьменным делам?
(Встаёт.)
Ну, Со́нюшка, тебе поко́й я дам:
Бывают стрáнны сны, а наяву́ страннée;
Искáла ты себе травы,
На друга набрелá скорее;
Повы́кинь вздор из головы;
Где чудесá, там мало склáду. —
Поди-ка, ляг, усни опять.
(Молчалину.)
Идём бумаги разбирáть.

МОЛЧАЛИН.

Я только нёс их для доклáду,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуре́чья [1] есть, и мно́гое не де́льно.

ФАМУСОВ.

Боюсь, сударь, я одного смерте́льно,
Чтоб мно́жество не накопля́лось их;
Дай волю вам, оно бы и засе́ло [2];
А у меня, что дело что не дело.
Обычай мой такой:
Подпи́сано, так с плеч долой.
(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперёд.)

Явление 5.

Софья, Лиза.

ЛИЗА.

Ну вот у пра́здника! [3] ну вот вам и поте́ха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;

[1] Противуре́чья (старинная форма слова) — противоре́чия.

[2] Оно бы и засе́ло — здесь: оно и не дви́галось бы вперёд, а оставалось бы на одном и том же месте.

[3] Ну вот у праздника! (образное выражение) — поздравле́ние в насме́шку при какой-нибудь неприя́тности.

В глазах темно и за́мерла душа;
Грех не беда; молва́ нехороша́.

СОФЬЯ.

Что мне молва́? Кто хочет, так и су́дит.
Да батюшка задуматься прину́дит[1].
Брюзгли́в[2] неугомо́нен[3], скор.
Таков всегда, а с этих пор...
Ты можешь посудить...

ЛИЗА.

Сужу-с не по расска́зам;
Запрёт он вас; — добро́ ещё со мной,
А то, помилуй бог, как ра́зом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

СОФЬЯ.

Поду́маешь, как счастье своенра́вно!
Бывает хуже, с рук сойдёт;
Когда ж печальное ничто на ум нейдёт,
Забылись музыкой, и время шло так пла́вно,
Судьба нас будто берегла,
Ни беспокойства, ни сомне́нья...
А горе ждёт из-за угла.

ЛИЗА.

Вот то-то-с, моего вы глупого сужде́нья
Не жа́луете[4] никогда:
Ан[5] вот беда.
На что вам лучшего проро́ка?
Твердила я: в любви не будет этой про́ка
Ни во веки веко́в[6].
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зя́тя он с звезда́ми[7], да с чина́ми.
А при звезда́х не все богаты, между нами,

---

[1] Прину́дит — заставит.
[2] Брюзгли́в (брюзгливый) — всегда недово́лен, ворчли́в.
[3] Неугомо́нен (неугомонный) — беспоко́ен (беспокойный).
[4] Не жа́луете — не любите, не одобряете.
[5] Ан (народное слово) — но (союз).
[6] Ни во веки веко́в (устаревшее выражение) — никогда.
[7] С звезда́ми — здесь: с орденами.

Ну, разуме́ется, к тому б,
И деньги, чтоб пожи́ть, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот, например, полковник Скалозу́б,
И золотой мешок [1], и ме́тит в генера́лы [2].

СОФЬЯ.

Куда как мил! И весело мне страх
Выслу́шивать о фру́нте [3] и рядах!
Он сло́ва умного не вы́говорил с ро́ду, —
Мне всё равно, что за него, что в воду!

ЛИЗА.

Да-с, так сказать, речи́ст [4], а больно не хитёр [5],
Но будь военный, будь он ста́тский [6],
Кто так чувстви́телен, и весел, и остёр,
Как Александр Андреич Чацкий,
Не для того, чтоб вас смути́ть;
Давно прошло, не вороти́ть,
А по́мнится...

СОФЬЯ.

Что по́мнится? Он сла́вно
Пересмея́ть умеет всех,
Болтает, шу́тит, мне заба́вно;
Дели́ть со всяким можно смех.

ЛИЗА.

И только? бу́дто бы? — Слеза́ми облива́лся,
Я помню, бедный он, как с вами расстава́лся. —
— Что, сударь, плачете? живите-ка смея́сь! —
А он в ответ: — «Неда́ром, Лиза, плачу,
Кому известно что найду я воротя́сь [7]?
И сколько, может быть, утра́чу!» —
Бедня́жка будто знал, что года через три...

---

[1] Золотой мешок (образное выражение) — здесь: очень богатый человек.

[2] Ме́тит в генера́лы — рассчи́тывает получить скоро чин генерала.

[3] Фрунт — старинное произношение слова фронт, строй солдат.

[4] Речи́ст — разгово́рчив и красноречи́в; здесь: насмешка над Скалозубом.

[5] Бо́льно не хитёр — здесь: очень не умён.

[6] Ста́тский — штатский, то-есть не военный.

[7] Воротя́сь — вернувшись, возврати́вшись.

СОФЬЯ.

Послушай, во́льности ты ли́шней не бери́ [1]:
Я очень ве́трено, быть может, поступи́ла [2];
И знаю, и винюсь; но где же измени́ла?
Кому? чтоб укорять невёрностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспи́таны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлу́чно
Связала де́тскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прики́нулся влюблённым,
Взыска́тельным и огорчённым! . .
Остёр, умён, красноречи́в,
В друзьях особенно счастли́в,
Вот о себе задумал он высоко . . .
Охота стра́нствовать напа́ла на него.
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

ЛИЗА.

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на ки́слых он вода́х [3],
Не от боле́зни, чай, от ску́ки, — повольне́е.

СОФЬЯ.

И верно сча́стлив там, где люди посмешне́е.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов [4]
Враг де́рзости, всегда засте́нчиво, несме́ло . . .
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побеле́ло,
Как думаешь? Чем за́няты?

---

[1] Во́льности ты ли́шней не бери (образное выражение) — не чувствуй себя очень свободно, помни, что ты разгова́риваешь не с равным тебе человеком, не забыва́йся.

[2] Ве́трено, быть может, поступи́ла... — легкомы́сленно, необдуманно, может быть, поступила.

[3] Ки́слые во́ды — лече́бные воды, содержащие углекислоту́.

[4] За других себя забыть готов — для других себя забыть готов.

ЛИЗА.

Бог весть,
Судáрыня, моё ли это дело?

СОФЬЯ.

Возьмёт он руку, к сéрдцу жмёт,
Из глубины́ души вздохнёт,
Ни слова вóльного, и так вся ночь прохóдит.
Рука с рукой, и глаз с меня не свóдит. —
Смеёшься! Можно ли! чем повод подалá
Тебе я к хóхоту такому?

ЛИЗА.

Мне-с? .. ваша тётушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежáл у ней из дому.
Голýбушка! хотела схорони́ть
Свою досáду[1], не сумела:
Забыла вóлосы чернить
И через три дня поседéла.
(Продолжает хохотáть.)

Софья *(с огорчéнием)*.

Вот так же обо мне потом заговорят.

ЛИЗА.

Простите, право, как бог свят[2],
Хотела я, чтоб этот смех дурáцкий
Вас нéсколько развеселúть помог.

Явление 6.

Софья, Лиза, слуга, за ним Чацкий.

СЛУГА.

К вам Александр Андреич Чацкий.
(Уходит.)

---

[1] Схорони́ть досáду — спрятать, скрыть досаду.
[2] Как бог свят (старая поговорка) — упоминáние о святости бога в подтверждéние своей правоты, и́стины.

Явление 7.

Софья, Лиза, Чацкий.

ЧАЦКИЙ.

Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног.
(С жа́ром целует руку.)
Ну, поцелуйте же, не ждали? Говори́те!
Что ж, ра́ды? Нет? В лицо мне посмотри́те.
Удивлены́? и то́лько? вот приём!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоём
Мы мо́чи нет[1] друг другу надое́ли,
Ни на́ волос любви![2] куда как хороши́!
А между тем, не вспо́мнясь, без души́,
Я сорок пять часов, глаз ми́гом не прищу́ря[3],
Вёрст больше семисот пронёсся! .. ветер, буря ...
И растерялся весь, и па́дал сколько раз —
И вот за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ах! Чацкий, я вам очень ра́да.

ЧАЦКИЙ.

Вы ра́ды? В добрый час.
Однако и́скренно кто ж радуется э́так?
Мне кажется, что напосле́док[4],
Людей и лошадей знобя[5],
Я только те́шил сам себя!

ЛИЗА.

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как помина́ли вас мы тут.
Суда́рыня, скажите сами.

---

[1] Мо́чи нет — сил нет.
[2] Ни на волос любви (образное выражение) — совсем не любит.
[3] Глаз ми́гом не прищу́ря (образное выражение) — ни на один миг, ни на одно мгновение не закрывая глаз; совсем без сна.
[4] Напосле́док — в конце концов.
[5] Зноби́ть — морозить, студить.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь.
Не можете мне сделать вы упрёка.
Кто промелькнёт, отво́рит дверь,
Прое́здом, слу́чаем, из чу́жа, из далёка [1], —
С вопро́сом я, хоть будь моряк:
Не повстреча́л ли где в почтовой вас карете?

ЧАЦКИЙ.

Поло́жимте что так.
Блажён, кто ве́рует [2], тепло ему на свете! —
Ах! боже мой! ужли́ [3] я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где во́зраст тот неви́нный,
Когда, бывало, в вечер дли́нный
Мы с вами я́вимся, исчёзнем тут и там;
Играем и шуми́м по стульям и столам.
Или ваш батюшка с мада́мой за пике́том [4];
Мы в тёмном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? Вздрогнём, чуть скри́пнет столик, дверь...

СОФЬЯ.

Ребя́чество!

ЧАЦКИЙ.

Да-с, а теперь,
В семнадцать лет вы расцвели́ преле́стно,
Неподража́емо, и это вам известно,
И потому скромны́, не смо́трите на свет.
Не влюблены́ ли вы? прошу мне дать ответ,
Без ду́мы, полноте́ смуща́ться.

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутя́т
Вопросы быстрые и любопытный взгляд...

---

[1] Из чу́жа, из далёка (старое выражение) — из чужих дальних краёв.
[2] Блажён, кто ве́рует — счастлив, кто верует.
[3] Ужли (старое слово) — неужели, разве.
[4] Пике́т — ка́рточная игра.

ЧАЦКИЙ.

Поми́луйте, не вам, чему же удивля́ться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сва́тался: — успел, а тот дал про́мах[1].
Всё тот же толк[2], и те ж стихи в альбомах[3].

СОФЬЯ.

Гоне́нье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

ЧАЦКИЙ.

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё Английского кло́ба[4]
Старинный, верный член до гро́ба?
Ваш дядюшка отпры́гал ли свой век?
А этот, как его, он ту́рок или грек?
Тот чернома́зенький, на но́жках журавли́ных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни су́нься: тут как тут,
В столовых и в гости́ных.
А трое из бульва́рных лиц[5],
Которые с полве́ка молодя́тся?
Родных мильо́н[6] у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породня́тся.
А наше со́лнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскера́д[7];

---

[1] Дал про́мах — сделал ошибку, здесь: отказали.

[2] Толк — здесь: разгово́ры.

[3] Альбо́м — особая тетрадь в переплёте, в которую писали друг другу на память стихи.

[4] Клоб — так произноси́лось слово клуб. Английский клуб — место, где собира́лись для различных развлече́ний наиболее богатые и знатные дворя́не Москвы.

[5] Бульва́рные лица — здесь: люди, всегда посеща́ющие гулянье на бульваре.

[6] Мильо́н (народная форма) — миллион.

[7] На лбу напи́сано: Театр и Маскера́д (то-есть маскарад) — здесь: любитель устраивать театральные представления и маскарады.

Дом зе́ленью распи́сан в виде ро́щи [1].
Сам толст, его артисты тощи [2].
На ба́ле, помните, открыли мы вдвоём,
За ши́рмами, в одной из комнат посекре́тней [3],
Был спрятан человек и щёлкал соловьём [4],
Певец зимой пого́ды летней.
А тот чахо́точный, родня́ ваш, книгам враг,
В учёный комитет [5] который посели́лся
И с криком требовал присяг,
Чтоб гра́моте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено́ судьбо́й!
Жить с ними надое́ст, и в ком не сыщешь пя́тен?
Когда ж постра́нствуешь, воро́тишься домой,
И дым отечества нам сла́док и прия́тен [6].

СОФЬЯ.

Вот вас бы с тётушкою свесть [7],
Чтоб всех знакомых перече́сть.

ЧАЦКИЙ.

А тётушка? всё де́вушкой, Мине́рвой [8]?
Всё фре́йлиной [9] Екатери́ны пе́рвой?
Воспи́танниц и мо́сек по́лон дом?
Ах! к воспита́нью перейдём
Что нынче, так же, как издре́вле [10],

---

[1] Дом зе́ленью распи́сан в виде ро́щи — сте́ны дома раскрашены изображением лесов, полей и рощ.

[2] То́щи (тощие) — худы (худые), бледны (бледные), краткие формы прилагательных.

[3] Комната посекре́тней — комната, о которой мно́гие не знали, существование которой храни́лось в тайне.

[4] Был спрятан человек и щёлкал соловьём — был спрятан человек, умело подража́вший пе́нью соловья́.

[5] Учёный комитет был учреждён в 1817 году для цензуры учебных посо́бий.

[6] И дым оте́чества нам сла́док и прия́тен (образное выражение, преврати́вшееся в погово́рку) — в своём отечестве всё кажется приятным, бли́зким, родным.

[7] Свесть — здесь: соедини́ть, сбли́зить, познако́мить.

[8] Мине́рва — боги́ня му́дрости и мужества в древнем Риме; здесь это слово употребляется ирони́чески.

[9] Фре́йлина — зна́тная женщина, состоящая на службе у царицы (в комнатах царицы).

[10] Издре́вле (устаревшее слово) — с древних пор, издавна.

Хлопо́чут набирать учителей полки́ [1],
Числом побо́лее, ценою подеше́вле?
Не то, чтобы́ в науке далеки́:
В России, под великим штра́фом,
Нам каждого признать велят
Историком и геогра́фом!
Наш ме́нтор [2], помните колпа́к его, хала́т,
Перст указа́тельный, все признаки ученья,
Как наши ро́бкие тревожили умы! . .
Как с ранних лет привыкли ве́рить мы,
Что нам без немцев нет спасе́нья! —
А Гильоме́, француз, подби́тый ветерко́м? [3]
Он не женат ещё? —

СОФЬЯ.

На ком?

ЧАЦКИЙ.

Хоть на какой-нибудь княгине,
Пульхерии Андре́вне, например?

СОФЬЯ.

Танцмейстер [4]! можно ли!

ЧАЦКИЙ.

Что ж? он и кавале́р.
От нас потре́буют с именьем быть и в чи́не,
А Гильоме́! . . Здесь нынче тон каков [5]?
На съездах на больших, по праздникам прихо́дским [6]
Господствует ещё смеше́нье языков:
Французского с нижегоро́дским? [7]

---

[1] Учителей полки́ — очень много учителей.

[2] Ме́нтор — здесь: учитель.

[3] Француз, подби́тый ветерком (образное выражение) — легкомы́сленный француз.

[4] Танцме́йстер — учитель танцев.

[5] Тон каков? — как считают нужным вести себя?

[6] По праздникам прихо́дским — церковный праздник у православных, принадлежавших к одной церкви.

[7] Смеше́нье языков: французского с нижегоро́дским... — Русские дворяне плохо знали и русский, и французский языки. В беседе они сме́шивали французские слова с русскими. Чацкий иронизи́рует над плохим знанием дворянами русского языка и над их стремле́нием казаться образо́ванными людьми.

СОФЬЯ.

Смесь языков?

ЧАЦКИЙ.

Да, двух, без этого нельзя ж.

ЛИЗА.

Но мудрено́ из них один скроить, как ваш.

ЧАЦКИЙ.

По крайней мере не наду́тый.
Вот новости! — Я пользуюсь минутой.
Свида́ньем с вами оживлён,
И говорли́в, а разве нет времён,
Что я Молчалина глупе́е? Где он, кста́ти?
Ещё ли не сломи́л безмо́лвия печа́ти? [1]
Бывало, пе́сенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристаёт: пожа́луйте списа́ть.
А в прочем, он дойдёт до степеней изве́стных,
Ведь нынче любят бесслове́сных.

СОФЬЯ *(в сторону)*.

Не человек, змея!

(Громко и принуждённо.)

Хочу у вас спросить:
Случа́лось ли, чтоб вы, смеясь или в печа́ли,
Оши́бкою, добро́ о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

ЧАЦКИЙ.

Когда всё мя́гко так? и не́жно, и незре́ло?
На что же так давно? вот до́брое вам де́ло:
Звонка́ми только что гремя́,
И день и ночь по снегово́й пустыне,
Спешу к вам, го́лову сломя́;
И как вас нахожу? в каком-то строгом чи́не!
Вот полчаса́ холо́дности терплю́!

---

[1] Ещё ли не сломи́л безмо́лвия печати? — Он всё ещё не заговори́л? Он всё ещё не решается выска́зывать своё мнение?

Лицо святейшей богомóлки!..
И всё-таки я вас без пáмяти люблю.

(Минутное молчание.)

Послушайте, ужлú слова мои все кóлки?
И клóнятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудакáх иному чýду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велúте ж мне в огонь — пойду как на обед.

СОФЬЯ.

Да, хорошо сгорúте, если ж нет?

Явление 8.

Софья, Лиза, Чацкий, Фамусов.

ФАМУСОВ.

Вот и другой!

СОФЬЯ.

Ах, батюшка, сон в рýку[1]!

(Уходит.)

Фамусов *(ей вслед вполгóлоса).*

Проклятый сон!

Явление 9.

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую Софья вышла).

ФАМУСОВ.

Ну вы́кинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(Обнимáются.)

Здорóво, друг, здорово, брат, здорово!
Рассказывай, чай у тебя готóво

[1] Сон в рýку (образное выражение) — сон сбывается.

Собранье важное вестéй?
Садись-ка, объявú скорей!

(Садятся.)

Чацкий *(рассéянно)*.

Как Софья Павловна у вас похорошéла!

ФАМУСОВ.

Вам, лю́дям молодым, другого нету дéла,
Как замечать девúчьи красоты́;
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надéждами занёсся, заколдóван!..[1]

ЧАЦКИЙ.

Ах! нет: надеждами я мало избалóван.

ФАМУСОВ.

«Сон в руку», — мне она извóлила шепнуть.
Вот ты задумал...

ЧАЦКИЙ.

Я? ничу́ть!

ФАМУСОВ.

О ком ей снилось? Что такое?

ЧАЦКИЙ.

Я не отга́дчик снов.

ФАМУСОВ.

Не верь ей, всё пустое.

ЧАЦКИЙ.

Я верю со́бственным глазам;
Век не встречал, подпúску дам,
Чтоб было ей хоть нéсколько подóбно!

Фамусов.

Он всё своё. Да расскажи подрóбно.
Где был, скита́лся столько лет?
Отку́дова[2] теперь?

---

[1] Надéждами занёсся, заколдóван — надеешься, не имея достаточных оснований; очарóван.

[2] Отку́дова (народная форма) — откуда.

Чацкий.

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет,
И не объехал со́той до́ли.

(Встаёт поспе́шно.)

Простите; я спеши́л скорее видеть вас,
Не заезжа́л домой. Прощайте! через час
Явлюсь, подро́бности малейшей не забуду,
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша́!

(Уходит.)

Явление 10.

Фамусов *(один)*.

Который же из двух?
«Ах, батюшка, сон в ру́ку!»
И говорит мне это вслух!
Ну, виноват. Какого ж дал я крю́ку! [1]
Молчалин да́веча в сомне́нье ввёл меня;
Теперь... да в по́лмя [2] из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель,
Отъя́влен мо́том [3], сорванцо́м!
Что за коми́ссия [4], созда́тель,
Быть взро́слой дочери отцом!

(Уходит.)

Конец первого действия.

---

[1] Какого ж дал я крю́ку! — пошёл не той, какой надо, доро́гой и заблуди́лся; здесь в переносном значении: как я ошибся!

[2] В полмя́ (нелитературное произношение) — в пламя.

[3] Мот — человек, по́пусту растра́чивающий деньги.

[4] Что за комиссия, созда́тель, быть взрослой до́чери отцом! — Какое трудное дело быть отцом взрослой дочери! Выражение это превратилось в поговорку.

Вопросы.

1. Первая встреча Чацкого с Софьей.

(Явление 7-е I действия.)

1. Как относится Чацкий к Софье, судя по этой сцене?
2. Как встре́тила Софья Чацкого?
3. С каким чувством вспомина́ет Чацкий о своих встречах с Софьей?
4. Что говорит Софья об этих воспомина́ниях?
5. Чем можно объяснить различное отношение Чацкого и Софьи к про́шлому?
6. Как отвечает Софья на попытки Чацкого узнать, любит ли она его?
7. Что говорит Чацкий о причудах и развлече́ниях московского ба́рства?
8. Как это барство относится к науке?
9. Как оно воспитывает своих детей?
10. Каково́ отношение московского барства к иностра́нцам?
11. Что говорит Чацкий о Молчалине?
12. Как относится Софья к критическим речам Чацкого?

Задания.

1. Прочитайте по ролям эту сцену.
2. Выписать несколько «крылатых выражений» и объяснить их значение.
3. Выписать несколько фраз из речи Софьи, показывающих, как постепенно нараста́ет в ней чувство недово́льства Чацким.
4. Отметить выражения из речи Чацкого, в которых наиболее ярко раскрывается его патриотизм.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Явление 1.

Фамусов и слуга.

ФАМУСОВ.

Петрушка, вечно ты с обно́вкой,
С разо́дранным локтём. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь[1].
А с чу́вством, с то́лком, с расстано́вкой.
Постой же. — На листе́ черкни́[2] на записно́м,

[1] Пономарь — низший служащий в церкви, которому иногда поручают чтение церко́вных книг. Он читал их очень быстро, часто не понимая читаемого, невырази́тельно. Отсюда поговорка: «Читаешь, как пономарь», то есть читаешь невня́тно, невыразительно. (Стихи: «Читай... с чувством, с толком, с расстано́вкой...» превратились в поговорку.)

[2] Черкни́ — здесь: отметь, заметь.

Проти́ву[1] будущей недели:
К Праско́вье Фёдоровне в дом
Во вторник зван я на форе́ли[2]
Куда как чу́ден со́здан свет!
Пофилосо́фствуй, ум вскружи́тся;
То бережёшься, то обед:
Ешь три часа, а в три дня не свари́тся!
Отметь-ка, в тот же день... Нет, нет.
В четверг я зван на погребе́нье[3]..
Ох, род людской! пришло в забве́нье[4].
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ла́рчик, где ни стать, ни сесть[5].
Но память по себе наме́рен кто оставить
Житьём похва́льным, вот пример:
Покойник был почте́нный камерге́р[6],
С ключом, и сыну ключ умел доста́вить![7]
Богат, и на бога́той был жена́т;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нём прискорбно поминают[8].
Кузьма Петрович! мир ему! —
Что за тузы́[9] в Москве живут и умирают!
Пиши, в четверг, одно уж к одному[10],
А может в пятницу, а может и в субботу,
Я должен у вдовы́ у до́кторши крести́ть[11]..
Она не родила́, но по расчёту,
По моему́: должна́ родить.

---

[1] Проти́ву (старинная форма) — против.

[2] Зван я на форе́ли — приглажён я в гости, на завтрак, на котором будут угощать рыбой — форе́лью.

[3] На погребе́нье — на по́хороны.

[4] Пришло в забве́нье — забылось.

[5] В тот ла́рчик, где ни стать, ни сесть — здесь: гроб; ларчик — небольшой я́щичек.

[6] Камерге́р (устаревшее слово) — большой придво́рный чин; в знак отличия камергеры носили на своей одежде золотой кло́чик.

[7] Сыну ключ умел доставить — умел сделать и сына камергером.

[8] Прискорбно поминают — с грустью, с печалью вспоминают.

[9] Тузы́ — знатные, богатые люди, по́льзующиеся уважением окружа́ющих.

[10] Одно к одному — заодно́, сразу, вместе.

[11] Крести́ть — здесь: участвовать в религиозном обряде креще́ния и в пиршестве в связи с этим крещением.

Явление 2.

Фамусов, слуга, Чацкий.

ФАМУСОВ.

А! Александр Андреич! Про́сим,
Садись-ка.

ЧАЦКИЙ.

Вы за́няты?

ФАМУСОВ *(слуге)*.

Поди́.

(Слуга уходит.)

Да, разные дела на память в книгу вно́сим;
Забу́дется, того гляди́.

ЧАЦКИЙ.

Вы что-то не веселы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в по́ру мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключи́лось ли печа́ли?
У вас в лице, в движе́ньях суета́.

ФАМУСОВ.

Ах, батюшка! нашёл загадку,
Не ве́сел я! . . В мои лета́
Не можно же пускаться мне в прися́дку! [1]

ЧАЦКИЙ.

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова
Об Софье Павловне, быть может, нездоро́ва?

ФАМУСОВ.

Тьфу, го́споди прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет приго́же [2],
То Софья Павловна больна́.

---

[1] Пускаться в прися́дку — плясать, приседая к земле, к полу.
[2] Нет приго́же (народное выражение) — нет красивее, привлека́тельнее, лучше.

Скажи, тебе понра́вилась она?
Обры́скал свет[1]; не хочешь ли жениться?

ЧАЦКИЙ.

А вам на что?

ФАМУСОВ.

Меня не худо бы спроси́ться,
Ведь я ей несколько сродни́,
По крайней мере исконй[2]
Отцом недаром называли.

ЧАЦКИЙ.

Пусть я посва́таюсь, вы что бы мне сказали?

ФАМУСОВ.

Сказал бы я, во-первых: не блажи́[3],
Име́ньем, брат, не управляй опло́шно[4],
А, главное, поди-тка[5] послужи́.

ЧАЦКИЙ.

Служить бы рад, прислу́живаться то́шно.

ФАМУСОВ.

Вот то-то, все вы гордецы́,
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы на старших гля́дя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре́,
На зо́лоте еда́л; сто человек к услу́гам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цу́гом[6];
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При госуда́рыне служил Екатерине.

---

[1] Обры́скал свет — объехал много мест, побывал всюду, всюду пожил (Фамусов говорит эти слова с лёгкой ирони́ей).
[2] Исконй (устаревшее слово) — и́здавна, с самых давних времён.
[3] Не блажи́ — не дури́.
[4] Опло́шно — необду́манно, неудачно, с целым рядом ошибок.
[5] Поди-тка (народная форма) — поди-ка.
[6] Цу́гом — способ упря́жки нескольких лошадей в один экипаж: па́рами, друг за другом.

А в те поры́ все ва́жны! в сорок пуд[1]...
Раскла́няйся, тупе́ем не кивну́т[2].
Вельмо́жа в слу́чае[3], тем па́че,
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьёзный взгляд, надме́нный нрав.
Когда же надо подслужи́ться,
И он сгибался в перегиб[4]:
На куртаге́[5] ему случилось оступи́ться[6];
Упал, да так, что чуть заты́лка не пришиб[7];
Старик заохал, голос хри́пкой[8]:
Был высочайшею[9] пожа́лован улыбкой;
Изво́лили смеяться; как же он?
Привстал, опра́вился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь[10] — уж наро́чно —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? По-нашему, смышлён.
Упал он больно, встал здоро́во.
За то, бывало, в вист[11] кто ча́ще приглашён?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?
Максим Петрович! Шу́тка!

---

[1] В сорок пуд... (старинная форма) — весом в сорок пудов (пуд — дореволюционная мера веса, равная 16 килограммам).

[2] Тупе́ем не кивну́т (образное выражение) — даже слегка не наклонят голову в ответ на поклон: тупей — мужская причёска, при которой волосы со́браны в пучок, высоко поднима́ющийся кверху.

[3] Вельмо́жа в случае (образное выражение) — вельможа, находящийся в данный момент в особой милости и близости к царскому двору.

[4] Сгиба́ться в перегиб — здесь: очень низко кланяться, желая подслужи́ться, не дорожа́ своим достоинством.

[5] На куртаге́ — в приёмный день при царском дворе.

[6] Оступи́ться (устаревшее слово) — неловко, неудачно стать ногой при ходьбе́.

[7] Чуть заты́лка не пришиб — чуть затылок не расшиб; чуть не повредил себе затылка ударом.

[8] Голос хри́пкой (голос хрипкий) — голос, как у больного, с хрипотой.

[9] Высоча́йший — здесь: принадлежащий кому-либо из членов царской фамилии.

[10] Вдруго́рядь (старое слово) — в другой раз, ещё.

[11] Вист — карточная игра.

В чины́ выво́дит[1] кто и пе́нсии даёт?
Максим Петрович! Да! Вы, ны́нешние — ну́тка![2]

ЧАЦКИЙ.

И точно на́чал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохну́вши;
Как посравни́ть, да посмотреть
Век ны́нешний и век мину́вший:
Свежо́ преда́ние, а ве́рится с трудом[3];
Как тот и сла́вился, чья ча́ще гну́лась шея;
Как не в войне, а в мире бра́ли лбом[4],
Стучали об пол, не жале́я!
Кому нужда́: тем спесь, лежи они в пыли́[5],
А тем, кто выше, лесть как кру́жево плели́.
Прямой был век поко́рности и страха,
Все под личи́ною[6] усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю,
Его не возмути́м мы пра́ха[7],
Но между тем, кого охо́та заберёт,
Хоть в раболе́пстве[8] са́мом пы́лком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать заты́лком?
А све́рстничек[9], а старичок,
Иной, глядя на тот скачок,

---

[1] В чины́ выво́дит — даёт повыше́ния по службе.

[2] Ну́тка (устаревшая форма) — Ну-ка!

[3] Преда́ние — рассказ, устно передаваемый из одного поколения в другое и поэтому часто изменя́емый: чем старе́е предание, тем больше может быть в нём искаже́ний. Выражение *«Свежо предание, а верится с трудом»*... означает недоверие к тому, что говорится.

[4] Не в войне, а в мире брали лбом (образное выражение) — выслуживались и получали награ́ды не за военные по́двиги, а за то, что умели низко кла́няться, подслу́живаться к вышестоя́щим лицам.

[5] Кому нужда: тем спесь... — Кто нуждается, кто зависит от людей фа́мусовского общества, кто ниже их по общественному положе́нию, с теми они горды, от тех они требуют низких поклонов себе *(«лежи они в пыли»)*.

[6] Личи́на (устаревшее слово) — маска; здесь в переносном значении: вид, внешность.

[7] Прах (старое слово) — пыль, остатки человеческого тела после смерти, после погребения и разложения его; здесь: память об умершем.

[8] Раболе́пство — низкопокло́нство, уго́дничество.

[9] Све́рстничек (сверстник) — человек одних лет с кем-либо.

И разруша́ясь в ветхой коже,
Чай приговаривал: «Ах! если бы мне тоже!»
Хоть есть охотники попо́дличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде́ [1];
Недаром жалуют их ску́по государи.

ФАМУСОВ.

Ах! боже мой! он карбона́ри [2]!

ЧАЦКИЙ.

Нет, нынче свет уж не таков.

ФАМУСОВ.

Опасный человек!

ЧАЦКИЙ.

Вольне́е всякий дышит.
И не торо́пится вписаться в полк шуто́в.

ФАМУСОВ.

Что говорит! и говорит, как пишет!

ЧАЦКИЙ.

У покрови́телей зевать на потолок [3],
Явиться помолчать, пошáркать [4] пообе́дать,
Подста́вить стул, поднять платок.

ФАМУСОВ.

Он во́льность хочет пропове́дать!

ЧАЦКИЙ.

Кто путеше́ствует, в деревне кто живёт...

ФАМУСОВ.

Да он властей не признаёт!

ЧАЦКИЙ.

Кто служит делу, а не ли́цам...

---

[1] Держит стыд в узде́ — стыд сде́рживает, не позволяет делать что-нибудь плохое.

[2] Карбона́ри — член революционного общества, возни́кшего в начале XIX столетия в Италии; здесь: бунтовщи́к.

[3] Зева́ть на потолок (образное выражение) — здесь: смотреть на потолок, ничем не занимаясь; безде́льничать.

[4] Пошáркать — особым образом подвигать ногами при покло́не.

ФАМУСОВ.

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать[1] к столицам.

ЧАЦКИЙ.

Я наконец вам отдых дам...

ФАМУСОВ.

Терпе́нья, мо́чи нет, доса́дно.

ЧАЦКИЙ.

Ваш век бранил я беспоща́дно,
Предоставля́ю вам во власть:
Отки́ньте часть,
Хоть нашим временам в прида́чу;
Уж так и быть, я не запла́чу.

ФАМУСОВ.

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

ЧАЦКИЙ.

Я досказа́л.

ФАМУСОВ.

Добро, заткнул я уши.

ЧАЦКИЙ.

На что ж? Я их не оскорблю́.

ФАМУСОВ *(скороговóркой)*.

Вот ры́скают по свету, бьют баклу́ши[2],
Воро́тятся, от них порядка жди!..

ЧАЦКИЙ.

Я перестал...

ФАМУСОВ.

Пожалуй, пощади́!

ЧАЦКИЙ.

Длить спóры не моё жела́нье.

---

[1] Запретить на вы́стрел подъезжать (образное выражение) — запретить близко подъезжать.

[2] Бить баклу́ши (образное выражение) — безде́льничать.

ФАМУСОВ.

Хоть ду́шу отпусти на покая́нье! [1]

Явление 3.

Слуга (входит).

Полковник Скалозуб.

ФАМУСОВ *(ничего не видит и не слышит).*

Тебя уж упеку́т [2]
Под суд, как пить дадут.

ЧАЦКИЙ.

Пожа́ловал к вам кто-то на дом.

ФАМУСОВ.

Не слушаю, под суд!

ЧАЦКИЙ.

К вам человек с докла́дом.

ФАМУСОВ.

Не слушаю, под суд! под суд!

ЧАЦКИЙ.

Да оберни́тесь, вас зовут.

ФАМУСОВ *(обора́чивается).*

А? бунт? Ну так и жду содо́ма [3].

СЛУГА.

Полковник Скалозуб. Прика́жете приня́ть?

ФАМУСОВ *(встаёт).*

Ослы́! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошёл же, торопи́сь!

(Слуга уходит.)

---

[1] Отпусти ду́шу на покая́нье! (старое образное выражение) — Перестань, оставь в покое, не приставай больше!

[2] Упеку́т — здесь: отправят, отдадут.

[3] Содо́м — город, жители которого, по еврейским и христианским религиозным сказа́ниям, были наказаны богом за грехи. Отсюда перено́сное значение слова *содом:* беспорядок, разврат.

Пожа́ло-ста[1], сударь, при нём остереги́сь[2]:
Известный человек, соли́дный.
И знаков тьму отличий нахвата́л;
Не по летам, и чин зави́дный,
Не нынче — завтра генерал.
Пожало-ста при нём веди себя скромне́нько.
Эх, Александр Андреич, ду́рно, брат!..
Ко мне он жалует часте́нько;
Я всякому, ты знаешь рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто же́нится на Со́нюшке. Пусто́е!
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да на́добности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода́. А впро́чем, власть госпо́дня.
Пожало-ста при нём не спорь ты вкривь и вкось[3]
И завира́льные идеи[4] эти брось.
Однако нет его! какую бы причину...
А! знать ко мне пошёл в другую полови́ну.

(Поспе́шно уходит.)

Явление 4.

ЧАЦКИЙ.

Как суети́тся! что за прыть[5]!
А Софья! — Нет ли впрямь[6] тут жениха какого?
С которых пор меня дичи́тся как чужо́го!
Как здесь бы ей не быть!..
Кто этот Скалозуб? Отец им сильно бре́дит[7],
А может быть не только что отец...
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года в даль уедет.

---

[1] Пожа́ло-ста (старая форма) — пожалуйста.
[2] Остереги́сь — будь осторо́жен.
[3] Вкривь и вкось — здесь: неправильно.
[4] Завира́льные идеи — ложные, неправильные идеи (мы́сли).
[5] Прыть — быстрота.
[6] Впрямь действительно, на самом деле.
[7] Бре́дит — здесь: думает и говорит с увлече́нием о чём-либо или о ком-либо.

Явление 5.

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.

ФАМУСОВ.

Сергей Сергеич, к нам сюда-с,
Прошу поко́рно, здесь теплее;
Прозя́бли вы, согре́ем вас;
Отду́шничек отвернём [1] поскоре́е.

СКАЛОЗУБ *(густым басом)*.

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

ФАМУСОВ.

Неу́жто для друзей не сделать мне ни шагу,
Сергей Сергеич дорогой!
Кладите шляпу, сде́ньте [2] шпа́гу;
Вот вам софа́ [3] раски́ньтесь на поко́й.

СКАЛОЗУБ.

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Сади́тся все трое; Чацкий пода́ль.)

ФАМУСОВ.

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счёсться,
Хоть да́льними, насле́дства не делить;
Не знали вы, а я пода́вно [4],
Спасибо, научил двою́родный ваш брат,
Как вам дово́дится [5] Настасья Никола́вна?

СКАЛОЗУБ.

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили.

ФАМУСОВ.

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед роднёй, где встре́тится, ползко́м;
Сыщу́ её на дне морском.

---

[1] Отвернём — здесь: откроем.
[2] Сде́ньте — сними́те.
[3] Софа́ — широкий, низкий дива́н.
[4] Пода́вно — (старое слово) — тем более.
[5] Как вам дово́дится? — В каком родстве с вами находится? (Кем приходится вам?)

При мне служа́щие чужие очень ре́дки;
Всё больше се́стрины, свояче́ницы[1] де́тки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что делово́й.
Как станешь представлять к кресте́шку[2] ли, к месте́чку.
Ну как не порадеть[3] родно́му человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму[4] по службе получил.

СКАЛОЗУБ.

В тринадцатом году мы отличились с братом
В тридцатом е́герском[5], а после в сорок пятом.

ФАМУСОВ.

Да! счастье у кого есть э́дакий сынок!
Имеет, кажется, в петли́чке ордено́к?

СКАЛОЗУБ.

За третье августа, засе́ли мы в транше́ю[6]
Ему дан с ба́нтом, мне — на шею[7].

ФАМУСОВ.

Любезный человек, и посмотреть так хват[8],
Прекрасный человек двою́родный ваш брат.

СКАЛОЗУБ.

Но крепко набрался́ каких-то новых правил.
Чин следовал ему[9]: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

---

[1] Свояченица — сестра жены.
[2] Представить к кресте́шку — представить к награждению каким-либо орденом (крестом).
[3] Порадеть — постараться, позабо́титься.
[4] Тьма — здесь: очень много.
[5] Егерские полки — особые стрелко́вые пехо́тные полки.
[6] Траншея — око́пы.
[7] Ему дан с бантом, мне — на шею — здесь речь идёт об орденах.
[8] Хват — ловкий человек, молодец.
[9] Чин следовал ему — он должен был получить чин.

ФАМУСОВ.

Вот мо́лодость.. читать!.. а после хвать!..[1]
Вы повели себя испра́вно,
Давно полковники, а слу́жите неда́вно.

СКАЛОЗУБ.

Довольно сча́стлив я в товарищах моих,
Вака́нсии[2] как раз открыты;
То старших вы́ключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВ.

Да, чем кого господь пои́щет, вознесёт![3]

СКАЛОЗУБ.

Бывает, моего счастли́вее везёт.
У нас в пятнадцатой дивизии, не да́ле,
Об нашем хоть сказать брига́дном генерале[4].

ФАМУСОВ.

Поми́луйте, а вам чего недостаёт?

СКАЛОЗУБ.

Не жа́луюсь, не обходи́ли,
Однако за полко́м два года проводи́ли[5].

ФАМУСОВ.

В погоне ли за полком?[6]
Зато, конечно, в чём другом
За вами далеко́ тяну́ться.

---

[1] А после хвать!.. (*хвать* от слова *хватился*) — а после с сожалением вспо́мнишь о чём-нибудь ну́жном, важном, чего не сделал в своё время.

[2] Вака́нсии — свободные места (должности) в каком-либо учрежде́нии.

[3] Госпо́дь поищет, вознесёт (старое выражение) — если господь захочет кого награди́ть, то поставит его выше других (вознесёт).

[4] Брига́дный генерал — генерал, командующий брига́дой.

[5] За полко́м два года поводи́ли — два года заставили ждать, прежде чем назначили командиром полка.

[6] В погоне ли за полком — в ожидании назначе́ния командиром полка.

СКАЛОЗУБ.

Нет-с, ста́рее меня по ко́рпусу[1] найдутся,
Я с восемьсот девятого служу́;
Да, чтоб чины добыть, есть многие кана́лы;
Об них как и́стинный фило́соф я сужу;
Мне только бы доста́лось в генералы.

ФАМУСОВ.

И славно су́дите, дай бог здоро́вья вам
И генера́льский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше,
Речь завести об генера́льше?

СКАЛОЗУБ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВ.

Что ж? у кого сестра, племя́нница есть, дочь;
В Москве ведь нет неве́стам перево́да;
Чего? плодя́тся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

СКАЛОЗУБ.

Дистанция[2] огромного размера.

ФАМУСОВ.

Вкус, батюшка, отме́нная мане́ра[3];
На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж и́сстари[4] ведётся,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберётся
Душ ты́сячки две родовы́х[5],
Тот и жених.

---

[1] Ко́рпус — здесь: объедине́ние войск; в состав одного объединения входят войска всех родов оружия.

[2] Диста́нция — расстояние; здесь Скалозуб, высказывая мнение о Москве, неудачно употребляет это слово.

[3] Отме́нная мане́ра — очень хороший, отличный образ жизни, хорошая привычка.

[4] Исстари (народное слово) — с очень давних времён (и́здавна).

[5] Душ ты́сячки две родовы́х — две тысячи крепостны́х крестьян, доста́вшихся по насле́дству.

Другой хоть пры́тче[1] будь, надутый всяким чва́нством,
Пускай себе разу́мником слыви́,
А в се́мью не включа́т, на нас не подиви́[2],
Ведь только здесь ещё и дорожа́т дворя́нством.
Да это ли одно?.. Возьмите вы хлеб-соль[3]:
Кто хочет к нам пожа́ловать, — изво́ль,
Дверь о́тперта для зва́ных и незваных,
Особенно из иностра́нных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы́ до пя́ток,
На всех московских есть особый отпеча́ток.
Извольте посмотреть на нашу молодёжь,
На ю́ношей, сынко́в и внучат:
Журим[4] мы их, а если разберёшь,
В пятнадцать лет учителей нау́чат!
А наши старички? — Как их возьмёт задо́р,
Засу́дят об делах, что слово: — приговор, —
Ведь столбовы́е[5] все, в ус никого не дуют,
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их... беда!
Не то, чтоб новизны́, вводи́ли, — никогда!
Спаси́ нас боже!.. Нет. А придеру́тся
К тому, к сему, а ча́ще ни к чему,
Поспорят, пошумя́т и... разойдутся.
Прямые ка́нцлеры[6] в отста́вке по уму́!
Я вам скажу, знать время не приспе́ло[7],
Но что без них не обойдётся дело.
А да́мы? — су́нься кто, попробуй овладе́й;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;

---

[1] Пры́тче (народное слово) — быстрее, подвижнее.

[2] На нас подиви́ — здесь в значении: на нас уж не гне́вайся, с нас уж не взыщи.

[3] Хлеб-соль — здесь: гостеприи́мство, умение хорошо принять гостей, хорошо угостить их.

[4] Журим — слегка́ браним, упрекаем.

[5] Столбовы́е дворя́не (старинное выражение) — дворяне, древнего, зна́тного рода, фами́лии которых запи́саны в особые книги.

[6] Ка́нцлер (старое слово) — высший граждан́ский чин, введённый Петром I.

[7] Не приспе́ло — не подошло.

За картами, когда восстанут общим бу́нтом,
Дай бог терпе́нье, ведь сам я был женат.
Скомандовать вели́те перед фру́нтом!
Прису́тствовать пошли́те их в Сенат! [1]
Ирина Вла́сьевна! Луке́рья Алексе́вна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андре́вна!
А дочек кто видал, всяк голову повесь! [2]
Его вели́чество король был прусский здесь [3];
Диви́лся не путём [4] московским он деви́цам,
Их благонра́вью, а не лицам.
И точно, можно ли воспи́таннее быть!
Умеют же себя принаряди́ть
Тафти́цей [5] ба́рхатцем и ды́мкой [6],
Слове́чка в простоте́ не скажут, всё с ужи́мкой [7];
Французские рома́нсы вам поют
И ве́рхние выво́дят но́тки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патрио́тки.
Решительно скажу: едва
Другая сы́щется столица, как Москва.

СКАЛОЗУБ.

По моему́ сужде́нью
Пожар спосо́бствовал ей много к украше́нью [8].

ФАМУСОВ.

Не поминайте нам, уж мало ли крехтя́т [9]!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

---

[1] Прису́тствовать — здесь: заседа́ть, быть на заседании Сена́та (высшего правительственного учреждения).

[2] Го́лову пове́сь — опусти голову, наклони; здесь: не возражай.

[3] Король прусский Фридрих-Вильгельм был в Москве в 1816 году.

[4] Диви́лся не путём (устаревшее выражение) — очень сильно удивлялся.

[5] Тафти́ца (тафта) — плотная, шёлковая материя.

[6] Ды́мка — здесь: лёгкая шёлковая материя.

[7] С ужимкой — не просто, а с особыми манерами, приёмами, с желанием показать себя очень скромной, чего нет на самом деле.

[8] Пожар способствовал ей много к украше́нью... — после пожара во время наше́ствия на Москву в 1812 году французов вы́строены были новые здания, более красивые, чем прежде.

[9] Крехтя́т (кряхтят) — издают сто́нущие звуки при напряжении, стонут; здесь: жалуются на тяжёлые обстоя́тельства.

ЧАЦКИЙ.

Дома новы́, но предрассу́дки ста́ры,
Пора́дуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни мо́ды, ни пожа́ры.

ФАМУСОВ *(Чацкому)*.

Эй, завяжи́ на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услу́га.
(Скалозубу.)
Позво́льте, батюшка, вот-с Чацкого, мне дру́га,
Андрея Ильича́ покойного сынок:
Не слу́жит, то-есть в том он пользы не нахо́дит,
Но захоти́: так был бы делово́й.
Жаль, очень жаль, он малый с головой,
И сла́вно пишет, перево́дит.
Нельзя не пожалеть, что с э́даким [1] умом . . .

ЧАЦКИЙ.

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы́ мне ваши досажда́ют.

ФАМУСОВ.

Не я один, все так же осужда́ют.

ЧАЦКИЙ.

А су́дьи кто? — За дре́вностию лет
К свободной жизни их вражда непримири́ма,
Сужде́нья че́рпают [2] из забытых газет
Времён Оча́ковских и покоре́нья Кры́ма [3];
Всегда готовые к журьбе [4],
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где? укажи́те нам, отечества отцы [5],

---

[1] С э́даким — с таким.

[2] Че́рпают — здесь: берут, добывают, получают.

[3] Времён Оча́ковских и покоренья Кры́ма — тогда, когда был присоединен к России Крым (в 1783 году); переносное значение в старые времена, давно.

[4] Журьба́ — лёгкая брань, упрёки.

[5] Отечества отцы — почётное звание, которое в древнем Риме давали за по́двиги на пользу государства; здесь: выдаю́щиеся люди (герои, вожди).

Которых мы должны принять за образцы́?
Не эти ли, грабительством бога́ты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве́,
Великоле́пные соорудя́ пала́ты,
Где разливаются в пирах и мотовстве́,
И где не воскреся́т клиенты-иностранцы [1]
Проше́дшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня ещё с пелён [2],
Для за́мыслов каких-то непоня́тных,
Дитёй [3] возили на поклон?
Тот Не́стор [4] негодя́ев зна́тных,
Толпою окружённый слуг;
Усе́рдствуя, они, в часы вина и дра́ки,
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзы́е три собаки!!! [5]
Или — вон тот ещё, который для зате́й
На крепостной балет согна́л на многих фу́рах [6]
От матерей, отцов отто́рженных [7] детей?
Сам погружён умом в зефи́рах и аму́рах [8],

---

[1] Клиент — человек (в древнем Риме), не имеющий полных прав гражданства; он зависел от полноправного гражданина, который ему покрови́тельствовал; за это покровительство клиент должен был выполнять различного рода поручения своего покрови́теля; клиенты-иностранцы — здесь Чацкий имеет в виду французов, среди которых встреча́лись реакционеры-монархисты, бежавшие из своей страны после революции 178[9] года, получившие покровительство у нашего дворянства.

[2] Спелён (с пелёнок) — здесь: с самого раннего детства.

[3] Дитёй (вместо современного дитятею) — маленьким ребёнком.

[4] Нестор — имя греческого му́дрого, опытного полково́дца из поэмы Гомера «Илиада». (Теперь слово *Нестор* стало обозначать вообще мудрого правителя. Здесь это имя употреблено иронически.)

[5] Наних он выменял борзые три собаки... — Во времена крепостного права обмен на собак крепостных крестьян (которых помещики не считали за людей) был типичным явлением.

[6] Фу́ра — большая повозка.

[7] Отто́рженные (старое слово) — отнятые, ото́бранные, на крепостной балет согнал на многих фурах от матерей, отцов отторженных (отнятых) детей... — многие помещики подгота́вливали балетные труппы из детей, насильно отобранных у крепостных крестьян.

[8] Зефи́р и Аму́р — боги греческой мифоло́гии; Зефир (бог ветра) и Амур (бог любви изображались в виде красивых мальчиков с кры́льями и были излю́бленными героями бале́тов.

Заставил всю Москву дивúться их красé!
Но должникóв не согласúл к отсрóчке [1]:
Амýры и Зефúры все
Распрóданы поодинóчке!!!
Вот те, которые дожили до седúн!
Вот уважать кого должны мы на безлю́дье!
Вот наши строгие ценúтели и сýдьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдётся: враг искáний,
Не требуя ни мест, ни повышéнья в чин,
В наýки он вперит [2] ум áлчущий [3] познаний;
Или в душе его сам бог возбýдит жар
К искусствам твóрческим, высоким и прекрасным,
Они тотчас: «Разбой! пожар!»
И прослывёт [4] у них мечтателем! опасным!! —
Мундир! один мундир! Он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодýшие, рассýдка нищетý [5];
И нам за ними в путь счастливый!
И в жёнах, дочерях к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся [6]?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлёкся? [7]
Когда из гвáрдии [8], иные от двора
Сюда на время приезжали,
Кричали женщины: ура!
И в воздух чéпчики бросали!

---

[1] Должников не согласил к отсрóчке — не убедил должников дать отсрочку для уплаты долга (должник здесь тот, кому он был должен).

[2] В наýки он вперит ум — в науки направит он ум, усиленно начнёт заниматься науками; вперит — устремит, направит.

[3] Алчущий (старое слово) — сильно желающий чего-нибудь; здесь: алчущий познаний, то-есть сильно стремя́щийся к знаниям, к науке.

[4] Прослывёт мечтателем — все будут считать его мечтателем.

[5] Рассýдка нищету — недостаток, бедность ума.

[6] Отрёкся — отказался.

[7] За всеми не повлёкся — за всеми не пошёл.

[8] Гвáрдия — особое привилегирóванное войско, нёсшее дворцóвую службу.

ФАМУСОВ *(про себя).*

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

Содержание 6—14 явлений.

Разговор Чацкого и Скалозуба прерыва́ется громким восклица́нием Софьи. Из окна она увидела па́дающего с лошади Молчалина и лишилась чувств. Лиза и Чацкий приводят её в сознание. Первые её слова: «Где он, что с ним?» Лиза успокаивает её: «Он жив, здоров». Яви́вшийся Молчалин просит извине́ния за испуг.

Чацкий удивлён волнением Софьи и думает: «Так можно волноваться только, когда лиша́ешься еди́нственного друга». Он уходит. Молчалин боится, что её откровённое беспокойство за его здоровье вызовет разговоры в свете. «Ах, злые языки страшне́е пистоле́та!» Софья отвечает, что ей нет дела до чужих мнений, но всё же, по совету Лизы, идёт («сквозь слёзы») любе́зничать с Чацким. Молчалин, оставшись с Лизой, обещает ей подарки, уверяет, что любит её, а не «барышню» (то-есть не Софью).

Вопросы.

Фамусов, Скалозуб и Чацкий.
(Явление 5-е II действия.)

1. Как держится Фамусов со Скалозубом? Почему?
2. Какие взгляды высказывает Фамусов:
   1) на ро́дственные отношения,
   2) на службу,
   3) на брак,
   4) на гостеприи́мство?
3. Что говорит он о молодёжи, стариках, дамах и девушках своего круга?
4. Как отзыва́ется Чацкий о представителях московского барства?
   1) Каково их отношение к новой жизни?
   2) На чём основаны их сужде́ния?
   3) Как составляли они себе богатство?
   4) С какой целью устраиваются ими обеды и ужины?
   5) Как они проводят своё время?
   6) Как отно́сятся к своим крепостным?
   7) Каково положение в этом обществе передового человека?
   8) Что больше всего це́нится ими? Почему?
5. Как прояви́лись в этой сцене основные черты характера Скалозуба: погоня за чинами и наградами, ограни́ченность интересов только военной областью, презре́ние к науке, тупость. (Подтвердите примерами особен-

ности речи Скалозуба, вытекающие из его интересов и характера: испо́льзование военных те́рминов, кра́ткость фраз и т. п.)

Задание.

Прочитайте по ролям эту сцену.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Явление 1.

Чацкий, потом Софья.

ЧАЦКИЙ.

Дождусь её и вы́нужу призна́нье[1]:
Кто наконец ей мил? Молчалин? Скалозуб?
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалча́йшее созда́нье!..
Уж разве поумнел?.. А тот —
Хрипу́н, уда́вленник, фагот[2],
Созве́здие манёвров и мазу́рки![3]
Судьба любви, играть ей в жму́рки[4]. ,
А мне...

(Входит Софья.)

Вы здесь? я очень рад.
Я этого желал.

СОФЬЯ *(про себя).*

И очень невпопа́д[5].

ЧАЦКИЙ.

Конечно не меня искали?

---

[1] Вы́нужу призна́нье — заставлю признаться.

[2] Хрипу́н, уда́вленник, фаго́т — в грибоедовское время старых армейцев называли «хрипунами»; фагот — деревянный духовой инструме́нт, издающий хриплые, гнуса́вые звуки.

[3] Созве́здие манёвров и мазу́рки — соединение манёвров (воинских упражнений) и мазурки (название танца). Так в насме́шку Чацкий называет Скалозуба за его ограни́ченный ум и спосо́бности только к механи́ческим военным упражне́ниям и та́нцам.

[4] Судьба любви, играть в жмурки... — смысл этого выражения, которое заключает в себе намёк на любовь Со́фьи к Молчалину, таков: любовь слепа, выбор в любви решается судьбой.

[5] Невпопа́д — некста́ти, неуме́стно.

СОФЬЯ.

Я не искала вас.

ЧАЦКИЙ.

Дозна́ться мне нельзя ли,
Хоть и не кста́ти, нужды нет:
Кого вы любите?

СОФЬЯ.

Ах! боже мой! весь свет.

ЧАЦКИЙ.

Кто более вам мил?

СОФЬЯ.

Есть многие, родные..

ЧАЦКИЙ.

Все более меня?

СОФЬЯ.

Иные.

ЧАЦКИЙ.

И я чего хочу, когда всё решено́?
Мне в пе́тлю лезть[1], а ей смешно.

СОФЬЯ.

Хотите ли знать и́стины два сло́ва?
Малейшая в ком стра́нность чуть видна́,
Весёлость ваша не скромна́,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы...

ЧАЦКИЙ.

А сам? не правда ли, смешо́н?

СОФЬЯ.

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас осо́бенностей бе́здна,
А над собой гроза куда не бесполе́зна.

---

[1] Мне в пе́тлю лезть — у меня такое плохое положение, что хоть кончай жизнь самоубийством, хоть удави́сь.

ЧАЦКИЙ.

Я странен? А не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож,
Молчалин, например . . .

СОФЬЯ.

Приме́ры мне не но́вы;
Заметно, что вы жёлчь на всех излить готовы,
А я, чтоб не мешать, отсюда уклоню́сь.

ЧАЦКИЙ *(держит её).*

Постойте же!

(В сторону.)

Раз в жизни притворю́сь.

(Громко.)

Оста́вимте мы эти пре́нья.
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превраще́нья
Правле́ний, кли́матов, и нра́вов, и умов;
Есть люди ва́жные, слыли́ за дурако́в:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной . . . боюсь назвать, но при́знано всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали у́мны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нём та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый
Казался прах и суета́?
Чтоб се́рдца каждое бие́нье
Любовью ускоря́лось к вам?
Чтоб мы́слям были всем, и всем его делам
Душою — вы? вам угожде́нье?
Сам это чувствую, сказать я не могу;
Но что теперь во мне кипит, волнует, бе́сит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он? . . смолчит и голову пове́сит.
Конечно сми́рен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нём какая тайна скры́та;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита,

Быть может, качеств ваших тьму,
Любу́ясь им, вы при́дали ему;
Не гре́шен он ни в чём, вы во сто раз грешне́е.
Нет! Нет! пускай умён, час о́т часу умне́е,
Но вас он стоит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утра́ту,
Как человеку вы, который с вами взрос
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убеди́ться в том;
Потом,
От сумасше́ствия могу я остере́чься;
Пущу́сь пода́лее — простыть, охолоде́ть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развле́чься.

СОФЬЯ *(про себя).*

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворя́ться?
Молчалин да́веча мог без руки́ остаться,
Я живо в нём участье приняла;
А вы, случа́сь на эту пору,
Не позаботились расче́сть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но может истина в дога́дках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрями́к,
Так невоздер́жну [1] на язык?
В презре́ньи к людям так нескры́ту [2],
Что и смирнейшему пощады нет!.. Чего?
Случись кому назвать его,
Град ко́лкостей и шу́ток [3] ваших гря́нет [4]
Шутить! и век шутить! как вас на это станет?

---

[1] Невоздер́жну (старое произношение) — невоздер́жанному.
[2] Нескры́ту (старое произношение) — нескры́тому, то-есть откро́венному.
[3] Град ко́лкостей и шуток (образное выражение) — беспрерывный ряд злых насмешек и шуток.
[4] Гря́нет — неожи́данно с силой раздастся.

ЧАЦКИЙ.

Ах! Боже мой! неу́жли я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встреча́ю,
А чаще с ними я скучаю.

СОФЬЯ.

Напрасно: это всё отно́сится к другим,
Молчалин вам наску́чил бы едва ли,
Когда б сошлись коро́че с ним.

ЧАЦКИЙ *(с жаром)*.

Зачем же вы его так ко́ротко узнали?

СОФЬЯ.

Я не старалась, бог нас свёл.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрёл;
При ба́тюшке три года слу́жит,
Тот часто бе́з толку серди́т,
А он безмо́лвием его обезору́жит,
От доброты́ души простит;
И между прочим
Весёлостей искать бы мог;
Ничуть; от старичков не сту́пит за поро́г[1];
Мы ре́звимся, хохо́чем,
Он с ними целый день заса́дет, рад не рад,
Играет...

ЧАЦКИЙ.

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!
(В сторону.)
Она его не уважа́ет.

СОФЬЯ.

Конечно нет в нём этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума́,
Который скор, блестя́щ и скоро опроти́вит,

---

[1] Не сту́пит за поро́г — не отойдёт.

Который свет ругает напова́л [1],
Чтоб свет об нём хоть что-нибудь сказал;
Да этакий ли ум семейство осчастли́вит?

ЧАЦКИЙ.

Сати́ра и мораль [2], смысл этого всего?
(В сторону.)
Она не ставит в грош его [3].

СОФЬЯ.

Чудеснейшего свойства
Он наконец: усту́пчив, скро́мен, тих,
В лице ни тени беспоко́йства,
И на душе просту́пков никаких;
Чужих и вкривь и вкось не рубит [4],
Вот я за что его люблю!

ЧАЦКИЙ *(в сторону)*.

Шали́т [5]! она его не любит.
(Вслух.)
Доко́нчить я вам пособлю́
Молчалина изображе́нье.
Но Скалозуб?
Вот загляде́нье!
За армию стоит горой [6],
И прямизно́ю ста́на,
Лицом и голосом герой...

СОФЬЯ.

Не моего романа.

ЧАЦКИЙ.

Не вашего? Кто разгада́ет вас?

---

[1] Напова́л — на́смерть; здесь в переносном значении: так сильно, что желал бы уничто́жить.

[2] Мора́ль — здесь: нравоуче́ние.

[3] Не ставит в грош его — он для неё ничего не стоит; грош — очень маленькая ме́дная моне́та, равная полкопейке.

[4] И вкривь и вкось не рубит (образное выражение) — неправильно, как попало, не бранит; резко не отзывается.

[5] Шали́т — дура́чится, шутит.

[6] Стоит горо́й (поговорочное выражение) — защищает изо всех сил; стоит при защите неподвижно, как гора.

Явление 2.

Чацкий, Софья, Лиза.

ЛИЗА *(шопотом)*.

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

СОФЬЯ.

Прости́те, на́добно идти мне поскорей.

ЧАЦКИЙ.

Куда?

СОФЬЯ.

К прикма́херу [1].

ЧАЦКИЙ.

Бог с ним.

СОФЬЯ.

Щипцы́ простудит.

ЧАЦКИЙ.

Пускай себе . . .

СОФЬЯ.

Нельзя, ждём на́ вечер гостей́.

ЧАЦКИЙ.

Бог с вами! Остаю́сь опять с моей зага́дкой.
Однако дайте мне зайти, хотя укра́дкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там сте́ны, воздух, всё приятно! . .
Согре́ют, оживя́т, мне отдохнуть дадут
Воспомина́ния об том, что невозвра́тно!
Не засижу́сь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член Английского клу́ба,
Я там дни целые пожертвую молве́ [2]
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.

(Софья пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.)

---

[1] К прикма́херу (старое произношение) — к парикмахеру.

[2] Дни целые поже́ртвую молве́ (образное выражение) — буду всё время рассказывать; здесь Чацкий говорит иронически.

Явление 3.

Чацкий, потом Молчалин.

ЧАЦКИЙ.

Ах! Софья! Неу́жли Молчалин и́збран ей!
А чем не муж? Ума в нём только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставáло?
Услу́жлив, скро́мненький, в лице румя́нец есть.

(Входит Молчалин.)

Вот он, на цы́почках[1], и не богат словами;
Какою ворожбо́й[2] умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удало́сь сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче, без печа́ли?

МОЛЧАЛИН.

Попре́жнему-с.

ЧАЦКИЙ.

А прежде как живáли?

МОЛЧАЛИН.

День за день, нынче как вчера.

ЧАЦКИЙ.

К перу от карт? и к картам от пера́?
И положённый час прили́вам и отли́вам?

МОЛЧАЛИН.

По мере я трудов и сил,
С тех пор как чи́слюсь по архи́вам,
Три награжденья получил.

---

[1] Цы́почки — кончики пальцев на ноге; ходить на цыпочках — ходить тихо, осторожно, чтобы не шуметь, стараться быть незаметным. Здесь подчёркивается трусливость Молчалина, его желание угодить и понра́виться всем.

[2] Ворожба́ — гада́нье; здесь: произнесе́ние слов и фраз в сопровождении де́йствий, дающих (по мнению суеверных людей) возможность добиться желаемого.

ЧАЦКИЙ.

Взмани́ли по́чести и зна́тность?[1]

МОЛЧАЛИН.

Нет-с, свой талант у всех...

ЧАЦКИЙ.

У вас?

МОЛЧАЛИН.

Два-с:
Уме́ренность и аккура́тность.

ЧАЦКИЙ.

Чуде́снейшие два! и стоят наших всех.

МОЛЧАЛИН.

Вам не дали́сь чины́, по службе неуспе́х?

ЧАЦКИЙ.

Чины людьми даются,
А люди могут обману́ться.

МОЛЧАЛИН.

Как удивля́лись мы!

ЧАЦКИЙ.

Какое ж ди́во тут?

МОЛЧАЛИН.

Жале́ли вас.

ЧАЦКИЙ.

Напрасный труд.

МОЛЧАЛИН.

Татьяна Юрьевна расска́зывала что-то,
Из Петербурга воротя́сь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...

ЧАЦКИЙ.

Ей почему забота?

---

[1] Взмани́ли по́чести и зна́тность — захотели пользоваться почётом и знатностью?

МОЛЧАЛИН.

Татьяне Юрьевне!

ЧАЦКИЙ.

Я с нею не знаком.

МОЛЧАЛИН.

С Татьяной Юрьевной!!

ЧАЦКИЙ.

С ней век мы не встреча́лись;
Слыхал, что вздорная . . .

МОЛЧАЛИН.

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Изве́стная, притом
Чино́вные и должностны́е
Все ей друзья и все родные.
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам . . .

ЧАЦКИЙ.

На что же?

МОЛЧАЛИН.

Так! Часте́нько там
Мы покрови́тельство находим, где не ме́тим [1].

ЧАЦКИЙ.

Я е́зжу к женщинам, да только не за этим.

МОЛЧАЛИН.

Как обходи́тельна! добра́! мила́! проста́!
Балы́ даёт нельзя́ бога́че,
От рождества́ и до поста́,
И летом праздники на да́че.
Ну, право, что бы вам в Москве у нас служить?
И награжде́нья брать, и весело пожить?

ЧАЦКИЙ.

Когда в делах, я от весе́лий пря́чусь;
Когда дура́читься, дура́чусь;
А сме́шивать два эти ремесла́
Есть тьма иску́сников; я не из их числа.

---

[1] Где не ме́тим — где не намеча́ем, не предполага́ем, не ожида́ем.

МОЛЧАЛИН.

Простите. Впрочем, тут не вижу преступле́нья.
Вот сам Фома́ Фоми́ч, знаком он вам?

ЧАЦКИЙ.

Ну что ж?

МОЛЧАЛИН.

При трёх министрах был начальник отделе́нья;
Переведён сюда . . .

ЧАЦКИЙ.

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолко́вых.

МОЛЧАЛИН.

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

ЧАЦКИЙ.

Я глу́постей не чтец,
А пу́ще образцо́вых.

МОЛЧАЛИН.

Нет, мне так довелось с прия́тностью прочесть;
Не сочини́тель я . . .

ЧАЦКИЙ.

И по всему заме́тно.

МОЛЧАЛИН.

Не сме́ю моего сужденья произне́сть . . .

ЧАЦКИЙ.

Зачем же так секретно?

МОЛЧАЛИН.

В мои лета́ не должно сметь
Своё сужде́ние иметь.

ЧАЦКИЙ.

Помилуйте, мы с вами не ребя́ты;
Зачем же мнения чужие только свя́ты?

МОЛЧАЛИН.

Ведь на́добно ж зави́сеть от других.

ЧАЦКИЙ.

Зачем же на́добно?

МОЛЧАЛИН.

В чина́х мы небольши́х.

ЧАЦКИЙ *(почти громко)*.

С такими чу́вствами, с такой душою,
Любим!.. Обма́нщица смея́лась надо мной!

Содержание 4—11 явлений.

Вечер. Съезжа́ются гости к Фамусову. Чацкий среди них встречает своего знакомого Плато́на Михайловича, недавно жени́вшегося. Жени́тьба очень измени́ла его: он бро́сил службу по настоя́нию жены («слаб здоровьем»), занимается теперь только тем, что провожает её на вечера́. Скучает, но возража́ть ей не смеет.

Приехала княгиня с шестью дочерьми́, которым она ищет женихо́в.

Дочки сейчас же увлекли́сь разгово́рами о наря́дах. Услы́шав, что Чацкий не женат, княгиня посылает мужа скорее пригласи́ть молодого челове́ка к себе. Узнав, что Чацкий не богат и не имеет никаких чино́в, княгиня кричит: «Князь! Князь! Назад!»

Графиня Хрю́мина приехала с вну́чкой. Внучка интересуется, не же́нился ли Чацкий за границей. Многие, по её словам, там же́нятся на мастери́цах женских наря́дов. Чацкий насме́шливо говорит, что в России дамы стараются изо всех сил подража́ть этим мастери́цам в мо́дах, поэтому нельзя упрекать русских молодых людей за то, что они «предпочита́ют оригина́лы спи́скам», то-есть предпочита́ют жениться на францу́зских швея́х.

Явился Загоре́цкий, о котором Платон Михайлович отзыва́ется так:

«Отъя́вленный моше́нник, плут...
При нём остереги́сь: переноси́ть (то-есть сплетничать) гора́зд...
И в карты не сади́сь: прода́ст...»

И другие гости такого же мнения о Загорецком. Но они ведут с ним знако́мство, так как он умеет служить всем. Графиня Хлёстова говорит о Загорецком:

«Лгуни́шка он, картёжник, вор. Я от него было и две́ри на запо́р,
Да мастер услужи́ть: мне и сестре Праско́вье
Двух арапчёнков на я́рмарке достал,
Купил, он говорит, чай в карты сплутова́л,
А мне пода́рочек, дай бог ему здоро́вье!».

Явление 12.

Те же и Скалозуб, потом Молчалин.

ФАМУСОВ.

Сергей Сергеич, запозда́ли!
А мы вас ждали, ждали, ждали.
(Подводит к Хлёстовой.)
Моя неве́стушка, которой уж давно
Об вас говорено́.

ХЛЁСТОВА *(сидя)*.

Вы прежде были здесь ... в полку ... в том ... гренаде́рском [1]?

СКАЛОЗУБ *(ба́сом)*.

В его высо́чества [2], хотите вы сказать,
Ново-земля́нском мушкете́рском [3].

ХЛЁСТОВА.

Не мастери́ца я полки́-та различа́ть.

СКАЛОЗУБ.

А фо́рменные есть отлички:
В мундирах вы́пушки [4], погóнчики, петли́чки.

ФАМУСОВ.

Пойдёмте, батюшка, там вас я насмешу́:
Курьёзный [5] вист у нас. За нами, князь! прошу.
(Его и князя уводит с собою.)

ХЛЁСТОВА *(Софье)*.

Ух! я точнёхонько изба́вилась от петли;
Ведь полоу́мный твой отец:

---

[1] Гренаде́рский (старое слово) — сначала это были особые полки́, вооружённые грана́тами, потом — полки, в которые набирали солдат большого роста.

[2] Его высо́чество (старое выражение) — так говорили о членах царской фамилии.

[3] Мушкете́рские (мушкетёрские) — пехо́тные полки, существова́вшие до второй половины XIX века, вооружённые мушкетами (особого устройства ружья); позднее стали произносить мушкетёрские.

[4] Вы́пушки (старое слово) — обши́вки сверху по шву на одежде военных.

[5] Курьёзный — забавный, интересный, смешной.

Дался ему трёх сажен удалéц,
Знакóмит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

МОЛЧАЛИН *(подаёт ей карту).*

Я вашу партию состáвил: мосьё[1] Кок,
Фома Фомич и я.

ХЛЁСТОВА.

Спасибо, мой дружок!

(Встаёт.)

МОЛЧАЛИН.

Ваш шпиц[2], прелéстный шпиц, не более напёрстка;
Я глáдил всё его; как шёлковая шёрстка!

ХЛЁСТОВА.

Спасибо, мой родной!

(Уходит, за нею Молчалин и многие другие.)

Явление 13.

Чацкий, Софья и несколько посторóнних, которые в продолжение сцены расхóдятся.

ЧАЦКИЙ.

Ну! тýчу разогнал...

СОФЬЯ.

Нельзя ль не продолжáть?

ЧАЦКИЙ.

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгнéванную гóстью,
Хотел я похвалúть.

СОФЬЯ.

А кончили бы злóстью.

ЧАЦКИЙ.

Сказать вам, что я думал? Вот:
Старушки все народ сердитый;

---

[1] Мосьё (французское слово) — господин.
[2] Шпиц — порóда комнатных собак.

Не худо, чтоб при них услу́жник знамени́тый
Тут был как громово́й отвод [1].
Молчалин! — Кто другой так мирно всё ула́дит!
Там мо́ську во-время погла́дит!
Тут в пору ка́рточку вотрёт! [2]
В нём Загорецкий не умрёт! [3]
Вы да́веча его мне исчисля́ли свойства,
Но многие забыли? — да?

(Уходит.)

Явление 14.

Софья, потом г. N.

Софья *(про себя)*.

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Уни́зить рад, кольну́ть, зави́стлив, горд и зол!

Г. N. *(подходит)*.

Вы в размышле́нье?

СОФЬЯ.

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли по возвраще́ньи?

СОФЬЯ.

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошёл?

СОФЬЯ *(помолча́вши)*.

Не то, чтобы совсем . . .

---

[1] Громовой отво́д — громоотво́д. Здесь в перено́сном смысле: отвёл гнев Хлёстовой, успокоил её.

[2] Тут в по́ру ка́рточку вотрёт (образное выражение) — тут во-время сыграет в карты, чтобы услужить зна́тному и влия́тельному человеку.

[3] В нём Загоре́цкий не умрёт (образное выражение) — он будет походить на Загорецкого.

Г. N.

Однако есть приме́ты?

Софья *(смотрит на него при́стально)*.

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти ле́ты! [1]

СОФЬЯ.

Как быть!

(В сторону).

Готов он верить!
А, Чацкий! лю́бите вы всех в шуты́ ряди́ть,
Угодно ль на себе приме́рить?

(Уходит.)

Содержание 15—21 явлений.

Спле́тни о сумасше́ствии Чацкого быстро распространя́ются среди гостей Фамусова. Многие в душе не верят, однако с удовольствием передают друг другу эту весть. Фамусов, узнав эту сплетню, говорит:

«Я первый, я открыл!
Давно дивлю́сь я, как никто его не свя́жет,
Попро́буй о властя́х, и нивесть что наска́жет!
Чуть низко поклони́сь, согнись-ка кто кольцо́м,
Хоть пред мона́ршим лицом,
Так назовёт он подлецо́м!»

Высказываются различные предположения о причинах сумасше́ствия. Однако большинство́ гостей видит эту причину в учении и свободомы́слии.

«Ученье — вот чума, учёность — вот причина,
Что ныне пуще чем когда
Безумных развелось людей, и дел и мнений», —

говорит Фамусов, выражая общее мнение.

Появле́ние Чацкого вызывает общее смуще́ние.

Явление 22.

Те же все и Чацкий.

НАТАЛЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Вот он!

---

[1] В эти ле́ты (старая форма) — в эти годы.

ГРАФИНЯ-ВНУЧКА.

Шш!

ВСЕ.

Шш!

(Пя́тятся от него в противную сторону[1]*.)*

ХЛЁСТОВА.

Ну, как с безу́мных глаз
Затеет драться он, потребует к разде́лке[2]!

ФАМУСОВ.

О, го́споди! помилуй гре́шных нас!

(Опа́сливо.)

Любе́знейший! ты не в своей таре́лке[3].
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоро́в.

ЧАЦКИЙ.

Да мо́чи нет: мильон терза́ний
Груди́ от дружеских тисков[4],
Ногам от ша́рканья, ушам от восклица́ний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжа́та,
И в многолю́дстве я поте́рян, сам не свой.
Нет! недово́лен я Москвой.

---

[1] В проти́вную сторону (старая форма) — в противополо́жную сторону.

[2] К разде́лке — к распра́ве.

[3] Не в своей тарелке (поговорка) — не в духе, чем-то расстро́ен, взволно́ван.

[4] От дружеских тисков — от крепких дружеских объятий. (Фраза употреблена ирони́чески.)

ХЛЁСТОВА.

Москва, вишь, винова́та!

ФАМУСОВ.

Пода́льше от него.

(Делает знаки Софье.)

Гм, Софья! — Не глядит!

СОФЬЯ *(Чацкому)*.

Скажите, что вас так гневи́т?

ЧАЦКИЙ.

В той комнате незна́чущая встре́ча:
Францу́зик из Бордо́ [1], надса́живая грудь [2],
Собрал вокруг себя род ве́ча [3]
И ска́зывал, как снаряжа́лся в путь [4]
В Россию, к ва́рварам, со страхом и слеза́ми;
Приехал и нашёл, что ла́скам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в оте́честве, с друзья́ми,
Своя прови́нция! Посмо́тришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк [5] у дам, такие же наряды...
Он рад, но мы не ра́ды.
Умолк, и тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон:
«Ах! Франция! Нет в мире лучше кра́я!»
Решили две княжны́, сестри́цы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён [6].

---

[1] Францу́зик из Бордо — француз, приехавший из Бордо (город Франции).

[2] Надса́живая грудь — изо всех сил, так что грудь начинала болеть.

[3] Ве́че — народное собрание в древней Руси. (Здесь слово *вече* употреблено иронически.)

[4] Снаряжа́лся в путь — собрался в путь, в дорогу.

[5] Толк — здесь: разговор.

[6] Натвержён — (от слова твердить) — часто был повторя́ем.

Куда деваться от княжён!
Я о́даль[1] воссылал жела́нья,
Смире́нные, однако вслух,
Чтоб истреби́л[2] господь нечистый этот дух
Пустого, ра́бского, слепого подража́нья;
Чтоб искру зарони́л[3] он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжо́й,
От жалкой тошноты́ по стороне чужой,
Пускай меня отъявят[4] старове́ром[5],
Но хуже для меня наш Север во сто крат[6]
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад[7]
И нравы, и язык, и старину́ святу́ю,
И велича́вую одежду на другую
По шутовскому образцу[8]:
Хвост сзади, спе́реди какой-то чудный вы́ем[9],
Рассу́дку вопреки́[10], наперекор стихи́ям[11];
Движе́нья связаны и не краса́ лицу;
Смешные, бритые, седые подборо́дки!..
Как платья, во́лосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенима́ть,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незна́нья иносе́мцев.
Воскре́снем ли когда от чужевла́стья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ

---

[1] О д а л ь (устаревшее слово) — в отдалении.

[2] И с т р е б и́ л — уничто́жил.

[3] З а р о н и т ь и́ с к р у — уронить и не потуши́ть что-нибудь горящее. Переносное значение: вызвать, возбудить какие-либо чувства; здесь: вызвать чувство протеста у русских против слепого, рабского подражания всему иностранному.

[4] О т ъ я́ в я т (старое слово) — объявят, назовут громко.

[5] С т а р о в е́ р — приде́рживающийся старой веры; здесь: сторонник старых обы́чаев.

[6] В о с т о к р а т — в сто раз.

[7] Н а н о в ы й л а д — по новому способу, по новому образцу́.

[8] П о ш у т о в с к о м у о б р а з ц у — как одевались шуты.

[9] Х в о с т с з а́ д и, с п е́ р е д и к а к о й - т о ч у д н ы й в ы́ е м — так описывает Чацкий фрак, одежду особого покроя; полы только сза́ди, почти до колен, спе́реди их совсем нет, на груди — вырез (выем).

[10] Р а с с у́ д к у в о п р е к и́ — против рассу́дка, несмотря на до́воды ума.

[11] Н а п е р е к о́ р с т и х и я м — несмотря на то, что природные условия (стихии) не подходят для этой одежды.

Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в паралле́ль
С национальным — странно что-то!
«Ну, как перевести *мада́м* и *мадмуазель?* [1]
Ужли *суда́рыня!!*» — забормотал мне кто-то...
Вообрази́те, тут у всех
На мой же счёт поднялся смех.
«Сударыня! ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ха! ха! ужасно!!»
Я, рассердя́сь и жизнь кляня́,
Готовил им ответ громо́вый;
Но все оставили меня.
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург, во всей России то,
Что человек из города Бордо́;
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжён вселя́ть уча́стье;
И в Петербурге, и в Москве,
Кто не́друг выписных [2] лиц, вы́чур [3], слов кудря́вых,
В чьей, по несча́стью, голове́
Пять, шесть найдётся мыслей здравых,
И он осме́лится их гласно объявлять,
Глядь...

(Огля́дывается, все в вальсе кружатся с величайшим усе́рдием. Старики разбрели́сь к ка́рточным столам.)

Конец третьего действия.

Вопросы.

Молчалин и Чацкий.
(Явление 3-е III действия.)

1. Как смотрят Чацкий и Молчалин:
   1) на службу и получение чинов?
   2) на покрови́тельство со стороны влия́тельных и знатных людей?
   3) на свободу сужде́ний?

---

[1] Мадам и мадмуазе́ль (французские слова) — госпожа и барышня.

[2] Вы́писных — выписанных, привезённых из-за границы.

[3] Вы́чуры (устаревшее слово) — замыслова́тые, причу́дливые моды, поступки.

2. Какую оценку даёт Молчалину Чацкий в начале и в конце беседы?
3. Через какие особенности языка Молчалина раскрываются основные черты его характера: подхалимство перед сильными людьми и карьеризм?

Задание.

Выпишите несколько выразительных и кратких фраз, в которых проявляется острый ум Чацкого, и заучите их наизусть.

Например:

а) «Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».
б) «Когда в делах, я от веселий прячусь».
в) «Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых».

Вопросы.

Монолог Чацкого «В той комнате незначущая встреча...»
(Из 22-го явления III действия.)

1. Как встречают иностранцев в России? Почему?
2. В чём выражается у дворянства «рабское, слепое подражанье»?
3. Почему Чацкий особенно горячо протестует против порчи русского языка?
4. Как можно определить тему этого монолога?

Задание.

Изложите кратко, в письменной форме, основное содержание монолога.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Содержание 1—9 явлений.

Действие происходит в парадных сенях дома Фамусова. Гости разъезжаются с бала. Лакеи вызывают кареты отъезжающих господ. Появляется Чацкий и просит вызвать его карету. Он в раздумье говорит:

«Ну, вот и день прошёл, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли:
Чего я ждал? Что думал здесь найти?..»

Внезапно вбегает с крыльца Репетилов. Узнаёт Чацкого, здоровается с ним. Затем начинает уверять его в своей дружбе и любви.

«... У меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдёшь, себе такого друга...»

Репетилов рассказывает Чацкому о «тайных собраниях», «секретнейшем союзе», о том, что они там кричат, рассуждают о «материях важных».

«Да из чего беснуетесь вы столько?» — спрашивает Чацкий. «Шумим, братец, шумим...» — отвечает Репетилов. Пустой и вздорный Репетилов

оставляет Чацкого и бросается к Скалозубу, который появляется на лестнице.

Те же объяснения в дружбе и любви, что и перед Чацким. Репетилов приглашает Скалозуба поехать с ним к князю Григорию, у которого собралось сейчас человек сорок учёных друзей.

Скалозуб отвечает:

«Избавь. Учёностью меня не обморо́чишь,
Скликáй других, а если хочешь,
Я князь-Григорию[1] и вам
Фельдфе́беля[2] в Вольте́ры[3] дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успоко́ит».

Скалозуб уходит. Репетилов объясняется потом с другими гостями, которые разъезжаются с бала.

Чацкий в это время находится в комнате швейца́ра. Его не видят. Из объяснений Репетилова с другими гостями Чацкий узнаёт, что все считают его сумасше́дшим. Гости разъе́хались, последним уезжает Репети́лов.

Явление 10.

(Последняя лампа гаснет.)

ЧАЦКИЙ *(выходит из швейцарской).*

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудеса́ми?
Через какое колдовство́
Нелепость обо мне все в голос повторяют?
И для иных, как словно торжество́,
Другие будто сострада́ют[4]...
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа́ или язык?
Чьё это сочине́нье?
Пове́рили глупцы, другим передаю́т,
Старухи вмиг тревогу бьют,
И вот общественное мненье!
И вот та родина... Нет, в ны́нешний приезд,

---

[1] Князь-Григорию (народная форма) — вместо *князю Григорию.*

[2] Фельдфе́бель (устаревшее слово) — старший начальник из солдат, помощник командира роты.

[3] Вольте́р — знаменитый французский фило́соф и писатель XVIII века, просла́вленный своей борьбой за свободу с религиозными и иными предрассу́дками.

[4] Сострада́ют — сочувствуют, сожалеют.

Я вижу, что она мне скоро надое́ст.
А Софья знает ли? — Конечно, рассказали,
Она не то, чтобы мне именно во вред
Поте́шилась, и правда, или нет,
Ей всё равно; другой ли, я ли,
Никем, по совести, она не дорожи́т.
Но этот о́бморок, беспа́мятство откуда?
Нерв избало́ванность, причу́да,
Возбу́дит малость их, и малость утиши́т [1],
Я при́знаком почёл живых страстей. — Ни кро́шки [2],
Она конечно бы лиши́лась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

СОФЬЯ *(над ле́стницей во втором этаже со све́чкою).*

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припира́ет.)

ЧАЦКИЙ.

Она! она сама!
Ах, голова горит, вся кровь моя в волне́ньи.
Яви́лась! нет её! неу́жели в виде́ньи?
Не впрямь ли я сошёл с ума?
К необычайности я точно приготовлен.
Но не виде́нье тут — свида́нья час усло́влен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала́ Молчалина, вот комната его.

Лакей его *(с крыльца).*

Каре...

ЧАЦКИЙ.

Сс!

(Выта́лкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу [3],
Хоть до утра. Уж коли горе пить,

---

[1] Утишит (старая форма) — успокоит.
[2] Ни кро́шки (образное выражение) — совсем ничего, нисколько.
[3] Смыка́ть глаза — закрывать глаза.

Так лучше сразу,
Чем ме́длить, а беды медле́ньем не избы́ть[1]
Дверь отворяется.

(Пря́чется за коло́нну.)

Явление 11.

Чацкий спрята́н; Лиза со свечкой.

ЛИЗА.

Ах! мочи нет робе́ю[2].
В пустые сени! в ночь! бои́шься домовы́х,
Боишься и людей живых.
Мучи́тельница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо́ в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь внизу.

(Осма́тривается.)

Да, как же! по сеня́м бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за воро́та,
Любовь на завтра побережёт,
Домой, и спать залёг.
Однако велено́ к серде́чному толкну́ться[3].

(Сту́чится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кли́чет барышня, вас барышня зовёт.
Да поскорей, чтоб не засте́али.

Явление 12.

Чацкий (за колонною), Лиза, Молчалин (потя́гивается и зева́ет), Софья (крадётся сверху).

ЛИЗА.

Вы, сударь, камень, сударь, лёд.

МОЛЧАЛИН.

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

---

[1] Беды медле́ньем не изба́вишься, если будешь медлить (ничего не делать, не предпринимать).

[2] Робе́ю — пуга́юсь, боюсь.

[3] К серде́чному толкнуться (народное образное выражение) — к возлюбленному (к милому) постучаться.

ЛИЗА.

От барышни-с.

МОЛЧАЛИН.

Кто б отгада́л,
Что в этих щёчках, в этих жи́лках
Любви ещё румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посы́лках?

ЛИЗА.

А вам, иска́телям неве́ст,
Не не́житься и не зевать бы;
Приго́ж и мил — кто не доест
И не доспит до сва́дьбы.

МОЛЧАЛИН.

Какая свадьба? С кем?

ЛИЗА.

А с ба́рышней?

МОЛЧАЛИН.

Поди́ [1]

Наде́жды много впереди́,
Без сва́дьбы время проволо́чим [2]

ЛИЗА.

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья́ другого про́чим [3]?

МОЛЧАЛИН.

Не знаю. А меня так пробирает дрожь,
И при одной я мысли тру́шу,
Что Павел Афана́сьич раз
Когда-нибудь поймает нас.
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Па́вловне не вижу ничего
Зави́дного. Дай бог ей век прожить бога́то,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлю́бит, как его.

---

[1] Поди́ — оставь.
[2] Проволо́чим — протянем, проведём.
[3] Про́чим — заранее назнача́ем, намечаем

Мой а́нгельчик, желал бы в полови́ну
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу́ себе,
Гото́влюсь не́жным быть, а сви́жусь [1] — и просты́ну.

СОФЬЯ *(в сторону)*.

Какие ни́зости!

ЧАЦКИЙ *(за колонною)*.

Подле́ц!

ЛИЗА.

И вам не со́вестно?

МОЛЧАЛИН.

Мне завеща́л отец:
Во-первых, угожда́ть всем лю́дям без изъя́тья [2]:
Хозяину, где доведётся жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге́ его, который чистит пла́тья,
Швейца́ру, дво́рнику, для избежа́нья зла,
Собаке дворника, чтоб ла́скова была.

ЛИЗА.

Сказать, сударь, у вас огромная опе́ка!

МОЛЧАЛИН.

И вот любовника я принимаю вид
В уго́дность дочери такого человека...

ЛИЗА.

Который кормит и пои́т,
А иногда и чи́ном подари́т?
Пойдёмте же, дово́льно толкова́ли.

МОЛЧАЛИН.

Пойдём любовь делить плачевной нашей кра́ли [3].
Дай, обниму́ тебя от сердца полноты́.
(Лиза не даётся.)
Зачем она не ты?
(Хочет идти, Софья не пускает.)

---

[1] Сви́жусь — увижусь.
[2] Без изъя́тья — без исключе́ния.
[3] Кра́ля (народное слово) — краса́вица.

СОФЬЯ *(почти шёпотом; вся сцена вполго́лоса).*

Нейди́те да́лее. Наслу́шалась я много,
Ужасный человек! Себя я, стен стыжу́сь.

МОЛЧАЛИН.

Как!.. Софья Павловна?..

СОФЬЯ.

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решу́сь.

МОЛЧАЛИН *(бросается на коле́ни. Софья отта́лкивает).*

Ах! вспо́мните! не гне́вайтеся, взгля́ньте!..

СОФЬЯ.

Не помню ничего, не докуча́йте мне,
Воспомина́ния! как острый нож оне.

МОЛЧАЛИН *(ползает у ног её).*

Помилуйте...

СОФЬЯ.

Не по́дличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ:
Солжёте...

МОЛЧАЛИН.

Сделайте мне милость...

СОФЬЯ.

Нет. Нет. Нет.

МОЛЧАЛИН.

Шутил и не сказал я ничего, окро́ме[1]...

СОФЬЯ.

Отста́ньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу́ всех в доме
И погублю́ себя и вас.

(Молчалин встаёт.)

Я с этих пор вас будто не знава́ла.

---

[1] Окро́ме (народное слово) — кроме.

Упрёков, жалоб, слёз моих
Не смейте ожидать, не сто́ите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не заста́ла,
Чтоб никогда об вас я больше не слыха́ла.

МОЛЧАЛИН.

Как вы прика́жете.

СОФЬЯ.

Иначе расскажу.
Всю правду батюшке, с доса́ды.
Вы знаете, что я собой не дорожу́.
Подите. — Стойте, бу́дьте ра́ды,
Что при свида́ниях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днём, и при людях, и в я́ве.
В вас меньше де́рзости, чем кривизны́ души.
Сама дово́льна тем, что ночью всё узнала;
Нет укоря́ющих свидетелей в глазах,
Как да́веча, когда я в о́бморок упа́ла,
Здесь Чацкий был...

ЧАЦКИЙ *(броса́ется между ними).*

Он здесь притво́рщица!

ЛИЗА и СОФЬЯ.

Ах! Ах!..

(Лиза роня́ет свечку с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.)

Явление 13.

Те же, кроме Молчалина.

ЧАЦКИЙ.

Скорее в о́бморок, теперь оно в поря́дке,
Важнее да́вишной[1] причи́на есть тому.
Вот, наконец, реше́ние зага́дке!
Вот я поже́ртвован кому!

---

[1] Да́вишной (народное слово) — ранее бывшей. (Современное правописание: *давешней.)*

Не знаю, как в себе я бе́шенство уме́рил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх, и стыд:
За две́ри прячется, боится быть в отве́те.
Ах как игру судьбы́ пости́чь?
Людей с душой гони́тельница, бич! —
Молчалины блаже́нствуют на свете!

СОФЬЯ *(вся в слеза́х.)*

Не продолжайте; я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так кова́рен!

ЛИЗА.

Стук! шум! Ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка, вот будет благода́рен!

Явление 14.

Чацкий, Софья, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечками.

ФАМУСОВ.

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побо́льше, фонаре́й!
Где домовы́е? Ба! знако́мые всё ли́ца!
Дочь, Софья Павловна! Срамни́ца [1]!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать, ни взять она,
Как мать её, покойница жена.
Быва́ло, я с дража́йшей полови́ной [2]
Чуть врозь: уж где-нибудь с мужчи́ной!
Побойся бога, как? чем он тебя прельсти́л?
Сама его безу́мным называ́ла!
Нет! глу́пость на меня и слепота́ напа́ла!
Всё это за́говор, и в за́говоре был
Он сам, и го́сти все. За что я так нака́зан!..

ЧАЦКИЙ *(Софье)*.

Так этим вы́мыслом я вам ещё обя́зан?

[1] Срамни́ца (от слова *срам*) — бесстыдница.
[2] Дража́йшая половина (устаревшее народное выражение) — жена.

ФАМУСОВ.

Брат, не финти́[1], не да́мся я в обма́н,
Хоть подерётесь — не пове́рю.
Ты, Фи́лька, ты прямой чурба́н!
В швейцары произвёл лени́вую тете́рю[2],
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сене́й не за́пер для чего?
И как не досмотре́л? и как ты не дослы́шал?
В работу вас! На поселе́нье вас![3]
За грош продать меня́ готовы.
Ты, быстрогла́зая! всё от твоих прока́з!
Вот он, Кузне́цкий мост, наря́ды и обно́вы;
Там вы́училась ты любо́вников своди́ть!
Постой же, я тебя испра́влю:
Изволь-ка в избу, марш, за пти́цами ходить![4]
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю;
Ещё дня два терпе́ния возьми:
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Пода́лее от этих хва́тов,
В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов!
Там будешь горе горева́ть,
За пя́льцами[5] сидеть, за святцами[6] зева́ть.
А вас, сударь, прошу я то́лком,
Туда не жа́ловать ни прямо, ни просёлком[7];
И ваша такова́ последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет запертá:
Я постара́юсь, я, в набат я приудáрю[8],
По городу всему наде́лаю хлопо́т,

---

[1] Не финти́ (народное слово) — не хитри́, не обманывай.

[2] Тете́ря — птица; здесь в переносном значении: глухой, глупый, бестолко́вый человек.

[3] В работу вас! На поселе́нье вас! — Отправить вас на поселенье для работы, то-есть в ссылку на принуди́тельные работы.

[4] Изволь-ка, в и́збу, марш, за птицами ходить! — Живи вместе с дворовыми и вместе с ними ухаживай за домашними птицами!

[5] Пя́льцы — рамки, на которые натя́гивают полотно́ при вышива́нии.

[6] Свя́тцы (старое слово) — список святых, которых почитала церковь, с указанием дня и числа, когда их надо пра́здновать.

[7] Просёлок — прое́зжая дорога.

[8] В набáт я приудáрю (образное выражение) — подниму тревогу.

И оглашу́ во весь народ;
В Сена́т пода́м, министрам, госуда́рю.

ЧАЦКИЙ *(после некоторого молча́ния).*

Не образу́млюсь... винова́т,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё ещё мне объяснить хотят,
Расте́рян мы́слями... чего-то ожида́ю.

(С жаром.)

Слепе́ц! я в ком иска́л награ́ду всех трудов!
Спеши́л!.. летел! дрожал! вот сча́стье, думал, бли́зко!
Пред кем я да́веча так страстно и так низко
Был расточи́тель не́жных слов!
А вы! о, боже мой! к о г о себе избра́ли?
Когда поду́маю, к о г о вы предпочли́!
Зачем меня наде́ждой завлекли́?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё проше́дшее вы обрати́ли в смех?!
Что память даже вам посты́ла
Тех чувств, в обо́их нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охлади́ла,
Ни развлече́ния, ни переме́на мест.
Дышал и ими жил, был занят беспреры́вно!
Сказали бы, что вам внеза́пный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки, всё проти́вно —
Я с вами то́тчас бы сноше́ния пресе́к[1],
И перед тем, как навсегда расста́ться,
Не стал бы очень добира́ться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насме́шливо.)

Вы помири́тесь с ним по размышле́ньи зре́лом.
Себя круши́ть[2], и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь и пелена́ть[3], и спосыла́ть за де́лом[4].

---

[1] П р е с е́ к — здесь: прекратил.
[2] К р у ш и́ т ь — здесь: печа́лить.
[3] П е л е н а́ т ь — завязывать в пелёнки ребёнка, который всему покорно подчиняется. Здесь намёк на смире́ние и поко́рность Молчалина.
[4] С п о с ы л а́ т ь з а д е л о м — посылать за делом.

Муж-ма́льчик, муж-слуга, из же́ниных паже́й [1],
Высокий идеал моско́вских всех мужей.
Дово́льно! . . с вами я горжу́сь моим разры́вом.
А вы, сударь отец, вы, стра́стные к чина́м:
Желаю вам дремать в неве́деньи счастли́вом,
Я сва́таньем моим не угрожаю вам.
Другой найдётся, благонравный,
Низкопокло́нник и деле́ц,
Досто́инствами, наконец,
Он бу́дущему те́стю равный.
Так! отрезви́лся я сполна́,
Мечта́нья с глаз долой, и спа́ла пелена́ [2],
Теперь не худо б было сря́ду
На дочь и на отца,
И на любо́вника-глупца́,
И на весь мир изли́ть всю жёлчь и всю доса́ду.
С кем был! Куда меня зако́нула судьба!
Все гонят! все кляну́т! мучи́телей толпа,
В любви преда́телей, в вражде́ неутоми́мых,
Расска́зчиков неукроти́мых,
Нескла́дных у́мников, лукавых простяко́в [3],
Старух злове́щих, стариков,
Дряхле́ющих над вы́думками, вздо́ром.
Безумным вы меня просла́вили всем хором —
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невреди́м,
Кто с вами день пробыть успеет,
Поды́шит воздухом одним,
И в нём рассудок уцеле́ет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не огляну́сь, пойду искать по све́ту,
Где оскорблённому есть чувству уголок!
Каре́ту мне, карету!

(Уезжает.)

---

[1] П а ж — молодой человек, дворянин, прислуживающий при царском дворе. Здесь опять намёк на уменье Молчалина прислу́живаться.

[2] П е л е н а́ — покрыва́ло. Здесь в переносном смысле: *спала пелена* — удалось узнать истину.

[3] П р о с т я́ к (старая форма) — простак, простой человек.

Явление 15.

Кроме Чацкого.

ФАМУСОВ.

Ну что? Не видишь ты, что он с ума сошёл?
Скажи сурьёзно;
Безу́мный! Что он тут за чепуху́ моло́л!
Низкопокло́нник! тесть! и про Москву так гро́зно!
А ты меня реши́лась умори́ть?
Моя судьба ещё ли не плаче́вна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княги́ня Марья Алексевна!

Вопросы.

Лиза, Молчалин и Софья.

(12-е явление IV действия.)

Почему эту сцену мы можем назвать началом развя́зки?
Для ответа подумайте над следующими вопросами:
1. Что узнаёт Софья в этой сцене о Молчалине?
2. Как изменя́ется её отноше́ние к нему?
3. Какую «зага́дку» разрешил наконец Чацкий?
4. За что он называет Софью притво́рщицей?
5. Какую роль играет эта сцена в развитии действия комедии?

Монолог Чацкого «Не образу́млюсь... виноват...».

(Из 14 явления IV действия.)

1. Какой смысл имеет фраза «Не образумлюсь... виноват, и слушаю, не понимаю...»?
2. В чём упрека́ет Софью Чацкий?
3. Какую судьбу предска́зывает Чацкий Софье?
4. Какие ирони́ческие замеча́ния он делает по адресу Фамусова?
5. В каких словах определяет он своё одино́чество среди фа́мусовского общества?
6. Где мог найти Чацкий «уголок оскорблённому чувству»? (Вспо́мните, когда, в какие годы писалась комедия.)

Вопросы к комедии в целом.

1. Фамусов.

1. Какое служе́бное и обще́ственное положение занимает Фамусов?
2. Как он прово́дит время?
3. Каковы взгляды Фамусова на госуда́рственную службу, просвеще́ние, воспитание?
4. Как он относится к Чацкому, гостям, дочери и слугам?
5. Что даёт для понимания характера Фамусова фраза: «Ах! боже мой! Что станет говорить княги́ня Марья Алексевна!»?
6. Каковы́ особенности речи Фамусова? Как они свя́заны с его хара́ктером?

7. Кто ещё, кроме Фамусова, может быть отнесён к его обществу? (Перечислите этих лиц и дайте краткое указание на основные черты каждого из них.).

8. Как относится автор к фамусовскому обществу?

2. Чацкий.

1. Кто он по своему общественному положению?
2. Откуда он приехал? Что можно предположить о цели его путешествия?
3. Что привело Чацкого в фамусовское общество?
4. Какое место он занимает в этом обществе?
5. В чём видит Чацкий различие между «веком нынешним» и «веком минувшим»? (Перечитайте явление 2-е II действия.)
6. Какие идейно-политические течения 20-х годов XIX века (канун восстания 14 декабря 1825 г.) нужно понимать под «веком минувшим» и «веком нынешним»?
7. Как относится Чацкий к крепостному праву? (Перечитайте монолог его «А судьи кто?» из 5-го явления II действия.)
8. Как относится он к народу?
9. Какие взгляды высказывает Чацкий на службу, на отношение к начальству, к знатным и влиятельным лицам? Почему он сам не служит?
10. Как смотрит Чацкий на науку, искусство, просвещение?
11. Почему Чацкий обличает воспитание молодёжи фамусовского круга? Что он противопоставляет этому воспитанию?
12. За что борется Чацкий, обличая рабское слепое подражание дворянства всему иностранному?
13. Что вызывает большое негодование и раздражение у Чацкого: равнодушие к нему любимой девушки или нравы, взгляды и поступки окружающих её людей?
14. Чем вызвано одиночество Чацкого в фамусовском обществе?
15. В каком кругу мог найти Чацкий близких ему по взглядам и настроениям людей? Найдите в речах Скалозуба и княгини Тугоуховской намёки на наличие в то время подобных людей (явление 5-е II действия и явление 21-е III действия).
16. Что в Чацком вызывает наши симпатии?

3. Композиция и жанр комедии.

1. Кто и за что ведёт борьбу в комедии?
2. Где происходит действие? В течение какого времени?
3. Какие сцены являются основными в развитии действия драматического произведения? (Завязка, кульминационный пункт, развязка.)
4. В какой мере прав автор, называя своё произведение комедией?
5. В какой мере удалось автору комедии дать «живые характеры» путём разностороннего показа их?

4. Идейное содержание комедии.

1. Какое значение имеют отдельные образцы в развитии идейного содержания комедии?
2. В чём основная мысль комедии? (При ответе на этот вопрос используйте, в первую очередь, образ Чацкого и заглавие комедии).

5. Общественное и историко-литературное значение комедии.

1. Как была при́нята комедия совреме́нниками?
2. Как отозвался о комедии Белинский?
3. Что нового вносила комедия в развитие русской драматургии?
4. Что ценного даёт комедия для нашего времени? Как должны мы оцени́ть образ Чацкого, с одной стороны, и образы представи́телей фа́мусовской Москвы — с другой?

Задания к комедии в целом.

I. Дайте краткое изложение (в письменной форме) содержания первого действия.

II. Вспо́мните, кто и по какому поводу сказал в комедии следующие фразы («крылатые выражения»), преврати́вшиеся в погово́рки.

Счастливые часов не наблюда́ют.
Нельзя ли для прогу́лок подальше выбрать зако́улок?
Подпи́сано, так с плеч долой!
Блажен, кто ве́рует, тепло тому на свете.
Где ж лучше? где нас нет.
И дым оте́чества нам сла́док и прия́тен.
А впрочем он дойдёт до степеней изве́стных, ведь нынче любят бессло́весных.
Служить бы рад, прислу́живаться то́шно.

Придумайте несколько фраз, в которые входили бы отме́ченные выше «крыла́тые выраже́ния» из «Горя от ума».

III. Напишите сочинение на тему: «Характеристика Скалозуба».

План характеристики.

а) Общественное положение и чин,
б) Отношение к военной службе.
в) Взгля́ды на науку, просвещение.
г) Гру́бость и ту́пость.

IV. Ниже даётся сплошным текстом диалог Чацкого и Молчалина. Вы должны переписать его, определив, где слова первого и где слова второго.

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по архи́вам,
Три награжде́нья получил.
Взманили по́чести и знатность?
Нет-с, свой талан т у всех.
У вас?
Два-с:
Уме́ренность и аккура́тность.
Чуде́снейшие два! И стоят наших всех.
Вам не дались чины́, по службе неуспе́х?
Чины́ лю́дьми́ даются,
А люди могут обману́ться.
. . . . . .

Вот сам Фома Фомúч, знаком он вам?
Ну что ж?
При трёх министрах был начальник отделéнья;
Переведён сюда...
Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолкóвых.
Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?
Я глýпостей не чтец,
А пуще образцóвых.
Нет, мне так довелось с прия́тностью прочéсть;
Не сочини́тель я...
И по всему заметно.
Не смею моего сужде́нья произнéсть...
Затем же так секрéтно?
В мои лета́ не до́лжно сметь
Своё сужде́ние иметь.
Поми́луйте, мы с вами не ребяты;
Зачем же мнения чужие только свя́ты?
Ведь на́добно ж зави́сеть от других.
Зачем же надобно?
В чинах мы небольши́х.

В перепи́санном тексте подчеркни́те те слова Чацкого и Молчалина, которые превратились в послóвицы.

Обратите внимание на то, что диалог складывается из вопросов и ответов. Покажите на материале второго действия, как Грибоедов оживля́ет монолог (речь одного лица) постано́вкой вопроса, на который отвечает сам же говорящий (монологи Фамусова и Чацкого).

А. С. ПУШКИН.

(1799—1837)

О ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. С. ПУШКИНА.

Александр Сергеевич Пушкин — великий русский поэт, гениальный художник сло́ва. Своими бессме́ртными произведениями он обогати́л не только русскую, но и мировую культуру. Русский народ справедли́во горди́тся своим поэтом. Ве́чный спу́тник нашей жизни, Пушкин всем нам особенно дорог и бли́зок. Великий патриот своей родины, он наиболее по́лно вы́разил духовные силы русского народа; он в свой «жесто́кий век» смело воспел свободу, му́жественно боролся

против тирании, произво́ла и дикости самодержа́вного строя, правдиво показал жизнь народа, в ту пору закабалённого и беспра́вного; он был созда́телем русского совреме́нного литературного языка и основополо́жником новой ру́сской литературы.

Пушкин пла́менно любил свой народ, гордился славной его историей и мечтал о счастье и процвета́нии нашего отечества.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк су́щий в ней язык[1]:
И гордый внук славян, и финн, и ныне ди́кой
Тунгу́з и друг степей калмы́к...

Все народы нашей могучей родины с большой любовью читают и изучают произведения великого русского поэта.

1. Детство поэта.

Семья. Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня (по старому стилю 26 мая) 1799 года, в Москве, в дворянской семье.

Его отец, Сергей Льво́вич, принадлежа́л к когда-то зна́тному дворянскому роду, потеря́вшему, однако, ко времени рождения поэта своё пре́жнее бога́тство и влияние.

Мать Пушкина, Надежда Осиповна, была вну́чкой ара́па Петра Великого — Ганнiба́ла.

Родители поэта, за́нятые своими делами, мало внимания уделяли детям. Их воспитание целиком было предоста́влено иностранным гувернёрам, часто сменя́вшимся, да дворо́вым людям. Маленький Саша рос под присмо́тром, главным образом, своей няни Ари́ны Родио́новны, которая до конца дней осталась его пре́данным и верным другом. О ней он с любовью вспомина́ет в своих стихах («Зимний вечер», «К няне» и др.).

В большой дружбе был Александр и с бабушкой, Марией Алексеевной, светлый образ которой он сохранил на всю жизнь. Её заботы и ла́сковое отношение к вну́ку не́сколько скра́шивали угрюмое его детство, так как он рос нелюби́мым сыном. Бабушка Мария Алексеевна научила маленького Сашу

[1] Язык — здесь: народ.

писать и читать по-русски. С каким внима́нием слушал он её рассказы про старину́! От неё он узнал и о своём предке со стороны́ матери — арапе Ибраги́ме, изображённом им впосле́дствии в незако́нченном произведении «Арап Петра Великого».

Впечатления детства. Страсть к чтению. Уже в детские годы у будущего поэта шла сложная внутренняя жизнь, внимательная и жадная к впечатле́ниям от окружающей его действи́тельности.

Родители Пушкина вели све́тский образ жизни. В их доме всегда были гости: они были друзьями всей Москвы, и двери их квартиры были открыты для всех.

Такая жизнь тре́бовала денег, и Пушкины не выходи́ли из долго́в.

Дом Пушкиных отличался высокой культу́рностью: здесь интересова́лись литературой, искусством, наукой.

У отца поэта была богатая библиотека, соста́вленная из книг французских и русских писателей. Эта библиотека в жизни его знаменитого сына сыгра́ла большую роль: благодаря ей он ещё ребёнком познако́мился с крупне́йшими представи́телями литературы XVIII века.

В то время в дворянских домах говорили, преиму́щественно, по-французски, и Александр знал французский язык так же хорошо, как и русский. Облада́я с детства хорошей па́мятью, он многое из того, что читал по-французски и по-русски, выучивал наизу́сть. Ещё в детстве Александр начал сочинять и сам. Сначала он написал несколько ба́сен, стихотворений, потом стал придумывать маленькие пье́ски. Вместе с сестрой Ольгой они устроили домашний театр. Александр был акте́ром, а сестра изобража́ла «пу́блику».

В доме Пушкиных часто бывали видные писатели того времени; маленький Александр с жа́дностью слушал их разговоры о стихах, о книгах, о писателях. Дядя поэта, Василий Львович, был довольно изве́стным в ту пору литератором. Таким образом, детство Пушкина протека́ло в литературной среде́, и это обстоя́тельство повлия́ло, есте́ственно, на формирова́ние его интересов и накло́нностей.

Но не только с книжной литературой знакомился Пушкин. Его няня Арина Родионовна, талантливая расска́зчица, знако́мила его с народными сказками, пе́ла ему песни... Она знала много посло́виц, прибау́ток; она сумела заинтересовать

мальчика народной поэзией, воспита́ла в нём любовь к народному творчеству. Познако́мив мальчика с народной поэзией, она защити́ла его душу от того презре́ния к родине и к своему народу, которым так отличались многие представители окружа́вшего Пушкина дворянского общества.

2. Лице́йские годы.

Открытие лицея. Когда Пушкину было около двенадцати лет, родители решили отдать его учиться. Им хотелось дать сыну европейское образование и обеспе́чить ему высокое положе́ние в обществе. Самому Сергею Львовичу служба не удала́сь, и он наде́ялся, что хоть сын его составит себе карье́ру (то-есть добьётся высокого положения в обществе).

В январе 1811 года в газете «Санкт-Петербургские ве́домости» было объявлено, что в Царском Селе, в помещении дворца, открывается новое воспита́тельное учреждение для ю́ношества — лицей. В постановлении об открытии лицея говорилось, что цель лицея подготовить воспи́танников к заня́тию высших должностей в государстве. Преподавателями там должны быть профессора. Самое название *лицей* показывало, что это совершенно особенное учебное заведение, не похожее на все прежние. Сергей Львович решил отдать сына в лицей.

В июле 1811 года Василий Львович, дядя Александра, отвёз племя́нника в Царское Село (теперь в честь Пушкина оно называется город Пушкин).

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие лицея. Этот день на всю жизнь сохрани́ли в памяти Пушкин и его лицейские друзья. В течение многих лет по оконча́нии лицея бы́вшие лицеи́сты каждый год собирались 19 октября у кого-нибудь из товарищей на пиру́шку; они вспомина́ли годы, проведённые в лицее, читали стихи, пели лицейские песни.

Первые литературные опыты. В лицее Пушкин выделя́лся свои́ми спосо́бностями. Особенное значение имел для него лицей в том отношении, что здесь сложи́лись и окре́пли его литературные вкусы. Пушкин сделался центром литературного кружка тех товарищей, которые, как и он, писали стихи. Молодые поэты издава́ли и свои рукопи́сные журналы — «Не́опытное перо», «Лицейский мудре́ц». Они много читали, выписывали все лучшие журналы и следили за русской и ино-

странной литературой. Пушкин попре́жнему любил французскую литературу, с которой он познако́мился ещё дома. Вот почему его первые стихи носят следы влияния французской «лёгкой» поэзии. В лицее его лучшими друзьями были Де́львиг, Пу́щин, Кюхельбе́кер, Данза́с и другие.

Война 1812 г. К событиям эпохи, оказа́вшим влияние на Пушкина, относится война 1812 года. Тринадцатилетним мальчиком, воспи́танником Царскосе́льского лицея, встретил он «грозу́ двенадцатого года».

Наполеон переправил войска через Не́ман и вступил в преде́лы России. Сильный враг грозил самому существованию родины. Лицеи́сты жалели, что они мо́лоды и не могут идти на войну. Через Царское Село, мимо лицея, почти ежедневно проходили войска. Лицеисты приве́тствовали их. Газеты, русские и иностранные, читались нарасхва́т. Сообщения и рассказы о Бороди́нском сражении, о сдаче Москвы, о нача́вшихся там пожарах остро волновали лицеистов. Но армия Наполеона была разгро́млена. В декабре 1812 года жалкие её остатки бежали обратно за преде́лы русской земли. Наш народ победил. Эта победа наполня́ла сердца́ радостью и го́рдостью за русский народ, гру́дью отстоя́вший свою государственную самостоятельность и незави́симость. Вместе со всей страной лицеисты также торжествова́ли победу.

Неизглади́мые впечатления и настроения этой поры поэт донёс до конца своих дней. Позднее́, обраща́ясь в последний раз к лицейским товарищам, он вспомина́л об этих грозных для нашей родины событиях:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы бра́тьями проща́лись
И в сень наук с досадой возвраща́лись,
Зави́дуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас... И племена срази́лись,
Русь обняла кичли́вого[1] врага,
И заревом московским озари́лись
Его полка́м готовые снега.

По словам поэта, в 1812 году

...в бе́здну повали́ли
Мы тяготеющий над царствами куми́р,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир.

[1] Кичли́вого — зано́счивого, де́рзкого.

Общественно-политическая обстановка. Войны, государственные перевороты, изменение карты Европы, необычайный патриотический подъём, который переживало русское общество в начале XIX века, национально-освободительное и революционное движение, начáвшееся почти во всех странах Запада, — вот та общественно-политическая обстановка эпохи, в атмосфéре которой росли́ и воспи́тывались лицеисты. Несмотря на то, что лицей был закрытым учебным заведением, его воспи́танники были тесно свя́заны с передовыми течениями общественной жизни того времени.

Чаада́ев. Его влияние на Пушкина. В Царском Селе стоял гусарский полк, офицеры которого находились под влиянием свободолюби́вых идей. Пушкин, как и многие другие лицеисты, часто бывал в обществе этих офицеров и особенно тесно сбли́зился с Чаада́евым, одним из офицеров этого полка. Через него он познакомился с запрещённой, «нелега́льной» литературой.

Офицерский мундир не помешал Чаадаеву стать оригина́льным[1] фило́софом и публици́стом, крити́чески относя́щимся к современной ему русской действительности. Не без влияния свободолюби́вых настроений Чаада́ева и Пушкин стал думать о том, чтобы «отчи́зне посвятить души́ высокие поры́вы»; он стал мечтать о том времени, когда над его родиной взойдёт «звезда плени́тельного сча́стья» — свобода, и народы обрету́т[2] «святую во́льность». О чём беседовали молодой поэт и вольнолюби́вый офицер, видно из послания Пушкина к Чаадаеву, которое было написано после окончания поэтом лицея, в 1818 году. Впосле́дствии, уже при Николае I, Чаадаев за своё свободолю́бие и критическое отношение к русской действи́тельности был, по приказа́нию царя, объявлен сумасше́дшим.

Выступление Пушкина в печати. Успех его поэтической деятельности. Идеалы политической свободы, мечты о низвержéнии «самовла́стья», об установлении в России более свободных политических порядков, — вот что волнова́ло Пушкина уже в конце его лицейских лет. В лицее быстро кре́пнет его литературный талант. Этому спосо́бствовала (помогала)

---

[1] Оригина́льный — своеобразный, не похожий на других.

[2] Обрету́т — найдут; обретут вольность — найдут вольность, добьются свободы.

обстано́вка лицейской жизни: сильно развитые литературные интересы лицеистов, издание рукописных журналов, устройство литературных чтений, литературные и́гры и т. п. Работа над стиха́ми входи́ла даже в программу классных занятий. Часть лицеистов с живейшим вниманием следила за литературной жизнью страны, втя́гивалась в литературную борьбу за стенами лицея. Лицеистом Пушкин впервые выступил в печати в журнале «Вестник Европы» со стихотворением «К другу стихотворцу». Это было летом 1814 года.

Успех неизме́нно сопутствовал Пушкину с самых первых шагов его поэтической деятельности. Его огромное поэтическое дарова́ние не могло не обратить на себя внимание и товарищей, и профессоров. Среди лицейских поэтов он очень скоро занял первое место; товарищи видели в нём будущую славу лицея. О своих увлече́ниях поэ́зией в лицейский период Пушкин позднее вспомина́л в начале VIII главы «Евгения Онегина»:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмяте́жно расцветал,
Читал охотно Апуле́я [1],
А Цицеро́на [2] не читал,
В те дни, в таинственных доли́нах,
Весной, при кли́ках лебеди́ных,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Му́за [3] стала мне.
Моя студе́нческая ке́лья [4]
Вдруг озари́лась: Муза в ней
Открыла пир млады́х зате́й,
Воспе́ла детские весе́лья,
И славу нашей старины,
И сердца тре́петные сны.

Работа над стихами не была для юного Пушкина заба́вой, развлече́нием; он относи́лся к этой работе, как к чрезвычайно важному, серьёзному и отве́тственному делу. Свои стихи он не раз перепи́сывал и исправля́л, добива́ясь того, чтобы выраже́ния в них были точными и преде́льно ясными, а стих звучал бы как музыка.

Писал он везде и во всякое время: утром — в постели, в переры́ве между заня́тиями — в зале или в лицейском саду, на дальней скамейке, а чаще всего — в математи́ческом классе.

[1] А п у л е́ й — римский писатель, живший во втором веке нашего летосчисле́ния, автор романа «Золотой осёл», содержа́щего различные приключе́ния и любовные сцены.

[2] Ц и ц е р о́ н — римский политический деятель, писатель, оратор и философ, живший в первом веке до нашего летосчисле́ния.

[3] М у́ з а, м у з ы — богини, покрови́тельницы искусств и наук (в греческой мифоло́гии).

[4] К е́ л ь я — здесь: отдельная комната, скромно, по-мона́шески, обста́вленная.

Публичный экзамен в лицее. Встреча с Державиным. Признание Пушкина поэтом было засвиде́тельствовано в стенах лицея и знамени́тым Г. Р. Державиным — лучшим представи́телем поэзии того времени. В его присутствии Пушкин читал на перево́дном публи́чном экзамене по русской слове́сности 8 января 1815 года своё стихотворение «Воспомина́ния в Царском Селе», напи́санное по предложе́нию его учителя, профессора Га́лича.

Вот что известно об этом экзамене.

Державин был несколько утомлён и даже дремал, пока отвечали другие лицеисты. Но вот вышел вперёд Пушкин и начал читать свои стихи, сначала тихо, потом всё громче и громче.

...Чуть слы́шится ручей, бегу́щий в сень дубра́вы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь велича́вый,
Плывёт в сребри́стых облака́х...

Глаза его блестели, голос звенел. Державин наклони́лся вперёд, чтобы лучше слышать. Он смотрел на Александра в упор, и на глазах его сверка́ли слёзы. Он был в восто́рге. Он встал и хотел обня́ть Пушкина. Но Александр вы́рвался и убежал. Его нигде не могли найти.

— Вот кто заме́нит меня! — сказал Державин о Пушкине.

И он оказался прав.

Об этом чтении сам Пушкин позднее вспоминал в известных строках VIII главы «Евгения Онегина»:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя́, благослови́л.

«Воспомина́ния в Царском Селе» были напи́саны тем разме́ром, которым писали новые поэты того времени. В это стихотворение автор вложи́л и́скреннее чувство. Картины, изображённые им, были ярки и живы. Содержание отражало общее патриотическое настроение. Стихотворение это, напеча́танное в 1815 году, имело большой успех.

Отношение к Пушкину знаменитых писателей того времени. Талант ю́ного поэта, его глубокие знания и разносторо́нние интересы привлекли́ к нему внимание знаменитых писателей — Карамзина́, Жуковского, Ба́тюшкова, которые стали смотреть на него, ещё не поки́нувшего школьной скамьи, как на своего

младшего товарища по перу[1]. Стихи юного Пушкина, пронизанные чувством бодрости, радости, веселья, были даже лучше, свежее стихов этих признанных и талантливых писателей.

Литературный гений Пушкина развивался бурно. Большую роль в этом развитии сыграло непрерывное и усердное чтение. Над кроватью у Пушкина была полка книг. Здесь стояли томики его любимых авторов: Вольтера, Парни. Книги для Пушкина были такими же друзьями как Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер. Своим любимым книгам и авторам Пушкин посвятил большое стихотворение, которое называется «Городок».

Начитанность поэта была огромна. Его современники отмечают, что он знал почти все сколько-нибудь значительные произведения не только русской, но и мировой литературы.

Литературная борьба. Пушкин-лицеист принимал активное участие в литературной борьбе того времени. Консервативные[2] силы литературы (так называемые литературные старовéры) объединились тогда в обществе «Беседа любителей русского слова», во главе которого стоял адмирал Шишков. Члены «Беседы» боролись с реформой[3] литературного русского языка, начатой уже Карамзиным, Жуковским, Батюшковым.

Сторонники нового и передового в литературе, в противовес консервативной «Беседе», организовали другое общество — «Арзамас». Пушкин был тесно связан с «Арзамасом», в состав которого он формально вошёл уже после окончания лицея. В число членов «Арзамаса» входило несколько будущих декабристов.

«Арзамас» боролся за замену книжного, искусственного, малопонятного языка простой речью, близкой к разговорному языку. Деятельность «Арзамаса» подготовила почву для реализма.

Летом 1817 года Пушкин окончил лицей.

---

[1] Товарищ по перу — товарищ по поэтической работе; поэт, такой же, как и они.

[2] Консервативные — враждебные переменам, склонные к сохранению всего старого; консерватор — противник всяких новшеств, нововведений.

[3] Реформы — преобразования.

3. Жизнь Пушкина в Петербурге.

По окончáнии лицея Пушкин поступил на службу в Колле́гию иностра́нных дел. Служба не затрудня́ла поэта и мало интересовала его. Он жил в Петербурге, и́зредка выезжал в село Михáйловское.

Све́тский образ жизни. Поэт начал вести све́тскую жизнь. Он как будто старался обогати́ть себя самыми разнообразными впечатлениями: увлекался театром (бале́том, драмати́ческими постано́вками), бывал на вечерах, балах, посещал собрания вольного общества «Зелёная лампа». Это общество было тесно свя́зано с революционными тайными кружками и группами; на его собраниях бывали и будущие декабристы.

Дружба с декабристами. Политические взгляды Пушкина. В этот период времени Пушкин более тесно сходится с будущими декабри́стами, разделяет их взгляды, возмущается закрепоще́нием и беспра́вием народа. Его политические воззре́ния[1] теперь приобретают более чётко вы́раженную революционную напра́вленность. Этому немало спосо́бствовали европейские события того времени: политическое броже́ние в Германии, неаполита́нская революция, пода́вленная австрийскими войсками, и, наконец, революционный переворот в Испании в январе 1820 года под руководством Риэ́го и Квиро́га. Пушкин внимательно следил за широко развёртывавшимися событиями на Западе и открыто высказывал своё сочу́вствие революционному движению.

Ода «Во́льность». Стихи этого периода прони́заны гневом, возмущением и решительным протестом против самодержавия и крепостни́чества. В оде «Вольность», напи́санной вскоре по выходе из лицея, звучит призы́в к восстанию против тирании:

Питомцы ве́треной судьбы,
Тираны мира! трепещи́те!
А вы, мужайтесь и внемли́те,
Восстаньте, па́дшие рабы!...

Стихотворение «К Чаадаеву». В 1818 году, в стихотворении «К Чаадаеву», поэт говорит о борьбе против самодержа́вия, об освобожде́нии родины, стона́вшей «под гнётом вла́сти рокового́й». Сколько горячей веры в будущее счастье России чувствуется в следующих словах этого стихотворения:

---

[1] Воззре́ния — взгляды.

... взойдет она,
Звезда плени́тельного сча́стья,
Россия вспря́нет ото сна,
И на обломках самовла́стья
Напишут наши имена!

Стихотворение «Деревня». В стихотворении «Деревня», написанном в 1819 году, Пушкин резко критикует «ба́рство дикое», которое «присво́ило себе наси́льственной лозо́й и труд, и собственность, и время земледельца»; вместе с тем, он чётко и правди́во рисует поднево́льное, закабалённое положение крестьянства и выражает народный протест против крепостни́чества, против «губи́тельного позора неве́жества». Эти, как и многие другие стихотворения Пушкина, были испо́льзованы декабристами с агитацио́нной целью.

Политические эпиграммы. Ссылка на юг. Помимо вольнолюби́вых стихотворений Пушкин пишет в это время большое количество политических эпиграмм [1] против царя, против всеси́льного Аракче́ева, тогда́шнего военного министра, против архимандри́та Фо́тия и других сано́вников [2]. Всё это в ру́кописях быстро распространялось по всей России.

Однажды Пушкина потребовали к Петербургскому генерал-губерна́тору. При нём был отдан приказ полицме́йстеру [3] — ехать к Пушкину домой и опечатать его бумаги. Пушкин сказал: «Вы ничего не найдёте у меня на квартире. Прикажите дать мне перо и бумагу, я напишу вам всё, что вы и́щете». Он сел и написал целую тетрадь. На другой день стихи были пе́реданы царю. Царь решил: Пушкина надо сослать в Сибирь за то, что он наводни́л Россию революцио́нными стихами, — вся молодёжь знает их наизу́сть.

Друзья поэта (Карамзин, Жуковский и другие) стали хлопотать за него. Благодаря этим хлопо́там Пушкин был выслан в мае 1820 года вместо Сибири на юг.

Поэма «Руслан и Людми́ла». Незадолго до ссылки поэт успел закончить свою первую поэму «Руслан и Людмила», за которую получил от Жуковского подарок — его портрет с на́дписью: «Победителю-ученику от побеждённого учителя».

---

[1] Эпигра́ммы — небольшие стихотворения, метко и ядови́то высме́ивающие недостатки отдельных лиц.

[2] Сано́вник — важный царский чиновник, занимавший большой пост и по́льзовавшийся доверием со стороны царя.

[3] Полицмейстер — полицейский чин, начальник полиции.

Появление «Руслана и Людмилы» было большим литературным событием. Когда эта поэма-сказка, написанная небывалыми до того по простоте, ясности и музыкальности стихами, была напечатана, — все передовые люди, желавшие движения литературы вперёд, друзья поэта были от неё в восторге, а критики-консерваторы находили её грубой, непоэтичной.

Поэзия Пушкина этого периода (как об этом говорили многие декабристы на следствии) сильно влияла на рост революционного сознания русского общества: его стихи расходились в тысячах списков и возбуждали ненависть к самодержавию и крепостничеству.

4. Годы ссылки.

Пушкин на Кавказе. Поэма «Кавказский пленник». В 1820 году Пушкин был выслан из столицы в Екатеринослав, в распоряжение генерала Инзова. Здесь он сильно простудился и заболел. Генерал Раевский, который ехал на Кавказ с сыном и двумя дочерьми, нашёл Пушкина в хате, в бреду, без всякой медицинской помощи. По просьбе своего сына, который был другом поэта, Раевский (герой войны 1812 года, человек передовой и независимый) предложил поэту ехать вместе с ними на Кавказ, на минеральные воды. Генерал Инзов отпустил его, и Пушкин поехал с Раевским на Кавказ.

Раевские были образованными людьми; они сердечно отнеслись к Пушкину. В их семье поэт отдыхал от пережитого. Он наслаждался природой Кавказа; суровое величие этой природы поразило его. Много времени и внимания Пушкин уделил здесь изучению жизни и быта горцев и казаков.

Под впечатлением Кавказа им написана поэма «Кавказский пленник».

Пушкин в Крыму. Элегия «Погасло дневное светило». Поэма «Бахчисарайский фонтан». С Кавказа Пушкин и Раевские перебрались в Крым. Три недели прожил поэт у Раевских в Гурзуфе. Путь от Феодосии до Гурзуфа Пушкин совершил на военном корабле, который был предоставлен Раевскому местными властями. «Корабль плыл перед горами, покрытыми тополями, виноградом, лаврами и кипарисами». Ночью на корабле, слушая шум черноморских волн, Пушкин

написал эле́гию[1] «Пога́сло дне́вное свети́ло». В Крыму, так же, как и на Кавказе, поэт интересовался бытом татар, их песнями. Крымские впечатления нашли своё отражение в прекрасной поэме «Бахчисара́йский фонта́н».

Пушкин в Бессарабии. Из Крыма Пушкин поехал в Бессара́бию, в Кишинёв; оттуда он совершал поездки в имение Давы́довых на Украине — в Ка́менку, где встречался с некоторыми будущими декабристами и принимал участие в их горя́чих политических беседах. Где бы ни жил поэт, всюду он интересовался ме́стными обычаями, записывал песни, преда́ния. Ссыльный поэт держался свободно и независимо, открыто и горячо́ возмущался существующим строем.

Пушкин в Одессе. В 1823 году поэт переехал в Одессу и был зачислен на службу к графу Воронцо́ву. Граф держался с Пушкиным высокоме́рно и постоянно подчёркивал его подчинённое положение. Пушкин вёл себя очень просто, досто́йно, в его поведении не было ничего зайскивающего. Граф гне́вался, пытался уни́зить поэта; Пушкин писал по его адресу эпиграммы и ко́лкости. Их тут же записывали. На́завтра их знала вся Одесса, через месяц они были известны в столицах.

Желая отомсти́ть поэту, Воронцов отправил его в командировку; он поручил Пушкину осмотреть местности, пострада́вшие от саранчи́, и принять необходи́мые меры борьбы с ней. Поэт совершенно не был подгото́влен к подобного рода работе и был глубоко́ оскорблён этим поруче́нием.

Увольнение со службы и ссылка в Михайловское. Отношения между Воронцовым и Пушкиным крайне обостри́лись. Граф написал в Петербург о своём наме́рении удалить Пушкина из Одессы. Сделать это было решено в столице ещё до получения про́сьбы графа Воронцова, потому что в руки московской полиции попало письмо поэта, в котором он писал, что берёт уроки безбожия. В июле 1824 года в Одессу было прислано распоряжение царя об увольне́нии Пушкина со слу́жбы и о вы́сылке его в село Миха́йловское, Псковской губернии, под надзо́р поли́ции и духо́вных властей.

Увлечение поэзией Байрона. Литературное творчество на юге. На юге Пушкин пережил глубокое увлечение творчеством Бай-

---

[1] Эле́гия — стихотворение, в котором автор изображает свои грустные переживания и глубокие разду́мья.

рона — «властителя дум» молодого поколения всей передовой Европы того времени. Свободолюби́вая поэзия Байрона, образы его геро́ев, броса́ющих вы́зов буржуазному обществу, увлекали поэта так же, как и судьба самого Байрона. Пресле́дуемый аристокра́тией [1] и буржуази́ей, Байрон эмигри́ровал [2] из Англии и отправился в Грецию, чтобы доброво́льцем принять участие в национально-освободительной войне. Там он заболел и 19 апреля 1824 года умер.

За время своей жизни на юге Пушкин написал много стихотворений и несколько поэм: «Кавказский пленник», «Бра́тья разбо́йники», «Бахчисарайский фонтан»; там же были начаты «Цыга́ны». Эти поэмы открыли русскому читателю новый мир — картины южной природы, образы людей, суровых и це́льных. Кавказские го́рцы, тата́ры, цыга́ны были впервы́е в нашей поэзии изображены́ Пушкиным в ю́жных поэ́мах.

В Кишинёве, в мае 1823 года, поэт начал работать над романом в стихах «Евгений Онеги́н».

Жизнь в Михайловском. В самом конце июля 1824 года Пушкин поки́нул Одессу и напра́вился на север, в место новой ссылки — село Михайловское, где он провёл изгна́нником два года.

Трудно, тоскли́во и одиноко жило́сь здесь поэту. Ба́рский дом находился в двух верста́х от деревни, зимой он весь был занесён снегом, вокруг синел сосновый бор. Вот в такой глуши́, отóрванный от друзей и близких, жил поэт.

В длинные зимние вечера он слушал ня́нины сказки и песни, о которых так восто́рженно отзыва́лся в письме к брату Льву. «Вечером слушаю сказки и вознагражда́ю тем недоста́тки своего прокля́того воспита́ния. Что за пре́лесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Единственным развлече́нием для поэта были прогулки верхом и пое́здки в соседнее имение Тригóрское к Вульф-Осиповым, с которыми Пушкин поддерживал постоянные сноше́ния.

---

[1] Аристокра́тия — знать, избранная группа людей; здесь: верху́шка английского общества, по́льзующаяся родовы́ми преиму́ществами и огромными сре́дствами.

[2] Эмигра́ция — переселение в другую страну по полити́ческим, экономическим или каким-либо иным причинам.

Приезд Пущина. Однажды зимой ему вы́пала неожи́данная радость. Рано утром поэта разбудил колокольчик. Он вы́глянул в окно и увидал, что приехал Иван Пу́щин, его лицейский товарищ.

Радости не было конца. Об этом посещении Пушкин писал впоследствии:

Мой первый друг, мой друг бесце́нный,
И я судьбу благослови́л,
Когда мой двор уединённый,
Печа́льным снегом занесённый
Твой колокольчик огласи́л...

Пущин привёз с собой комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума», которую они вместе прочитали. Друзья ви́делись в последний раз: через два года Пущин, за участие в восстании декабристов, был уже на ка́торге.

Встреча с Дельвигом и Горчаковым. Позднее Пушкина посетил другой его лицейский друг — А. А. Де́львиг. В имении Лямо́ново поэт неожиданно встре́тился ещё с одним товарищем по лицею — А. М. Горчако́вым, о котором он писал:

Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзнача́й [1] просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обняли́сь.

Творческая работа в Михайловском. Всё же одиночество было тяжким... Но обстановка давала возможность читать и Пушкин со всей страстью набро́сился на книги. Почти в каждом письме он просил прислать ему книг, много читал произведений художественной литературы, изучал русскую историю, знакомился с русскими ле́тописями, увлекался Шекспи́ром, Ва́льтер Ско́ттом, усиленно собирал и записывал произведения народного творчества.

Здесь же, где «безмо́лвно протекали часы трудов, свободно вдохновлённых», поэт безразде́льно отдавался любимому творчеству:

В глуши звучне́е голос лирный,
Живе́е творческие сны...

Здесь он продолжал работу над романом в стихах «Евгений Онегин», который был начат ещё на юге. В нём Пушкин прав-

[1] Невзнача́й (народное слово) — неожиданно, случайно.

диво и верно изображал русскую действительность той поры́, это дало Белинскому право назвать этот роман «энциклопе́дией русской жизни[1] и в высшей сте́пени народным произведением».

Здесь же, в Михайловском, была написана народная драма «Бори́с Годуно́в», которой суждено́ было сыгра́ть большую роль в развитии русской драматургии. Если раньше русская драмати́ческая литература развивалась, главным образом, в комедийных жа́нрах (и здесь достигла определённого успеха), то Пушкин повернул её на путь собственно драмы и народной траге́дии. То, что было написано в этом роде до Пушкина, не больше, как вя́лые и холодные произведения, которые не могли иметь сколько-нибудь суще́ственного влияния на общество. «Борис Годунов» был первым опытом русской народной политической трагедии, в основу которой положены новые принципы, расходившиеся с принципами классической трагедии. Основным за́мыслом пушкинской драмы является не возвеличе́ние борьбы во имя какого-нибудь морального при́нципа, не столкновение чувства, стра́сти и до́лга, — в её основе лежит широкий охват социальных явлений, взаимодействие разных общественных сил.

Пушкин вводит в драму народ, как силу, которая во многом определяет ход событий, а поэтому каждый из бо́рющихся лагерей учитывает эту силу. Разру́шены принципы классической трагедии — единство места и времени. Местом действия, наряду с царскими пала́тами, является площадь корчма́ ... Народный язык трагедии также свидетельствует о борьбе Пушкина с классици́змом, который характеризовался языком напы́щенным, модным, утончённым, избега́вшим всего просторо́дного и бытово́го.

Влияние «Бориса Годунова» на развитие русской драмы и русского театра было огро́мным.

Весть о восстании декабристов и о казни их. Живя в изгна́нии, поэт не смири́лся и не примирился с самодержа́вием. Своё положение изгнанника он ярко описал в стихотворении «К Языкову»:

---

[1] Выражение *энциклопе́дия русской жизни* обозначает, что Пушкин показал в романе не какие-либо отдельные стороны русской действительности, а дал широкое и всесторо́ннее изображение русской жизни во всём многообразии её проявле́ний.

Но злобно мной играет счастье.
Давно без крова я ношу́сь,
Куда подует самовла́стье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгна́нье
Влачу зако́ванные дни...

В ссылке поэт узнал о восстании декабристов 14 декабря 1825 года. Среди участников и руководителей восстания были близкие друзья поэта: Пущин, Кюхельбекер, Рылеев, Бесту́жев и другие. Пушкин официально не был членом тайного общества, но своими стиха́ми сильно содействовал распростране́нию их идей. Жуковский писал поэту: «В бумагах каждого из действовавших находятся твои стихи». Здесь же, в Михайловском, поэт узнал о ка́зни вождей декабрьского восстания: Пе́стеля, Рыле́ева, Кахо́вского, Муравьёва-Апо́стола и Бестужева-Рю́мина и о жестокой расправе с остальными участниками этого восстания.

Всё это оставило глубокий след в душе Пушкина.

5. После ссылки.

В кабинете царя. В ночь с 3 на 4 сентября 1826 года в Михайловское прискака́л фельдъе́герь[1] с предписа́нием, чтобы Пушкин неме́дленно собрался и ехал прямо к царю. Встрево́женный поэт поспе́шно бросил в печь записки о своей жизни, которые он начал писать в Михайловском, и некоторые стихи. На пятый день фельдъе́герь привёз Пушкина в Москву, во дворец. Прямо с дороги, усталый, в дорожном костюме, поэт был введён в кабинет ца́ря.

— Пушкин, что сделал бы ты, если б 14 декабря был в Петербурге? — спросил его царь.

— Я был бы с друзьями на пло́щади.

Это было с гла́зу на глаз. Откровенный и прямой ответ Пушкина удиви́л царя, но в его расчёты тогда не входило ссо́риться с поэтом. Пушкина знала вся Россия. Надо было попытаться привлечь его на свою сторону. Царь прики́нулся «покрови́телем искусства», думая со вре́менем приручи́ть непоко́рного и свободолюби́вого поэта. Царь объявил, что проща́ет его, разрешает ему жить, где угодно. С этого дня отовсю́ду, где бы ни появился Пушкин хоть на несколько дней, царю посыла́лись секретные донесе́ния.

[1] Фельдъе́герь — военный курьер (рассыльный), доставля́ющий важные бумаги внутри государства и за границу.

— Пиши, что хочешь. Я отменяю для тебя цензуру; я сам буду твоим цензором, — обещал царь.

Но с тех пор каждую строчку пришлось поэту показывать не цензорам, с которыми можно было поспорить, а царю и начальнику жандармов Бенкендорфу, перед которыми надо было молчать.

— Я хочу быть первым твоим читателем, — милостливо говорил царь.

Это значило, что даже близким друзьям Пишкин не мог читать ничего вновь написанного без ведома царя. Поэт попрежнему находился под строгим надзором полиции: он должен был испрашивать разрешение на печатание своих сочинений, на каждую свою поездку.

Самовольный отъезд на Кавказ. «Путешествие в Арзрум». В 1828 году Николай I направил свои войска в Турцию. Пушкин просил у шефа жандармов Бенкендорфа разрешения отправиться в действующую армию, но получил отказ. Несмотря на это, поэт в 1829 году самовольно уехал на Кавказ и присоединился к армии Паскевича, действовавшей уже на турецкой территории. Это путешествие Пушкин описал в одном из своих первых прозаических произведений — в «Путешествии в Арзрум». Впоследствии Пушкин просил разрешения выехать за границу: в Европу или даже в Китай. Ему было в этом решительно отказано. Пушкину так и не пришлось побывать в других странах. Зато Россию и жизнь её народов он знал превосходно.

Пушкин в Болдине. В 1830 году, осенью, Пушкин поехал в село Болдино, Нижегородской губернии (теперь Горьковской области), для приведения в порядок хозяйственных дел в отцовском имении. В Болдине, среди зелени, на горе с пологим скатом [1] к реке живописно расположилась помещичья усадьба. Кругом унылые, крытые соломой, крестьянские избы.

Вот здесь-то неожиданно и задержался Пушкин из-за разразившейся жестокой холеры и учреждённых везде карантинов [2]. Его кратковременный заезд в Болдино превратился в трёхмесячный.

О том, как жил здесь Пушкин, известно немного. Кое-что

---

[1] Пологий скат — некрутой скат или спуск.

[2] Холерные карантины — холерные заставы на дорогах, чтобы не пропускать людей и приостановить таким образом распространение болезни.

помнили об этом бóлдинские старожúлы. Один из них, столетний старик Михей Иванович Сивóхин — рассказывал, как Александр Сергеевич каждый день ездил верхом в соседние Казáринские кусты и Кистенёвскую рóщу и записывал, «какие местам звания, какие леса, какие трáвы растут»; каждый день, по словам Сивóхина, ему готовили кадýшку тёплой воды: это была своеобразная ванна.

Болдинская осень. Наступила осень. В багрянец и золото одевáлись леса. Осень — любимая пора поэта. К ней он обращался с полными глубокой нежности словами:

Унылая порá! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная красá, —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрéц и золото одетые леса.

Даже деревенская грязь не пугáла его. В письме к Плетнёву из Болдина, в 1830 году, поэт писал: «Осень чудная — и дождь, и снег, и по колéно грязь».

Болдинская осень была наиболее плодотвóрным периодом в творчестве Пушкина. В одном из писем к друзьям он писал: «В Болдине писал, как давно уже не писал».

Произведения, созданные в бóлдинскую осень. И действительно, за три месяца, проведённых в одинóчестве и вдохновéнном труде, поэт создал множество самых разнообрáзных произведений. За это время он написал повесть в стихах «Домик в Колóмне», маленькие трагедии («Скупóй рыцарь», «Мóцарт и Сальéри», «Каменный гость», «Пир во время чумы»), «Повести Бéлкина» («Выстрел», «Гробовщúк», «Метéль», «Станционный смотрúтель», «Барышня-крестьянка»), кроме того, он закончил работу над «Евгением Онегиным», написал «Сказку о попé и о работнике его Балдé», целую серию лирических стихотворений, а также оставшуюся незакóнченной «Историю села Горюхина», которая является историей горького житья крепостных крестьян села Болдина.

В Бóлдине же, опасаясь преследований, Пушкин, за которым следила полиция, сжёг написанную им десятую главу «Евгения Онегина». В этой главе сатирúчески был обрисóван Александр I; в ней изображалось революционное движение начала двадцатых годов XIX века и декабристы. Однако некоторые стихи из этой главы Пушкин записал особым секрéтным способом, нарочно перепýтав порядок строк. Эти отрывки были разобраны учёными-пушкиновéдами только в XX сто-

летии. По плану Пушкина, Онегин, как передаёт со слов поэта один из его современников, должен был «или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

Значение болдинского периода в творчестве Пушкина. В этот период особенно ярко проявляется интерес Пушкина к жизни простых людей, к жизни масс. Поэт глубоко сочувствует угнетённому народу. Определяется реалистическое направление его творчества. Такими (написанными в Болдине) произведениями, как «Станционный смотритель», «История села Горюхина», стихотворение «Шалость» и другие, Пушкин начинает тот путь литературы критического реализма, который после него продолжают Гоголь, Салтыков-Щедрин, Некрасов и другие.

В конце ноября 1830 года Пушкину удалось уехать из Болдина.

6. Последние годы жизни.

Женитьба Пушкина. В феврале 1831 года Пушкин женился на Наталье Николаевне Гончаровой, первой московской красавице. Наталья Николаевна была светской женщиной. Она любила дорогие модные наряды, увеселения, балы, где танцовала с увлечением. Красавицу Пушкину везде охотно принимали. Царь тоже обратил внимание на Пушкину и захотел видеть её на балах во дворце. Для этого он «пожаловал» поэту младшее придворное звание камер-юнкера. Звание это давалось очень молодым людям, и для Пушкина оно было не по летам; можно было думать, что эту награду поэт получил в насмешку.

Борьба с «высшим светом» и самодержавием. Аристократы,[1] среди которых приходилось бывать теперь Пушкину, не могли простить ему его эпиграмм и распускали всевозможные сплетни о поэте и его жене. Пушкину мстили здесь злыми выходками. Это мучило поэта. Его настроение делалось всё мрачнее и мрачнее. Он отдыхал душой только в кругу своих избранных друзей: Жуковского, Вяземского, Гоголя. Бывал поэт только в доме Смирновой (урождённой Россет), где он открывал порой свои заветные мысли. Передовых людей того времени, бывавших у Смирновой, удивлял «необыкновенный ум поэта, широкий и глубокий».

---

[2] Аристократы — знать, представители высшего света.

Все тридцатые годы проходят у Пушкина в обстано́вке ост-рой борьбы с «вы́сшим све́том» и самодержа́вием. У него как прежде, так и в это время, не было нормальных условий для творчества — ни соответствующей общественно-политической обстановки, ни материальной обеспе́ченности. И несмотря на это гений Пушкина раскрывается во всей своей полноте. В по-следние годы он создал произведения, наиболее зрелые по художественному мастерству и наиболее полно и глубоко выра-жа́ющие его взгляды на жизнь, на современную ему дейст-вительность.

Интерес к истории. Исторические повести. Пушкин, всегда интересова́вшийся историей своей страны, теперь с особенной тща́тельностью изучает те эпохи, когда происходили народ-ные восстания против поме́щиков и самодержавия. Он пишет исторические повести — «Дубро́вский», «Капитанская дочка», в которых разраба́тывает тему народных движений и прово́-дит идею политической защи́ты народа от поме́щичьей экс-плоата́ции и самодержавного гнёта. Это окончательно рассо́-рило его с самодержавием.

Дуэль Пушкина с Дантесом. Смерть поэта. Всю свою жизнь поэт боролся с великосве́тским обществом, с дворян-ской реа́кцией за счастливое будущее нашей родины, за су́дьбы русской литературы. Он и пал жертвой этой борьбы. Его попытки вы́рваться из Петербурга, из атмосфе́ры сплете́н, интри́г [1] были безуспе́шны: царь требовал, чтобы поэт оста-вался непременно в столице. Жизнь Пушкина станови́лась невыноси́мой. Придворная знать, правящие круги́ клевета́ли на поэта и искали только случая, чтобы распра́виться с ним. Царь ненави́дел поэта и спокойно смотрел на то, как придво́р-ная знать трави́ла и оскорбляла того, кто был го́рдостью русской литературы, её созда́телем.

Поэт не мог снести наноси́мых ему обид.

Великосве́тские клеветники делали всё, чтобы подготовить ду́эль [2] между Пушкиным и гвардейским офицером Дантесом, приёмным сыном голла́ндского посла́нника. Царя просили принять меры против гото́вящейся дуэли, но никаких шагов в этом направлении принято не было.

---

[1] Интри́ги — злые сплетни, про́иски, козни.

[2] Ду́эль — поеди́нок; в дворянском обществе дуэль была одним из способов решения вопросов че́сти оружием.

27 января состоялась дуэль. Пушкин был смертельно ранен и через два дня, 29 января 1837 года, умер.

Гибель Пушкина — всенародное горе. Когда разнеслась весть о смерти Пушкина, к его квартире стали собираться толпы народа. Возмуще́ние против Дантеса было всео́бщим. Траги́ческая ги́бель гениального русского поэта стала всенаро́дным горем.

Один иностранец, передава́я свои впечатле́ния в связи со смертью Пушкина, писал: «Если бы в России была возможна революция, она вспыхнула бы из-за гибели Пушкина».

Царь и придво́рные круги́ были напу́ганы всенародным выражением симпа́тии и любви к великому поэту. Из-за боязни возмуще́ний гроб с телом Пушкина «по высочайшему повеле́нию» тайком увезли в Святого́рский монасты́рь (в Псковской губернии, неподалеку от села Михайловского). Там и похоронили поэта.

Прошло с тех пор больше ста лет. Всё изменилось в России. Великая Октябрьская социалистическая революция, руководимая великой партией Ленина—Сталина, окончательно разбила це́пи рабства, уничто́жила эксплоатацию человека человеком и освободила прежде угнетённые народы. Широкие массы трудящихся нашей многонациона́льной родины приобщены́ теперь к культу́ре [1]. Пушкин стал поэтом миллионов.

Пушкин в наши дни. В своей борьбе и творчестве Пушкин стоял на самых передовых, на самых прогрессивных позициях своего века. Друг декабристов, ру́пор и наиболее звонкое эхо декабристских идей, он был гением здоровым и оздоровляющим. Пушкин был сыном своего народа, жил жизнью народа, судьбы народа его постоянно волновали. Поэт показывал ужасное положение народа в крепостни́ческую эпоху и звал его на борьбу за лучшую, светлую жизнь. «Звонкая и далеко раздаю́щаяся песнь Пушкина, — писал А. И. Герцен, — одна звучала в доли́нах рабства и мучений; эта песнь продолжала прошлую эпоху, наполняя мужественными звуками настоящее, и посылала свой голос отдалённому будущему».

Это отдалённое будущее для Пушкина стало нашим настоящим. Великорусский народ, вместе с другими братскими народами нашей необъятной родины, под мудрым руководством

---

[1] Приобщены́ к культуре — стали культурными, культура вошла в их жизнь и быт.

партии Ленина—Сталина, окончательно разбил цепи рабства, уничтожил всякую эксплоатацию человека человеком и построил новое социалистическое общество. Счастливые народы нашей страны, гордые сознанием своей силы и мощи, гордые своими всемирно-исторического значения победами, не забывают и о своём прошлом.

— В этом прошлом они слышат гнéвный, обличи́тельный, полный освободительной силы голос великого Пушкина, бичу́ющий тиранию, деспотизм, эксплоатацию.

Свободолюби́вые песни гениального поэта, испо́лненные гумани́зма и глубокой любви к народу, были источником вдохнове́ния для многих поколе́ний, боро́вшихся за величие и славу нашей родины, за свободу и счастье населя́ющих её народов. Эти песни вдохновляют нас и теперь в борьбе с врагами нашей родины.

Незави́симость, честь родины, свобода и счастье её народов — вот что составляло смысл жизни и творчества великого народного поэта. В этом тайна проро́ческого звучания многих его стихов в наши дни.

Вот почему, обращаясь к Пушкину, мы говорим:

— Ты наш! Ты не только бро́нзовый свиде́тель наших дум, ты активный соучастник нашей нынешней героической борьбы за величие и славу нашей родины.

УЗНИК.

(1822)

Сижу за решёткой в темни́це сырой:
Вскормлённый в нево́ле орёл молодой,
Мой грустный товарищ, маха́я крылом,
Крова́вую пи́щу клюёт под окном . . .

Клюёт, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и кри́ком своим.
И вы́молвить хочет: «Давай, улети́м!

Мы вольные птицы; пора́, брат, пора!
Туда, где за тучей беле́ет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер . . .да я . .»

Примечание.

Стихотворение отражает пережива́ния Пушкина в 20-е годы, когда он не только чувствовал себя изгна́нником, но и действительно был на положении узника самодержавия. Вольнолюби́вые устремле́ния поэта подчёркиваются противопоста́вленными о́бразами темни́цы и воли.

Вопросы.

1. Почему орёл назван «грустным товарищем»?
2. Каковы думы и стремле́ния у́зника?
3. Куда зовёт орёл узника?

Задания.

I. Перепишите это стихотворение в тетрадь и подчеркни́те в нём худо́жественные определения (эпитеты), стоящие перед теми или ины́ми существительными. Обратите внимание на то, в какой мере эти эпи́теты украша́ют поэтическую речь, как они делают её более образной, яркой.

Скажите, какие слова дают образ темни́цы, нево́ли, в которой находится узник. (Что картиннее, красочнее: *в темнице моей* или *в темнице сырой?)*.

II. Найдите в стихотворении «Узник» слова, вызыва́ющие у нас образное представление свободы, которой может пользоваться орёл.

III. Приведите факты из биографии Пушкина, свиде́тельствующие, что сам поэт был на положении узника в царской России.

IV. Вы́учите стихотворение наизусть. Разучи́те песню на слова этого стихотворения.

К ЧААДАЕВУ.

(1818)

Любви, наде́жды, го́рдой сла́вы
Не долго те́шил нас обман:
Исчезли юные заба́вы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит ещё жела́нье,
Под гнётом власти рокова́й
Нетерпели́вою душой
Отчи́зны вне́млем призыва́нье[1].
Мы ждём с томле́ньем упова́нья[2]
Минуты во́льности святой,

---

[1] Отчи́зна — родина; вне́млем — слышим; отчизны внемлем призыва́нье — слышим призыв родины.

[2] Упова́нье — надежда.

Как ждёт любовник молодой
Минуту верного свида́нья.
Пока свобо́дою горим,
Пока сердца́ для чести живы,
Мой друг, отчи́зне посвяти́м
Души прекрасные поры́вы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда плени́тельного сча́стья [1],
Россия вспря́нет ото сна [2],
И на обломках самовла́стья [3]
Напишут наши имена!

Примечание.

Стихотворение обращено́ к писа́телю-философу Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794—1856), с которым поэт сбли́зился незадо́лго до окончания лицея. В мо́лодости П. Я. Чаадаев служил в гвардии, выделялся в кругу офицеров передовыми политическими взглядами. Позднее, в 1836 году, он написал «Философическое письмо», в котором дал резкую характеристику никола́евской России; за это письмо был объявлен сумасше́дшим. На Пушкина Чаадаев оказал серьёзное влияние, возбуди́в в нём интерес к общественным вопросам и передовым политическим идеям. Слова:

Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда плени́тельного счастья...

были выграви́рованы (отпеча́таны) на тайном значке, который носили в Сибири ссыльные декабристы.

Революционное по своему содержа́нию стихотворение «К Чаадаеву» прони́кнуто духом решительного протеста против самодержавия.

Вопросы.

1. Как нужно понимать первые строки стихотворения? Что называет поэт ю н ы м и з а б а́ в а м и?

2. Какие желания и стремления горят в душе поэта?

3. Что нужно понимать под словами *«Товарищ, верь: взойдёт она, звезда пленительного счастья...»?*

Задания.

I. Выучите наизусть это стихотворение.

II. Придумайте слова-сино́нимы к следующим словам: *гордый, юный, рокова́й, плени́тельный, слава, отчизна, порыв, вспря́нет, исче́знет, горит.*

---

[1] З в е з д а п л е н и́ т е л ь н о г о с ч а́ с т ь я (образное выражение) — здесь: свобода.

[2] В с п р я́ н е т о т о с н а (*вспрянет* — устаревшее слово) — проснётся.

[3] С а м о в л а́ с т ь е — самодержавие.

В СИБИРЬ.
(1827)

Во глубине сиби́рских руд
Храни́те го́рдое терпе́нье,
Не пропадёт ваш ско́рбный [1] труд
И дум высокое стремле́нье.

Несча́стью ве́рная сестра,
Надежда в мра́чном подземе́лье
Разбу́дит бо́дрость и веселье.
Придёт жела́нная пора́:

Любовь и дру́жество до вас
Дойдут сквозь мра́чные затво́ры,
Как в ваши ка́торжные но́ры
Доходит мой свободный глас [2].

Око́вы [3] тяжкие паду́т.
Темни́цы ру́хнут [4] — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдаду́т.

Примечание.

14 декабря 1825 года в Петербурге произошло восстание молодых дворян-революционеров против царя и царского строя. Восстание было жесто́ко пода́влено. Участники его — декабристы — поплати́лись ка́торгой, ссылкой, тюрьмой, а пять руководителей восста́ния были пове́шены.

Пушкин не входил в организацию декабристов, но целиком разделя́л их революционные взгляды, со многими из них дружил И когда в начале 1827 года жена декабриста Муравьёва поехала к своему мужу в сибирскую каторгу, Пушкин послал своим друзьям-декабристам это стихотворение.

Вопросы.

1. Каково отношение Пушкина к декабристам? С какими советами обращается к ним поэт?
2. Какими словами-образами вскрывает Пушкин тяжесть усло́вий труда в рудниках?
3. О какой «желанной поре» мечтал поэт?

---

[1] Ско́рбный — печальный; скорбь — глубокая грусть, печаль.
[2] Глас (устаревшее слово) — голос.
[3] Око́вы — цепи.
[4] Ру́хнут — упадут.

4. Какими эпи́тетами определи́л Пушкин состояние ссыльных декабристов?

Подземелье — мрачное.
Затво́ры — ... (какие?).
Око́вы — ... (какие?).
Терпенье — ... (какое?).
Труд — ... (какой?).
Стремле́ние — ... (какое?).

ОТВЕТ ПУШКИНУ [1].

Струн ве́щих [2] пла́менные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь око́вы обрели́ [3].

Но будь спокоен, бард [4], цепя́ми,
Судьбой своей горди́мся мы
И за затво́рами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.

Наш ско́рбный труд не пропадёт:
Из искры возгори́тся пламя, —
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Мечи́ скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею гря́нем [5] на царей —
И с ра́достью вздохну́т народы.

Примечание.

В декабре 1900 года за границей вышел первый номер газеты «Искра». Под заголо́вком газеты, было изречение (эпиграф): «Из и́скры возгори́тся

---

[1] Предполагают, что этот ответ был написан декабристом А. И. Одо́евским.

[2] В е́ щ и й — тот, который предсказывает будущее, мудрый; выражение *вещие стру́ны* здесь нужно понимать иносказа́тельно, как мудрые слова поэта, которые предсказывают будущее.

[3] О к о́ в ы о б р е л и́ — нашли цепи (то-есть попали на каторгу).

[4] Б а р д — название старинных шотландских певцов, здесь: поэт.

[5] Г р я́ н у т ь — разразиться неожиданно и с силой; здесь: напасть на царей, чтобы низвергнуть их.

пламя». Эти слова взяты из ответа декабристов поэту Пушкину, который послал им приветствие в сибирскую ссылку.

И действительно, из зажжённой Лениным «Искры» разгорелось впослéдствии пламя великого революционного пожáра, которое сожгло дотлá дворянско-помещичью царскую монархию и буржуазную власть.

(«История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», 1938 г. стр. 25.)

Вопросы.

1. Каким настроением проникнут ответ декабристов Пушкину?
2. О чём мечтают декабристы, закóванные в кандалы и брóшенные в «каторжные норы»?

Задания.

I. Объясните значение следующих строк из ответа декабристов:

1. К мечам рванýлись наши руки, но лишь окóвы обрели́.

2. Наш скóрбный труд не пропадёт: из искры возгори́тся пламя.

3. Мечи скуём мы из цепей и вновь зажжём огонь свободы.

II. Выпишите эпитеты с определяемыми словами из стихотворений: «К Чаадаеву», «В Сибирь» и «Ответ Пушкину». Каково смысловóе значение эпитетов в этих стихотворениях?

III. Выучите стихотворение наизусть.

К МОРЮ.

(1824)

Прощай, свободная стихи́я!
В последний раз передо мной
Ты ка́тишь волны голубые
И бле́щешь го́рдою красой.

Как друга ропот зауны́вный,
Как зов его в проща́льный час.
Твой грустный шум, твой шум призы́вный
Услышал я в последний раз.

Моей души преде́л жела́нный!
Как часто по брега́м[1] твоим
Броди́л я, тихий и туманный,
Заве́тным у́мыслом[2] томи́м!

---

[1] По брега́м — по берегам; брег — берег.

[2] Умысел — замысел, заду́манное намерение.

Как я любил твои отзы́вы,
Глухие звуки, бе́здны глас,
И тишину в вечерний час.
И своенра́вные порывы!

Смире́нный парус рыбаре́й,
Твоею при́хотью храни́мый,
Скользит отва́жно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодоли́мый;
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восто́ргами поздра́вить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побе́г.

Ты ждал, ты звал... я был око́ван;
Вотще́ [1] рвалась душа моя:
Могучей стра́стью очарован,
У берегов остался я.

О чём жалеть? Куда бы ны́не
Я путь беспе́чный устремил?
Один предмет в твоей пусты́не
Мою бы ду́шу поразил.

Одна скала, гробни́ца славы [2]...
Там погружа́лись в хла́дный сон
Воспомина́нья велича́вы:
Там угасал Наполеон.

Там он почи́л среди мучений,
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой власти́тель наших дум [3].

---

[1] Вотще́ — напрасно.

[2] Гробни́ца славы — остров Св. Елены, где умер и был похоро́нен Наполеон.

[3] Другой власти́тель наших дум — Байрон (он стал на сторону восста́вших греков и снарядил военный корабль, на котором отплыл в Грецию, где вскоре простудился и умер в апреле 1824 года).

Исчез, опла́канный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непого́дой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём озна́чен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мра́чен,
Как ты, ничем неукроти́м.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсю́ду та же:
Где бла́го, там уже на стра́же
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торже́ственной краса́,
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вече́рние часы.

В леса, в пустыни молчали́вы
Перенесу́, тобою полн,
Твои скалы́, твои зали́вы,
И блеск, и тень, и говор волн.

Примечание.

Стихотворение связано с обстоя́тельствами новой ссылки Пушкина на се́вер в 1824 году, в имение матери — село Михайловское и представляет собою поэтическое и глубоко тро́гательное прощание поэта с морем.

В период пребыва́ния в Одессе вследствие частых ссор с графом М. С. Воронцовым, своим непосре́дственным начальником, Пушкин неоднократно обду́мывает свой «поэтический побег» морем, чтобы изба́виться от оков самодержавия. Об этом говори́тся в 3, 6 и 7 строфах стихотворения. Описание моря связано с характери́стикой Наполеона и Байрона, «этих власти́телей дум» того времени, судьба которых живо волновала поэта.

«Посвещение», о котором говорит поэт в 13 строфе, понимается в отрицательном смысле, как ложная культура господствующих классов, лишающая человека свободы.

Задания.

I. Описывая море. Пушкин пользуется слухови́ми впечатле́ниями. Вот подбор некоторых слуховых впечатлений, которыми пользуется поэт: *ропот заунывный, грустный шум, глухие звуки, говор волн.* Найдите свои слова, которыми можно сказать о звуках моря в тихую погоду и в бурю.

II. Описывая море, Пушкин пользуется и зри́тельными впечатлениями. Найдите в стихотворении слова и выражения, которыми переданы эти зрительные впечатления. Какие впечатления рождает у нас вид моря? Передайте эти впечатления своими словами.

ДЕРЕВНЯ.

(1819)

Приветствую тебя, пусты́нный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохнове́нья,
Где льётся дней моих неви́димый пото́к
На ло́не счастья и забве́нья! [1]
Я твой: я променя́л порочный двор цирце́й,
Роско́шные пиры, забавы, заблужде́нья,
На мирный шум дубра́в [2], на тишину полей,
На пра́здность вольную, подругу размышле́нья
Я твой: люблю сей тёмный сад
С его прохла́дой и цветами,
Сей луг, уста́вленный душистыми скирда́ми,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подви́жные картины:
Здесь вижу двух озёр лазу́рные равни́ны,
Где па́рус рыбаря́ белеет иногда,
За ними ряд холмо́в и ни́вы полоса́ты,
Вдали рассы́панные хаты,
На вла́жных берегах броня́щие стада́,
Ови́ны дымные и мельницы крыла́ты;
Везде следы дово́льства и труда.
Я здесь, от су́етных оков освобождённый,
Учуся в и́стине блаже́нство находить,
Свободною душой закон боготвори́ть,
Ропта́нью не внима́ть толпы непросвещённой,
Уча́стьем отвечать засте́нчивой мольбе́
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца́ в вели́чии непра́вом.
Ора́кулы [3] веков, здесь вопроша́ю вас!
В уедине́нье велича́вом

---

[1] На ло́не счастья и забве́нья — здесь: среди красивой, спокойной природы.

[2] Дубра́ва — ли́ственный лес.

[3] Ора́кул — у древних греков и римлян жрец, дава́вший предсказа́ние божественной воли.

Слышнее ваш отра́дный глас;
Он гонит ле́ни сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душе́вной зреют глубине.
Но мысль ужа́сная здесь душу омрача́ет:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде неве́жества губи́тельный позор.
Не видя слёз, не вне́мля стона,
На па́губу людей избра́нное судьбой,
Здесь ба́рство дикое, без чувства, без закона,
Присво́ило себе наси́льственной ло́зой
И труд, и со́бственность, и время земледе́льца.
Склонясь на чуждый плуг, поко́рствуя бича́м [1],
Здесь рабство то́щее влачи́тся по браздам
Неумоли́мого владе́льца.
Здесь тя́гостный ярём [2] до гроба все влеку́т [3],
Надежд и скло́нностей в душе питать не сме́я,
Здесь де́вы юные цветут
Для при́хоти развра́тного злоде́я;
Опо́ра милая старе́ющих отцов,
Млады́е сыновья, товарищи трудов,
Из хи́жины родной идут собой умно́жить
Дворо́вые толпы изму́ченных рабов.
О, если б голос мой умел сердца трево́жить!
Почто́ [4] в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел вити́йства [5] грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетённый
И рабство, па́дшее по ма́нию царя [6],
И над оте́чеством свобо́ды просвещённой
Взойдёт ли, наконец, прекрасная заря?

---

[1] Бич — кнут, плеть.
[2] Ярём (ярмо) — иго, тяжесть.
[3] Влекут — несут.
[4] Почто́ — зачем, почему.
[5] Вити́йство — красноре́чие, искусство проповедовать.
[6] По ма́нию — по повеле́нию. (В одном из современных списков этого стихотворения эти две стро́чки звучат так:

Увижу ль я, друзья, народ неугнетённый
И рабство па́дшее, и падшего царя?)

Примечание.

По содержанию стихотворение де́лится на две части: в первой части в ярких поэтических образах раскрывается картина мирной деревенской жизни, во второй — на фо́не «цветущих нив и гор» рисуется «ба́рство дикое», наси́льственно присво́ившее себе «и труд, и собственность, и время земледе́льца». Мысль об освобожде́нии крестьян «по ма́нию царя» была широко распространена́ среди членов тайных обществ. В кругах этих обществ стихотворение было испо́льзовано для агитацио́нных целей.

Вопросы.

1. На какие две части делится это стихотворение по своему содержанию?
2. О чём, по преиму́ществу, говорится в первой и во второй частях стихотворения?
3. Как изображает поэт крепостное право? Как относится он к «барству дикому»?

Задания.

I. Усвоив содержание стихотворения, перепишите предлага́емый ниже текст, восстановив по смыслу и по памяти пропу́щенные эпи́теты.

Не видя слёз, не вне́мля стона,
На па́губу люде́й избра́нное судьбой,
Здесь барство..., без чувства, без закона,
Присвоило себе... лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на... плуг, поко́рствуя бичам,
Здесь рабство... влачится по браздам... владельца.

II. Найдите в стихотворении устаре́вшие и теперь ре́дко употребля́ющиеся слова.

И. И. ПУЩИНУ.

(1826)

Мой первый друг, мой друг бесце́нный,
И я судьбу благослови́л,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласи́л [1].

[1] Колокольчик огласи́л двор — колокольчик зазвенел.

Молю святое провиде́нье,
Да голос мой душе твоей
Дару́ет[1] то же утеше́нье!
Да озари́т[2] он заточе́нье[3]
Лучом лицейских ясных дней!

Примечание.

И. И. Пущин получил это послание в сибирской ссылке. В своих воспомина́ниях он рассказывал: «В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьёва (жена Никиты Муравьёва) и отдаёт листок бумаги, на котором неизве́стной рукой написано было: «Мой первый друг, мой друг бесценный . . .» и прочее. Отра́дно отозва́лся во мне голос Пушкина. Преиспо́лненный глубокой, живи́тельной благода́рности, я не мог обня́ть его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгна́нии. Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга. Стихотворение было написано Пушкиным в Пскове».

АРИОН.

(1827)

Нас было много на челне[4];
Иные па́рус напряга́ли,
Другие дружно упира́ли
В глубь мо́щны вёслы. В тишине
На руль склонясь, наш ко́рмщик[5] умный
В молча́ньи правил гру́зный[6] чёлн;
А я — беспе́чной веры полн —
Пловцам я пел . . . Вдруг ло́но волн
Измял с налёту ви́хорь[7] шумный . . .
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таи́нственный певец,

---

[1] Дару́ет (устаревшее слово) — дарит, даёт.
[2] Озари́т — осветит, зальёт светом.
[3] Заточе́нье — пребывание в тюрьме, в ссылке.
[4] Чёлн — лодка.
[5] Ко́рмщик — ко́рмчий, рулевой. Под словами *«наш кормщик умный . . .»* разумеется, вероятно, К. Ф. Рылеев.
[6] Гру́зный — тяжёлый.
[7] Ви́хорь — вихрь, сильный ветер.

На берег вы́брошен грозо́ю,
Я ги́мны пре́жние[1] пою
И ри́зу[2] влажную мою
Сушу́ на солнце под скало́ю.

Примечание.

А р и о́ н — древнегреческий поэт и музыкант, о котором ходило сказа́ние, что он, спаса́ясь от грабителей-корабельщиков, бро́сился в море, но был спасён дельфи́ном, привлечённым его чуде́сным пением и доста́вившим его на сушу. Пушкин воспо́льзовался этим сказа́нием, чтобы изобрази́ть свои отношения к декабристам и их, как и свою, судьбу. Поэт писал в третьем лице:

Их было много на челне...
А он, беспечной веры полн,
Пловцам он пел...

В оконча́тельной редакции Пушкин поставил *нас, наш, я.* В письме к князю Вяземскому, взволно́ванный собы́тиями, он писал: «Пове́шенные повешены; но ка́торга 120 друзей, братьев, товарищей, ужа́сна...» (август 1826 г.). В рукописях Пушкина, после черновых строк пятой главы «Евгения Онегина», им зарисо́ваны вал и ворота (крепость), на валу ви́селица, а на ней пять пове́шенных декабристов и подпись: «И я мог бы как тут...» А в шестой главе «Евгения Онегина» (окончена в августе 1826 года), размышля́я об участи, ожида́вшей убитого поэта Ленского, если бы он остался в живых после дуэ́ли с Онегиным, Пушкин писал в черновом варианте, что юный поэт мог оказаться в ссылке или быть повешен, как Рылеев.

АНЧАР

В пустыне ча́хлой[3] и скупой
На почве, зно́ем[4] раскалённой,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселе́нной.

Природа жа́ждущих степей
Его в день гне́ва породи́ла
И зелень мёртвую ветвей,
И корни я́дом напои́ла.

Яд ка́плет сквозь его кору́,
К полу́дню растопя́сь от зно́ю,
И застывает ввечеру́
Густой прозра́чною смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт, лишь ви́хорь чёрный
На дре́во смерти набежит —
И мчи́тся прочь уже тлетво́рный[5].

---

[1] Г и м н — хвале́бная, торжественная песнь.
[2] Р и́ з у — здесь: одежду.
[3] Ч а́ х л ы й — безжи́зненный.
[4] З н о́ й — сильная жара.
[5] Т л е т в о́ р н ы й — несущий тле́ние, разрушение, смерть.

И если туча оросúт,
Блуждая, лист его дремýчий,
С его ветвей уж ядовúт
Стекáет дождь в песок горючий.

Принёс он смертную смолý
Да ветвь с увя́дшими листами,
И пот по бледному челý [2]
Струился хла́дными ручьями;

Но человека человек
Послал к Анча́ру вла́стным взгля́дом:
И тот послушно в путь потёк [1],
И к утру возвратился с ядом.

Принёс — и ослабел и лёг
Под сво́дом шалаша́, на лы́ки,
И умер бедный раб у ног
Непобеди́мого влады́ки.

А князь тем ядом напитал
Свои послу́шливые стре́лы
И с ними ги́бель разослал
К сосе́дям в чуждые преде́лы [3].

Примечание.

Анчар — древови́дное растение, растущее в Ост-Индии и на островах Малайского архипела́га; тузе́мцы считали его ядови́тым. Характеристика анчара сделана Пушкиным на основе описания этого дерева различными путешественниками.

Стихотворение имеет и иносказа́тельный политический смысл: оно обличает самодержавие и власть человека над человеком.

По поводу этого стихотворения поэт должен был дать объясне́ния шефу жандармов генералу Бенкендо́рфу.

По внешнему построению стихотворение разби́то на строфы. Строфой называется определённое соединение нескольких стихо́в (отдельных строк стихотворения) в одно целое. Здесь в каждой строфе́ по четыре стиха (стихотворных строки).

Вопросы и упражнения.

1. Выделите строфу, где ясно выражена идея (основная мысль) стихотворения. Дайте своё выражение главной мысли пушкинского «Анчара».
2. Разбери́тесь в постро́ении всего стихотворения: из каких основны́х о́бразов оно состоит, как они связаны между собою?
3. Где, в какой строфе Пушкин кончает описание самого Анчара и переходит к характери́стике отношений между властели́ном и рабом?
4. Раскройте иносказа́тельный смысл стихотворения. Каково отношение поэта к царю, который послал к Анчару своего раба?

---

[1] Потёк — здесь: пошёл, напра́вился.
[2] Челó — лоб.
[3] Чуждые преде́лы — чуждые страны.

5. Соберите в стихотворении все поэтические черты, рисующие оскуде́ние жизни, гибель, смерть как результат воздействия Анчара.

Отметьте гипе́рболы (художественные преувеличения для усиления впечатле́ния) и объясните их смысл.

6. В каком значении употреблён эпитет «смертный»?

БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ...

(1829)

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолю́дный храм,
Сижу ль меж ю́ношей безумных,
Я предаю́сь моим мечтам.

Я говорю: промчатся го́ды,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под ве́чны сво́ды[1] —
И чей-нибудь уж близо́к час.

Гляжу ль на дуб уединённый,
Я мыслю: патриа́рх[2] лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласка́ю
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годи́ну[3]
Привык я думой провожда́ть,
Гряду́щей[4] смерти годовщину
Меж их стараясь угада́ть.

И где мне смерть пошлёт судьби́на?
В бою ли, в стра́нствии, в волнах?

---

[1] Сойдём под вечны сво́ды — умрём.

[2] Патриа́рх — родоначальник, старший в роде; патриарх лесов — здесь: дуб.

[3] Годи́на — год.

[4] Гряду́щий — будущий.

Или соседняя долина
Мой примет охладе́лый прах?

И хоть бесчу́вственному телу
Равно́[1] повсюду истлева́ть,
Но ближе к милому преде́лу
Мне всё б хотелось почива́ть[2].

И пусть у гробово́го вхо́да
Млада́я будет жизнь играть
И равноду́шная природа
Красою вечною сиять.

КАВКАЗ.

(1829)

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снега́ми у края стремни́ны[3];
Орёл, с отдалённой поднявшись верши́ны,
Пари́т[4] неподвижно со мной наравне́.
Отсе́ле[5] я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движе́нье.
Здесь тучи смире́нно идут подо мной;
Сквозь них, низверга́ясь[6], шумят водопа́ды;
Под ними утёсов нагие грома́ды;
Там, ниже, мох тощий, кустарник сухой;
А там уже ро́щи, зелёные сени,
Где птицы щебе́чут, где ска́чут олени.
А там уж и люди гнездятся[7] в горах
И по́лзают овцы по зла́чным стремни́нам[8],
И пастырь нисходит к весёлым доли́нам,
Где мчится Ара́гва в тени́стых брегах,

[1] Равно́ — всё равно, одинаково.
[2] Почива́ть — здесь: вечно спать.
[3] У края стремни́ны — здесь: у края обрыва.
[4] Пари́т — пла́вно летит.
[5] Отсе́ле — отсюда, с этого места.
[6] Низверга́ясь — устремляясь вниз.
[7] Гнезди́тся — ютя́тся.
[8] Зла́чные стремни́ны — стремнины, поросшие зла́ками, травой, всем тем, чем можно питаться.

И нищий наездник таится в ущéлье,
Где Терек играет в свирéпом весéлье;
Играет и воет, как зверь молодой,
Завúдевший пищу из клетки железной,
И бьётся о берег в вражде бесполéзной,
И лúжет[1] утёсы голодной волной...
Вотщé[2]! Нет ни пищи ему, ни отрáды:
Теснят его грозно немы́е громáды[3].

Примечание.

Стихотворение было написано Пушкиным под впечатлéнием поéздки на Кавказ в 1829 году. Суровое величие природы Кавказа поразúло поэта. В стихотворéнии верно изображён горный мир, в чáстности переход от пусты́нных вершин, вечно покрытых снегами, «к злáчным стремнúнам».

Вопросы.

1. Какие картины природы Кавказа открываются перед взóром поэта? В какой послéдовательности он развёртывает их перед нами?
2. Сколько ступеней можно выделить в изображении картины кавказской природы? Каковы характéрные признаки каждой ступени?
3. Как поэт рисует Терек? Какой смысл имеет сравнение Терека с зверем в железной клетке?
4. Какое чувство испытывает поэт, с высоты взирáя на раскрывáющуюся у его ног картину Кавказа?
5. Какими поэту кажутся тучи? Как это выражено? Какими ему представляются долины? Соберúте все эпúтеты (художественные определения) и объясните их поэтический смысл.

Упражнения.

1. Отметьте все слова и обороты речи, которыми поэт выразил своё чувство восхищéния суровым величием кавказской природы.
2. Какой характер придают речи поэта старúнные слова (архаúзмы) такого типа, как *парúт, отсéле* и др.? Соответствует ли настроению поэта общий тон, которым проникнýто стихотворение?
3. Выучите стихотворение наизусть.

* * *

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угáсла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печáлить вас ничем.

---

[1] Лúжет — здесь: смывает.
[2] Вотщé — напрасно.
[3] Немы́е громáды — суровые горы Кавказа.

Я вас любил безмо́лвно, безнаде́жно,
То ро́бостью, то ре́вностью томи́м;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог люби́мой быть другим.

Примечание.

Это стихотворение, как предполагают, относится к Анне Алексеевне Оле́ниной. Согре́тое по́длинным чувством, прони́кнутое глубокой не́жностью и и́скренностью, простотой и безыску́сственностью изобрази́тельных средств, стихотворение особенно интересно тем, что раскрывает досто́йное и благоро́дное отношение поэта к любви. Последняя заключи́тельная строка стихотворения раскрывает характерное для Пушкина отношение к окружающим: поэт умел ра́доваться не только своими ра́достями, но и радостями других.

ЭХО [1].

(1831)

Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли де́ва за холмом, —
На всякий звук
Свой о́тклик в воздухе пустом
Роди́шь ты вдруг.

Ты вне́млешь [2] гро́хоту громо́в,
И гла́су [3] бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлёшь ответ;
Тебе ж нет о́тзыва... Таков
И ты, поэт!

ПАМЯТНИК.

(1836)

Exegi monumentum [4]

Я памятник себе воздви́г [5] нерукотво́рный,
К нему не зарастёт народная тропа́,
Вознёсся выше он главою непоко́рной
Александрийского столпа́ [6].

---

[1] Э х о — отклик, отголосок.

[2] В н е́ м л е ш ь — слышишь.

[3] Г л а́ с — голос.

[4] Exegi monumentum — памятник я воздвиг (с латинского). Эпи́граф этот взят из оды римского поэта Гора́ция.

[5] В о з д в и́ г — соорудил, построил, создал.

[6] А л е к с а н д р и й с к и й с т о л п — грани́тная коло́нна на Дворцовой площади в Петербурге, сооружённая в память Александра I.

Нет, весь я не умру — душа в заве́тной ли́ре[1]
Мой прах[2] переживёт и тле́нья[3] убежи́т —
И сла́вен буду я, доко́ль[4] в подлу́нном мире
Жив будет хоть один пиит[5].

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк су́щий[6] в ней язык[7],
И гордый внук славян, и финн, и ныне ди́кой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я ли́рой пробужда́л,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к па́дшим призывал.

Веле́нью бо́жию, о Му́за, будь послу́шна,
Оби́ды не страша́сь, не требуя венца,
Хвалу́ и клевету́ приемля[8] равнодушно,
И не оспоривай глупца́.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН.

(Роман в стихах.)

Глава первая.

И жить торо́пится, и чувствовать спеши́т...
П. Вяземский.

I.

«Мой дядя самых че́стных
пра́вил,
Когда не в шутку занемо́г[9],
Он уважать себя заставил,
И лучше вы́думать не мог;
Его пример другим наука;
Но боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и
ночь,

---

[1] Заве́тная ли́ра — здесь: дорогая, близкая сердцу поэзия.
[2] Мой прах — меня, мои бренные оста́нки, мой труп.
[3] Тле́нье — медленное разрушение.
[4] Доко́ль — до тех пор, пока.
[5] Пиит (устаревшее слово) — поэт.
[6] Су́щий — существу́ющий.
[7] Язык — здесь: народ.
[8] Приемля — принимая.
[9] Не в шутку занемо́г — сильно захворал, заболел.

Не отходя́ ни шагу прочь!
Какое низкое кова́рство [1]
Полужи́во́го забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить
лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чорт возьмёт тебя!»

II.

Так думал молодой пове́са,
Летя в пыли на почтовы́х,
Всевы́шней волею Зеве́са [2]
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана [3]!
С героем моего романа
Без предисло́вий сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брега́х Невы́ [4],
Где, может быть, родились вы,
Или блиста́ли, мой читатель!
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня [5].

III.

Служив отлично-благоро́дно,
Долга́ми жил его отец [6],
Давал три ба́ла ежегодно,
И промота́лся наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва Madáme [7] за ним
ходила,
Потом Monsieur [8] её сменил,
Ребёнок был резо́в, но мил.
Monsieur l'Abbé [9], француз
убо́гий,
Чтоб не изму́чилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докуча́л мора́лью [10]
строгой,
Слегка за ша́лости брани́л,
И в Летний сад гулять водил.

IV.

Когда же ю́ности мяте́жной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти
нежной,

---

[1] Кова́рство — зло́бная хитрость.

[2] Зеве́с (Зевс) — верховный бог древнегреческой религии.

[3] Друзья Людми́лы и Русла́на — здесь: друзья-читатели Пушкина, которые узнали и полюбили его после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (в 1820 году).

[4] На брега́х Невы́ — то есть в городе Петербурге, теперь Ленинграде, который построен на берегу Невы.

[5] Вре́ден се́вер для меня́ — здесь поэт намекает на свою ссылку (правительство выслало Пушкина с севера, из Петербурга, на юг).

[6] Долга́ми жил его отец — брал взаймы и на это жил его отец.

[7] Madame — мадам (французское слово), здесь: воспита́тельница-француженка.

[8] Monsieur — мосьё (французское слово), здесь: воспитатель, учитель-француз.

[9] Monsieur l'Abbé — мосьё Аббе (по-французски), что значит господин аббат, то-есть духовное лицо, священник.

[10] Не докуча́л мора́лью — не надоедал наставле́ниями, советами как себя вести; мора́ль — нравоуче́ние, правила поведения.

Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Остри́жен по последней моде;
Как dandy[1] лондонский одет;
И наконец увидел свет.
Он по-францу́зски совершенно
Мог изъясня́ться[2] и писал;
Легко мазу́рку[3] танцовал,
И кла́нялся непринуждённо:
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умён и очень мил.

V.

Мы все учились понемно́гу,
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспита́ньем слава бо́гу,
У нас немудрено́ блеснуть.
Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Учёный малый, но педа́нт[4].
Имел он сча́стливый талант
Без принужде́нья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С учёным видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнём нежда́нных эпигра́мм.

VI.

Латы́нь из мо́ды вышла ны́не:
Так, если правду вам сказать,
Он знал дово́льно по-латыни,
Чтоб эпигра́фы[5] разбирать,
Потолковать об Ювена́ле[6],
В конце письма поставить вале[7],
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энейды[8] два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологи́ческой[9] пыли
Бытописа́ния земли;
Но дней минувших анекдо́ты[10]
От Ро́мула[11] до наших дней,
Хранил он в памяти своей.

VII.

Высокой стра́сти не имея
Для звуков жизни не щади́ть,

---

[1] Dandy — дэнди (английское слово) — франт, щёголь.
[2] Изъясня́ться — объясняться, говорить.
[3] Мазу́рка — танец.
[4] Педа́нт — человек, который следует раз принятым формам и обращает слишком много внимания на ме́лочи; сухой, ограниченный человек.
[5] Эпи́граф — фраза, помещённая в заголо́вке всего сочинения, являющаяся как бы авторским указа́нием, намека́ющим характер темы и её развитие.
[6] Ювена́л — сатирик импера́торского Рима, живший в I веке нашего летосчисле́ния.
[7] Vale — будь здоров, прощай (по-латыни).
[8] Эне́ида — литературное произведение, написанное римским поэтом Вирги́лием (I век до нашего летосчисле́ния) в подражание «Илиаде» Гомера.
[9] Хроноло́гия — пе́речень каких-либо событий в порядке их последовательности во времени.
[10] Анекдо́т — короткий шу́точный рассказ о смешно́м.
[11] Ро́мул — легендарный основатель и первый царь Рима.

Не мог он я́мба от хоре́я,
Как мы ни бились, отличить.
Бранил Гоме́ра, Феокри́та;
Зато читал Ада́ма Сми́та [1],
И был глубокий эконо́м,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в зало́г [2].

VIII.

Всего, что знал ещё Евгений,
Пересказать мне недосу́г;
Но в чём он и́стинный был гений [3],
Что знал он твёрже всех наук,
Что было для него измла́да
И труд, и мука, и отра́да,
Что занимало целый день
Его тоску́ющую лень, —
Была наука стра́сти не́жной,
Которую воспел Назо́н [4],
За что страда́льцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молда́вии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

X.

Как рано мог он лицеме́рить [5]
Таить наде́жду, ревнова́ть,
Разуверя́ть, заставить верить,
Казаться мра́чным, изныва́ть,
Являться го́рдым и послу́шным,
Внима́тельным, иль равноду́шным!
Как то́мно был он молчали́в,
Как пла́менно красноречив,
В сердечных письмах как небре́жен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдли́в и де́рзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI.

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиле́нья,

---

[1] Гоме́р — знаменитый, древнегре́ческий поэт; ему припи́сывают две поэмы: «Илиа́ду» и «Одиссе́ю». Феокри́т — греческий писатель (жил в III веке до нашего летосчисле́ния). Адам Смит (1729—1790) — знаменитый английский экономи́ст и филосо́ф.

[2] Зе́мли отдавал в залог — закла́дывал землю.

[3] Гений — человек, обладающий высшей степенью одарённости.

[4] Назо́н — Ови́дий Назон, знаменитый древнери́мский поэт, отличавшийся бога́тством фантазии и поэтическим мастерство́м. Последнее время жизни провёл в изгна́нии на берегу Чёрного моря.

[5] Лицеме́рить — поступать, как лицемер: лицемер — человек двули́чный, притворяющийся добродетельным, добрым, чистосерде́чным, хотя на самом деле он таким и не является.

Невинных лет предубежде́нья
Умом и страстью побеждать,
Нево́льной ла́ски ожидать,
Молить и требовать
призна́нья,
Подслу́шать се́рдца первый
звук,
Преследовать любовь — и
вдруг
Добиться тайного свида́нья,
И после ей наедине́
Давать уроки в тишине!

XV.

Быва́ло, он ещё в посте́ле:
К нему запи́сочки несут.
Что? Приглаше́нья? В самом
деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский
праздник.
Куда ж поскачет мой
прока́зник?
С кого начнёт он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено́.
Покамест, в у́треннем убо́ре.
Надев широкий боливар[1],
Онегин едет на бульва́р,
И там гуляет на просторе,
Пока недре́млющий Бреге́т[2]
Не прозвони́т ему обед.

XVI.

Уж тёмно: в са́нки он
садится.
«Поди́, поди́!» — раздался
крик;
Морозной пы́лью
серебри́тся
Его бобро́вый воротник.
К Talon[3] помчался: он
уве́рен,
Что там уж ждёт его
(Кавери́н).
Вошёл: и про́бка в потоло́к,
Вина коме́ты[4] бры́знул ток,
Пред ним Roast-beef![5]
окровавле́нный,
И трюфли, ро́скошь юных
лет,
Французской кухни лучший
цвет,
И Стра́сбурга пирог[6]
нетле́нный
Меж сыром ли́мбургским
живым
И ананасом золотым.

---

[1] Боливар — шляпа с широкими поля́ми.

[2] Бреге́т — часы (названы по имени часового мастера Брегета).

[3] Талон — известный ресторатор, владелец (хозяин) ресторана; здесь: название известного ресторана.

[4] Вино коме́ты — вино времени появления кометы в 1811 году, имеющее этике́тку с изображением коме́ты. По народному пове́рью, хорошее качество виноградного вина урожая 1811 года припи́сывалось влиянию этой кометы.

[5] Ро́стбиф (английское слово) — ку́шанье (мясо, изжа́ренное особым способом).

[6] Стра́сбургский пирог — паште́т; в Страсбурге особым образом приготовлялась печёнка и рассылалась в жестя́нках в разные страны.

XVII.

Ещё бока́лов жа́жда просит
Зали́ть горячий жир котлет:
Но звон Брегета им доно́сит,
Что новый начался балет.
Театра злой законода́тель,
Непостоя́нный обожа́тель
Очарова́тельных актрис,
Почётный гражданин кули́с[1],
Онегин полетел к театру,
Где каждый, во́льностью
дыша́,
Готов охло́пать Entrechat[2],
Обши́кать Федру, Клеопатру,
Мои́ну[3] вызвать для того,
Чтоб только слышали его.

XX.

Театр уж по́лон; ло́жи[4]
бле́щут,
Партер[5] и кресла, всё кипит,
В райке́[6] нетерпели́во пле́щут
И, взви́вшись, занавес шумит
Блиста́тельна,
полувозду́шна,
Смычку́ волше́бному
послушна,
Толпою нимф[7] окружена́,
Стоит Исто́мина[8]; она,
Одной ногой касаясь по́ла,
Другою ме́дленно кружи́т,
И вдруг прыжок, и вдруг
летит,
Летит, как пух от уст Э́ола[9];
То стан совьёт, то разовьёт,
И быстрой ножкой ножку
бьёт.

XXI.

Всё хло́пает. Онегин входит:
Идёт меж кресел по ногам,
Двойной лорне́т[10], скосясь,
наво́дит
На ложи незнакомых дам;
Все я́русы окинул взором,
Всё видел: ли́цами, убо́ром
Ужасно недово́лен он;
С му́жчинами со всех сторон
Раскла́нялся, потом на сцену
В большом рассе́яньи
взглянул,

---

[1] Почётный гражданин кули́с — постоянно бывавший за кули́сами театра.

[2] Антраша́ — (французское слово) — ловкий прыжок вверх, во время которого танцор успевает скрестить ноги.

[3] Фе́дра — дочь критского царя; о ней писал в своей трагедии Расин. Клеопа́тра — дочь египетского царя, правительница Египта, героиня трагедии Корнеля. Мои́на — героиня трагедии Озерова «Фингал».

[4] Ло́жа — место в зрительном зале, отдельное помещение для нескольких лиц.

[5] Парте́р — места́ для зрителей, располо́женные ряда́ми, приблизительно на уровне сцены.

[6] Раёк — верхние места в театре, галёрка.

[7] Ни́мфа — олицетворе́ние стихийных сил природы в виде девушек, живущих в лесах, на горах, в ручьях.

[8] Исто́мина — фамилия знаменитой балери́ны.

[9] Эол — у древних греков бог ветра.

[10] Лорне́т — складные очки в опра́ве с ручкой.

Отворотúлся, и зевнýл,
И молвил: «Всех пора
на смену;
Балéты долго я терпел,
Но и Дидлó[1] мне надоел».

XXXV.

Что ж мой Онегин?
Полусóнный
В постéлю с бáла едет он:
А Петербург неугомóнный
Уж бараба́ном пробуждён.
Встаёт купец, идёт разносчик,
На би́ржу тя́нется извозчик,
С кувши́ном óхтенка[2] спешит
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум
прия́тный,
Открыты ста́вни, трýбный дым
Столбом восходит голубым,
И хлéбник, немец
аккуратный,
В бумажном колпаке́, не раз
Уж отворял свой *васисдáс*[3].

XXXVI.

Но, шýмом бáла утомлённый,
И утро в полночь обратя́,
Спокóйно, спит в тени
блажéнной
Забыв и рóскоши дитя́.
Проснётся за-полдень, и
снова
До утра жизнь его готова,
Однообра́зна и пестра́,
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой
Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блиста́тельных побед,
Среди вседнéвных
наслажде́ний?
Ротще́ ли был он средь пиров
Неосторóжен и здоров?

XXXVII.

Нет: рано чувства в нём
остыли;
Ему наскýчил света шум;
Краса́вицы не долго были
Предмет его привычных дум:
Измéны утоми́ть успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда́ же мог
Beef-steak[3] и стра́сбургский
пирог
Шампáнской обливать
бутылкой
И сы́пать острые слова,
Когда́ болела голова:
И хоть он был повéса пы́лкий,
Но разлюбил он наконец
И брань, и са́блю, и свинец.

XXXVIII.

Недýг, которого причи́ну
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому
спли́ну[5],

---

[1] Дидло́ — известный балетме́йстер, постано́вщик балéта.
[2] Охтенка — жи́тельница Охты (район Петербурга).
[3] Васисдáс — здесь: фóрточка, через которую немецкий булочник спрашивал «Что надо?»; дословно — немецкое выражение: «Что это такое?»
[4] Бифштéкс (английское слово) — мясное блюдо.
[5] Сплин — хандрá, тоска, скука.

Короче: русская хандра́
Им овладела понемно́гу;
Он застрели́ться, слава богу,
Попро́бовать не захотел,
Но к жи́зни во́все охладе́л.
Как Child-Harold [1], угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон [2],
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

LIII.

. . . . . .

Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозя́ин полный, а досе́ль
Порядка враг и расточи́тель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

Глава вторая.

O rus!
Hor. [3]
О Русь!

I.

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголо́к;
Там друг невинных наслажде́ний
Благослови́ть бы небо мог.
Господский дом уединённый,
Горой от ветров огражде́нный,
Стоял над речкою; вдали
Пред ним пестре́ли и цвели
Луга́ и ни́вы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там,
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущённый сад,
Приют заду́мчивых Дриа́д [4].

II.

Почте́нный за́мок был построен,
Как за́мки строиться должны:
Отме́нно про́чен и споко́ен,
Во вку́се умной старины.
Везде высокие поко́и,
В гости́ной што́фные обо́и,
Царей портреты на стенах,

---

[1] Чайльд Гаро́льд — разочаро́ванный герой одноимённой поэмы английского поэта Байрона.

[2] Босто́н — карточная игра.

[3] О деревня! *(Гораций)* — эпиграф из стихов римского поэта Горация (I век до нашего летоисчисления), писавшего о деревенской жизни. В эпиграфах дана игра словами: *O rus!* (О деревня!) и О Русь!

[4] Дриа́да — у древних греков лесное божество́, рожда́вшееся вместе с деревом и жи́вшее в его листве́.

И печи в пёстрых изразца́х[1].
Всё это ныне обветша́ло,
Не знаю, право, почему:
Да, впро́чем, другу моему
В том ну́жды было очень мало,
Затем, что он равно́ зевал
Средь модных и старинных зал.

III.

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожи́л[2]
Лет сорок с клю́чницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубо́вый,
Два шка́фа, стол, диван пухо́вый,
Нигде ни пя́тнышка чернил.
Онегин шка́фы отворил:
В одном нашёл тетрадь расхода,
В другом нали́вок целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмо́го года;
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV.

Один среди своих владе́ний,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учреди́ть.
В своей глуши́ мудрец пусты́нный
Ярём он ба́рщины старинной
Обро́ком лёгким заменил[3];
И раб судьбу благослови́л.
Зато в углу своём наду́лся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед.
Друго́й лука́во улыбнулся,
И в голос все решили так:
Что он опа́снейший чуда́к.

V.

Сначала все к нему езжа́ли;
Но так как с за́днего крыльца́
Обыкновенно подава́ли
Ему донско́го жеребца́,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслы́шат их дома́шни дро́ги, —
Поступком оскорбя́сь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш не́уч, сумасбро́дит,
Он фармазо́н[4]; он пьёт одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подхо́дит

---

[1] Изразе́ц — кирпич, тонкая плитка из обожжённой гли́ны, покрытая с лицево́й стороны глазу́рью.

[2] Старожи́л — тот, кто давно живёт в одном и том же месте.

[3] Ярём он ба́рщины старинной обро́ком лёгким заменил — перевёл своих крестьян с тяжёлой ба́рщины на оброк.

[4] Фармазо́н — здесь: человек, разрушающий все устои старой жизни, скла́дывавшиеся десятиле́тиями и веками; вольноду́мец.

Всё *да*, да *нет;* не скажет да-с
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

VI.

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискака́л
И столь же стро́гому разбору
В соседстве по́вод подава́л.
По имени Владимир Ле́нский,
С душою прямо геттинге́нской,
Краса́вец, в полном цвете лет,
Поклонник Ка́нта[1] и поэт.
Он из Германии тума́нной
Привёз учёности плоды:
Рольнолю́бивые мечты,
Дух пы́лкий и довольно странный,
Всегда восто́рженную речь
И кудри чёрные до плеч.

VII.

От хла́дного развра́та света
Ещё увянуть не успев,
Его душа была согре́та
Приветом друга, ла́ской дев.
Он сердцем милый был неве́жда;
Его леле́яла надежда,
И мира новый блеск и шум
Ещё пленя́ли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего.
Цель жизни нашей для него
Была зама́нчивой зага́дкой:
Над ней он го́лову ломал
И чудеса подозревал.

VIII.

Он верил, что душа родная
Соедини́ться с ним должна́,
Что безотра́дно изнывая,
Его вседне́вно ждёт она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять око́вы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника́;
Что есть избра́нные судьбою
. . . . . .

IX.

Негодова́нье, сожале́нье,
Ко бла́гу чистая любовь
И сла́вы сладкое мученье
В нём рано волновали кровь.
Он с ли́рой стра́нствовал на свете,
Под небом Ши́ллера и Гёте[2],
Их поэтическим огнём
Душа воспламени́лась в нём.
И Муз возвы́шенных искусства,
Счастли́вец, он не постыди́л;
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвы́шенные чувства,
Поры́вы де́вственной мечты
И пре́лесть важной простоты.

---

[1] Кант (1724—1804) — немецкий философ-идеалист.

[2] Под небом Ши́ллера и Гёте — под небом Германии; Шиллер (1759—1805), Гёте (1749—1832) — немецкие писатели, оказавшие огромное влияние на литературу.

X.

Он пел любовь, любви
послу́шный,
И песнь его была ясна́,
Как мысли де́вы
простоду́шной,
Как сон младе́нца, как луна
В пустынях неба
безмяте́жных,
Богиня тайн и вздохов
нежных;
Он пел разлуку и печаль,
И не́что, и туманну даль,
И романти́ческие розы;
Он пел те да́льные страны,
Где долго в ло́но тишины
Лились его живые слёзы;
Он пел поблёклый жизни
цвет
Без малого в осьмна́дцать
лет[1].

XI.

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары́,
Господ сосе́дственных
селе́ний
Ему не нравились пиры́;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразу́мный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне́,
Конечно, не блистал ни
чувством,
Ни поэтическим огнём,
Ни остротою, ни умом,
Ни общежи́тия искусством;
Но разговор их милых жён
Гораздо меньше был умён.

XII.

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених:
Таков обычай деревенский;
Все дочек про́чили своих
За полуру́сского соседа;
Взойдёт ли он — тотчас
беседа
Заво́дит слово стороно́й
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самова́ру,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня,
примеча́й!»
Потом прино́сят и гитару,
И запищи́т она (бог мой!):
«Приди в чертог[2] ко мне
злато́й!..»

XIII.

Но Ленский, не имев,
конечно,
Охоты у́зы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покоро́че свесть.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь разли́чны меж
собой.
Сперва взаимной разното́й
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом

[1] В этой (X) строфе Пушкин высмеивает язык и однообразное, манерное и бедное содержание стихотворений господствовавшего в то время в русской поэзии так называемого романтического направления.

[2] Чертог — дворец.

Съезжа́лись каждый день
верхом
И скоро стали неразлу́чны.
Так люди, первый ка́юсь я,
От *делать нечего* — друзья.

XIV.

Но дружбы нет и той меж
нами;
Все предрассу́дки истребя́,
Мы почитаем всех нуля́ми,
А единицами — себя;
Мы все глядим в
Наполеоны[1],
Двуно́гих тва́рей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство ди́ко и смешно.
Сноснée многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их презирал, —
Но правил нет без
исключений:
Иных он очень отличал,
И вчу́же чувство уважал.

XV.

Он слушал Ленского с
улы́бкой:
Поэта пылкий разгово́р,
И ум, ещё в сужде́ньях
зы́бкий,
И вечно вдохнове́нный
взор, —
Онегину всё было ново;
Он охлади́тельное слово
В устах старался удержать,
И думал: глупо мне мешать
Его́ мину́тному блаже́нству;
И без меня пора придёт;
Пускай покамест он живёт
Да верит мира соверше́нству;
Прости́м горя́чке юных лет
И юный жар, и юный бред.

XVI.

Меж ними всё рождало споры
И к размышле́нию влекло́:
Племён минувших догово́ры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековы́е,
И гроба тайны роковы́е,
Судьба и жизнь в свою чреду́,
Всё подверга́лось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем,
Отрывки северных поэм;
И снисходи́тельный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилéжно юноше внима́л.

XIX.

Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX.

Ах, он любил, как в наши
ле́та
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта

---

[1] Мы все глядим в Наполео́ны — мы все ищем для себя успеха и славы. (Наполеон (1769—1824) из безве́стного офицера стал французским императором, великим полководцем.)

Ещё любить осуждена́:
Всегда, везде одно мечта́нье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлажда́ющая даль,
Ни долгие лета́ разлу́ки,
Ни му́зам данные часы,
Ни чужезе́мные красы́,
Ни шум веселый, ни науки
Души не изменили в нём,
Согретой де́вственным огнём.

XXI.

Чуть о́трок [1], Ольгою
пленённый,
Сердечных мук ещё не знав,
Он был свидетель умилённый
Её младе́нческих забав;
В тени храни́тельной дубра́вы
Он разделял её забавы,
И детям про́чили венцы
Друзья-соседи, их отцы.
В глуши под се́нию
смире́нной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела, как ландыш
пота́ённый,
Незна́емый в траве глухой
Ни мотылька́ми [2], ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевни́цы первый стон.

Простите, и́гры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уедине́нье, тишину,
И ночь, и звёзды, и луну, —
Луну, небесную лампа́ду,
Которой посвяща́ли мы
Прогулки средь вечерней
тьмы,
И слёзы, тайных мук отра́ду...
Но ныне видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII.

Всегда скромна́, всегда
послу́шна,
Всегда как утро весела́,
Как жизнь поэта
простоду́шна,
Как поцелуй любви мила́;
Глаза как небо голубые,
Улыбка, ло́коны [3] льняные,
Движе́нья, голос, лёгкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите, и найдёте верно
Её портрет: он очень мил;
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безме́рно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Её сестра звалась Татьяна...
Впервы́е и́менем таким
Страницы нежные романа
Мы своево́льно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно,

---

[1] О т р о к — мальчик.
[2] М о т ы л ё к — бабочка.
[3] Л о́ к о н ы — кудри.

Но с ним, я знаю, неразлу́чно
Воспомина́нье старины
Иль де́вичьей. Мы все должны
Признаться, вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвеще́нье не пристало,
И нам досталось от него
Жема́нство[1], — больше
ничего.

XXV.

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни све́жестью её румя́ной
Не привлекла́ б она очей.
Дика́, печа́льна, молчали́ва,
Как лань лесная боязли́ва,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто, целый день одна,
Сидела молча у окна.

XXVI.

Заду́мчивость, её подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досу́га
Мечтами украшала ей.
Её изне́женные пальцы
Не знали игл; склонясь на
пя́льцы,
Узо́ром шёлковым она
Не оживляла полотна́.
Охоты вла́ствовать примета:
С послушной ку́клою дитя
Приготовляется шутя
К прили́чию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но ку́клы даже в эти годы,
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про мо́ды
Беседы с нею не вела.
И были детские прока́зы
Ей чу́жды; страшные рассказы
Зимою, в темноте ночей,
Пленя́ли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких её подруг,
Она в го́релки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII.

Она любила на балконе
Предупрежда́ть зари́ восход,
Когда на бледном небосклоне
Звёзд исчезает хорово́д,
И тихо край земли светлеет,
И ве́стник у́тра, ветер веет,
И всхо́дит постепе́нно день.
Зимой, когда ночная тень
Полми́ром до́ле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отума́ненной луне,
Восток ленивый почива́ет,
В привычный час пробужде́на,
Вставала при свечах она.

---

[1] Жема́нство — слащавая изы́сканность, лишённая простоты и есте́ственности.

XXIX.

Ей рано нра́вились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюбилася в обма́ны
И Ричардсо́на и Руссо́.
Отец её был добрый малый,
В прошёдшем ве́ке
запозда́лый,
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почита́л пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под
поду́шкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона[1] без ума.

XXX.

Она любила Ричардсо́на,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисо́на
Она Ловла́су предпочла́[2];
Но встарину́ княжна Али́на,
Её московская кузи́на,
Твердила часто ей об них.
В то время был ещё жених
Её супруг, но понево́ле;
Она вздыха́ла о другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо бо́ле;
Сей Грандисо́н был славный
франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI.

Как он, она была оде́та
Всегда по моде и к лицу́;
Но не спроси́сь её совета,
Деви́цу повезли к венцу́.
И чтоб её рассе́ять горе,
Разумный муж уехал вско́ре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена́,
Рвала́сь и плакала сначала,
С супру́гом чуть не развела́сь,
Потом хозя́йством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привы́чка свы́ше нам дана́:
Заме́на сча́стию она.

XXXII.

Привы́чка услади́ла горе,
Неотрази́мое ничем;
Откры́тие большо́е вско́ре
Её уте́шило совсем.
Она меж де́лом и досу́гом
Откры́ла та́йну, как супру́гом
Самодержа́вно управля́ть,
И всё тогда пошло на стать.
Она езжа́ла по работам,
Соли́ла на́ зиму грибы,
Вела́ расходы, бри́ла лбы[3],
Ходила в баню по суббо́там,
Служанок била осердя́сь —
Всё это му́жа не спросясь.

---

[1] Ричардсо́н (1689—1761) — английский писатель, автор семейных нравоучи́тельных романов, которыми зачи́тывалась вся Европа.

[2] Грандисо́на она Ловла́су предпочла́ — герои романов Ричардсона; Грандисон — добродете́льный герой («Грандисон»); Ловлас — безнра́вственный герой, обольсти́тель женщин («Кларисса Гарлоу»). Имя Ловласа сделалось нарицательным (ловелас).

[3] Бри́ла лбы — здесь: отдавала крепостных в солдаты.

XXXIV.

Но муж любил её сердечно,
В её затéи не входил,
Во всём ей веровал беспéчно,
А сам в халáте ел и пил.
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходúлась
Соседей добрая семья,
Нецеремóнные друзья,
И потужúть, и позлослóвить,
И посмеяться кой о чём.
Проходит время; между тем
Прикáжут Ольге чай
готовить;
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV.

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на мáсленице жирной
Водúлись русские блины́;
Два раза в год они говéли;
Любили круглые качéли,
Подблю́дны пéсни, хоровóд;
В день трóицын, когда народ
Зевая слушает молéбен,
Умúльно на пучок зари
Они роняли слёзки три;
Им квас как воздух был
потрéбен,
И за столом у них гостям
Носили блю́ды по чинáм [1].

XXXVI.

И так они старели оба.
И отворúлись наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венéц.
Он умер в час перед обедом,
Оплáканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердéчней, чем иной.
Он был простой и добрый
барин,
И там, где прах его лежит,
Надгрóбный памятник гласит:
Смирéнный грéшник,
Дмúтрий Лáрин,
Господний раб и бригадúр [2]
Под камнем сим вкушáет мир.

Глава третья.

Elle était fille, elle était amoureuse.
Malfilâtre. [3]

I.

«Куда? Уж эти мне поэты!» —
«Прощай, Онегин, мне
пора». —
«Я не держу тебя; но где ты
Свои провóдишь вечерá?» —
«У Лариных». — «Вот это
чýдо.

---

[1] Носили блю́ды по чинáм — подносили кýшанья сначала тем, кто имел более высокий чин.

[2] Бригадúр — офицерский чин.

[3] Она была девушка, она была влюблена. — Мальфилатр. Мальфилатр — французский поэт (1733—1767).

Помилуй! И тебе не трудно
Там каждый вечер
убивать?» —
«Ни мало». — «Не могу
понять.
Отсе́ле вижу, что такое:
Во-первых (слушай,
прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостя́м усе́рдие большое,
Варе́нье, вечный разговор
Про дождь, про лён, про
скотный двор...» —

II.

«Я тут ещё беды не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой
друг». —
«Я модный свет ваш
ненави́жу;
Миле́е мне домашний круг,
Где я могу...» — «Опять
эклóга [1]!
Да по́лно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень
жаль.
Ах, слушай, Ленский; да
нельзя ль
Увидеть мне Филли́ду [2] эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слёз, и рифм et ceterá? [3]
Предста́вь меня». — «Ты шу-
тишь?» —
«Нету». —
«Я рад». — «Когда же?» —
«Хоть
сейчас.
Они с охотой примут нас.

III.

Поедем». —
Поскака́ли дру́ги,
Явились; им расточе́ны
Порой тяжёлые услуги
Гостеприи́мной старины.
Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варе́нья,
На столик ставят вощано́й
Кувшин с брусни́чною водой.
. . . . . .

IV.

Они до́рогой самой краткой
Домой летят во весь опо́р.
Теперь подслушаем укра́дкой
Героев наших разговор.
«Ну, что ж, Онегин? Ты
зеваешь». —
«Привычка, Ленский». — «Но
скучаешь
Ты как-то бо́льше». — «Нет,
равно́.
Однако в поле уж темно;
Скорей! пошёл, пошёл,
Андрю́шка!
Какие глупые места́!
А кста́ти: Ла́рина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наде́лала б вреда.

---

[1] Эклóга — вид старинных стихотворений посвящённых деревенской жизни.

[2] Филли́да — имя пастушки, часто встречающееся в иди́ллиях, то есть в поэтических произведениях из жизни пастухов; героиня древнегреческой эклоги.

[3] Et cetera — (эт сетера́) — и так далее.

V.

Скажи, которая Татьяна?» —
«Да та, которая грустна́
И молчали́ва, как Светла́на[1],
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблён в
меньшу́ю?» —
«А что»? — «Я выбрал бы
другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В черта́х у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Ванди́ковой
Мадо́нне[2]:
Кругла́, красна́ лицом она,
Как эта глу́пая луна
На этом глупом небоскло́не».
Владими́р сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI.

Меж тем Онегина явле́нье
У Лариных произвело́
На всех большое впечатле́нье
И всех соседей развлекло́.
Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать
украдкой,
Шутить, судить не без греха́,
Татьяне про́чить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба сла́жена совсем,
Но остано́влена затем,
Что модных ко́лец не
достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено́.

VII.

Татьяна слушала с доса́дой
Такие спле́тни; но тайком
С неизъясни́мою отра́дой
Невольно думала о том;
И в сердце ду́ма зарони́лась;
Пора пришла, она влюби́лась.
Так в землю па́дшее зерно
Весны огнём оживлено́.
Давно её воображе́нье,
Сгора́я не́гой и тоской,
Алкало[3] пищи рокова́й;
Давно се́рдечное томле́нье
Тесни́ло ей младую грудь;
Душа ждала...
кого-нибудь...

VIII.

И дождала́сь. Открылись
о́чи;
Она сказала: это он!
Увы! Теперь и дни, и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Всё по́лно им; всё деве милой
Безу́молку волше́бной силой
Твердит о нём. Доку́чны ей
И звуки ласковых речей,
И взор заботливой прислу́ги.
В уны́нии[4] погружена́,
Гостей не слушает она,
И проклинает их досу́ги,

---

[1] Светла́на — геро́йня балла́ды Жуковского «Светлана», образ чувстви́тельной, мечта́тельной девушки.

[2] Мадо́нна Ванди́к а — изображение мадонны («божьей матери») знаменитого голландского художника Ван-Дейка (1599—1641).

[3] Алка́ть — сильно желать, хотеть, жаждать.

[4] Уны́ние — печаль.

Их неожи́данный приезд
И продолжи́тельный присе́ст.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слёзы лью;
Ты в руки модного тира́на
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепи́тельной наде́жде
Блаже́нство тёмное зовёшь,
Ты не́гу жизни узнаёшь,
Ты пьёшь волшебный яд
желáний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Прию́ты сча́стливых
свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуси́тель роковой.

XVI.

Тоска́ любви Татьяну гонит,
И в сад идёт она грустить,
И вдруг недви́жны о́чи
клонит,
И лень ей далее ступить:
Приподняла́ся грудь, лани́ты
Мгновенным пламенем
покрыты,
Дыханье за́мерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в
очах...
Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальний свод небес,
И соловей во мгле древе́с
Напе́вы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

XVII.

«Не спится, няня; здесь так
душно!
Открой окно да сядь ко
мне». —
«Что, Таня, что с тобой?» —
«Мне скучно,
Поговорим о старине́». —
«О чём же, Таня! Я, бывало,
Храни́ла в памяти не мало
Старинных бы́лей, небыли́ц
Про злых духов и про девиц;
А ныне всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашиби́ло...» — «Расскажи
мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?» —

XVIII.

«И, по́лно, Таня! В эти ле́та
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала́ со света
Меня покойница свекро́вь». —
«Да как же ты венча́лась,
няня?» —
«Так, видно, бог велел.
Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благослови́л меня отец.
Я горько пла́кала со страха;
Мне с плачем ко́су расплели́,
Да с пеньем в церковь
повели...

XIX.

И вот ввели в семью
чужую...
Да ты не слушаешь
меня...» —
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать
готова!...» —
«Дитя́ моё, ты нездоро́ва;
Господь поми́луй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси́...
Дай окроплю́[1] святой водою,
Ты вся горишь...» — «Я не
больна́;
Я... знаешь, няня...
влюблена́». —
«Дитя моё, господь
с тобою!» —
И няня девушку с мольбой
Крести́ла дря́хлою рукой.

XX.

«Я влюблена́», — шептала
снова
Старушке с горестью она.
«Сердечный друг, ты
нездоро́ва». —
«Оставь меня: я влюблена».
И между тем луна сияла
И то́мным светом озаря́ла
Татьяны бледные красы́,
И распущённые власы́,
И капли слёз, и на скамейке
Пред герои́ней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной
телогре́йке;
И всё дремало в тишине
При вдохнови́тельной луне.

XXI.

И сердцем далеко носи́лась
Татьяна, смотря на луну...
Вдруг мысль в уме её
родилась...
«Поди́, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь; я скоро
ля́гу;
Прости». И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.
Облокоти́сь, Татьяна пишет,
И всё Евгений на уме,
И в необду́манном письме
Любовь неви́нной де́вы
дышит.
Письмо готово, сложено́...
Татьяна! для кого ж оно?

XXII.

Я знал красавиц
недосту́пных,
Холодных, чистых как зима,
Неумоли́мых, неподку́пных,
Непостижимых для ума!
Дивился я их спе́си мо́дной,
Их добродете́ли природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровя́ми на́дпись ада:
Оставь надежду навсегда![2]

---

[1] Окропить — обры́згать

[2] Выражение, заимствованное из произведения итальянского поэта Данте (1263—1321) «Божественная комедия», где Данте изображает картины рая и ада.

Внушать любовь для них
беда,
Пугать людей для них
отра́да.
Быть может, на брегах Невы
Подо́бных дам видали вы.

XXIII.

Среди покло́нников
послушных
Других причу́дниц я видал,
Самолюби́во равнодушных
Для вздо́хов стра́стных и
похвал.
И что ж нашёл я с
изумле́ньем?
Они, суровым поведеньем
Пугая ро́бкую любовь,
Её привлечь умели вновь,
По крайней мере, сожале́ньем,
По крайней мере, звук речей
Казался иногда нежней.
И с легкове́рным ослепле́ньем
Опять любовник молодой
Бежал за милой суето́й.

XXIV.

За что ж вино́внее Татьяна?
За то ль, что в милой
простоте
Она не ведает обмана
И верит и́збранной мечте?
За то ль, что любит без
искусства,
Послу́шная влече́нью чу́вства,
Что так дове́рчива она,
Что от небес одарена́
Воображе́нием мятежным,
Умом и волею живой,
И своенра́вной головой,
И сердцем пла́менным и
нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомы́слия страстей?

XXVI.

Ещё предви́жу затрудне́нья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомне́нья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выража́лася с трудом
На языке своём родном,
Итак, писала
по-французски . . .
Что делать! Повторяю вновь:
Доны́не дамская любовь
Не изъясня́лася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свя́то берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начита́ться не могу.
Кто ей внуша́л и эту
нежность,
И слов любезную
небрежность?
Кто ей внушал умильный
вздор,
Безумный се́рдца разговор
И увлека́тельный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список
бледный,

Или разы́гранный Фрейшиц [1]
Перста́ми робких учениц.

Письмо Татьяны к Онегину.

Я к вам пишу — чего же
бо́ле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презре́ньем наказать.
Но вы, к моей несча́стной
до́ле
Хоть каплю жа́лости храня́,
Вы не оста́вите меня.
Сначала я молчать хотела;
Пове́рьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю
раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши
речи,
Вам слово мо́лвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой
встречи.
Но говорят, вы нелюди́м;
В глуши́, в деревне всё вам
ску́чно,
А мы... ничем мы не блести́м,
Хоть вам и ра́ды
простоду́шно.
Зачем вы посетили нас?
В глуши́ забытого селе́нья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как
знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супру́га
И доброде́тельная мать.
Другой!.. Нет, никому на
свете
Не отдала́ бы сердца я!
То в вы́шнем суждено
совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была зало́гом
Свида́нья верного с тобой;
Я знаю, ты мне по́слан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиде́ньях мне
являлся,
Незри́мый, ты мне был уж
мил,
Твой чудный взгляд меня
томи́л,
В душе твой голос
раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошёл, я вмиг узнала,
Вся обомле́ла, запыла́ла
И в мыслях мо́лвила: вот он!
Не правда ль? я тебя
слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой услажда́ла
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгнове́нье
Не ты ли, милое виде́нье,
В прозра́чной темноте
мелькну́л,
Прини́кнул тихо к изголо́вью?

---

[1] Фрейшиц (или «Волшебный стрелок») — опера композитора Ве́бера, созда́вшая ему мировое имя.

Не ты ль, с отра́дой и любовью,
Слова́ надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или кова́рный искуси́тель:
Мои сомне́нья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман нео́пытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отны́не я тебе вруча́ю,
Перед тобою слёзы лью,
Твоей защиты умоля́ю...
Вообрази́: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемога́ет,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи́,
Иль сон тяжёлый перерви,
Увы, заслу́женным уко́ром!
Кончаю! страшно пере́ есть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII.

Татьяна то вздохнёт, то о́хнет;
Письмо дрожит в её руке;
Обла́тка[1] розовая сохнет
На воспалённом языке.
К плечу головушкой склони́лась.
Сорочка лёгкая спустилась
С её прелестного плеча.
Но вот уж лу́нного луча́
Сия́нье га́снет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребри́лся; там рожок
Пастуший бу́дит селяни́на,
Вот утро; встали все давно:
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII.

Она зари не замечает,
Сидит с пони́кшею главой
И на письмо не напира́ет
Своей печати вырезно́й.
Но, дверь тихонько отпирая,
Уж ей Фили́пьевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя моё, вставай;
Да ты, красавица, готова!
О пта́шка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здоро́ва!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твоё как ма́ков цвет». —

XXXIV.

«Ах! няня, сделай одолже́нье...» —
«Изво́ль, родная, прикажи́». —
«Не думай... право... подозре́нье...
Но видишь... Ах! не откажи». —
«Мой друг, вот бог тебе пору́ка». —
«Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,

[1] Обла́тка — специальный кружо́чек для запеча́тывания писем.

Чтоб он не называл
меня...» —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолко́ва.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечесть». —

XXXV.

«Как недога́длива ты,
няня!»
«Сердечный друг, уж я стара́,
Стара: тупеет разум, Таня;
А то бывало, я востра́:
Бывало, слово барской
воли...» —
«Ах, няня, няня! до того ли?
Что ну́жды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о письме
К Онегину». «Ну, дело, дело.
Не гне́вайся, душа моя,
Ты знаешь, непоня́тна я...
Да что ж ты снова
побледне́ла?» —
«Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего».

XXXVI.

Но день протёк[1], и нет
ответа.
Другой настал; всё нет, как
нет.
Бледна́ как тень, с утра
одета,
Татьяна ждёт: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожа́тель.
«Скажите: где же ваш
приятель? —
Ему вопрос хозяйки был. —
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув,
задрожала.
«Сегодня быть он обещал, —
Старушке Ленский отвечал, —
Да, видно, почта
задержала». —
Татьяна потупи́ла взор,
Как будто слы́ша злой укор.

XXXVII.

Смерка́лось; на столе,
блиста́я,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился лёгкий
пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам тёмною струёю
Уже души́стый чай бежа́л,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стёкла хла́дные дыша́,
Заду́мавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком
писала
На отума́ненном стекле
Заве́тный ве́нзель[2] О да Е.

XXXVIII.

И между тем, душа в ней
ны́ла
И слёз был по́лон то́мный
взор.

---

[1] Де́нь прото́к — день прошёл.

[2] Ве́нзель — инициа́лы, красиво написанные и соединённые между собою; инициа́лы — начальные буквы имени и отчества.

Вдруг то́пот!.. кровь её
застыла.
Вот ближе! ска́чут... и на
двор
Евгений! «Ах!» — и легче
тени
Татьяна прыг в другие се́ни,
С крыльца на двор, и прямо
в сад;
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины[1], мостики, лужок,
Алле́ю[2] к озеру, лесок,
Кусты, сирень переломала,
По цветникам летя к ручью
И задыха́ясь, на скамью

XXXIX.

Упала...
«Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!»
В ней сердце полное мучений
Хранит надежды тёмный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждёт: нейдёт ли? Но не
слышит.
В саду служа́нки, на гряда́х,
Сбирали ягоду в куста́х
И хором по нака́зу пели.
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пе́ньем были заняты:
Зате́я сельской остроты!)

Песня девушек.

Девицы, краса́вицы,
Ду́шеньки, подру́женьки
Разыгра́йтесь, девицы,
Разгуля́йтесь, милые!
Затяни́те песенку,
Песенку заве́тную,
Заманите мо́лодца
К хороводу нашему.
Как зама́ним молодца,
Как зави́дим и́здали,
Разбежи́мтесь милые,
Закидаем ви́шеньем,
Вишеньем, мали́ною,
Красною смороди́ной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши де́вичьи.

XL.

Они поют, и с небреже́ньем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб тре́пет сердца в ней
затих,
Чтобы прошло лани́т пыла́нье.
Но в пе́рсях то же трепета́нье,
И не проходит жар лани́т,
Но ярче, ярче лишь горит.
Так бедный мотылёк и бле́щет,
И бьётся ра́дужным крылом,
Пленённый школьным
шалуно́м;
Так зайчик в о́зими трепе́щет,
Увидя вдруг издалека
В кусты припавшего стрелка,

[1] Курти́ны — садовые грядки с цветами.
[2] Алле́я — дорога, обса́женная деревьями.

XLI.

Но наконец она вздохну́ла
И встала со скамьи́ своей;
Пошла, но только поверну́ла
В алле́ю, — прямо перед ней,
Блиста́я взо́рами, Евгений
Стоит, подобно грозной те́ни,
И как огнём обожже́на
Останови́лася она.
Но сле́дствия нежда́нной встречи
Сегодня, ми́лые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне до́лжно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Доко́нчу после как-нибудь.

Глава четвёртая.

La morale est dans la nature des choses.
Necker [1].

XI.

Но, получив посла́нье Тани,
Онегин живо тро́нут был:
Язык девических мечтаний
В нём думы роем возмути́л;
И вспо́мнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сла́достный, безгре́шный сон
Душою погрузи́лся он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Дове́рчивость души неви́нной.
Теперь мы в сад перелети́м,
Где встре́тилась Татьяна с ним.

XII.

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошёл
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочёл
Души дове́рчивой призна́нья,
Любви невинной излия́нья;
Мне ваша и́скренность мила́;
Она в волне́нье привела
Давно умо́лкнувшие чу́вства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за неё вам отплачу́
Призна́ньем также без искусства;
Примите и́споведь мою;
Себя на суд вам отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашним кру́гом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супру́гом
Приятный жребий повеле́л,
Когда б семейственной картиной

[1] Нра́вственность — в природе вещей. — Неккер.

Плени́лся я хоть миг
единый, —
То ве́рно б кроме вас одной
Невесты не искал ино́й.
Скажу без блёсток
мадрига́льных[1]:
Наше́д мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подру́ги дней моих
печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы сча́стлив... сколько
мог!

XIV.

«Но я не со́здан для
блаже́нства,
Ему чужда́ душа моя;
Напра́сны ваши
соверше́нства:
Их вовсе недосто́ин я.
Поверьте (совесть в том
пору́кой),
Супруже́ство нам будет
му́кой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привы́кнув, разлюблю тотчас;
Начнёте плакать: ваши
слёзы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь беси́ть его.
Судите ж вы, какие розы
Нам загото́вит Гимене́й[2]
И, может быть, на много
дней!

XV.

«Что может быть на свете
хуже
Семьи́, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днём и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену
зная
(Судьбу однакож проклина́я),
Всегда нахму́рен, молчалив,
Сердит и холодно-ревни́в!
Таков я. И того ль иска́ли
Вы чистой, пла́менной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Уже́ли жре́бий вам такой
Назна́чен строгою судьбой?

XVI.

«Мечтам и го́дам нет
возвра́та;
Не обновлю́ души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежне́й.
Послушайте ж меня без
гне́ва:
Смени́т не раз млада́я дева
Мечтами лёгкие мечты́;
Так деревцо́ свои листы
Меняет с каждою весною.
Так ви́дно не́бом суждено.
Полю́бите вы снова: но...
Учитесь вла́ствовать собою;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде нео́пытность ведёт».

XVII.

Так проповедывал Евгений.
Сквозь слёз не видя ничего,
Едва дыша, без возраже́ний,
Татьяна слушала его...

---

[1] Мадрига́льных — хвалебных.

[2] Гимене́й — бог бра́ка (замужества, жени́тьбы) по верова́нию древних.

Глава пятая.

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!
Жукозский.

I.

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала́, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На тре́тье в ночь.
Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Пою́тру побеле́вший двор,
Курти́ны, кро́вли и забор,
На стёклах лёгкие узо́ры,
Деревья в зимнем серебре́,
Соро́к весёлых на дворе
И мя́гко у́стланные горы
Зимы блиста́тельным ковро́м.
Всё ярко, всё бело́ кругом.

II.

Зима!.. Крестьянин
торжеству́я
На дро́внях обновля́ет путь;
Его лоща́дка, снег почу́я
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пуши́стые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке́
В тулупе, в красном кушаке́.
Вот бегает дворовый мальчик,
В сала́зки [1] Жу́чку посадив,
Себя в коня преобрази́в;
Шалун уж заморозил
па́льчик;
Ему и бо́льно и смешно́,
А мать грозит ему в окно...

IV.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С её холо́дною красою
Любила русскую зиму,
На солнце и́ней в день
морозный
И сани, и зарёю по́здней
Сия́нье ро́зовых снегов,
И мглу крещёнских вечеров.
По старине торжествова́ли
В их доме эти вечера;
Служанки со всего двора
Про ба́рышень своих гадали
И им сули́ли каждый год
Мужьёв военных и поход.

V.

Татьяна верила преда́ньям
Простонаро́дной старины,
И снам, и ка́рточным
гада́ньям,
И предсказа́ниям луны.
Её тревожили приме́ты [2];
Таи́нственно ей все предметы
Провозглаша́ли что-нибудь,

---

[1] Сала́зки — детские са́ночки.

[2] Приме́ты — суеве́рные люди верили в приметы, то есть думали, что если, например, просыпать соль — будет ссора; заяц перебежит дорогу — неудача; встретить попа, монаха — тоже неуда́ча; увидеть молодую луну слева — несчастье; счита́ли, что, увидев па́дающую звезду, надо задумать о том, чего хочешь, к чему стреми́шься, и же́лание испо́лнится.

Предчу́вствия тесни́ли грудь.
Жема́нный кот, на печке сидя,
Мурлы́ча, лапкой ры́льце мыл:
То несомне́нный знак ей был,
Что едут гости. Вдруг уви́дя
Младой двурогий лик луны
На небе с левой стороны,

VI.

Она дрожала и бледнела.
Когда ж падучая звезда
По небу тёмному летела
И рассыпа́лася, — тогда
В смяте́нье Таня торопилась,
Пока звезда ещё катилась,
Жела́нье сердца ей шепнуть.
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить чёрного мона́ха,
Иль быстрый заяц меж полей
Перебега́л дорогу ей, —
Не зная, что нача́ть со страха,
Предчу́вствий го́рестных
полна́,
Ждала несчастья уж она.

VII.

Что ж? Тайну прелесть
находила
И в самом ужасе она.
Так нас природа сотвори́ла,
К противоре́чию склонна́.
Настали свя́тки. То-то
радость!
Гада́ет ве́треная мла́дость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни да́ль
Лежит светла́, необозри́ма;
Гада́ет старость сквозь очки
У гробовой своей доски[1],
Всё потеряв невозврати́мо;
И всё равно: надежда им
Лжёт детским ле́петом своим.

VIII.

Татьяна любопы́тным взо́ром
На воск пото́пленный гля́дит:
Он чу́дно-вы́литым узо́ром
Ей что-то чудное гласи́т;
Из блюда, полного водою,
Выходят ко́льца чередо́ю;
И вы́нулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты:
Гребут лопатой серебро;
Кому поём, тому добро
И слава!» Но сулит утраты
Сей песни жа́лостный напев;
Милей «Кошу́рка»[2] сердцу
дев.

IX.

Моро́зна ночь; всё небо я́сно;
Свети́л небесных ди́вный хор
Течёт так тихо, так
согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом пла́тьице
выходит,

---

[1] Гада́ть — пытаться узнать будущее по разным признакам, приметам (так делали суеверные люди), у гробово́й доски́ — незадо́лго до смерти, перед смертью; гадает мла́дость — гадает молодёжь; гадает старость — гадают старики.

[2] «Кошу́рка» — песня «Зовёт кот кошурку», которая, как думали суеверные люди, предска́зывала свадьбу.

На месяц зеркало наво́дит;
Но в тёмном зеркале одна
Дрожит печа́льная луна...
Чу... снег хрустит...
прохо́жий; дева
К нему на цы́почках летит
И голосо́к её звучит
Нежней свире́льного напе́ва:
— Как ваше имя?[1] —
Смотрит он
И отвечает: — Агафо́н.

X.

Татьяна по сове́ту няни,
Сбира́ясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг
Татьяне...
И я — при мысли о Светла́не
Мне стало страшно — так и
быть...
С Татьяной нам не ворожи́ть.
Татьяна поясо́к шелко́вый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьётся Лель[2],
А под подушкою пухо́вой
Деви́чье зеркало лежит.
Ути́хло всё. Татьяна спит.

XI.

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идёт по снегово́й поля́не,
Печальной мглой окружена́;
В сугро́бах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, тёмный и седой
Поток, не ско́ванный зимой;
Две жёрдочки склеёны
льдиной,
Дрожащий ги́бельный мосто́к,
Поло́жены через пото́к;
И пред шумя́щею пучи́ной,
Недоуме́ния полна,
Останови́лася она.

XII.

Как на доса́дную разлу́ку,
Татьяна ро́пщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны пода́л бы ей;
Но вдруг сугроб зашевели́лся,
И кто ж из-под него явился?
Большой взъеро́шенный
медведь;
Татьяна *ах!* а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протяну́л; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязли́выми шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь
за ней.

XIII.

Она, взглянуть назад не сме́я,
Поспе́шный ускоряет шаг;
Но от косма́того лаке́я
Не может убежать никак;
Кряхтя́, вали́т медведь
несно́сный;
Пред ними лес; недвижны
сосны

[1] Таким образом уга́дывали имя будущего жениха.
[2] Лель — бог любви в славянской мифоло́гии.

В своей нахму́ренной красе;
Отягчены их ветви все
Клока́ми снега; сквозь верши́ны
Осин, берёз и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремни́ны [1]
Мете́лью все занесены́,
Глубо́ко в снег погружены́.

XIV.

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по коле́но ей;
То длинный сук её за шею
Заце́пит вдруг, то из ушей
Златые се́рьги вырвет силой;
То в хру́пком снеге с ножки милой
Увя́знет мокрый башмачок;
То вы́ронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже тре́петной рукой
Оде́жды край поднять стыди́тся;
Она бежит, он всё вослед:
И сил уже бежать ей нет.

XV.

Упала в снег; медведь провóрно
Её хвата́ет и несёт;
Она бесчу́вственно-поко́рна,
Не шевельнётся, не дохнёт;
Он мчит её лесной дорогой;
Вдруг меж дере́в шалаш убóгий;
Кругом всё глушь; отвсюду он
Пусты́нным снегом занесён,
И ярко све́тится окошко,
И в шалаше́ и крик и шум;
Медведь промóлвил: «Здесь мой кум:
Погре́йся у него немножко!»
И в се́ни прямо он идёт,
И на поро́г её кладёт.

XVI.

Опóмнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сеня́х;
За две́рью крик и звон стакана,
Как на больших похорона́х;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихóнько в щёлку
И что же! видит... за столом
Сидят чудóвища кругом;
Один в рога́х с соба́чьей мóрдой,
Другой с пету́шьей головой,
Здесь ве́дьма с ко́зьей боródóй,
Тут о́стов чóпорный и го́рдый,
Там ка́рла [2] с хвóстиком, а вот
Полу-журáвль и полу-кот.

XVII.

Ещё страшне́й, ещё чуднée:
Вот рак верхом на пауке́,
Вот че́реп на гуси́ной ше́е
Верти́тся в красном колпаке́,

---

[1] Стремни́ны — кру́чи, обры́вы, про́пасти.
[2] Ка́рла — карлик.

Вот мельница вприся́дку
пляшет
И крыльями трещит и машет;
Лай, хо́хот, пе́нье, свист и
хлоп,
Людская молвь и конский топ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и стра́шен ей, —
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь укра́дкою глядит.

XVIII.

Он знак подаст: и все
хлопо́чут;
Он пьёт: все пьют и все
кричат;
Он засмеётся: все хохо́чут;
Нахму́рит брови: все молчат;
Он там хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопы́тная теперь
Немного раствори́ла дверь...
Вдруг ветер ду́нул, загаша́я
Огонь свети́льников ночных:
Смути́лась шайка домовы́х[1];
Онегин, взо́рами сверкая,
Из-за стола гремя встаёт;
Все встали: он к дверям идёт.

XIX.

И страшно ей; и торопли́во
Татьяна си́лится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул
Евгений:
И взо́рам а́дских привиде́ний
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; о́чи всех,
Копы́ты, хо́боты кривые,
Хвосты хохла́тые, клыки́,
Усы, крова́вы языки́,
Рога́ и пальцы костяны́е,
Всё указу́ет на неё,
И все кричат: «Моё! моё!»

XX.

«Моё!» — сказал Евгений
грозно,
И шайка вся сокры́лась вдруг;
Оста́лася во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлека́ет
Татьяну в угол и слага́ет
Её на ша́ткую скамью
И кло́нит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга
входит,
За нею Ленский; свет блесну́л:
Онегин руку замахнул
И дико он оча́ми бро́дит,
И не́званных гостей бранит:
Татьяна чуть жива́ лежит.

XXI.

Спор громче, громче; вдруг
Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Пове́ржен Ленский; страшно
тени
Сгусти́лись; нестерпи́мый крик
Раздался... хижина
шатну́лась

[1] Домовы́е — по суеве́рным пове́рьям, живущие в доме ду́хи, бе́сы.

И Таня в ужасе
проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мёрзлое стекло
Зари́ багря́ный луч играет;
Дверь отворилась: Ольга к
ней,
Авро́ры[1] северной але́й
И легче ла́сточки, влетает;
«Ну, — говорит: — скажи ж
ты мне,
Кого ты видела во сне?»

XXII.

Но та, сестры не замечая,
В посте́ле с книгою лежит,
За ли́стом лист перебира́я,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых и́стин, ни картин;
Но ни Верги́лий ни Раси́н,
Ни Скотт, ни Байрон, ни
Сене́ка[2],
Ни даже Дамских Мод
Журнал
Так никого ни занимал:
То был, друзья, Мартын
Задека[3],
Глава халдейских мудрецо́в[4],
Гада́тель, толкова́тель снов.

XXIII.

Сие глубокое твори́нье
Завёз кочующий купец
Однажды к ним в у́единённье
И для Татьяны наконец
Его с разро́зненной
Мальви́ной[5]
Он уступил за три с полти́ной,
В прида́чу взяв ещё за них
Собра́нье басен площадны́х,
Грамматику, две Петриа́ды[6]
Да Мармонте́ля третий том[7].
Мартын Задека стал потом
Люби́мец Тани... Он отрады
Во всех печа́лях ей дарит
И безотлу́чно с нею спит.

---

[1] Авро́ра — богиня у́тренней зари.

[2] Верги́лий — римский поэт (последнего века до нашего летосчисления); Раси́н (1639—1699) — французский писатель-драматург; Сене́ка — римский философ и писатель (I века нашего летосчисле́ния).

[3] Марты́н Заде́ка — здесь: гада́тельная книга Мартына Задеки («Древний и новый всегдашний гада́тельный ора́кул»), из которой Татьяна хотела узнать объяснение своего сна.

[4] Глава халдейских мудрецов — глава древних вавило́нских предсказа́телей (здесь употреблено в насмешку); Халдейский мудрец — от слова Халдея, — так называлось государство древнего мира; жрецы́ этого государства занимались мни́мой наукой о возможности предсказывать судьбы людей, их будущее по движению небесных светил.

[5] Мальви́на — роман французской писательницы Коттэнь, вышедший в русском переводе в 1816 году.

[6] Петриа́ды — поэмы о Петре I.

[7] Мармонте́ль — второстепе́нный французский писатель XVIII века.

XXIV.

Её тревожит сновиде́нье.
Не зная, как его понять,
Мечта́нья страшного значе́нье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавле́ньи кратком
Находит а́збучным порядком
Слова: бор, буря, во́рон, ель
Ёж, мрак, мосток, медведь,
метель
И прочая. Её сомнений
Мартын Заде́ка не решит;
Но сон злове́щий ей сулит
Печа́льных много
приключе́ний.
Дней несколько она потом
Всё беспоко́илась **о том.**

XXV.

Но вот багряною рукою
Заря от утренних доли́н
Выводит с солнцем за собою
Весёлый праздник имени́н.
С утра дом Ла́риных гостями
Весь по́лон; целыми семьями
Соседи съехались в возка́х,
В киби́тках, в бри́чках и в
санях.
В передней толкотня́, тревога;
В гости́ной встреча новых
лиц,
Лай мо́сек, чмо́канье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Покло́ны, ша́рканье гостей,
Корми́лиц крик и плач детей.

XXVI.

С своей супру́гою доро́дной
Приехал толстый Пустяко́в;
Гвозди́н, хозя́ин
превосхо́дный,
Владе́лец нищих мужиков;
Скоти́нины, чета́ седая,
С детьми всех во́зрастов,
считая
От тридцати до двух годов;
Уе́здный фра́нтик Петушко́в;
Мо́й брат двою́родный
Буя́нов,
В пуху, в карту́зе с козырько́м
(Как вам, конечно, он
знаком),
И отставно́й советник Фля́нов,
Тяжёлый сплетник, старый
плут,
Обжо́ра, взя́точник и шут.

XXVII.

С семьёй Панфи́ла Харлико́ва
Приехал и мосьё Трике́,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике́.
Как и́стинный француз, в
карма́не
Трике привёз куплет Татьяне
На голос, зна́емый детьми:
Réveillez-vous, belle endormie[1].
Меж ве́тхих песен альмана́ха
Был напеча́тан сей куплет;
Трике, дога́дливый поэт,
Его на свет явил из пра́ха,
И смело вместо belle Nina.
Поставил belle Tatiana[2].

[1] Проснись, спя́щая красавица... — начало французского романса.
[2] Прекрасная Нина; прекрасная Татьяна.

XXVIII.

И вот из ближнего поса́да[1]
Созре́вших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошёл... Ах, новость, да
какая!
Музы́ка будет полкова́я!
Полковник сам её посла́л.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают зара́не;
Но кушать по́дали. Чето́й
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжи́т, за стол
садясь.

XXIX.

На миг умолкли разговоры;
Уста жую́т. Со всех сторон
Гремят тарелки и прибо́ры,
Да рюмок раздаётся звон.
Но вскоре гости понемно́гу
Подъе́млют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.
Вдруг двери на́стежь. Ленский
входит
И с ним Онегин.
«Ах, творе́ц! —
Кричит хозяйка: — наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей:
Зовут, сажают двух друзей.

XXX.

Сажают прямо против Тани,
И, утренней луны бледне́й
И тре́петней гони́мой ла́ни,
Она темнеющих оче́й
Не подымает: пы́шет бу́рно
В ней страстный жар; ей
ду́шно, ду́рно;
Она приве́тствий двух друзей
Не слышит; слёзы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в о́бморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли́. Она два слова
Сквозь зубы мо́лвила тишком
И усиде́ла за столом.

XXXI.

Траги-нерви́ческих явлений,
Девичьих о́бмороков, слёз
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенёс.
Чудак, попав на пир
огромный,
Уж был сердит. Но, де́вы
томной
Заме́тя тре́петный поры́в,
С доса́ды взоры опустив,
Надулся он, и негоду́я
Поклялся Ленского взреси́ть
И уж порядком отомстить.
Теперь, зара́не торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикату́ры всех гостей.

XXXII.

Конечно, не один Евгений
Смяте́нье Тани видеть мог;
Но целью взо́ров и сужде́ний
В то время жирный был пирог
(К несча́стию, пересолённый).

---

[1] По са́д — пригород.

Да вот в бутылке
засмолённой,
Между жарким и
блан-манже́ [1],
Цимля́нское [2] несут уже;
За ним строй рю́мок узких,
длинных,
Подобных та́лии твоей,
Зизи́, кристалл души моей,
Предмет стихов моих
неви́нных,
Любви прима́нчивый фиял [3],
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII.

Освободясь от про́бки
вла́жной,
Бутылка хло́пнула; вино
Шипит; и вот с осанкой
ва́жной,
Купле́том мучимый давно,
Трике́ встаёт; пред ним
собра́нье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листко́м в
руке,
Запел, фальши́вя [4]. Плёски,
кри́ки
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена́;
Поэт же скро́мный, хоть
великий,
Её здоровье первый пьёт
И ей куплет передаёт.

XXXIV.

Пошли приве́ты,
поздравле́нья,
Татьяна всех благодари́т.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то де́вы томный вид,
Её смуще́ние, усталость
В его душе родили жалость:
Он молча поклони́лся ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и впра́вду тро́нут был,
Иль он, коке́тствуя шалил,
Невольно ль иль из доброй
воли,
Но взор сей нежность
изъяви́л:
Он сердце Тани оживил.

XXXV.

Гремят отдви́нутые сту́лья;
Толпа в гостиную вали́т:
Так пчёл из ла́комого у́лья
На ниву шумный рой летит.
Довольный пра́здничным
обедом,
Сосед сопи́т перед соседом;
Подсе́ли дамы к камельку́ [5];
Девицы шепчут в уголку́;
Столы зелёные [6] раскрыты:

---

[1] Блан-манже́ — сладкое блюдо из молока, сахара и корицы.

[2] Цимля́нское — донско́е виноградное вино.

[3] Фия́л (фиал) — ку́бок, чаша.

[4] Фальши́вить в пе́нии — брать неверные, неправильные звуки, но́ты.

[5] Камелёк — ками́н, открытая ко́мнатная печь с прямым дымохо́дом.

[6] Столы зелёные — столы, обитые зелёным сукном, для игры в карты.

Зовут задóрных игроков
Бостóн и лóмбер стариков,
И вист[1], доны́не знаменитый,
Однообрáзная семья,
Всё жадной скуки сыновья́.

XXXVI.

Уж восемь рóбберов[2] сыграли
Герои ви́ста; восемь раз
Они места́ переменя́ли;
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок—верный наш
Брегéт;
И, кстати, я замéчу в скóбках,
Что речь веду в моих строфáх
Я столь же часто о пирах,
О разны́х кушанья́х и
пробках,
Как ты, божественный Омúр,
Ты, тридцати́ веков кумúр!

XXXIX.

Но чай несут: девúцы чúнно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале
длинной
Фагóт и флейта[3] раздали́сь.
Обрáдован музы́ки громом,
Оставя чашку чаю с рóмом[4],
Парúс[5] окру́жных городков,
Подходит к Ольге Петушкóв,
К Татьяне Ленский,
Харликóву,
Невесту переспéлых лет,
Берёт тамбовский мой поэт,
Умчáл Буянов Пустякову,
И в залу вы́сыпали все,
И бал блестит во всей красé.

XLI.

Однообрáзный и безумный,
Как ви́хорь жизни молодой,
Кружи́тся вáльса ви́хорь
шумный;
Четá мелькает за четой.
К минуте мщéнья
приближаясь,
Онегин, втайне усмехáясь,
Подхóдит к Ольге. Быстро с
ней
Верти́тся около гостей,
Потом на стул её сажáет,
Завóдит речь о том, о сём;
Спустя мину́ты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумлéньи. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XLIV.

Буя́нов, братец мой задóрный,
К герою нашему подвёл
Татьяну с Ольгою; провóрно

---

[1] Бостóн, ломбер, вист — карточные игры.
[2] Рóббер — партия в карточной игре.
[3] Фагóт и флейта — музыкальные инструмéнты.
[4] Ром — вино.
[5] Парúс — герой древнегрéческого сказáния о Троянской войне, отличáвшийся красотой; он похитил Елену, жену троянского царя Менелáя; здесь насмешливо: красавец, обольсти́тель.

Онегин с Ольгою пошёл;
Ведет её, скользя небре́жно,
И, наклоня́сь, ей шепчет нежно
Какой-то по́шлый мадрига́л [1],
И руку жмёт — и запыла́л
В её лице самолюби́вом
Румя́нец ярче. Ленский мой
Всё видел: вспы́хнул, сам не свой;
В негодова́нии ревни́вом
Поэт конца мазу́рки ждёт
И в котильо́н [2] её зовет.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала́
Онегину. О бо́же, бо́же!
Что слышит он? Она могла...
Возмо́жно ль? Чуть лишь из пелёнок,
Кокéтка, вéтреный ребёнок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снесть удара;
Прока́зы женские кляня́,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистоле́тов па́ра,
Две пули—больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Глава шестая.

Lá sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.
Petr [3].

I.

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузи́лся,
Довольный мще́нием своим.
За ним и Оленька зева́ла,
Глазами Ленского иска́ла,
И бесконе́чный котильо́н
Её томил, как тяжкий сон.

Но кончен он. Идут за ужин.
Постели сте́лют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой де́вичьи. Всем нужен
Покойной сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II.

Всё успоко́илось: в гости́ной
Храпит тяжёлый Пустяков

[1] Мадрига́л — стихотворение шутли́вого или любовного характера.
[2] Мазу́рка, котильо́н — танцы, котильоном обычно заканчивался бал.
[3] Там, где под тума́нными и коротки́ми днями родится племя, которому не го́рестно умирать. — Петра́рка.

С своей тяжёлой половúной.
Гвоздúн, Буя́нов, Петушко́в
И Фля́нов не совсем
здоровый,
На стульях улеглись в
столовой.
А на полу мосьё Трике́,
В фуфайке, в старом колпаке́.
Девúцы в комнатах Татья́ны
И Ольги все объя́ты сном.
Одна́, печа́льна под окном,
Озарена́ лучом Диа́ны [1],
Татьяна бедная не спит
И в поле тёмное глядит.

III.

Его нежда́нным появле́ньем,
Мгнове́нной не́жностью очей
И странным с Ольгой поведе́ньем
До глубины души своей
Она прони́кнута; не может
Никак понять его; трево́жит
Её ревни́вая тоска́,
Как будто хла́дная рука
Ей сердце жмёт, как будто
бе́здна
Под ней чернеет и шумит...
«Погúбну, — Таня говорит, —
Но гибель от него любе́зна,
Я не ропщу; зачем роптать?
Не может он мне сча́стья
дать».

IV.

Вперёд, вперёд, моя исто́рья!
Лицо нас новое зовёт,
В пяти верстах от
Красного́рья,
Деревни Ленского, живёт
И здравствует ещё доны́не
В философи́ческой пусты́не
Заре́цкий, некогда буян,
Картёжной шайки атама́н [2],
Глава пове́с, трибу́н
тракти́рный [3],
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холосто́й,
Надёжный друг, помещик
мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

VIII.

Он был не глуп; и мой
Евгений,
Не уважая сердца в нём,
Любил и дух его сужде́ний,
И здравый толк о том, о сём.
Он с удово́льствием, бывало,
Видался с ним, и так нима́ло
Пою́тру не был удивлён,
Когда его увидел он.
Тот после первого приве́та,
Прервав начатый разговор,
Онегину, оскла́бя взор,
Вручи́л записку от поэта.
К окну Онегин подошёл
И про себя её прочёл.

XI.

То был приятный,
благоро́дный,
Коро́ткий вы́зов иль карте́ль:

---

[1] Луч Диа́ны — здесь: луч луны.
[2] Атама́н — глава́рь.
[3] Трибу́н тракти́рный — вожа́к, глава трактирных завсегдата́ев (слово *трибун* употреблено здесь в насмешливом значении).

Учтиво, с я́сностью холо́дной
Звал друга Ленский на
дуэль.
Онегин с первого движе́нья,
К послу такого порученья
Оборотя́сь, без лишних слов
Сказал, что он всегда готов.
Зарецкий встал без
объясне́ний;
Остаться до́ле не хотел,
Имея дома много дел.
И то́тчас вышел; но Евгений
Наедине́ с своей душой
Был недово́лен сам собой.

X.

И поделом: в разборе
строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвиня́л себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью ро́бкой,
не́жной
Так подшути́л вечо́р
небре́жно.
А во-вторых: пускай поэт
Дура́чится; в осьмнадцать лет
Оно прости́тельно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя;
Был должен оказа́ть себя
Не мячиком
предрассужде́ний,
Не пылким мальчиком,
бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

XI.

Он мог бы чувства
обнару́жить,
А не щети́ниться, как зверь;
Он должен был обезору́жить
Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в
это дело
Вмешался старый дуэли́ст[1];
Он зол, он спле́тник, он
рети́ст...
Конечно: быть должно
презре́нье
Ценой его забавных слов,
Но шопот, хохотня́
глупцо́в...»
И вот общественное мненье!
Пружи́на че́сти, наш кумир!
И вот на чём вертится мир!

XII.

Кипя враждой нетерпели́вой,
Ответа дома ждёт поэт;
И вот сосед велереви́вый[2]
Привёз торже́ственно ответ.
Теперь ревни́вцу то-то
праздник!
Он всё боялся, чтоб прока́зник
Не отшути́лся как-нибудь,
Уло́вку выдумав и грудь
Отворотив от пистоле́та.
Теперь сомне́нья решены́:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассве́та,
Взвести́ друг на́ друга куро́к
И метить в ляжку иль в висо́к.

---

[1] Дуэли́ст — участник дуэли, поедя́нка (говорили ещё дуэлянт).
[2] Велереви́вый — здесь: напы́щенный красноба́й, говору́н.

XIII.

Решась кокéтку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединóм Ольгу
видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напослéдок —
И очутился у сосéдок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить,
Не тут-то было: как и прежде,
Навстречу бедного певца
Прыгнýла Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде.
Резвá, беспéчна [1], весела,
Ну точно та же, как была.

XIV.

«Зачем вечóр так рано
скрылись?» —
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском
помутúлись,
И мóлча он повéсил нос.
Исчезла рéвность и доса́да
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой рéзвою душой!..
Он смотрит в сладком
умилéнье;
Он видит: он ещё любим;
Уж он, раска́яньем томúм,
Готов просить у ней прощéнье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти
здоров...

XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгою своей,
Владимир не имеет сúлы
Вчерашний день напóмнить ей;
Он мыслит: «Буду ей спаситель,
Не потерплю, чтоб
развратúтель
Огнём и вздохов и похвал
Младое сердце искушáл;
Чтоб червь презрéнный,
ядовúтый
Точил лилеи стебелёк [2];
Чтобы двухýтренний цветок
Увял ещё полураскрытый».
Всё это значило, друзья:
С приятелем стреля́юсь я.

XVIII.

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вéдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспóрят о могúльной сéни, —
Ах, может быть, её любовь
Друзей соединúла б вновь!
Но этой страсти и случайно
Ещё никто не открывал.
Онегин обо всём молчал;
Татьяна изнывáла тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогáдлива была.

XIX.

Весь вечер Ленский был рассéян,
То молчалúв, то весел вновь;
Но тот, кто мýзою взлелéян,
Всегда таков; нахмуря бровь,

[1] Беспéчна — беззаботна.
[2] Лилеи стебелёк — стебелёк лúлии.

Садился он за клавико́рды [1]
И брал на них одни акко́рды [2];
То к Ольге взо́ры устремив,
Шептал: «Не правда ль? я
счастли́в?»
Но поздно; время ехать.
Сжа́лось
В нём сердце, полное тоской;
Проща́ясь с девой молодой,
Оно как будто разрыва́лось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — «Так». — И
на крыльцо.

XX.

Домой приехав, пистоле́ты
Он осмотре́л, потом вложил
Опять их в ящик, и, разде́тый,
При свечке Ши́ллера открыл;
Но мысль одна его объе́млет;
В нём сердце грустное не
дре́млет;
С неизъясни́мою красой
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,
Берёт перо; его стихи,
Полны любовной чепухи́,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лири́ческом жару,
Как Де́львиг [3] пьяный на
пиру.

XXI.

Стихи на случай сохрани́лись;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удали́лись,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне
готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет ну́жды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой
пронзённый,
Иль мимо пролетит она,
Всё бла́го: бде́ния [4] и сна
Приходит час определённый;
Благослове́н и день забот,
Благослове́н и тьмы приход!

XXII.

«Блеснёт зау́тра [5] луч денни́цы [6]
И заиграет яркий день;
А я — быть может, я
гробни́цы
Сойду в таи́нственную сень,
И память юного поэта
Погло́тит медленная Лета [7],
Забудет мир меня; но ты
Придёшь ли, де́ва красоты,
Слезу́ пролить над ранней
у́рной
И думать: он меня любил,
Он мне еди́ной посвяти́л

---

[1] Клавико́рды — старинный музыкальный инструме́нт, похожий на пиани́но.

[2] Акко́рды — соединение нескольких одновре́менно вызываемых из музыкального инструмента звуков.

[3] Дельвиг — поэт 20-х годов XIX века, друг Пушкина.

[4] Бде́ние — бо́дрствование.

[5] Зау́тра — завтра поутру.

[6] Денни́ца — утренняя заря.

[7] Ле́та — река забвения (по верованиям древних); Лета поглотит память поэта — забудут все о поэте.

Рассвет печальный жизни
бурной! . .
Сердечный друг, желáнный
друг,
Приди́, приди́: я твой
супру́г! . .»

XXIII.

Так он писал *темно́* и *вя́ло*
(Что романти́змом мы зовём,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в
том?)
И наконец перед зарёю,
Склоня́сь усталой головою,
На модном слове *идеал*[1]
Тихо́нько Ленский задремал;
Но только со́нным обая́ньем
Он позабылся, уж сосед
В безмо́лвный[2] входит
кабинет
И бу́дит Ленского воззва́ньем:
«Пора вставать: седьмой уж
час.
Онегин верно ждёт уж нас».

XXIV.

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мёртвым
сном.
Уже реде́ют ночи тени
И встре́чен Веспер[3] петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко,
И перелётная метель
Блестит и вьётся; но постель
Ещё Евгений не поки́нул,
Ещё над ним летает сон.
Вот наконец проснулся он
И по́лы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV.

Он поскорей звонит. Вбега́ет
К нему слуга француз Гильо́,
Халат и туфли предлагает
И подаёт ему бельё.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовля́ться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Гото́вы сани беговые.
Он сел на мельницу летит.
Примча́лись. Он слуге велит
Лепа́жа[4] ство́лы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум
дубка́м.

XXVI.

Опёршись на плоти́ну, Ленский
Давно нетерпели́во ждал;

---

[1] Идеал — слово, обозначающее высшее совершéнство, мыслимое как предмет стремлéний или образец; слово идеал типично для поэтов-романтиков.

[2] Безмóлвный — молчали́вый.

[3] Вéспер — название утренней звезды; в перенóсном смысле: утренняя заря.

[4] Лепáж — ружейный мастер; стволы Лепажа — пистолéты работы Лепажа.

Меж тем, механик деревенский,
Зарéцкий жóрнов осуждáл.
Идёт Онегин с извинéньем.
«Но где же, — молвил с изумленьем
Зарецкий, — где ваш секундáнт[1]?
В дуэ́лях классик и педáнт,
Любил метóду он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял — не как-нибудь,
Но в стрóгих правилах искусства,
По всем предáньям старины
(Что похвалить мы в нём должны).

XXVII.

«Мой секундант? — сказал Евгений: —
Вот он: мой друг monsieur Guillot[2]
Я не предви́жу возраже́ний
На представле́ние моё:
Хоть человек он неизве́стный,
Но уж, конечно, малый честный».
Зарецкий губу закуси́л.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнём, пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потýпя взор.

XXVIII.

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапе́зу[3], мысли и дела
Дели́ли дружно? Ныне злобно,
Врагам насле́дственным подóбно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокрóвно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагри́лась[4] их рука,
Не разойтиться ль полюбóвно?..
Но дико све́тская вражда́
Боится ложного стыда.

XXIX.

Вот пистолеты уж блеснýли,
Гремит о шóмпол молоток.
В гранёный ствол уходят пули,
И щёлкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зуб áтый,
Надёжно ввúнченный кремéнь
Взведён ещё. За ближний пень

---

[1] Секунда́нт — посре́дник и свиде́тель одного из уча́стников дуэли.
[2] Господин Гильо́.
[3] Трапе́за — обед, приём пищи за общим столом; здесь употребляется, как указание на дружбу.
[4] Обагри́ть — окрасить; здесь: окрасить кровью.

Становится Гильо́ смущённый.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью
отме́нной,
Друзей развёл по крайний
след,
И каждый взял свой пистолет.

XXX.

«Теперь сходи́тесь».
Хладнокро́вно,
Ещё не це́ля, два врага
Походкой твёрдой, тихо,
ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступе́ни.
Свой пистоле́т тогда Евгений,
Не преста́вая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов ещё ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как
раз
Онегин выстрелил... Пробили
Часы уро́чные: поэт
Роня́ет, мо́лча, пистолет.

XXXI.

На грудь кладёт тихонько
руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не му́ку.
Так медленно по ска́ту гор,
На солнце и́скрами блиста́я,
Спадает гли́ба снеговая.
Мгнове́нным холодом обли́т,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовёт его... напра́сно:
Его уж нет. Младой певец
Нашёл безвре́менный конец!
Дохну́ла буря, цвет
прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алта́ре!..

XXXV.

В тоске серде́чных угрызе́ний,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», — решил
сосед.
Убит!.. Сим страшным
восклица́ньем
Сражён, Онегин с содрога́ньем
Отходит и людей зовёт.
Зарецкий бе́режно кладёт
На сани труп оледене́лый;
Домой везёт он страшный
клад.
Почуя мёртвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила́,
И полетели, как стрела.

XXXVI.

Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете ра́достных надежд,
Их не свершив ещё для света,
Чуть из младе́нческих одежд,
Увял! Где жаркое волне́нье,
Где благоро́дное стремле́нье,
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, не́жных, удалых?
Где бурные любви жела́нья,
И жажда знаний и труда,
И страх поро́ка и стыда,
И вы, заве́тные мечта́нья,
Вы, при́зрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой!

XXXVII.

Быть может, он для бла́га мира,
Иль хоть для славы был рожде́н;
Его умо́лкнувшая ли́ра
Гремучий, непреры́вный звон
В веках поднять могла.
Поэта,
Быть может, на ступе́нях света
Жда́ла высокая ступень.
Его страда́льческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святу́ю тайну, и для нас
Погиб животво́рящий глас,
И за моги́льною черто́ю
К ней не домчи́тся гимн времён,
Благослове́ние племён.

XXXIX.

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы ю́ношества лета:
В нём пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расста́лся б с му́зами, жени́лся,
В деревне, счастлив и рога́т,
Носил бы стёганый халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Пода́гру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел.
И наконец в своей посте́ле
Скончался б посреди́ детей,
Плакси́вых баб и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, заду́мчивый мечтатель
Убит прия́тельской рукой!
Есть место: влево от селе́нья,
Где жил питомец вдохнове́нья,
Две со́сны ко́рнями сросли́сь;
Под ними струйки извили́сь
Ручья сосе́дственной доли́ны.
Там пахарь любит отдыхать,
И жни́цы в волны погружать
Приходят звонкие кувши́ны;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XLI.

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя́ свой пёстрый ла́поть,
Поёт про волжских рыбарей;
И горожа́нка молодая,
В деревне лето провожда́я,
Когда стремгла́в верхом она
Несётся по полям одна,
Коня пред ним останови́т,
Ремя́нный повод натяну́в,
И, флёр[1] от шляпы отвернув,
Глазами бе́глыми читает
Простую надпись — и слеза́
Туманит нежные глаза.

XLII.

И шагом едет в чистом поле,
В мечта́нье погрузясь она;
Душа в ней долго понево́ле

[1] Флёр — вуаль, тонкая прозра́чная ткань (кисея).

Судьбою Ленского полна;
И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней се́рдце долго ли страда́ло,
Иль скоро слёз прошла пора?
И где теперь её сестра?
И где ж бегле́ц людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот па́смурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Совре́менем отчёт я вам
Подробно обо всём отдам.

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращу́сь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.
Лета́ к суровой прозе клонят,
Лета шалу́нью рифму гонят,
И я — со вздо́хом признаюсь —
За ней ленивей волочу́сь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, сла́дкие мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

Глава седьмая.

Москва, России дочь люби́ма,
Где ра́вную тебе сыска́ть?
Дмитриев.

Как не любить родной Москвы?
Баратынский.

Гоне́нье на Москву! Что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.
Грибоедов.

I.

Гонимы ве́шними[1] лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежа́ли му́тными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея бле́щут небеса́.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью[2] полевой
Летит из ке́льи восковой.
Долины сохнут и пестре́ют;
Стада́ шумят, и соловей
Уж пел в безмо́лвии[3] ночей.

[1] Ве́шними — весенними.
[2] За да́нью — здесь: за кормом.
[3] В безмо́лвии — в тишине.

II.

Как гру́стно мне твоё явле́нье,
Весна, весна! пора любви́!
Какое то́мное волне́нье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжёлым умиле́ньем
Я наслаждаюсь дунове́ньем
В лицо мне веющей весны,
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажде́нье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что лику́ет и блестит,
Наво́дит ску́ку и томле́нье
На душу мёртвую давно,
И всё ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возвра́ту
Погибших о́сенью листов,
Мы по́мним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживлённой
Сближа́ем думою смущённой
Мы увяда́нье наших лет,
Которым возрожде́нья нет?
Быть может, в мысли нам
приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И́ в трепет сердце нам
приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

IV.

Вот время: добрые лени́вцы,
Эпикуре́йцы-мудрецы́ [1],
Вы, равноду́шные счастли́вцы,
Вы, школы Ле́вшина [2] птенцы́,
Вы, деревенские Прия́мы [3],
И вы, чувстви́тельные дамы,
Весна в дере́вню вас зовёт,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохнове́нных
И соблазни́тельных ночей.
В поля́ друзья! скорей, скорей,
В каретах, тя́жко
нагружённых,
На до́лгих иль на почтовых
Тянитесь из застав градских.

V.

И вы, читатель
благоскло́нный,
В своей коляске выписно́й,
Оставьте град неугомо́нный,
Где веселитесь вы зимой;
С моею му́зой своенра́вной
Пойдёмте слушать шум
дубра́вный
Над безымённою рекой,
В деревне, где Евгений мой,
Отше́льник пра́здный и
унылый,
Ещё недавно жил зимой
В сосе́дстве Тани молодой,
Моей мечта́тельницы милой;

[1] Эпикуре́йцы — после́дователи греческого философа Эпику́ра (III век до нашего летосчисления), считавшие высшим благом наслаждения душевное спокойствие, осно́ванное на удовлетворе́нии всех личных желаний.

[2] Левшин — автор многих сочинений по части хозяйственной.

[3] Деревенские Прия́мы — почётные старцы (Прия́м — имя престаре́лого царя Тро́и, по древнегреческим сказа́ниям. Пушкин этим самым как бы указывает, что у себя в усадьбе дворяне — всеси́льные влады́ки).

Но где его теперь уж нет...
Где грустный он оставил след.

VI.

Меж гор, лежащих полукру́гом,
Пойдём туда, где ручеёк
Виясь бежит зелёным лугом
К реке сквозь ли́повый лесок.
Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поёт; цветёт шипо́вник,
И слышен говор ключево́й —
Там виден камень гробово́й
В тени́ двух со́сен устаре́лых
Пришéльцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
«Погибший рано сме́ртью сме́лых,
«В такой-то год, таких-то лет.
«Покойся, юноша-поэт!»

VII.

На ве́тви со́сны преклонённой,
Бывало, ранний ветеро́к
Над этой у́рною смире́нной
Качал таи́нственный венок.
Бывало, в поздние досу́ги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обня́вшись, плакали оне.
Но ныне... памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглóх. Венка на ве́тви нет;
Один под ним, седой и хилый
Пастух попрежнему поёт
И обувь бедную плетёт.

X.

Мой бедный Ленский! изнывáя,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали не верна́.
Другой увлёк её вниманье,
Другой успел её страданье
Любовной лестью усыпи́ть,
Улáн[1] умел её пленить,
Улан любим её душою...
И вот уж с ним пред алтарём
Она стыдли́во под венцо́м
Стоит с пони́кшей голово́ю,
С огнём в поту́пленных очáх,
С улыбкой лёгкой на устах.

XI.

Мой бедный Ленский! за могилой,
В преде́лах ве́чности глухой,
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой,
Или над Летой усыплённый
Поэт, бесчувствием блаже́нный,
Уж не смуща́ется ничем,
И мир ему закрыт и нем?..
Так! равноду́шное забве́нье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг мóлкнет. Про одно имéнье
Насле́дников сердитый хор
Заво́дит непристойный спор.

---

[1] Улáн — здесь: офицер кавале́рии.

XII.

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливáясь,
Старушка, с дочерью прощáясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной блéдностью покрылось
Её печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослéд...
И вот одна, одна Татьяна!
Увы! подруга стольких лет,
Её голубка молодая,
Её напéрсница родная,
Судьбою вдаль занесенá,
С ней навсегдá разлучена.
Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад...
Нигде, ни в чём ей нет отрад,
И облегчéнья не находит
Она подáвленным слезам —
И сердце рвётся пополам.

XIV.

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть её горит,
И об Онегине далёком
Ей сердце громче говорит.
Она его не будет видеть;
Она должна в нём ненавúдеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб... но уж его
Никто не помнит, уж другому
Его невеста отдалáсь.
Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому,
О нём два сéрдца, может быть,
Ещё грустят... На что грустить?..

XV.

Был вечер. Небо мéркло. Вóды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходúлись хоровóды;
Уж за рекой, дымясь, пылáл
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебрúстом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холмá господский видит дом,
Селéнье, рóщу под холмом
И сад над свéтлою рекою.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чáще и сильней.

XVI.

Её сомнéния смущают:
«Пойду ль вперёд, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...

Взгляну́ на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна
сходит,
Едва дыша́; кругом обво́дит
Недоуме́нья полный взор...
И входит на пусты́нный двор.
К ней, лая ки́нулись собаки.
На крик испу́ганный её
Ребят дворо́вая семья
Сбежа́лась шумно. Но без
дра́ки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой
покро́в [1].

XVII.

«Увидеть барский дом нельзя
ли?» —
Спросила Таня. Поскорей
К Ани́сье дети побежали
У ней ключи взять от сене́й;
Анисья тотчас к ней явилась,
И дверь пред ними
отвори́лась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильа́рде [2] отдыхал,
На смя́том канапе́ [3] лежал
Мане́жный хлы́стик [4]. Таня
да́ле!
Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин си́живал один.

XVIII.

Здесь с ним обедывал зимою
Покойный Ленский, наш
сосед.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почива́л он, кофей
кушал,
Приказчика докла́ды слушал,
И книжку поутру́ читал...
И старый барин здесь жива́л;
Со мной бывало, в
воскресе́нье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки́.
Дай бог его душе спасенье,
А ко́сточкам его покой
В могиле, в мать-земле
сырой!»

XIX.

Татьяна взором умилённым
Вокруг себя на всё глядит,
И всё ей кажется бесце́нным.
Всё душу то́мную живит
Полу-мучи́тельной отра́дой:
И стол с поме́ркшею
лампа́дой,
И гру́да книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь су́мрак
лунный,
И этот бледный полусве́т,
И лорда Байрона портрет,

---

[1] Под свой покро́в — под своё покрови́тельство.
[2] Кий на бильа́рде... бильярд — комнатная игра шарами на специальном столе; кий — палка, которой толкают шар.
[3] Канапе́ — небольшой диван.
[4] Мане́жный хлы́стик — хлы́стик для верхово́й езды.

И столбик с куклою чугу́нной[1]
Под шляпой, с па́смурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

XX.

Татьяна долго в ке́лье модной
Как очаро́вана стоит.
Но поздно. Ветер встал холодный.
Темно в долине. Ро́ща спит
Над отума́ненной рекою;
Луна сокры́лась за горою,
И пилигри́мке[2] молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрыв своё волненье,
Не без того, чтоб не вздохнуть,
Пускается в обратный путь.
Но прежде просит позволенья
Пустынный замок навеща́ть,
Чтоб книжки здесь одной читать.

XXI.

Татьяна с клю́чницей прости́лась
За воротами. Через день
Уж утром, рано вновь явилась
Она в оста́вленную сень.
И в молчали́вом кабинете,
Забыв на время всё на свете,
Осталась наконец одна,
И долго плакала она.
Потом за книги принялася.
Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей стра́нен. Чтенью предала́ся
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

XXII.

Хотя мы знаем, что Евгений
Изда́вна чтенье разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опа́лы исключил:
Певца Гяу́ра и Жуа́на[3],
Да с ним ещё два-три романа,
В которых отразился век,
И современный человек
Изображён довольно верно
С его безнра́вственной душой,
Себялюби́вой и сухой,
Мечта́нью пре́данной безме́рно,
С его озло́бленным умом,
Кипя́щим в действии пустом.

XXIII.

Хранили многие страницы
Отме́тку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей.
Татьяна видит с трепета́ньем,
Какою мы́слью, замеча́ньем
Бывал Онегин поражён,
В чём молча соглаша́лся он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа

---

[1] Столбик с ку́клою чугу́нной — здесь чугунная фигурка Наполеона на подста́вке.

[2] Пилигри́мка — стра́нница, путеше́ственница.

[3] Певца Гяу́ра и Жуа́на — Байрона; Гяур и Дон-Жуан — герои произведений Байрона.

Себя невольно выража́ет,
То кратким словом, то крестом
То вопросительным крючком.

XXIV.

И начинает понемно́гу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена́ судьбою вла́стной:
Чудак печальный и опасный,
Созда́нье а́да иль небес,
Сей ангел, сей надме́нный бес,
Что ж он? Ужели подража́нье,
Ничтожный призрак, иль ещё
Москвич в Гаро́льдовом
плаще́[1],
Чужих причу́д истолкова́нье,
Слов модных полный
лексико́н?...[2]
Уж не паро́дия[3] ли он?

XXV.

Ужель загадку разреши́ла?
Ужели слово найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут её давно,
Где собрали́ся два соседа
И где об ней идёт беседа.
— Как быть? Татьяна не
дитя, —
Старушка мо́лвила кряхтя́. —
Ведь Оленька её моложе.
Пристро́ить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотре́з одно и то же:
Нейду́. И всё грустит она.
Да бро́дит по лесам одна.

XXVI.

«Не влюблена́ ль она?» — В
кого же?
Буя́нов сватался: отказ.
Ивану Петушко́ву — тоже.
Гусар Пыхти́н гостил у нас;
Уж как он Танею прельща́лся,
Как мелким бе́сом
рассыпа́лся!
Я думала: пойдёт аво́сь
Куда! и снова дело врозь. —
«Что ж, матушка? за чем же
стало?
В Москву, на я́рмарку невест!
Там, слышно, много праздных
мест».
— Ох, мой отец! дохо́ду
мало. —
«Довольно для одной зимы,
Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII.

Старушка очень полюби́ла
Совет разумный и благо́й;
Сочла́сь — и тут же положи́ла
В Москву́ отправиться
зимой —
И Таня слышит новость эту,

---

[1] Москвич в Гаро́льдовом плаще́ — имеется в виду тип разочаро́ванного, пресы́щенного жизнью, скучающего молодого человека из высшего дворянского общества. «В Гарольдовом плаще» — указание на подражание Чайльд-Гарольду — байроновскому герою.

[2] Лексико́н — словарь.

[3] Паро́дия — здесь: смешно́е, уро́дливое подража́ние.

На суд взыска́тельному свету
Представить ясные черты,
Провинциальной простоты́,
И запозда́лые наря́ды,
И запоздалый склад речей;
Московских фра́нтов и
цирце́й[1]
Привлечь насме́шливые
взгляды!..
О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

Далее в этой главе описываются сборы и поездка в Москву — «...на я́рмарку неве́ст».

И в Москве Татьяна остаётся заду́мчивой и печа́льной, хотя тётушки и кузины (двоюродные сёстры) стараются развлекать её.

...по родственным обедам
Развозят Таню каждый день
Представить бабушкам и дедам
Её рассе́янную лень...

И вот однажды в собрании Татьяна замечена:

А глаз меж тем с неё не сводит
Какой-то важный генерал...

Тётушки очень дово́льны. Судьба Татьяны решена́.

Глава восьмая.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever, fare thee well.

Byron[2].

XII.

. . . . . ,
Онегин (вновь займу́ся им),
Убив на поеди́нке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томя́сь в бездействии досу́га
Без службы, без жены,
без дел,
Ничем заняться не умел,

XIII.

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный
крест).
Оставил он своё селе́нье,
Лесов и нив уедине́нье,
Где окрова́вленная тень
Ему являлась каждый день,

[1] Цирце́и — завлека́ющие женщины. (Цирцея — по древнегреческим преда́ниям — имя волше́бницы, завлека́вшей мореплава́телей на свой остров и убивавшей их.)

[2] Прощай и если навсегда, — то навсегда прощай — *Байрон.*

И начал стра́нствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV.

Но вот толпа заколеба́лась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближа́лась,
За нею важный генерал.
Она была не торопли́ва,
Не холодна́, не говорли́ва,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужи́мок,
Без подража́тельных затей...
Всё тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du comme il faut... [1] Шишков [2],
прости:
Не знаю, как перевести.

XV.

К ней дамы подвига́лись
ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кла́нялися ниже,
Ловили взор её очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале: и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошёдший с нею генерал.
Никто б не мог её прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовла́стной
В высоком лондонском кругу
Зовётся vulgar [3]. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годи́лось в эпигра́мме...
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной пре́лестью мила,
Она сидела у стола
С блестящей Ниной
Воронскою,
Сей Клеопа́трою [4] Невы:
И верно б согласи́лись вы,
Что Нина мраморной красою
Затми́ть соседку не могла,
Хоть ослепи́тельна была.

XVII.

«Ужели, — думает
Евгений: —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных
селе́ний...»

---

[1] Du comme il faut (французское выражение) — дю ком иль фо — образец хорошего тона, хорошего вкуса, благопристойность, как надо, как следует быть.

[2] Ши́шко́в (1754—1841) — адмира́л и литератор, враг употребления иностранных слов, входящих в состав русского языка. Ши́шков, прости — это употреблено здесь в насме́шливой форме.

[3] Vulgar — вульгарный, грубый.

[4] Клеопа́тра — дочь еги́петского царя, власти́тельница; здесь: красавица.

И неотвя́зчивый лорнет
Он обращает поминутно
На, ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в мали́новом бере́те
С послóм испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит:
«Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя предста́влю я». —
«Да кто ж она?» — «Жена моя».

XVIII.

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли»? — «Около двух лет». —
«На ком?» — «На Ларúной — Татьяне!»
«Ты ей знаком?» — «Я им сосед». —
«О, так пойдём же». — Князь подходит
К своей жене и ей подво́дит
Родню́ и друга своего.
Княги́ня смотрит на него...
И что ей душу ни смути́ло,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена́,
Но ей ничто не измени́ло:
В ней сохрани́лся тот же тон,
Был также тих её поклон.

XIX.

Ей-ей! не то, чтоб содрогну́лась,
Иль стала вдруг бледна́, красна́...
У ней и бровь не шевельну́лась,
Не сжа́ла даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести́.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супру́гу[1] обратила
Усталый взгляд; скользну́ла вон...
И недвижи́м остался он.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине́,
В начале нашего романа,
В глухой, далёкой стороне,
В благо́м пылу нравоуче́нья
Читал когда-то наставле́нья;
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё нару́же, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрега́л в смире́нной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равноду́шна, так смела?

[1] Супру́г — муж.

XXI.

Он оставляет раут[1] тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то
прелéстной
Его встревóжен поздний сон.
Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно
просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..
О буду, буду!» и скорей
Мараéт он ответ учтúвый.
Что с ним? в каком он
странном сне!
Что шевельнýлось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? сýетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождётся дню
конца.
Но десять бьёт; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине
входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва, едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит спокойна и вольнá.

XXIII.

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête[2].
С Онегиным он вспоминает
Прокáзы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной сóлью свéтской
злóсти
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой лёгкий вздор
Сверкáл без глупого
жемáнства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых
тем,
Без вечных истин, без
педáнства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной жúвостью своей.

XXIV.

Тут был, однако, цвет
столицы,
И знать и мóды образцы,
Везде встречаемые лúцы,
Необходúмые глупцы́;
Тут были дамы пожилые
В чепцáх и в рóзах, с виду
злые;
Тут было несколько девúц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был послáнник,
говорúвший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединáх
Старик, по-старому шутúвший:
Отмéнно тонко и умнó,
Что нынче несколько смешно.

---

[1] Раут — званый вечер без танцев.
[2] Разговор вдвоём, наединé, с глазу на глаз.

XXV.

Тут был на эпигра́ммы
падкий,
На всё сердитый господин:
На чай хозя́йский, слишком
сладкий,
На плоскость дам, на тон
мужчин,
На толки про роман
туманный,
На ве́нзель, двум сестри́цам
данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.
. . . . . .

XXVII.

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной за́нят был одной,
Не этой девочкой несме́лой,
Влюблённой, бедной и
простой.
Но равноду́шною княги́ней,
Но непристу́пною боги́ней
Роско́шной, ца́рственной
Невы.
О люди! все похожи вы
На прароди́тельницу Эву:
Что вам дано, то не влечёт;
Вас непрестанно змий зовёт
К себе, к таи́нственному
древу:
Запретный плод вам подава́й,
А без того вам рай не рай.

XXVIII.

Как изменилася Татьяна!
Как твёрдо в роль свою
вошла́!
Как утесни́тельного са́на
Приёмы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки
нежной
В сей велича́вой, в сей
небре́жной
Законода́тельнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нём она во мраке ночи,
Пока Морфе́й[1] не прилетит,
Бывало, де́вственно грустит,
К луне подъемлет то́мны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смире́нный жизни
путь!

XXIX.

Любви все во́зрасты поко́рны;
Но юным, девственным
сердцам
Её поры́вы благотво́рны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они
свеже́ют
И обновля́ются, и зреют —
И жизнь могущая даёт
И пышный цвет, и сладкий
плод.
Но возраст поздний и
беспло́дный,
На поворо́те наших лет,
Печален страсти мёртвый
след:
Так бури о́сени холодной
В боло́то обращают луг
И обнажа́ют лес вокруг.

---

[1] Морфе́й — у древних греков сын ночи, бог сна и сновидений.

XXX.

Сомне́нья нет: увы! Евгений
В Татьяну, как дитя, влюблён;
В тоске любовных
помышле́ний
И день и ночь проводит он.
Ума не вне́мля строгим
пеням[1],
К её крыльцу, стеклянным
се́ням
Он подъезжает каждый день;
За ней он го́нится, как тень;
Он счастлив, если ей наки́нет
Боа́[2] пушистый на плечо,
Или коснётся горячо́
Её руки, или раздви́нет
Пред нею пёстрый полк
ливре́й[3],
Или платок подымет ей.

XXXI.

Она его не замеча́ет,
Как он ни бейся, хоть умри́.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним мо́лвит слова
три.
Порой одним покло́ном
встретит,
Порою вовсе не заме́тит:
Кокéтства в ней ни капли
нет —
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин со́хнет, и едва ль
Уж не чахо́ткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к вода́м.

XXXII.

А он не едет; он зара́не
Писать ко пра́дедам готов
О скорой встрече[4], а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Ещё надеется, хлопо́чет;
Смелей здоро́вого, больной
Княгине слабою рукой
Он пишет стра́стное посла́нье[5].
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не
вотще[6];
Но, знать, сердечное
страда́нье
Уже пришло ему не в мочь.
Вот вам письмо его точь-в-
точь.

Письмо Онегина к Татьяне.

Предвижу всё; вас оскорби́т
Печальной тайны объясне́нье.
Какое горькое презре́нье
Ваш гордый взгляд изобрази́т!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому зло́бному веселью,
Быть может, повод подаю!

---

[1] Стро́гим пе́ням — жалобам, увещеваниям.
[2] Боа́ — мех, набрасываемый на плечи.
[3] Полк ливре́й — лакеи, одетые в ливреи (в специальную форму).
[4] Он заране писать ко прадедам готов о скорой встрече — он готов к близкой смерти.
[5] Посла́нье — письмо.
[6] Вотще́ — напрасно.

Случайно вас когда-то встре́тя,
В вас искру не́жности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою посты́лую[1] свободу
Я потерять не захотел.
Ещё одно нас разлучи́ло...
Несча́стной жертвой Ленский пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторва́л;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Заме́на сча́стью. Боже мой!
Как я ошибся, как нака́зан!

Нет, поминýтно видеть вас,
Повсю́ду следовать за вами,
Улыбку уст, движе́нье глаз
Ловить влюблёнными глазами,
Внима́ть вам долго, понимать
Душой всё ваше совершéнство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаже́нство!
И я лишён того: для вас
Тащу́сь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке тра́чу
Судьбой отсчи́танные дни.
И так уж тя́гостны они.
Я знаю: век уж мой изме́рен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уве́рен,
Что с вами днём увижусь я...
Боюсь: в мольбе́ моей смире́нной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презре́нной —
И слышу гне́вный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужа́сно
Томи́ться жа́ждою любви,
Пылать — и разумом всеча́сно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас коле́ни,
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, призна́нья, пени[2]
Всё, всё, что вы́разить бы мог,
А между тем притворным хла́дом[3]
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас весёлым взглядом!..
Но так и быть я сам себе
Проти́виться не в силах боле:
Всё решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII.

Ответа нет. Он вновь посла́нье:
Второму, тре́тьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошёл... ему
Она навстре́чу, Как сурóва!
Его не видит, с ним ни слова;

---

[1] **Посты́лую — немилую, надоевшую.**
[2] **Пе́ни — здесь: упрёки.**
[3] **Хлад — холод.**

У! как теперь окружена́
Крещённским холодом она!
Как удержать негодова́нье
Уста́ упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье,
сострада́нье?
Где пятна слёз?.. Их нет, их
нет!
На сем лице лишь гнева след...

XXXIV.

Да, может быть, боязни
тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Прока́зы, слабости
случайной...
Всего, что мой Онегин знал...
Наде́жды нет! Он уе жа́ет,
Своё безумство проклина́ет —
И, в нём глубоко погружён,
От света вновь отре́кся он.
И в молчали́вом кабинете
Ему припо́мнилась пора,
Когда жестокая хандра́
За ним гнала́ся в шумном
свете,
Поймала, за́ ворот взяла
И в тёмный угол заперла́.

XXXV.

Стал вновь читать он без
разбора.
Прочёл он Гиббона, Руссо́,
Манзо́ни, Ге́рдера, Шамфо́ра,
Мадаме de-Staël, Биша́, Тиссо́,
Прочёл скепти́ческого Бе́ля,
Прочёл творенья Фонтене́ля[1],
Прочёл из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альмана́хи и журналы,
Где поуче́нья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадрига́лы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene[2], господа.

XXXVI.

И что ж? глаза его чита́ли,
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печа́ли
Тесни́лись в душу глубоко́.
Он меж печа́тными строками
Читал духо́вными глазами
Другие стро́ки. В них-то он
Был соверше́нно углублён.
То были тайные преда́нья
Сердечной, тёмной старины,
Ни с чем не свя́занные сны,
Угрозы, толки, предсказа́нья,

---

[1] Гиббо́н Э. (1737—1794) — английский историк. Манзо́ни А. (1784—1873) — итальянский поэт. Ге́рдер И. (1744—1803) — немецкий философ, поэт и критик. Шамфо́р С. (1714—1794) — французский политический писатель Мадам де Сталь (1766—1817) — автор романов «Дельфи́на», «Кори́нна» и ряда публицистических работ. Биша́ М. (1771—1802) — французский врач, автор научных книг по анато́мии и пр. Тиссо́ С. (1728—1797) — французский врач, автор книг по нервным болезням. Бель П. (1647—1706) — французский философ, противник церкви. Фонтене́ль Б. (1657—1757) — французский писатель и философ.

[2] E sempre bene (итальянское выражение) — е семпре бене — ну что ж, отлично.

Иль длинной сказки вздор живой,
Иль пи́сьма девы молодой.

XXXVII.

И постепенно в усыпле́нье
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображе́нье
Свой пёстрый ме́чет фарао́н [1].
То видит он: на та́лом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недви́жим юноша лежит,
И слышит голос: «Что ж? убит!»
То видит он врагов забве́нных,
Клеветнико́в и трусов злых,
И рой изме́нниц молодых,
И круг товарищей презре́нных,
То сельский дом — и у окна
Сидит *она* ... и всё она!..

XXXVIII.

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сде́лался поэтом.
Признаться, то-то б одолжи́л!
А точно: силой магнети́зма [2]
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолко́вый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлы́кал: Benedetta
Иль Idol mio [3], и ронял
В огонь то туфлю, то журнал.

XXXIX.

Дни мча́лись; в воздухе нагре́том
Уж разреша́лася зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошёл с ума.
Весна живит его: впервые
Свои поко́и запертые,
Где зимовал он, как суро́к,
Двойные окна, камелёк
Он ясным утром оставляет,
Несётся вдоль Невы в санях.
На синих, иссечённых льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нём свой быстрый бег

XL.

Стремит Онегин? Вы зара́не
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неиспра́вленный чудак.
Идёт, на мертвеца́ похожий.
Нет ни одной души в прихо́жей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княги́ня перед ним одна,
Сидит, не у́брана, бледна́,
Письмо какое-то читает
И тихо слёзы льёт рекой,
Опёршись на руку щекой.

---

[1] Фарао́н — карточная игра.
[2] Магнети́зм — здесь: таи́нственная сила внуше́ния, влия́ния.
[3] Benedetta... Idol mio (итальянское выражение) — Бенедетта... Идоль мио... — Благослове́нная... Мой кумир...

XLI.

О, кто б немых её страда́ний
В сей быстрый миг не
прочита́л!
Кто прежней Тани, бедной
Тани
Теперь в княги́не б не узнал!
В тоске безумных сожале́ний
К её ногам упал Евгений;
Она вздрогну́ла, и молчит;
И на Онегина глядит
Без удивле́ния, без гнева ...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,
Ей вня́тно всё. Проста́я дева,
С мечтами, сердцем прежних
дней,
Теперь опять воскре́сла в ней.

XLII.

Она его не подымает,
И, не сводя́ с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчу́вственной руки своей ...
О чём теперь её мечта́нье? ..
Проходит долгое молча́нье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я
должна
Вам объясни́ться откро́венно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в алле́е нас
Судьба свела и так смире́нно
Урок ваш вы́слушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онегин, я тогда моло́же,
Я лу́чше, кажется, была.
И я люби́ла вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? Одну суро́вость.
Не правда ль? Вам была не
но́вость
Смиренной девочки любовь?
И нынче — боже! — стынет
кровь,
Как только вспомню взгляд
холодный
И эту про́поведь ... Но вас
Я не виню: в тот стра́шный
час
Вы поступили благоро́дно.
Вы были пра́вы предо мной;
Я благода́рна всей душой ...

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — в
пустыне,
Вдали от су́етной молвы́,
Я вам не нра́вилась ... Что ж
ныне
Меня пресле́дуете вы?
Зачем у вас я на приме́те?
Не потому ль, что в вы́сшем
свете
Теперь являться я должна́,
Что я бога́та и знатна́,
Что муж в сраженьях
изуве́чен,
Что нас за то ласка́ет двор[1]?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы все́ми был заме́чен
И мог бы в обществе прине́сть
Вам соблазни́тельную честь?

[1] Двор — здесь: приближённые царя, высшая знать.

XLV.

«Я плачу... если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: ко́лкость вашей
бра́ни,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было
власти,
Я предпочла́ б обидной
стра́сти
И этим письмам и слезам.
К моим младе́нческим мечтам
Тогда имели вы хоть жа́лость,
Хоть уваженье к летам...
А нынче! — что к моим ногам
Вас привело́? какая ма́лость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чу́вства мелкого рабом?

XLVI.

«А мне, Онегин, пышность
эта,
Посты́лой жизни мишура́,
Мои успехи в ви́хре све́та,
Мой мо́дный дом и вечера́,
Что в них? Сейчас отдать я
рада
Всю эту ве́тошь маскара́да,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жили́ще,
За те места, где в первый раз,
Оне́гин, видела я вас,
Да за смире́нное кла́дби́ще,
Где нынче крест и тень
ветвей
Над бедной ня́нею моей...

XLVII.

«А счастье было так
возмо́жно,
Так бли́зко!.. Но судьба моя
Уж решена́. Неосторо́жно,
Быть может, поступи́ла я:
Меня с слеза́ми заклина́ний
Молила мать; для бедной
Тани
Все были жребии равны́...
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оста́вить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И го́рдость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему
лука́вить?),
Но я другому отдана́;
Я буду век ему верна».

XLVIII.

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражён.
В какую бурю ощуще́ний
Теперь он сердцем погружён!
Но шпор внезапный звон
раздался,
И муж Татьяны показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надо́лго... навсегда́. За ним
Довольно мы путём одним
Броди́ли по свету. Поздра́вим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто б ни был ты, о мой
читатель,
Друг, не́друг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как
приятель.
Прости. Чего бы ты за мной

Здесь ни искал в строфах
неб ёжных,
Воспомина́ний ли мятежных;
Отдохнове́нья ль от трудов,
Живых картин, иль острых
слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке
ты
Для развлече́нья, для мечты,
Для сердца, для журнальных
сши́бок,
Хотя крупицу мог найти.
Засим расста́немся, прости!

L.

Прости ж и ты, мой спутник
странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоя́нный,
Хоть малый труд. Я с вами
знал
Всё, что зави́дно для поэта:
Забве́нье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промча́лось много, много
дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явилися впервы́е мне —
И даль свободного романа
Я сквозь маги́ческий
крист а́лл[1]
Ещё́ не ясно различал.

LI.

Но те, которым в дру́жной
встрече
Я стро́фы первые читал...
Иных уж нет, а те дале́че,
Как Са́ди[2] некогда сказал.
Без них Онегин дописа́н.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок[3] отъял!
Блажен, кто праздник жизни
рано
Оставил, не допив до дна
Бока́ла полного вина,
Кто не дочёл её романа
И вдруг умел расстаться с
ним,
Как я с Онегиным моим.

Задания.

I. Расскажите, как изображена́ в романе жизнь столичного и провинциа́льного дворянства. Обратите внимание на следующие обстоя́тельства их жизни:

а) сре́дства к существова́нию;
б) система воспитания;
в) характер самой жизни и отношение к труду;
г) понятие о че́сти;
д) отношение к другим социальным группам.

---

[1] Маги́ческий крист а́лл — волшебное стекло, якобы позволя́ющее видеть скрытую судьбу, будущее.

[2] Са́ди (Саади) — персидский поэт XIII века.

[3] Рок — судьба.

II. Расскажите (а потом и напишите) о жизни Евгения Онегина по данному ниже плану.

П л а н.

а) Воспитание Онегина.
б) Его интересы, стремле́ния, круг чтения и времяпровожде́ние.
в) Разочаро́ванность (хандра) Онегина и её причины; обречённость на бездействие, на «жизнь без цели, без труда».
г) Отношение к Татьяне.
д) Отличие Онегина от окружающей его среды, которая по своим интересам и идейным устремле́ниям совершенно чужда ему.
е) Онегин и Ленский.

Подберите цитаты для характеристики Евгения Онегина. Вот примерные цитаты (или отрывки из цитат), подобранные по определённому плану.

1. Место рождения.

«Онегин, добрый мой приятель, родился на брегах Невы...»

2. Система воспитания.

«Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur её сменил...

3. Результаты воспитания и образования.

«Он по-французски совершенно
Мог изъясня́ться и писал.
Легко мазурку танцовал,
И кланялся непринуждённо...»

4. Разочарование Онегина.

«...к жизни вовсе охладе́л...»
«Как Чайльд-Гарольд, угрюмый, то́мный
В гости́ных появлялся он...»
«Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок».

5. Онегин и Татьяна.

«Учитесь вла́ствовать собою:
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт».
. . . . . .
«...Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благоро́дно...»

6. Онегин и Ленский.

«Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пла́мень
Не столь различны меж собой».
«Меж ними всё рождало споры

И к размышле́нию влекло́...
. . . . . .
Судьба и жизнь в свою чреду́,
Всё подвергалось их суду».

III. Охарактеризуйте образ Татьяны.

Краткий план характеристики.

а) Портрет Татьяны.
б) Её отличи́тельные осо́бенности в сравнении с Ольгой.
в) Глубина, серьёзность и и́скренность её чувства к Онегину.
г) Олицетворе́ние в этом образе чу́вства сурового до́лга.
д) Красота и изящество духовного облика Татьяны, обречённой на безра́достную жизнь.

В процессе характеристики останови́тесь на истории любви Татьяны и Онегина и подчеркните такие свойства характера Татьяны, которые делают её любимой герои́ней Пушкина.

IV. Расскажите историю Ольги и Ленского.

Охарактеризу́йте образ Ольги, подчеркнув в этом образе черты провинциальной барышни-просту́шки: весёлость, ла́сковость, беспе́чность, хозя́йственность.

Охарактеризуйте образ Ленского и подчеркните в нём его романтическую отво́ренность от действительности, поэтическую востро́женность, его высокое представле́ние о дружбе и любви. Останови́тесь и на том, как Пушкин оценивает Ленского.

V. В романе показан кризис дворянства, его разложение. Найдите в тексте такие места, где бы чу́вствовалось отрица́тельное отношение к дворянству и сочувствие крестьянству.

VI. Прочитайте статьи В. Г. Белинского о романе «Евгений Онегин» и продумайте, как великий критик оценивает образы Онегина и Татьяны.

Покажите на примерах, почему В. Г. Белинский называет этот роман «энциклопе́дией русской жизни и в высшей степени народным произведением».

Для лучшего усвое́ния статей В. Г. Белинского составьте к ним простой план.

VII. Осмыслите с и н о́ н и м ы, которые вы встречаете в романе, и введите их в ваш пересказ романа, соответственно чередуя в примерах.

А.

1. *Деревня, где скучал Евгений,*
   Была прелестный уголок.

2. *Затем, что он равно зевал*
   Средь мо́дных и старинных зал.

3. *Дожив без цели, без трудов*
   До двадцати шести годов,
   Томясь в бездействии досу́га,
   Без службы, без жены, без дел,
   Ничем заняться не умел.

Б.

1. Неду́г, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому с п л и́ н у,
Короче: русская х а н д р а́
Им овладела понемно́гу.

2. Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, с к у́ к о й вновь томи́м,
Близ Ольги в думу погрузи́лся,
Довольный мще́нием своим.

3. Им овладело б е с п о к о й с т в о,
Охота к перемене мест.

В.

1. Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их п р е з и р а л.

2. Ч у д а к, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, девы томной
Заме́тя тре́петный порыв,
С досады взоры опустив,
Н а д у л с я он, и н е г о д у я
Поклялся Ленского взбесить.

3. И где ж беглец людей и све́та,
Красавиц модных модный враг,
Где этот п а́ с м у р н ы й ч у д а к,
Убийца юного поэта?

Г.

1. Поэта пы́ л к и й разговор.

2. Дух пы́ л к и й и довольно странный,
Всегда в о с т о́ р ж е н н у ю речь..

3. Их поэтическим огнём
Душа в о с п л а м е н и́ л а с ь в нём.

4. Простим г о р я́ ч к е ю н ы х л е т
И ю н ы й ж а р, и юный бред.

Д.

1. Д и к а́, п е ч а́ л ь н а, м о л ч а л и́ в а,
Как лань лесная б о я з л и́ в а.

2. И часто, целый день одна,
Сидела м о л ч а у окна.

3. «Скажи, которая Татьяна?»
«Да та, которая г р у с т н а́
И молчали́ва, как Светла́на,
Вошла и села у окна».

VIII. Даны две строфы из романа с пропу́щенными эпи́тетами. Перепишите текст в тетради и вставьте вместо точек подходя́щие по смыслу эпитеты.

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег... по колено ей;
То... сук её за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златы́е серьги вырвет силой»;
То в... снеге с ножки...
Увязнет... башмачо́к;
То вы́ронит она платок;
Поднять ей некогда; бои́тся,
Медведя слышит за собой,
И даже... рукой
Одежды край поднять стыдится...

(Гл. V, строфа XIV.)

мокрый
тре́петный
рыхлый
длинный
хрупкий
милый

Смерка́лось; на столе, блистая,
Шипел... самовар,
Кита́йский чайник нагревая;
Под ним клубился... пар.
Разли́тый Ольгиной рукою,
По чашкам... струёю
Уже... чай бежал,
И слу́ги мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стёкла... дыша,
Заду́мавшись, моя душа,
... пальчиком писала
На... стекле
... вензель О да Е.

(Гл. III, строфа XXXVII.)

лёгкий
тёмный
заве́тный
преле́стный
душистый
вечерний
хла́дный
отума́ненный

IX. Ниже оне́гинская строфа́ дана длинной стро́чкой. Нужно восстановить строфу из 14 строчек. При разборе руководствуйтесь синтаксическим построением предложения, пунктуа́цией, ри́фмой.

Почте́нный за́мок был построен, как за́мки строиться должны: отме́нно про́чен и спокоен во вкусе умной старины. Везде высокие покои, в гостиной што́фные обои, царей портреты на стенах, и печи в пёстрых изразцах. Всё это ныне обветша́ло, не знаю, право, почему: да, впрочем, другу моему в том нужды было очень мало, затем, что он равно́ зевал средь модных и старинных зал.

Скажите, как расположена рифма в первом четверости́шии, во втором, в третьем, в заключительном двусти́шии?

Проверьте расположение рифм на других строфах.

X. Разберите синтаксическое построение следующих строф: гл. II, строфа 15; гл. III, строфа 10; гл. IV, строфа 13; гл. VI, строфа 34; гл. VIII, строфа 20.

Обратите внимание на стро́фы с короткими, простыми, иногда непо́лными предложениями (например, в главе IV, строфы 25 и 49).

XI. Вы́пишите понра́вившиеся вам сравне́ния и эпитеты с определяемыми словами.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА[1].

(1836)

Береги честь смо́лоду.

Пословица.

Глава I.

Серżáнт гвардии[2].

Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не на́добно: пусть в армии послу́жит.
Изрядно сказано! Пускай его потужит...
...Да кто его отец?

Княжни́н[3].

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в мо́лодости своей служил при графе Ми́нихе[4] и вышел в отставку премьер-майором[5] в 17... году. С тех пор жил он в своей симби́рской деревне, где и женился на девице Авдо́тье Васильевне Ю., дочери бедного та́мошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младе́нчестве. Я был записан в Семёновский полк серżáнтом[6], по милости

---

[1] Печатается в сокращении.

[2] Серżáнт (фр.) — унтер-офицер царской армии XVIII в. Унтер-офицеры — младшие нача́льствующие лица из состава солдат. Гвардия — отборное войско, первонача́льным назначе́нием которого была охрана царя и его двора.

[3] Княжни́н Я. Б. — известный драматический писатель XVIII в.

[4] Граф Ми́них (1683—1767) — видный военный и политический де́ятель, поступивший на русскую службу при Петре I и особенно возвысившийся при Анне Иоа́нновне и Ачне Леопо́льдовне; в 1741 году после дворцового переворота, давшего власть Елизавете, был сослан последней в Сибирь. Выход в отставку старика Гринёва, как ясно из дальнейшего, связан с падением Миниха в 1741 году.

[5] Премье́р-майор (фр.) — офицерский чин царской армии, в XVIII в. соответствовавший подполко́внику.

[6] По указу Петра I дворяне обязаны были начинать военную службу с солдатских чинов. В обхо́д этого богатые дворяне фикти́вно приписывали своих детей ещё в младе́нческом во́зрасте к какому-нибудь полку в чине сержанта, то-есть унтер-офицера. Это давало возможность за «выслугой лет» начинать фактическую военную службу сразу с офицерского чина. Семёновский полк — один из старейших гвардейских полков.

майора гвардии князя Б., близкого нашего ро́дственника. Я счита́лся в отпуску́ до окончания наук. В то время воспи́тывались мы не по-ны́нешнему. С пятилетнего во́зраста о́тдан я был на руки стремя́нному Саве́льичу, за трезвое поведение пожа́лованному мне в дядьки[1]. Под его надзо́ром, на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзо́го кобеля́. В это время ба́тюшка на́нял для меня француза, мосьё[2] Бопре́, которого выписали из Москвы вместе с годовы́м запа́сом вина и прова́нского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, нако́рмлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусьё, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикма́хером, потом в Пру́ссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel[3], не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспу́тен до крайности. Главною его слабостью была страсть к прекрасному по́лу; нередко за свои нежности получал он толчки́, от которых охал по целым су́ткам. К тому же не был он (по его выражению) и в р а г о м б у т ы л к и, т. е. (говоря по-русски) любил хлебну́ть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причём учителя обыкновенно и обноси́ли, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже стал предпочита́ть её ви́нам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас пола́дили, и хотя по контра́кту[4] обязан он был учить меня п о - ф р а н ц у з с к и, п о - н е м е ц к и и в с е м н а у к а м, но он предпочёл на́скоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим де́лом. Мы жили душа́ в душу. Другого ме́нтора[5] я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучи́ла, и вот по какому слу́чаю.

Прачка Пала́шка, толстая и ряба́я де́вка, и кривая коро́вница Аку́лька как-то согласи́лись в одно время ки́нуться матушке в но́ги, винясь в преступной слабости и с плачем жа-

---

[1] Дя́дька — крепостной слуга-воспитатель.
[2] Мосьё (фр.) — господин.
[3] Чтобы стать учителем.
[4] Контра́кт (лат.) — до́говор, заключённый в письменной форме.
[5] Ме́нтор — в древнегре́ческой поэме «Одиссея» — воспитатель сына Одиссея. Здесь — в смысле наста́вник, учитель, воспитатель.

луясь на мусьё, обольсти́вшего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожа́ловалась батюшке. У него расправа была коротка́. Он тотчас потребовал кана́лью француза. Доложили, что мусьё давал мне свой урок. Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном неви́нности. Я был занят делом. На́добно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребле́ния и давно соблазня́ла меня шириною и доброто́ю бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся́ за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прила́живал мочальный хвост к мы́сv Доброй Надежды [1]. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очен неосторо́жно и стал осыпа́ть укори́знами. Бопре в смяте́нии хотел было привстать, и не мог: несчастный француз был мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за во́рот припо́днял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неопи́санной радости Савельича. Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил не́дорослем [2], гоняя голубей и играя в чехарду́ с дворо́выми мальчишками. Между тем мину́ло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя перемени́лась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медо́вое варенье, а я, обли́зываясь, смотрел на кипучие пе́нки. Батюшка у окна читал «Придворный календарь»[3], ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не переча́тывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение жёлчи. Матушка, знавшая наизусть все его сва́чаи и обычаи, всегда старалась засу́нуть несчастную книгу как можно пода́лее, и таким образом «Придворный календарь» не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его

[1] Мыс Доброй Наде́жды — мыс на южной оконе́чности Африки.

[2] Не́дорослъ — в древней Руси подросток до 15 лет, несовершеннолетний; при Петре I недорослями называли дворянских сыновей, отлы́нивавших от учения и государственной службы. После комедии Фонвизина «Недоросль» (1782) недорослями стали называть подростков, не получивших систематического образования, нерадивых к учению, лентяев.

[3] Придво́рный кале́ндарь — ежегодно издава́вшаяся в то время книга, в которой описывались события, происходившие при царском дворе, и помещался список высших служебных лиц с указанием их чинов и перемещений по службе; вместе с тем сообщались и общие календарные све́дения.

находил, то, бывало, по целым часам не выпуска́л уж из своих рук. Итак, батюшка читал «Придворный календарь», изредка пожимая плечами и повторяя вполго́лоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавале́р!..[1] А давно ли мы?..» Наконец, батюшка швырну́л календарь на диван и погрузи́лся в заду́мчивость, не предвеща́вшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке:

— Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окриве́ла тётушка Наста́сья Гера́симовна, и когда ещё...

— Добро́, — прервал батюшка, — пора его в службу. По́лно ему бегать по де́вичьим да лазить на голуби́тни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слёзы потекли по её лицу. Напротив того, трудно описать моё восхище́ние. Мысль о службе слива́лась во мне с мыслями о свободе, об удово́льствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было ве́рхом благополу́чия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои наме́рения, ни откла́дывать их исполне́ние. День отъе́зду моему был назначен. Наканý не батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклони́ться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими ми́лостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка, нахму́рясь. — С какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изво́лишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан! Петруша в Петербург не поедет. Чему нау́чится он, служа́ в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да

[1] Обо́их российских о́рденов кавале́р — награждённый двумя высшими орденами: Андрея Первозва́нного и Александра Невского, установленными при Петре I и Екатерине I.

потянет ля́мку, да понюхает по́роху, да будет солдат, а не шамато́н[1]. Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Ма́тушка отыска́ла мой паспорт, храни́вшийся в её шкату́лке вместе с соро́чкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожа́щею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собою на стол и начал своё письмо.

Любопы́тство меня му́чило. Куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не своди́л глаз с пера батюшкина, которое дви́галось довольно медленно. Наконец он кончил, запеча́тал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Ка́рловичу Р., моему стари́нному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбу́рг служить под его начальством».

Итак, все мои блестя́щие надежды ру́шились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восто́ргом, показалась мне тяжким несча́стием. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена́ была к крыльцу дорожная кибитка[2]; уложили в неё чемода́н, погребе́ц[3] с чайным прибором и узлы́ с бу́лками и пирогами, последними знаками домашнего баловства́. Родители мои благослови́ли меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи́ верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их ла́ской не гоняйся; на службу не напра́шивайся, от службы не отгова́ривайся; и помни послови́цу: береги́ платье сно́ву, а честь смо́лоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитя́тей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху ли́сью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, облива́ясь слеза́ми.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был пробыть сутки для заку́пки нужных вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился в тракти́ре. Савельич с утра отправился по ла́вкам. Соску́ча глядеть из окна на грязный переулок, я пошёл броди́ть по всем комнатам. Вошед в биллиа́рдную, увидел я высокого ба́рина, лет тридцати пяти, с длинными чёрными уса́ми, в халате, с кием в руке и с трубкой в зубах.

---

[1] Шамато́н — мот, гуля́ка, шалопа́й, пустой человек, вертопра́х.

[2] Кибитка — крытый возок.

[3] Погребе́ц — дорожный ящик, в котором помещались чайный прибор, провизия, вино.

Он играл с маркёром [1], который при вы́игрыше выпивал рюмку водки, а при про́игрыше должен был лезть под биллиард на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем долее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока, наконец, маркёр остался под биллиардом. Барин произнёс над ним несколько сильных выражений в виде надгро́бного слова и предложи́л мне сыграть партию. Я отказался по неуме́нию. Это показалось ему, пови́димому, странным. Он поглядел на меня как бы с сожалением; однако мы разговори́лись. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зу́риным, что он ро́тмистр ** гусарского полка и находится в Симбирске при приёме ре́крут [2], а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем бог послал, по-солдатски. Я с охотою согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и по́тчевал и меня, говоря, что надобно привыкать к службе; он рассказывал мне армейские анекдо́ты, от которых я со сме́ху чуть не валя́лся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вы́звался он выучить меня играть на биллиарде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служи́вого. В походе, например, придёшь в местечко; чем прика́жешь заняться?.. Понево́ле пойдёшь в трактир и станешь играть на биллиарде; а для того на́добно уметь играть!» Я совершенно был убеждён и с большим прилежа́нием принялся за учение. Зурин громко ободря́л меня, диви́лся моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложи́л мне играть в деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая сквёрная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пу́ншу [3] и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлёбывал я от моего стакана, тем становился отва́жнее. Шары́ помину́тно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркёра, который считал бог ведает как, час от часу умножа́л игру, словом, — вёл себя как мальчишка, вы́рвав-

[1] Маркёр (фр.) — человек, прислу́живающий во время игры на биллиарде, отмечающий счёт игры.

[2] Ре́крут (нем.) — новобра́нец, молодой солдат царской армии (до введения всеобщей воинской повинности.

[3] Пунш (англ.) — напиток из рома, сахара, лимо́нного со́ка и горячей воды.

шийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смути́ло. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Ари́нушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспу́тно, как и начал. Мы оту́жинали у Ари́нушки. Зурин поминутно мне подлива́л, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в по́лночь Зурин отвёз меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце́. Он а́хнул, увидя несомне́нные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом. — Где ты это нагрузи́лся? Ахти́, го́споди! о́троду такого греха́ не бывало!» — Молчи, хрыч, — отвечал я ему запина́ясь; — ты верно пьян, пошёл спать... и уложи меня.

На другой день я проснулся с головною болью, смутно припоминая себе вчерашние происше́ствия. Размышле́ния мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Пётр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошёл? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пья́ницами не бывали; о матушке и говорить нечего; о́троду, кроме квасу, в рот ничего не изво́лила брать. А кто всему виноват? Проклятый мусьё. То и дело, бывало, к Анти́пьевне забежит: «Мадам, же ву при[1], водкю». Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру́ наста́вил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурма́на, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич, я чаю не хочу». Но Савельича мудрено́ было уня́ть, когда бывало примется за про́поведь. «Вот видишь ли, Пётр Андреич, каково подгу́ливать. И головке-то тяжело́, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не го́ден... Выпейка огуре́чного рассолу с мёдом, а всего бы лучше опохмели́ться полстака́нчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошёл и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул её и прочёл следующие строки:

«Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с

---

[1] Же ву при (фр.) — прошу вас.

моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньга́х.

Гото́вый ко услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равноду́шный и, обратясь к Савельичу, который был и д е н е г, и б е л ь я, и д е л м о и х р а ч и́ т е л ь[1], приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумлённый Савельич. — Я их ему должен — отвечал я со всевозмо́жной холо́дностию. — «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведённый в большее изумле́ние: — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то нела́дно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспо́рю упря́мого старика, то уже впосле́дствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не у́мничать и делать то, что тебе прика́зывают».

Савельич так был поражён моими словами, что всплеснул руками и остолбене́л. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка, Пётр Андреич, — произнёс он дрожащим голосом, — не умори́ меня с печа́ли. Свет ты мой! Послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошути́л, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты ми́лостивый! Скажи, что тебе родители крепко-на́крепко заказали не играть, окроме как в оре́хи...»

— Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взашеи прогоню́.

Савельич поглядел на меня с глубокой го́рестью и пошёл за моим до́лгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вы́рваться на волю и доказать, что уж я не ребёнок. Деньги были доста́влены Зурину. Савельич поспеши́л вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с изве́стием, что лошади готовы. С неспокойной со́вестию и с безмо́лвным раска́янием выехал я из Симбирска, не простя́сь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь уви́деться.

---

[2] Р а ч и́ т е л ь — попечитель. Выделенные слова взяты Пушкиным из стихотворного «Послания к слугам» Д. И. Фонвизина.

Глава II.

Вожатый.

Сторона́ ль моя, сторо́нушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз;
Завезла меня, до́брого мо́лодца,
Пры́тость, бодрость молодецкая,
И хмели́нушка кабацкая.

Старинная песня.

Доро́жные размышле́ния мои были не очень приятны. Про́игрыш мой по тогдашним ценам был немалова́жен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня му́чило. Старик угрю́мо сидел на облучке́, отворотя́сь от меня, и молчал и́зредка только покря́кивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! Полно, помири́мся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напрока́зил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперёд вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести́ к дьячи́хе, повидаться с кумо́ю. Так-то: зашёл к куме́ да засел в тюрьме́. Беда да и только! Как покажу́сь я на глаза господа́м? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет?

Чтоб уте́шить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он ма́ло-пома́лу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко́ ли дело?»

Я приближа́лся к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холма́ми и овра́гами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проло́женному крестьянскими санями́. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, обратился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли вороти́ться?»

— Это зачем?

«Время ненадёжно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметáет порóшу [1]».

— Что ж за беда!

«А видишь там что?» (Ямщик указал кнутóм на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

«А вон-вон: это óблачко».

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурáн [2].

Я слыхал о тáмошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротúться. Но ветер показался мне не силён; я понадéялся добраться заблаговрéменно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакáл; но всё погля́дывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратúлось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегáла небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повали́л хло́пьями. Ветер завыл; сделалась метéль. В одно мгновение тёмное небо смешáлось с снежным морем. Всё исчéзло.

«Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: бурáн! . . »

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вúхорь. Ветер выл с такой свирепой выразúтельностью, что казался одушевлённым; снег засыпáл меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. «Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением. — Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка; — невéсть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом. — Я стал было его бранить. Савельич за него заступúлся: «И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накýшался бы чаю, почивáл бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свáдьбу!» — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валúл. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понýря голову и úзредка вздрáгивая. Ямщик ходил кругом, от нéчего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, на-

[1] Поро́ша — небольшой, лёгкий снег.

[2] Бура́н — снежная буря.

деясь увидеть хоть признак жи́ла[1] или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного круже́ния метели... Вдруг увидел я что-то чёрное.

«Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всма́триваться. — «А бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место: — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевели́тся. Должно быть, или волк, или человек».

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который то́тчас и стал подвига́ться нам навстре́чу. Через две минуты мы поравнялись с человеком. «Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе, — отвечал доро́жный, — да что то́лку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сто́рону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночле́га?

— Сторона́ мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхо́жена и изъе́зжена вдоль и поперёк. Да вишь какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да пережда́ть, авось буран ути́хнет да небо проясни́тся: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокро́вие ободри́ло меня. Я уж решился, предав себя божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава богу, жи́ло недалеко; сворачивай впра́во, да поезжай». — «А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудово́льствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой». — Ямщик казался мне прав. «В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недале́че?» — «А потому, что ветер отто́ле потяну́л, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахну́ло; знать, деревня близко». Сме́тливость его и тонкость чутья меня изуми́ли. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугро́б, то обруша́ясь в овраг и перева́ливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание су́дна по бу́рному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустил цыновку, закутался в шубу и задрема́л, убаю́канный пе́нием бури и ка́чкою тихой езды.

---

[1] Жи́ло — жильё.

Мне присни́лся сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто проро́ческое, когда сообража́ю с ним странные обстоя́тельства моей жизни. Читатель извини́т меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сро́дно челове́ку предава́ться суеве́рию, несмотря на всевозможное презре́ние к предрассу́дкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда сущёственность, уступая мечтаниям, сливается с ними в неясных виде́ниях первосо́ния. Мне казалось, буран ещё свире́пствовал, и мы ещё блужда́ли по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасе́ние, чтоб батюшка не прогне́вался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почёл бы его умы́шленным ослуша́нием. С беспокойством я вы́прыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорче́ния. «Тише, — говорит она мне, — отец болен, при смерти, и желает с тобою проститься». — Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели; матушка приподнимает по́лог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он ворати́лся, узнав о твоей болезни; благослови́ его». Я стал на колени и устреми́л глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня погля́дывая. Я в недоуме́нии оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благослове́ния у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажённый отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит»... Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, вы́хватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог: комната наполнилась мёртвыми тела́ми; я спотыка́лся о тела́ и скользи́л в кровавых лу́жах. Страшный мужик ласково меня кли́кал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благослове́ние»... Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, су́дарь: приехали». — «Куда приехали?» — спросил я, протирая глаза. — «На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее, да обогре́йся».

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с мень-

шею силою. Было так темно, что хоть глаз вы́коли. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под поло́ю, и ввёл меня в го́рницу, тесную, но довольно чистую; лучи́на освещала её. На стене висела винтовка и высокая каза́цкая шапка.

Хозяин, ро́дом яи́цкий каза́к[1], казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребе́ц, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне ну́жен. Хозяин пошёл хлопота́ть.

— «Где же вожатый?» — спросил я у Савельича.

«Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на пола́ти и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. — «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном ху́деньком армяке́! Был тулуп, да что греха́ тайть? Заложи́л вечор у целова́льника[2]: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложи́л вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с пола́тей. Наружность его показалась мне замеча́тельна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкопле́ч. В чёрной бороде его показывалась про́седь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовско́е. Волоса́ были обстрижены в кружок; на нём был обо́рванный армя́к и татарские шарова́ры. Я поднёс ему чашку чаю; он отве́дал и помо́рщился «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой испо́лнил его желание. Хозяин вынул из ставца́ штоф и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! отко́ле бог принёс?» — Вожатый мой мигну́л значи́тельно и отвечал поговóркою: «В огороде летал, конопли́, клева́л; швырну́ла бабушка ка́мушком — да мимо. Ну, а что ваши?»

— «Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказа́тельный разговор. — Стали было к вече́рни звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте». — «Молчи, дя́дя, — возразил мой бродя́га, — будет дождик, будут и

[1] Яи́цкие каза́ки — казаки, жившие на реке Урале. Река Урал в старину называлась Яиком; после подавления пугачёвского восстания царское правительство переименова́ло реку, чтобы само название её не напоминало о прошлом. Яицкие казаки составляли особую войсковую организацию, так называемое яицкое войско.

[2] Целова́льник — каба́тчик, продавец водки в питейных домах (кабаках).

грибки́; а будут грибки, будет и ку́зов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за́ спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье!» — При сих словах он взял стакан, перекрести́лся и выпил одним духом. Потом поклонился мне, и воротился на пола́ти.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровско́го разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яи́цкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года[1]. Савельич слушал с видом большого неудово́лствия. Он посматривал с подозре́нием то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, у м ё т, находился в стороне, в степи́, дале́че от всякого селения, и очень походил на разбойническую при́стань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолже́нии пути. Беспокойство Савельича очень меня забавля́ло. Между тем, я расположился ночевать и лёг на ла́вку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапе́ла, и я заснул, как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепи́тельною пелено́ю на необозри́мой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую уме́ренную плату, что даже Савельич с ним не заспо́рил и не стал торгова́ться по своему обыкнове́нию, и вчерашние подозре́ния изгла́дились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахму́рился. «Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изво́лил подвезти́ его к постоя́лому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряже́нии. Мне было доса́дно, однако ж, что не мог отблагодари́ть человека, вы́ручившего меня, если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. — Хорошо, — сказал я хладнокро́вно; — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

---

[1] Восста́ние каза́цкой бедноты́, во время которого восста́вшими был перебит правительственный отряд во главе с генералом Траубенбергом. Восстание было усмирено самым жестоким образом, и все войсковые привилегии были отменены́.

«Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке́».

— Это, стари́нушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благоро́дие мне жа́лует шубу с своего плеча: его на то барская воля, а твоё холо́пье дело не спорить и слушаться.

«Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смы́слит, а ты и рад его обобра́ть, простоты́ его ра́ди. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напя́лишь его на свои окая́нные плечи́ща».

— Прошу не у́мничать, — сказал я своему дядьке: — сейчас неси сюда тулуп.

«Го́споди влады́ко! — простона́л мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! И добро бы кому, а то пья́нице оголе́лому!»

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его приме́ривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вы́расти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудри́лся и надел его, распоро́в по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затреща́ли. Бродяга был чрезвычайно дово́лен моим пода́рком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди́ вас господь за вашу добродете́ль. Век не забуду ваших милостей». — Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на доса́ду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вью́ге, о своём вожатом и о заячьем тулу́пе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину ро́ста высокого, но уже сгорбленного ста́ростию. Длинные во́лосы его были совсем белы. Старый полиня́лый мундир напоминал во́ина времён Анны Иоа́нновны [1], а в его речи сильно отзывался немецкий вы́говор. Я по́дал ему письмо от батюшки. При имени его он взглянул на меня быстро: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был ещё твоих лет; а теперь вот уш какой у него молоте́ц! Ах, фремя, фремя!» — Он распечатал письмо и стал

[1] Анна Иоа́нновна — русская императри́ца, ца́рствовавшая с 1739 по 1740 год.

читать его вполго́лоса, делая свои замечания: «Ми́лостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходи́тельство»... Это что за серемо́нии? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад?...[1] «ваше превосходительство не забыло»... гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом Мин...[2] походе... также и... Каролинку»... Эхе, бру́дер![3] так он ещё помнит стары наши прока́з? «Теперь о деле... К вам моего пове́су»... гм... «держать в ежо́вых рукави́цах...[4] Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое «держать в ешовых рукави́цах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более неви́нным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.

«Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешовы рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семёновский»... Хорошо, хорошо: всё будет сделано... «Позво́лишь без чино́в обнять себя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая, и прочая... «Ну, батюшка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — всё будет сделано: ты будешь офицером переведён в *** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белого́рскую крепость, где ты будешь в кома́нде капитана Миро́нова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоя́щей, нау́чишься дисципли́не. В Оренбурге делать тебе нечего; рассе́яние вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня».

«Час от часу не легче! — подумал я про себя; к чему послужило мне то, что почти в утро́бе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело́? В *** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайса́цких[5] степей!» Я отобедал у Андрея Ка́рловича, втроём с его старым адъюта́нтом. Строгая

---

[1] Камра́д (нем.) — товарищ.

[2] Фельдма́ршал (нем.) — высший военный чин в царской армии.

[3] Бру́дер (нем.) — брат, братец.

[4] Держать в ежо́вых рукави́цах (народная поговорка) — держать строго, не давать побла́жки.

[5] Киргиз-кайса́цкие — казахские; киргиз-кайсаки — устаревшее неточное название казахов.

немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою [1] был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон [2]. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

Глава III.

Крепость.

Мы в фортеции [3] живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку;
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль [4]

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замерзала, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» — спросил я у своего ямщика. — «Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна». Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы [5], башни и вал; но ничего не видал, кроме дере-

---

[1] Трапеза (греч.) — старинное название обеда, еды.

[2] Гарнизон (фр.) — войско, несущее караульную службу в городе или крепости.

[3] Фортеция — крепость.

[4] «Недоросль» — сатирическая комедия Д. И. Фонвизина (1745—1792).

[5] Бастионы — крепостные укрепления.

вушки, окружённой бревéнчатым забóром. С одной стороны стояли три или четыре скирдá сéна, полузанесённые снéгом; с другой скривúвшаяся мéльница с лубóчными[1] крыльями, лениво опýщенными. «Где ж крепость?» — спросил я с удивлением. — «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревýшку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугýнную пушку; улицы были тесны́ и кривы́; úзбы низки́ и бóльшею чáстию покрыты солóмою. Я велел ехать к комендáнту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным дóмиком, вы́строенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сéни и отворил дверь в перéднюю. Старый инвали́д, сидя на столе, нашивáл синюю заплату на лóкоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид: — наши дома». Я вошёл в чúстенькую комнатку,ýбранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел дипло́м[2] офицерский за стеклом и в рамке; около него красовáлись лубочные картинки[3], представля́ющие взя́тие Кúстрина и Очáкова[4], также выбор невесты и погребéние котá[5]. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она размáтывала нитки, которые держал, распя́лив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по дóлгу своему к господину капитану и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затвéрженную мною речь. «Ивана Кузьмича дома нет, — сказала она; — он пошёл в гости к отцу Герáсиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жáловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать уря́дника[6]. Старичок своим одиноким глазам погля́дывал на меня с любопы́тством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку из-

---

[1] Лубóчные — лубяные, то-есть сделанные из лубка, верхнего слоя древесины.

[2] Дипло́м (фр.) — свидетельство, удостоверяющее какое-либо звание.

[3] Лубóчные картинки — дешёвые картинки, по́льзовавшиеся массовым распространéнием в широких слоях населения.

[4] Кúстрин и Очáков — крепости, завоёванные русскими в XVIII в.

[5] «Погребéние котá мышáми» — одна из наиболее популярных лубочных картинок политического содержания.

[6] Уря́дник — здесь: унтер-офицер в казачьих войсках царской армии.

во́лили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии, в гарнизо́н?» Я отвечал, что такова была воля начальства, «Ча́ятельно, за неприли́чные гвардии офицеру посту́пки», — продолжал неутоми́мый вопроша́тель. — «Полно врать пустяки, — сказала ему капита́нша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал: ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печа́лься, что тебя упекли́ в наше захолу́стье. Не ты первый, не ты последний. Сте́рпится — слю́бится. Шва́брин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведён за смертоуби́йство. Бог знает, какой грех его попу́тал; он, изво́лишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпа́ги, да и ну друг в друга пыря́ть; а Алексей Иванович и заколо́л поручика, да ещё при двух свиде́телях! Что прика́жешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и ста́тный казак. «Макси́мыч! — сказала ему капитанша. — Отведи г.[1] офицеру квартиру, да почи́ще». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не помести́ть ли его благородие к Ивану Полежа́еву? — «Врёшь, Максимыч, — сказала капитанша: — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи г. офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка?» — «Пётр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семёну Ку́зову. Он, моше́нник, лошадь свою пустил ко мне в огород. Ну что, Макси́мыч, всё ли благополу́чно?»

— Всё, слава богу, тихо, — отвечал казак; — только капра́л[2] Про́хоров подра́лся в бане с Усти́ньей Негу́линой за шайку горя́чей воды.

«Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи́. Ну, Максимыч, ступай себе с богом. Пётр Андреич, Максимыч отведёт вас на вашу квартиру».

Я откла́нялся. Урядник привёл меня в избу, стоя́вшую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы́ занята́ была семьёю Семёна Ку́зова, другую отвели мне. Она состоя́ла из одной го́рницы довольно опря́тной, разделённой на́двое перегоро́дкой. Савельич стал в ней распоря-

[1] Г. — сокращённое написание слова «господин».

[2] Капра́л (фр.) — первый унтер-офицерский чин царской армии XVIII — начала XIX в.

жáться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простирáлась печáльная степь. Нáискось стояло несколько избýшек; по улице бродúло несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелю́бным хрю́каньем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою мóлодость! Тоскá взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещáния Савельича, который повторял с сокрушéнием: «Гóсподи влады́ко! Ничего кушать не изво́лит! Что скажет барыня, ко́ли дитя занеможет?»

На другой день пóутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась, и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста с лицом смýглым и отмéнно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемóнии прихожу с вами познако́миться. Вчера узнал о вашем приезде; желание увидеть наконец человéческое лицо так овладéло мною, что я не вытерпел! Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». — Я догадался, что это был офицер, вы́писанный из гвардии за поедúнок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень неглýп. Разговор его был остёр и занимáтелен. Он с большой весёлостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завелá меня судьбá. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чи́нил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площáдке человек двадцать стареньких инвали́дов с длинными ко́сами[1] и в треуго́льных шляпах. Они вы́строены были во фрунт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке́ и в китáйчатом[2] халáте. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы останови́лись было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть».

Василиса Егоровна приняла́ нас за́просто и раду́шно и обо-

[1] В XVIII в. офицеры и солдаты носили косы или парики с косами (обычай, заимствованный тогда из Пруссии).

[2] Китáйчатый — сделанный из китайки — гладкой хлопчатобумáжной ткани, темноси́ней, красной или зелёной окраски; ткань эта в старину вывозилась из Китая.

шлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрыва́ли стол. «Что это мой Иван Кузьмич сегодня так зауча́лся! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» — Тут вошла девушка лет осьмна́дцати, круглоли́цая, румяная, с светлору́сыми волоса́ми, гладко зачёсанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубежде́нием: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною ду́рочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи просты́нут; слава богу, ученье не уйдёт; успеет накрича́ться». — Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давны́м-давно́ по́дано, а тебя не дозовёшься». — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузьмич, — я был занят службой: солда́тушек учил».

«И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не даётся, ни ты в ней толку не ве́даешь. Сидел бы дома, да богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, ми́лости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолка́ла ни на минуту и осыпа́ла меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково́ их состоя́ние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она; — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава богу, живём помале́ньку. Одна беда: Маша; девка на вы́данье, а какое у ней прида́ное? ча́стый гре́бень, да ве́ник, да алты́н денег (прости бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках векове́чной неве́стою». — Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её таре́лку. Мне стало жаль её, и я спешил переме́нить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно некста́ти, — что на вашу крепость собираю́тся напасть башки́рцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузьмич. — «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слыхать. Башкирцы — народ напу́ганный, да и киргизы проу́чены. Небо́сь, на нас не су́нутся; а насунутся, так я такую

задам остра́стку, что лет на десять угомоню́». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подве́рженной таким опа́костям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи́ господи, как я боялась проклятых этих не́христей! Как зави́жу, бывало, ры́сьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злоде́и около крепости ры́щут».

«Василиса Егоровна прехра́брая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузьмич может это засвиде́тельствовать».

«Да, слышь ты, — сказал Иван Кузьмич; — баба-то не ро́бкого десятка».

«А Марья Ивановна? — спросил я; — так же ли смела́, как и вы?»

«Смела ли Маша? — отвечала её мать. — Нет, Маша труси́ха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепе́щется. А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины пали́ть из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отпра́вилась. С тех пор уж и не пали́м из прокля́той пушки».

Мы встали из-за стола. Капитан с капита́ншею отправились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

Глава IV.

Поединок.

В этой главе описывается жизнь Гринёва в Белогорской крепости, ста́вшей для него «не только сно́сною, но и прия́тною», и его ссора с Швабриным.

Гринёв возмущён грубой клеветой Швабрина на Машу, сказа́вшего, что если хочешь, чтоб она «ходила к тебе в су́мерки, то вместо нежных стишков подари́ ей пару серёг». Он решает драться с ним на шпа́гах. В первый раз им помешал Иван Игнатьич с пятью инвалидами. Они встречаются во второй раз. Гринёв оказался ло́вким и смелым дуэля́нтом [1], он готов был уже торжествова́ть победу, как вдруг услышал оклик Савельича, сбега́вшего к нему по тропи́нке. Он обернулся на его зов и в это время получил удар в грудь пони́же правого плеча.

---

[1] Дуэля́нт (дуэли́ст) — участник дуэли, поеди́нка.

Глава V.

Любовь.

Здесь описаны события после дуэ́ли. Раненого Гринёва перено́сят в дом коменданта. За ним ухаживает Савельич. Марья Ивановна часто навеща́ет больного. Тро́нутый её заботой о нём, Гринёв решается заговорить с ней о своей любви и делает ей предложе́ние. Маша соглаша́ется стать его жено́й.

Гринёв пишет своим родителям об этом и просит их благослове́ния на брак. В ожидании благоприя́тного ответа, окружённый заботами и любовью всей семьи коменданта, он быстро поправляется.

Но ра́дужные мечты так неожи́данно разру́шены — полу́чен грозный отказ отца. Он и слышать не хочет об этом браке. В довершёние всего отец сообщает сыну о том, что будет хлопотать о переводе его в другую крепость. В отча́янии Гринёв предлагает Марье Ивановне обвенча́ться без согласия родителей. Марья Ивановна отка́зывается. Она старается избегать его. В полном одино́честве и глубоком отча́янии проводит свои дни Гринёв.

Глава VI.

Пугачёвщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем
ска́зывати.
Песня.

Прежде, не́жели приступлю́ к описанию стра́нных происше́ствий, ко́им я был свиде́тель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбу́ргская губе́рния в конце 1773 года.

Сия́ обши́рная и богатая губерния обита́ема была множеством полуди́ких народов, призна́вших ещё недавно влады́чество российских государей. Их помину́тные возмущения, непривычка к зако́нам и гражданской жизни, легкомы́слие и жесто́кость требовали со стороны правительства непреста́нного надзо́ра для удержа́ния их в повинове́нии. Крепости выстроены были в места́х, при́знанных удобными, и заселены́ по большей части каза́ками, давни́шними облада́телями яи́цких берегов. Но яицкие казаки, долженствова́вшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства неспокойными и опасными по́ддан-

ными. В 1772 году произошло возмуще́ние в их главном городке. Причиною тому были строгие меры, предпри́нятые генерал-майором Гра́убенбергом, дабы́ привести войско к должному повинове́нию. Следствием было ва́рварское убиение Траубенберга, своево́льная перемена в управлении и наконец усмире́ние бунта карте́чью и жесто́кими наказа́ниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Всё было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко пове́рило мни́мому раска́янию лукавых мяте́жников, которые зло́бствовали втайне и выжидали удобного случая для возобновле́ния беспоря́дков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в окно на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашёл я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого уря́дника. В комнате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоро́вался с видом озабо́ченным. Он за́пер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочёл следующее:

«Господину коменданту Белогорской крепости капитану Миронову.

По секре́ту.

Сим извещаю вас, что убежавший из-под карау́ла донской казак и раско́льник[1] Емельян Пугачёв, учиня́ непрости́тельную де́рзость приня́тием на себя имени покойного императора Петра III[2], собрал злодейскую шайку, произвёл возмуще́ние в яицких селе́ниях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде́ грабежи́ и сме́ртные убийства. Того ради, с получением сего, имеете вы, господин капитан, немедленно принять надлежа́щие меры к отражению помя́нутого злоде́я и самозва́нца, а бу́де можно, и к совершенному уничтожению

[1] Раско́льник (иначе старообря́дец) — название участников религио́зного движения, сложи́вшегося в России в XVIII в. и отколо́вшегося от официальной церкви.

[2] Пётр III — русский император (1761—1762), убитый после дворцового перевора́та, в результате которого престол заняла Екатерина II.

о́ного, если он обрати́тся на крепость, вве́ренную вашему попече́нию».

«Принять надлежа́щие ме́ры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силён; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха́ надежда, не в уко́р бу́ди тебе сказано, Максимыч. (Урядник усмехну́лся.) Однако делать нечего. Господа офицеры! Будьте испра́вны, учреди́те караулы да ночные дозо́ры; в случае нападе́ния запирайте воро́та да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошёнько вы́чистить. А пуще всего содержите всё это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевре́менно».

Разда́в сии повеле́ния, Иван Кузьмич нас распусти́л. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали. — «Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Ва́жного покамест ещё ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассе́янии стал насви́стывать францу́зскую а́рию [1].

Несмотря на все наши предосторо́жности, весть о появлении Пугачёва разнесла́сь по крепости. Иван Кузьмич, хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вве́ренной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно иску́сным образом вы́проводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чу́дные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отпра́виться в гости к попадье́ и, по совету Ивана Кузьмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузьмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не могла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего вы́ведать от попадьи́, и узнала, что во время её отсутствия было у Ивана Кузьмича совещание и что Палашка была под замком. Она догада́лась, что была обма́нута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузьмич пригото́вился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожи́тельнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши

---

[1] Ария (итал.) — песня для одного го́лоса.

вздумали печи топить соломою; а как от того может произойти несчастие, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хво́ростом и вале́жником». — «А для чего ж было тебе запирать Палашку? — спроси́ла комендантша. — За что бедная девка просиде́ла в чула́не, пока мы не воротились?» — Иван Кузьмич не был приготовлен к тако́му вопросу; он запу́тался и пробормота́л что-то очень нескла́дное. Василиса Егоровна увидела кова́рство своего мужа; но зная, что ничего от него не добьётся, прекратила свои вопросы и завела речь о солёных огурцах, которые Акули́на Памфи́ловна приготовля́ла совершенно осо́бенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове её мужа, о чём бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвраща́ясь от обе́дни, она увидела Ивана Игнатьича, который выта́скивал из пушки тряпи́чки, ка́мешки, ще́пки, ба́бки и сор всякого рода, запи́ханный в неё ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовле́ния? — думала комендантша; — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неу́жто Иван Кузьмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кли́кнула Ивана Игнатьича с твёрдым намерением выведа́ть от него тайну, которая мучила её да́мское любопы́тство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начина́ющий сле́дствие вопросами посторо́нними, дабы сперва усыпи́ть осторожность отве́тчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохну́ла и сказала, качая головою: «Господи боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?»

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог ми́лостив: солдат у нас дово́льно, по́роху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачёву. Господь не выдаст, свинья не съест!

«А что за человек этот Пугачёв?» — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговори́лся, и закуси́л язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна прину́дила его во всём признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала своё обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова её ходила ещё в степи и могла быть захва́чена злоде́ями.

Вскоре все заговорили о Пугачёве. То́лки были разли́чны. Комендант послал урядника с поруче́нием разве́дать хорошо́нько обо всём по соседним селе́ниям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неве́домая сила. Впро́чем не мог он сказать ничего положи́тельного, потому что ехать да́лее побоя́лся.

В крепости между казаками заметно стало необыкнове́нное волне́ние; во всех улицах они толпи́лись в ку́чки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгу́на [1] или гарнизо́нного солдата. Подо́сланы были к ним лазу́тчики [2]. Юлай, крещёный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показа́ния урядника, по словам Юла́я, были ло́жны; по возвраще́нии своём, лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщико́в, представля́лся самому их предводи́телю, который допустил его к своей руке и долго с ним разгова́ривал. Комендант немедленно посади́л урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с я́вным неудово́льствием. Они громко ропта́ли, и Иван Игнатьич, исполни́тель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот ужо́ тебе будет, гарнизо́нная крыса!» Комендант думал в тот же день допроси́ть своего аресто́нта; но урядник бежал из-под караула, вероя́тно, при помощи своих единомы́шленников.

Новое обстоя́тельство усилило беспокойство комендо́нта. Схва́чен был башкирец с возмути́тельными листа́ми [3]. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удали́ть Василису Егоровну под благови́дным предло́гом. Но как Иван Кузьмич был человек самый прямоду́шный и правди́вый, то и не нашёл другого спо́соба, кроме как еди́ножды уже им употреблённого.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузьмич, — перерва́ла комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолко-

---

[1] Драгу́н (фр.) — здесь: солдат-кавалери́ст. Драгуны — ко́нница в царской армии.

[2] Лазу́тчик — разведчик.

[3] Возмути́тельные листы — здесь: в значении агитацио́нные воззва́ния (то есть призывающие к возмуще́нию, восстанию).

ва́ть об Емельяне Пугачёве, да лих, не проведёшь». — Иван Кузьмич вы́таращил глаза́. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже всё знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолку́ем и при тебе». — «То-то, ба́тька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитри́ть; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузьмич в прису́тствии жены прочёл нам воззва́ние Пугачёва, пи́санное каким-нибудь полугра́мотным казаком. Разбойник объявлял о своём намерении неме́дленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещева́л не сопротивля́ться, угрожая ка́знию в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях, и должно было произвести опасное впечатле́ние на умы простых людей.

«Каков мошенник! — воскли́кнула комендантша. — Что сме́ет ещё нам предлага́ть! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамёна! Ах он, соба́чий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись? Неу́жто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?»

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузьмич. — А слышно, злодей завладе́л уж многими крепостя́ми.

— «Видно, он в самом деле силён», — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узна́ем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анба́ра. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плете́й.

«Постой, Иван Кузьмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепуга́ется. Да и я, правду сказать, не охо́тница до ро́зыска[1]. Счастли́во оставаться».

Пы́тка в старину́ так была укоренена́ в обы́чаях судопроизво́дства, что благоде́тельный указ, уничто́живший о́ную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что со́бственное признание преступника необходи́мо было для его полного обличе́ния, — мысль не только неоснова́тельная, но даже и совершенно проти́вная здравому юриди́ческому смы́слу: ибо, если отрицание подсуди́мого не прие́млется в доказа́тельство его неви́нности, то признание его и того менее должно быть доказа́тельством его вино́вности. Даже и ныне случается мне

[1] Ро́зыск — здесь: допро́с при помощи пы́тки.

слышать старых судей, жале́ющих об уничтоже́нии ва́рварского обы́чая. В наше же время никто не сомнева́лся в необходи́мости пытки, ни су́дьи, ни подсуди́мые. Итак, приказа́ние коменданта никого из нас не удивило и не встрево́жило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключо́м у комендантши, и через несколько минут нево́льника привели в пере́днюю. Комендант велел его к себе предста́вить.

Башки́рец с трудом шагнул через порог (он был в коло́дке [1]) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взгляну́л на него и содрогну́лся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни но́са, ни ушей. Голова его была вы́брита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и сго́рблен; но у́зенькие глаза его сверка́ли ещё огнём.

«Эхе! — сказал комендант, узнав, по стра́шным его приме́там, одного из бунтовщико́в, нака́занных в 1741 году. — Да ты видно старый волк, побыва́л в наших капка́нах. Ты знать не впервой уже бунту́ешь, коли у тебя так гладко вы́строгана башка́. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подосла́л?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмы́слия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузьмич: — али бельме́с [2] по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подосла́л в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выраже́нием и не отвечал ни слова. — «Якши́ [3] — сказал комендант: — ты у меня заговори́шь. Ребята! сыми́те-ка с него дурацкий полосатый халя́т, да вы́строчите ему спи́ну. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!»

Два инвалида стали башкирца раздева́ть. Лицо несча́стного изобрази́ло беспокойство. Он огля́дывался на все сто́роны, как зверёк, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на

---

[1] Коло́дка — тяжёлая доска с замком, надева́вшаяся на ноги аресто́ванных (поэтому они назывались «колодниками»).

[2] Бельме́с — от татарского слова «бельме» — не понимаю. В русском языке употребляется для выражения полного непонимания («ни бельмеса не понимаю»).

[3] Якши́ (тат.) — хорошо, ладно.

свои плечи, а Юлай взял плеть и замахну́лся: тогда башкирец застонал слабым, умоля́ющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обру́бок.

Когда вспомню, что это случилось на моём веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не диви́ться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколю́бия. Молодой человек! Если запи́ски мои попаду́тся в твои руки, вспо́мни, что лучшие и прочне́йшие изменения суть те, которые происхо́дят от улучшения нра́вов, без всяких наси́льственных потрясе́ний.

Все были поражены́. «Ну, — сказал комендант: — видно нам от него толку не доби́ться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чём ещё потолку́ем».

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встрево́женным.

«Что это с тобою сделалось?» — спросил изумлённый комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозёрная взята́ сегодня утром. Работник отца Гера́сима сейчас оттуда ворои́лся. Он видел, как её брали. Комендант и все офицеры перева́шаны. Все солдаты взяты в поло́н. Того и гляди, злоде́и будут сюда.

Неожи́данная весть сильно меня порази́ла. Комендант Нижнеозёрной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжа́л он из Оренбурга с молодой своей женою и остана́вливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозёрная находи́лась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачёва. Участь Марьи Ивановны живо предста́вилась мне, и сердце у меня так и за́мерло.

— Послушайте, Иван Кузьмич, — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыха́ния; об этом и говорить нечего. Но на́добно подумать о безопа́сности женщин. Отпра́вьте их в Оренбург, если дорога ещё свободна, или в отдалённую, более надёжную крепость, куда злоде́и не успели бы дости́гнуть.

Иван Кузьмич оборои́лся к жене и сказал ей:

«А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас пода́ле, пока не упра́вимся мы с бунтовщика́ми?»

— И, пусто́е! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залета́ли? Чем Белогорская ненадёжна? Слава богу, двадцать второй год в ней прожива́ем. Вида́ли и башкирцев и киргизцев: авось и от Пугачёва отсиди́мся!

«Ну, матушка, — возразил Иван Кузьмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу наде́ешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсиди́мся, или дождёмся сику́рса[1], ну, а коли злодеи возьмут крепость?»

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикну́лась замолчала с видом чрезвычайного волнения.

«Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться него́же. Отпра́вим её в Оренбург к её крёстной матери: там и войска, и пушек дово́льно, и стена ка́менная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отпра́виться; да́ром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут форте́цию[2] при́ступом».

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расстава́ться с тобою, да искать одинокой моги́лы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

«И то дело, — сказал комендант. — Ну, ме́длить нечего. Ступай гото́вить Машу в дорогу. Завтра чем свет её и отправим, да дадим ей и конво́й, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?»

— У Акули́ны Памфи́ловны, — отвечала комендантша. — Ей сде́лалось ду́рно, как услышала о взя́тии Нижнеозёрной; боюсь, чтобы не занемогла́. Господи влады́ко, до чего мы до́жили!

Василиса Егоровна ушла хлопота́ть об отъе́зде дочери. Разговор у коменданта продолжался; но я уже в него не меша́лся и ничего не слушал.

Марья Ивановна явилась к ужину, бле́дная и запла́канная. Мы оту́жинали мо́лча и встали изо стола скорее обыкнове́нного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я наро́чно забыл свою шпа́гу и ворати́лся за нею: я предчу́вствовал, что заста́ну Марью Ивановну одну. В самом деле,

---

[1] Сику́рс (фр.) — подкрепле́ние, помощь (военный термин XVIII в.).
[2] Форте́ция (лат.) — старинное название крепости, укрепления.

она встре́тила меня в дверях и вручила мне шпагу: «Прощайте, — Пётр Андреич! — сказала она мне со слезами, — меня посылают в Оренбург. Будьте жи́вы и сча́стливы; может быть, господь приведёт нас друг с другом уви́деться; если же нет . . .» Тут она зарыда́ла. Я обня́л её. — «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя жела́нная! Что бы со мною ни было, верь, что после́дняя моя мысль и последняя моли́тва будет о тебе!» Маша рыда́ла, прильну́в к моей груди. Я с жаром её поцелова́л и поспе́шно вышел из комнаты.

Глава VII.

Приступ.

Голова моя, голо́вушка,
Голова послужи́вая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не вы́служила головушка
Ни кори́сти себе, ни ра́дости,
Как ни слова себе до́брого
И ни ра́нгу[1] себе высо́кого;
Только выслужила головушка
Два высокие сто́лбика,
Перекла́динку клено́вую,
Ещё пе́тельку шелко́вую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я наме́рен был отправиться на заре́ к крепостны́м воро́там, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую переме́ну: волнение души́ моей было мне гораздо менее тя́гостно, не́жели то уны́ние, в котором ещё недавно был я погружён. С гру́стию разлу́ки слива́лись во мне и неясные, но сла́достные надежды, и нетерпели́вое ожидание опа́сностей, и чувства благоро́дного честолю́бия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капра́л с донесе́нием, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв наси́льно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неве́домые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет вы-

[1] Ранг (нем.) — чин, степень, досто́инство.

ехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлéний и тотчас брóсился к коменданту.

Уж рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоня́я меня, — Иван Кузьмич на валу́ и послал меня за вами. Пугач пришёл». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердéчным трéпетом. — «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич: — дорога в Оренбург отрéзана; крепость окружена́. Плохо, Пётр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышéние, образóванное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизóн стоял в ружьё. Пушки туда перетащили наканý не. Комендант расхаживал перед своим малочúсленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бóдростию необыкновéнной. По степи, не в дáльнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхáми. Они, казалося, казáки, но между ними находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчáнам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, дéтушки, постоúм сегодня за матушку-государúню и докажем всему свету, что мы люди брáвые и прися́жные! [1]» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприя́теля. Люди, разъезжа́ющие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу, и сам приставил фитиль. Ядро зажужжáло и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наéздники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт батáлья? [2] Где же неприятель?» — «Неприятель недалéче, — отвечал Иван Кузьмич. — Бог даст всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна; — дома одной страшнée». Тут она взглянула на меня и с усúлием улыбнулась. Я невольно стúснул рукоя́ть моей шпаги, вспóмня, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё

[1] Прися́жные — здесь в смысле: дававшие прися́гу верно служить.
[2] Батáлья (баталия) (фр.) — битва, сражение.

горело. Я воображал себя её ры́царем [1]. Я жаждал доказать, что был досто́ин её дове́ренности, и с нетерпе́нием стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты́, находи́вшейся в полверсте́ от крепости, показались новые конные то́лпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых ко́пьями и сайдаками [2]. Между ними на белом коне ехал человек в красном кафта́не, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили и, как видно по его повеле́нию, четыре человека отделились и во весь опор подскака́ли под самую крепость. Мы в них узнали своих изме́нников. Один из них держал над шапкою лист бумаги; у другого на копье́ во́ткнута была голова Юлая, которую, стряхну́в, переки́нул он к нам через частоко́л. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузьмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Поражённая видом окрова́вленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы́ лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузьмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мяте́жники видимо приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткну́лись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива́, ни мертва́».

Василиса Егоровна, присмире́вшая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотя́лась к мужу и сказала ему. «Иван Кузьмич, в животе́ и сме́рти бог во́лен: благослови́ Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепе́щущая, подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклони́лась ему в землю. Старый комендант перекрестил её три́жды; потом поднял и, поцеловав, ска-

---

[1] Ры́царь — феодальный воин; в дворянской среде часто употреблялось в значении: защитник, покровитель женщин.

[2] Сайда́к (тюрк.) — набор вооружения: лук и колчан со стрелами.

зал ей изменя́вшимся голосом: «Ну, Маша, будь счастли́ва. Молись богу: он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее» (Маша ки́нулась ему на шею и зарыда́ла). — «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузьмич. Отпусти мне, коли в чём я тебе досади́ла!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удали́лись. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она огляну́лась и кивну́ла мне головой. Тут Иван Кузьмич оборо́тился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант; — будет при́ступ . . .» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена́ была карте́чью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники отхлы́нули в обе стороны и попя́тились. Предводитель их остался один впереди . . . Он маха́л са́блею и, казалось, с жаром их убежда́ривал . . . Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобнови́лись. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперёд, на вы́лазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очути́лись за крепостным ва́лом; но обробе́лый гарнизо́н не тронулся. «Что ж вы, детушки, стойте? — закричал Иван Кузьмич. — Умирать, так умирать: дело служи́вое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворва́лись в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сши́бли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, ра́ненный в голову, стоял в кучке злоде́ев, которые требовали от него ключей. Я бро́сился было к нему на помощь; несколько дюжих казаков схватили меня и связа́ли кушака́ми, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым ослу́шникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колоко́льный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пле́нных и принимает прися́гу. Народ повали́л на площадь; нас погна́ли туда же.

Пугачёв сидел в кре́слах на крыльце комендантского дома. На нём был красивый каза́цкий кафта́н, обши́тый галуна́ми. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверка́ющие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины́ окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили на́скоро ви́селицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?»— спросил самозва́нец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузьмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел проти́виться мне, своему государю?» Комендант, изнемога́я от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозва́нец, слышь ты!» Пугачёв мрачно нахму́рился и махнул белым платком. Несколько каза́ков подхвати́ли старого капитана и потащили к ви́селице. На её перекла́дине очути́лся верхом изуве́ченный башкирец, которого допра́шивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузьмича вздёрнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присяга́й, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик пови́с подле своего старого нача́льника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, гото́вясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопи́санному моему изумле́нию, увидел я среди мяте́жных старшин Швабрина, обстри́женного в кружок и в казацком кафта́не. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося богу искреннее раска́яние во всех моих прегреше́ниях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащи́ли под ви́селицу. «Небо́сь, небось», — повторяли мне губители, может быть и впра́вду желая меня обо́дрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. —

Что тебе в смерти ба́рского дитя́ти? Отпусти его; за него тебе вы́куп дадут; а для примера и страха ради, вели пове́сить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развяза́ли и оста́вили. «Батюшка наш тебя ми́лует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обра́довался своему избавле́нию, не скажу однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чу́вствования мои были слишком сму́тны. Меня снова привели к самозва́нцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лю́тую казнь такому по́длому униже́нию. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямься! Что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!), поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благоро́дие, знать, одуре́л от ра́дости. Подыми́те его!» Меня по́дняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолже́ние ужасной коме́дии.

Жители начали присяга́ть. Они подходили один за другим, целуя распя́тие и потом кланяясь самозва́нцу. Гарнизо́нные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупы́ми своими но́жницами, резал у них ко́сы. Они, отря́хиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им проще́ние и принимал в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресла и сошёл с крыльца в сопровождении своих старши́н. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбру́ей. Два казака взяли его под руки и посади́ли на седло́. Он обьявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага́. Один из них успел уже наряди́ться в её душегре́йку[1]. Другие таскали пери́ны, сундуки́, чайную посуду, бельё и всю ру́хлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покая́ние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузьмичу». Вдруг она взглянула на ви́селицу и узнала своего мужа. «Злоде́й! — закричала она в исступле́нии. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удала́я солдатская головушка! Не тро́нули тебя ни штыки́ пру́сские, ни пули турецкие; не в че́стном бою положил ты свой живо́т, а сги́нул

[1] Душегре́йка — короткая ко́фточка на ва́те или на пуху́.

от бе́глого ка́торжника!» — «Уня́ть старую ве́дьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступе́ни крыльца́. Пугачёв уехал: народ бросился за ним.

Глава VIII.

Незва́ный гость.

Площадь опусте́ла. Я всё стоял на одном месте и не мог привести́ в порядок мысли, смущённые столь ужа́сными впечатле́ниями.

Неизве́стность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня му́чила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надёжно ли её убе́жище?.. Полный трево́жными мыслями, я вошёл в комендантский дом... Всё было пусто; стулья, столы, сундуки были перело́маны; посуда перебита́; всё раста́скано. Я взбежал по маленькой ле́стнице, которая вела в светли́цу, и в первый раз о́троду вошёл в комнату Марьи Ивановны. Я увидел её посте́лю, перерытую разбойниками; шкап был разло́ман и огра́блен; лампадка тепли́лась ещё перед опусте́лым кивото́м[1] Уцелело и зе́ркальце, висе́вшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной, девической ке́льи?[2] Страшная мысль мелькну́ла в уме моём: я вообразил её в руках у разбойников... Сердце моё сжа́лось... Я горько, горько заплакал и громко произнёс имя моей любезной. В эту минуту послышался лёгкий шум, и из-за шкапа явилась Палаша, бледная и трепе́щущая.

«Ах, Пётр Андреич! — сказала она, сплесну́в руками. — Какой денёк! какие стра́сти!..»

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпели́во. — Что Марья Ивановна?

«Барышня жива, — отвечала Палаша. — Она спрятана у Акулины Памфиловны».

— У попадьи́! — вскричал я с у́жасом. — Боже мой! да там Пугачёв!..

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и

---

[1] Кивот (греч.) — поставец для икон.

[2] Ке́лья (лат.) — комната.

опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачёв пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал её вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради бога! Где Марья Ивановна? — спросил я с неизъяснимым волнением.

«Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадья. — Ну, Пётр Андреич, чуть было не стряслась беда, да слава богу, всё прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнётся да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя. — «А молода твоя племянница?» — Молода, государь. — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». — У меня сердце так и ёкнуло, да нечего было делать. — Изволь, государь; только девка-то не сможет встать и прийти к твоей милости. — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошёл окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдёрнул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастию, она, моя голубушка, не узнала его. Господи владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузьмич! кто бы подумал!.. А Василиса то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадили? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Провёрен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом наскозь; однако не выдал, спасибо ему и за то». — В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себе домой, Пётр Андреич, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идёт. Беда, попадётесь под пьяную руку. Прощайте, Пётр Андреич. Что будет, то будет; авось бог не оставит!»

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали

сапоги с повéшенных; с трудом удержал я порыв негодова́ния, чувствуя бесполéзность заступлéния. По крепости бегали разбóйники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятéжников. Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхвати́ли. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошéнники; платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. До что уж! Слава богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

«Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который вы́манил у тебя тулуп на постоя́лом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький, а он, бéстия, его так и распоро́л, напя́ливая на себя!»

Я изуми́лся. В самом деле, сходство Пугачёва с моим вожатым было рази́тельно. Я удостове́рился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пеща́ды, мне ока́занной. Я не мог не подиви́ться странному сцепле́нию обстоя́тельств: детский тулуп, подаренный бродя́ге, избавлял меня от пе́тли, и пьяница, шата́вшийся по постоялым дворам, осажда́л крепости и потряса́л государством!

— Не изво́лишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет; пойду, пошáрю, да что-нибудь тебе изгото́влю.

Оставшись один, я погрузи́лся в размышле́ния. Что мне было делать? Оставаться в крепости, подвла́стной злоде́ю, или следовать за его шайкою было неприли́чно офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла ещё быть полезна отечеству в настоящих, затрудни́тельных обстоя́тельствах... Но любовь сильно советовала мне остава́ться при Марье Ивановне и быть ей защи́тником и покрови́телем. Хотя я и предвидел скорую и несомне́нную перемену в обстоя́тельствах, но всё же не мог не трепетать, воображая опасность её положе́ния.

Размышле́ния мои были пре́рваны приходом одного из каза́ков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе». — «Где же он?» — спросил я, готовясь повинова́ться. «В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персóна

знáтная: за обедом скушать изволил двух жáреных порося́т, а пáрится так жарко, что и Тарас Кýрочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбáеву, да насúлу холодной водой эткачáлся. Нечего сказать: все приёмы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величинóю с пятáк, а на другой персона его».

Я не почёл нужным оспáривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидáние с Пугачёвым и стараясь предугадáть, чем оно кóнчится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокрóвен.

Начинало смеркáться, когда пришёл я к комендантскому дому. Виселица со своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши всё ещё валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, привéдший меня, отправился про меня доложúть и, тотчас же воротúвшись, ввёл меня в ту комнату, где накануне так нежно прощался я с Марьей Ивановною.

Необыкновéнная картина мне предстáвилась. За столом, накрытым скáтертью и установленным штóфами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшúн сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рóжами и блистáющими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснúлись. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснýлся. С любопы́тством стал я рассматривать сбóрище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотя́сь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявля́ли ничего свирéпого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкою. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтéния своему предводúтелю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущéния и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспóривал Пугачёва. И на сем-то странном военном совете решено было идти

к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бе́дственным успехом! Поход был объявлен к за́втрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затянем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумако́в! начинай!» — Сосед мой затянул тонким голоском зауны́вную бурла́цкую песню [1], и все подхватили хором:

Не шуми, ма́ти зелёная дубро́вушка,
Не мешай мне доброму мо́лодцу ду́му ду́мати.
Что зау́тра мне доброму молодцу в допро́с идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дети́нушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надёжа правосла́вный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было че́тверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ була́тный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассы́льщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа правосла́вный царь;
Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожа́лую
Среди поля хоро́мами высокими,
Что двумя ли столбами с переклади́ной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонаро́дная песня про ви́селицу, распеваемая людьми, обречёнными ви́селице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясало меня каким-то пиити́ческим [2] ужасом.

Гости выпили ещё по стакану, встали изо стола и простились с Пугачёвым. Я хотел за ними после́довать, но Пугачёв сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». — Мы остались глаз на глаз.

---

[1] Бурла́цкая песня — песня бурлаков, вручну́ю тянувших суда́ по рекам.

[2] Пиити́ческий — поэтический.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной весёлостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

«Что ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе верёвку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко предо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?»

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

«Чему ты усмехаешься? — спросил он меня, нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо».

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачёву: «Слушай, скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлёный; ты сам увидел бы, что я лукавствую».

«Кто же я таков, по твоему разумению?»

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка

Отре́пьев[1] не царствовал? Думай про меня, что хочешь, а от меня не отставáй. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто не поп, тот батька. Послужи мне верой и прáвдою, и я тебя пожалую и в фельдмáршалы, и в князья́. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твёрдостию. — Я приро́дный дворяни́н; я присягáл госудáрыне императри́це: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещáешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повинове́ния от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя пона́добится? Голова моя в твоей власти: отпу́стишь меня — спасибо; казни́шь — бог тебе судья́; а я сказал тебе правду.

Моя и́скренность порази́ла Пугачёва. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казни́ть так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре сто́роны и делай, что хочешь. Завтра приходи со мною прости́ться, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма кло́нит».

Я оставил Пугачёва и вышел на улицу. Ночь была тихая и моро́зная. Месяц и звёзды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости всё было спокойно и темно. Только в кабаке све́тился огонь и раздавались крики запозда́лых гуля́к. Я взглянул на дом свяще́нника. Ставни и воро́та были за́перты. Казалось, всё в нём было тихо.

Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горю́ющего по моём отсу́тствии. Весть о свободе моей обра́довала его неска́занно. «Слава тебе, владыко! — сказал он перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдём, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготóвил, покушай-ка батюшка, да и почива́й себе до утра, как у Христа за па́зушкой».

Я после́довал его совету и, пу́жинав с большим аппети́том, заснул на го́лом полу, утомлённый душе́вно и физи́чески.

---

[1] Григо́рий Отре́пьев — предполага́емое имя ста́вленника польских панов — Лжедими́трия (1605—1606), ца́рствовавшего в Московской Руси в эпоху крестьянских войн XVII в.

Разлука.

Сладко было спознава́ться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расстава́ться,
Грустно, будто бы с душой.

Херасков [1]

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошёл на сбо́рное место. Там строились уже толпы пугачёвские около виселицы, где всё ещё висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верха́ми, солдаты под ружьём. Знамёна развева́лись. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на похо́дные лафе́ты [2]. Все жители находились тут же, ожидая самозва́нца. У крыльца комендантского дома́ казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикры́то рого́жею. Наконец Пугачёв вышел из сене́й. Народ снял шапки. Пугачёв остановился на крыльце и со всеми поздоро́вался. Один из старши́н по́дал ему мешок с ме́дными деньгами, и он стал их метать при́горшнями. Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без уве́чья. Пугачёва окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моём он мог прочесть презре́ние, и он отвороти́лся с выражением и́скренней злобы и притворной насме́шливости. Пугачёв, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и подозвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви́ от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присове́туй им встретить меня с детскою любовию и послуша́нием; не то не избежать им лю́той казни. Счастли́вый путь, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрина: «Вот вам, де́тушки, новый командир. Слушайте его во всём, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова; Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачёв сошёл с крыльца. Ему подвели лошадь. Он прово́рно вскочил

[1] Хера́сков М. М. (1733—1807) — писатель XVIII в., автор больших истори́ческих поэм и лирических стихотворений.

[2] Лафе́т (нем.) — станок для артиллерийского орудия.

в седло, не дождáвшись казаков, которые хотели было подсади́ть его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачёву и подаёт ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачёв.

— Прочитай, так изволишь увидеть, — отвечал Савельич. Пугачёв принял бумагу и долго рассматривал с видом значи́тельным. «Что ты так мудрено пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачёву. «Читай вслух», — сказал самозва́нец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопы́тствовал узнать, о чём дядька мой вздумал писать Пугачёву. Обер-секретарь громогла́сно стал по складам читать следующее:

«Два халата, митка́левый и шёлковый полоса́тый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахму́рясь, Пугачёв.

«Прикажи́ читать далее», — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зелёного сукна́, на семь рублей.

Штаны белые суко́нные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотня́ных голла́ндских с манже́тами, на десять рублей.

Погребе́ц с чайною посудою, на два рубля с полти́ною...»

— Что за враньё — прервал Пугачёв. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясня́ться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр[1] барскому добру, раскра́денному злоде́ями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачёв.

«Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодеи не злодеи, а твои ребята таки пошáрили, да порастаскáли. Не гневи́сь: конь и о четырёх ногах да спотыка́ется. Прикажи уж дочитать».

— Дочи́тывай, — сказал Пугачёв. Секретарь продолжал: «Одеяло си́тцевое, другое тафтяно́е на хлопча́той бумаге, четыре рубля.

---

[1] Реестр (лат.) — пе́речень, список, ро́спись.

Шуба лисья, крытая а́лым рати́ном, 40 рублей.

Ещё за́ячий тулу́пчик, пожа́лованный твоей ми́лости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что ещё! — вскричал Пугачёв, сверкну́в о́гненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачёв его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяка́ми? — вскрича́л он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив её в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобра́ли: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно бога молить за меня да за моих ребят, за то, что ты и с барином-то своим не висите здесь вместе с моими ослу́шниками... Заячий тулуп! Я-те дам заячий тулуп! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич; — а я человек поднево́льный, и за барское добро должен отвечать.

Пугачёв был, видно, в припадке великоду́шия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка вы́ступила из крепости в порядке. Народ пошёл провожать Пугачёва. Я остался на пло́щади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассма́тривал его с видом глубокого сожале́ния.

Видя моё доброе согласие с Пугачёвым, он думал употреби́ть о́ное в по́льзу; но мудрое наме́рение ему не удалось. Я стал было его брани́ть за неуме́стное усе́рдие и не мог удержаться от смеха. «Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придётся нам сы́знова заводи́ться всем хозя́йством, так посмотрим, смешно ли будет».

Я спешил в дом свяще́нника уви́деться с Марьей Ивановной. Попадья́ встретила меня с печальным изве́стием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горя́чка. Она лежала без памяти и в бреду́. Попадья ввела меня в её комнату. Я тихо подошёл к её кровати. Переме́на в её лице порази́ла меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утеша́ли. Мра́чные мысли волнова́ли меня. Состояние бедной, беззащи́тной сироты́, оста́вленной посреди зло́бных мяте́жников, со́бственное моё бесси́лие устрашали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терза́л моё воображе́ние. Облечённый вла́стию от самозва́нца, предводи́тельствуя в кре́пости,

где оставалась несча́стная девушка — невúнный предмет его не́нависти, он мог решиться на всё. Что мне было делать? Как пода́ть ей помощь? Как освободи́ть из рук злоде́я? Оставалось одно средство: я решился в тот же час отпра́виться в Оренбург, дабы торопить освобожде́ние Белого́рской крепости и, по возможности, тому содействовать. Я простился со священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поруча́я ей ту, которую почита́л уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал её, оро́ша́я слеза́ми. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня; — прощайте, Пётр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам поча́ще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покрови́теля».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклони́лся ей, вышел из крепости и пошёл по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал.

Я шёл, за́нятый своими размышле́ниями, как вдруг услышал за собою ко́нский топот. Оглянулся, вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в пово́дья и делая и́здали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего уря́дника. Он, подскакав, слез со своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой: «Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчи́нный тулуп). Да ещё, — примолвил запинаясь урядник, — жалует он вам... полтину денег... да я растерял её дорогою, прости́те великодушно». Савельич посмотрел на него ко́со и проворчал: «Растерял дорогою! А что же у тебя побря́кивает за па́зухой? Бессо́вестный!» — «Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, стари́нушка! Это бренчи́т узде́чка, а не полтина». — Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодари от меня того, кто тебя прислал; а расте́рянную полти́ну постарайся подобрать на возвра́тном пути и возьми себе на водку. — «Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь; — вечно за вас буду бога молить». При сих словах он поскакал назад, держась одной рукой за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича. «Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я не даром подал мошеннику челоби́тье; вору-то стало со́вестно, хоть

башкирская долговя́зая кля́ча да овчинный тулуп не стоит и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригоди́тся, а с лихо́й собаки хоть ше́рсти клок».

Глава X.

Осада города.

Гринёв приезжает в Оренбург и сразу является к генералу — начальнику города. Расска́зывая ему обо всех ужасных происше́ствиях, «ко́им он был свиде́тель» в Белогорской крепости, Гринёв в то же время выражает уве́ренность, что «его превосходи́тельство не замедлят выслать войско для освобождения бедных её жителей». Генерал откла́дывает решение этого вопроса.

На военном совете в Оренбургской крепости Гринёв рассказывает всё, что знает о Пугачёве, и советует генералу вы́ступить с войском против него. Все остальные чиновники и советники выска́зываются за оборони́тельную политику. Генерал присоединя́ется к ним. Начинается дли́тельная осада города. Осаждённые терпят всевозмо́жные лише́ния.

Гринёву передают письмо из Белогорской крепости от Марьи Ивановны. Она просит защити́ть её от Швабрина, который содержит её под карау́лом и принуждает выйти за него замуж. Ей дано три дня на размышле́ния, после чего пощады от этого наси́льника не будет.

Гринёв возмущён, он врывается в дом генерала и просит дать ему роту солдат, с которой он очистит Белогорскую крепость от мяте́жников. Генерал отказывает. У Гринёва начинает зарождаться проект спасения Марьи Ивановны.

Глава XI.

Мятежная слобода.

В ту пору лев был сыт, хоть с
ро́ду он свире́п.
«За чем пожаловать изволил в мой
верте́п?» —
Спросил он ласково.
А. Сумароков [1].

Я оставил генерала и поспеши́л на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкнове́нным своим увеща́нием. «Охота тебе, сударь, перева́ливаться с пьяными разбойниками! Боярское

[1] Сумаро́ков А. П. (1718—1777) — писатель XVIII в., известный своими драматическими произведениями, ба́снями и стихотворениями.

ли это дело? Не равён час: ни за что пропадёшь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: сколько у меня всего-на-всё денег? «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни ша́рили, а я всё-таки успел утайть». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелёк, полный серебра. — «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину, а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

«Батюшка Пётр Андреич! — сказал добрый дядька дрожа́щим голосом. — Побойся бога; как тебе пускаться в дорогу в ны́нешнее время, когда никуда прое́зду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? Погоди мале́нько: войска придут, перело́вят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны».

Но намерение моё было твёрдо при́нято. «Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи́, Савельич: бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не со́вестись и не скупи́сь. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втри́дорога. Деньги эти я тебе дарю́. Если через три дня я не ворочу́сь...»

«Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не поки́ну. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною? Да разве я с ума сошёл? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отста́ну».

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позво́лил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую кля́чу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить её. Мы приехали к городским воро́там; карау́льные нас пропусти́ли: мы выехали из Оренбурга.

Начинало смерка́ться. Путь мой шёл мимо Бе́рдской слободы́ [1], приста́нища пугачёвского. Прямая дорога занесена была снегом; но по всей степи видны были конские следы, еже-

[1] Бе́рдская слобода́ — слобода под Оренбургом, откуда Пугачёв руководил осадой города.

дневно обновля́емые. Я ехал крупной ры́сью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бе́сом. Куда спешишь? Добро бы на пир, а то под обу́х, того и гляди́... Пётр Андреич... батюшка Пётр Андреич!.. Не погуби́!. Господи влады́ко, пропадёт барское дитя!»

Вскоре засверкали бе́рдские огни́. Мы подъехали к овра́гам, естественным укрепле́ниям слободы́. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополу́чно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооружённых дуби́нами; это был передовой караул пугачёвского приста́нища. Нас окликали. Не зная паро́ля [1], я хотел молча проехать мимо их; но они меня то́тчас окружи́ли, и один из них схватил лошадь мою за узду́. Я выхватил са́блю и ударил мужика по голове; шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие смутились и отбежа́ли; я воспо́льзовался этой минутою, пришпо́рил лошадь и поскака́л.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостове́рясь в том, что он заде́ржан, я поворотил лошадь и отправился его выруча́ть.

Подъезжая к оврагу, услышал я и́здали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между карау́льными мужика́ми, останови́вшими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибы́тие моё их обра́довало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, повидимому главный, объявил нам, что он сейчас поведёт нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волен приказать: сейчас ли вас пове́сить, али дожда́ться све́ту бо́жия». Я не проти́вился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжество́м.

Мы перебрали́сь через овраг и вступили в слободу́. Во всех

---

[1] Паро́ль (фр.) — секретное слово; в войсках употребляется как условное слово для пропуска.

избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил мно́жество народу; но никто в темноте нас не заме́тил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели́ прямо к избе, стоя́вшей на углу перекрёстка. У ворот стояло несколько ви́нных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об вас доло́жим». Он вошёл в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконец мужик ворота́лся и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впусти́ть офицера».

Я вошёл в избу или во дворец, как называли её мужики. Она освеще́на была двумя са́льными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впро́чем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухва́т в углу и широкий шесто́к, уста́вленный горшка́ми, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образа́ми, в красном кафта́не, в высокой шапке и важно подбоча́сь. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притво́рного подобостра́стия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробуди́ла в бунтовщика́х сильное любопы́тство и что они пригото́вились встретить меня с торжество́м. Пугачёв узнал меня с первого взгляда. Подде́льная важность его вдруг исче́зла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с жи́востию. — Как поживаешь? За чем тебя бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу, и что люди его меня останови́ли. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясниться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послу́шались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них, — сказал мне Пугачёв, — от них я ничего не таю́». Я взглянул на́искось на напе́рсников[1] самозванца. Один из них, тщеду́шный и сго́рбленный старичок с седою боро́дкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой через плечо по серому армяку́. Но ввек не забуду его товарища. Он был высокого росту, доро́ден и широкопле́ч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверка́ющие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому, широкому лицу выражение неизъясни́мое. Он был в красной рубахе, в киргизском

[1] Напе́рсник — дове́ренное лицо.

халáте и в казацких шарова́рах. Первый (как узнал я после) был бе́глый капра́л Белобо́родов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей [1]), ссы́льный престу́пник, три раза бежавший из сиби́рских рудников. Несмотря на чувства, исключительно, меня волновавшие, общество, в котором я так нечáянно очути́лся, сильно развлекáло моё воображение. Но Пугачёв привёл меня в себя своим вопросом: «Говори: по какому же делу выехал ты из Оренбурга!»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провиде́ние [2], вторично приве́дшее меня к Пугачёву, подавáло мне случай привести́ в действо моё наме́рение. Я решился им воспóльзоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избáвить сироту́, которую там обижáют.

Глаза у Пугачёва засверкáли. — «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи́ пядей во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто винова́тый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в нево́ле ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи́, и насильно хочет на ней жениться.

— «Я проучу́ Швабрина, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково́ у меня своево́льничать и обижать народ. Я его пове́шу».

«Прикажи слово мóлвить, — сказал Хлопу́ша хри́плым голосом. — Ты поторопи́лся назна́чить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торóпишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговóру».

«Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допроси́ть поря́дком: зачем изво́лил пожáловать. Если он тебя государем не признаёт, так нечего у тебя и упрáвы искать; а коли признаёт, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостáтами? [3] Не прикажешь

---

[1] Белобо́родов И. Н. — отставной солдат-артиллери́ст, поднявший восстание среди заводских рабочих на пе́рмских заводах; Хлопу́ша — крестьянин, один из крупнейших вождей пугачёвщины, предводи́тельствовавший отрядом восставших уральских рабочих.

[2] Провиде́ние (слав.) — божество́, судьба.

[3] Супостáт — противник, враг.

ли свести его в приказну́ю [1], да запали́ть там огоньку́: мне сдаётся, что его милость подо́слан к нам от оренбургских команди́ров».

Ло́гика старого злоде́я показалась мне довольно убеди́тельною. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находи́лся. Пугачёв заметил моё смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подми́гивая. — Фельдма́ршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачёва возвратила мне бо́дрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет уго́дно.

«Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город?»

— Слава богу, — отвечал я, — всё благополучно.

«Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!»

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге дово́льно всяких запа́сов.

— Ты видишь, — подхвати́л старичо́к, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечи́ну, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдо́воль. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же ви́селице повесь и этого молодца, чтоб никому не было зави́дно».

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачёва. К счастию, Хлопуша стал противоречить своему товарищу. «Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы всё душить да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чём душа держится. Сам в моги́лу смотришь, а других гу́бишь. Разве мало кро́ви на твоей совести?»

— Да ты что за уго́дник? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жа́лость взяла́сь?

«Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я гре́шен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука пови́нна в пролито́й христианской крови. Но я губил супроти́вника, а не гостя; на вольном пере-

---

[1] Приказна́я изба (чаще — приказ) — государственное учреждение в старой, допетро́вской России. Здесь — изба, где помещалось сельское управление.

путьи да в тёмном лесу, не дома, сидя за пе́чью; кистенём[1] и обу́хом, а не бабьим наговóром».

Старик отворотился и проворча́л слова: «Рва́ные но́здри!..»

— Что ты там ше́пчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я те дам «рваные ноздри»; погоди́, придёт и твоё время; бог даст, и ты щипцóв понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бороди́шки не вырвал!

«Господа́ енара́лы! — провозгласи́л важно Пугачёв. — Полно вам ссо́риться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дры́гали ногами под одной перекла́диной; беда, если наши кобели́ меж собою перегрызу́тся. Ну, помири́тесь!»

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходи́мость переменить разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачёву, сказал ему с весёлым видом: «Ах! Я было и забыл благодари́ть тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замёрз бы на доро́ге».

Улóвка моя удала́сь. Пугачёв развеселя́лся. «Долг платежо́м кра́сен, — сказал он, мигая и прищу́риваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазнóба ли сердцу молоде́цкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену пого́ды и не находя́ нужды скрывать и́стину.

«Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя же́ним и на сва́дьбе твоей попиру́ем!» Потом, обращаясь к Белоборо́дову: «Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да пою́жинаем; утро вечера мудрене́е. Завтра посмотрим, что с ним сделаем».

Я рад был отказаться от предлага́емой че́сти, но делать было нечего. Две молодые каза́чки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи́ и несколько што́фов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапе́зою с Пугачёвым и с его страшными товарищами.

Оргия[2], коей я был невóльным свиде́телем, продолжа́лась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседни-

[1] Кисте́нь — самоде́льное оружие, состоящее из ремня с привя́занной к нему гирей.

[2] Оргия (греч.) — разгу́льное пи́ршество.

ков. Пугачёв задремал, сидя на своём месте; товарищи его встали и дали мне знак оста́вить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвёл меня в прика́зную избу, где я нашёл и Савельича и где меня оставили с ними взаперти. Дядька был в таком изумле́нии при виде всего, что происходи́ло, что не сделал мне никакого вопроса. Он улёгся в темноте и долго вздыха́л и о́хал; наконец захрапе́л, а я преда́лся размышле́ниям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задрема́ть.

Поутру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-доро́жному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобостра́стия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачёв весело со мною поздоро́вался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкопле́чему татарину, стоя пра́вящему тройкою. Сердце моё сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, и я увидел Савельича, бежавшего нам навстре́чу. Пугачёв велел остановиться. «Батюшка, Пётр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — А, старый хрыч! — сказал ему Пугачёв. — Опять бог дал свидеться. Ну, садись на облучо́к.

«Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, уса́живаясь. — Дай бог тебе сто лет здра́вствовать за то, что меня, старика, призре́л и успокоил. Век за тебя буду бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану».

Этот заячий тулуп мог, наконец, не на шутку рассердить Пугачёва. К счастию, самозванец или не расслыхал, или пренебрёг неуместным намёком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в по́яс. Пугачёв кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помча́лись по гла́дкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был уви́деться с той, которую почита́л уже для меня поте́рянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том чело-

веке, в чьих руках находи́лась моя судьба, и который по странному стече́нию обстоя́тельств таинственно был со мною свя́зан. Я вспоминал об опроме́тчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызыва́лся быть избави́телем моей любезной! Пугачёв не знал, что она была дочь капитана Миронова; озло́бленный Швабрин мог открыть ему всё; Пугачёв мог проведать и́стину и другим образом... Тогда что станется с Марьей Ивановной? Холод пробега́л по моему телу, и волоса становились ды́бом...

Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

«О чём, ваше благородие, изво́лил заду́маться?»

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и сча́стие всей моей жизни зависит от тебя.

«Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?»

Я отвечал, что был однажды уже им поми́лован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя ко́со; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и пове́сить; но я не согласи́лся, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша бра́тья».

Я вспомнил взятие Белогорской крепости, но не почёл нужным его оспа́ривать и не отвечал ни слова.

«Что говорят обо мне в Оренбурге?» — спросил Пугачёв, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сла́дить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобрази́ло довольное самолю́бие. — «Да! — сказал он с весёлым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сраже́нии под Юзе́евой[1]? Сорок енара́лов убито, четыре армии взято в поло́н[2]. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потяга́ться?»

---

[1] Юзе́ева — деревня, под которой Пугачёв нанёс 9 ноября 1773 г. поражение правительственным войскам, по́сланным на вы́ручку Оренбурга.

[2] Поло́н (старорусское слово) — плен.

Хвастли́вость разбойника показалась мне заба́вна. — Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридери́ком [1] ?

«С Фёдором Фёдоровичем? А как же нет? С вашими енаралами ведь я же управля́юсь; а они его быва́ли. Досе́ле оружие моё было сча́стливо. Дай срок, то ли ещё будет, как пойду на Москву».

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозва́нец несколько заду́мался и сказал вполго́лоса: «Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои у́мничают. Они во́ры. Мне должно держать ухо востро́; при первой неуда́че они свою шею вы́купят моею головою».

— То-то! — сказал я Пугачёву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговре́менно, да прибе́гнуть к милосе́рдию госуда́рыни?

Пугачёв горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он; — поздно мне ка́яться. Для меня не будет поми́лования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поца́рствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его вы́бросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и вы́палили!

«Слушай! — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребя́честве мне рассказывала старая калмы́чка. Однажды орёл спрашивал у во́рона: «Скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка, — отвечал ему ворон, — что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечи́ной». Орёл подумал: «Давай попробуем и мы питаться тем же». Хорошо. Полетели орёл да во́рон. Вот зави́дели па́лую лошадь; спусти́лись и сели. Ворон стал клевать, да похва́ливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: «Нет, брат ворон; чем триста лет питаться па́далью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!» — Какова калмыцкая сказка?»

— Зате́йлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали погрузясь каждый в свои размыш-

---

[1] Фри́дрих II — прусский король (1740—1786), известный полководец.

ле́ния. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гла́дкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII.

Сирота.

Пугачёв с Гринёвым в кибитке подъехали к комендантскому дому в Белогорской крепости. Увидя Гринёва, Швабрин смути́лся, но скоро пришёл в себя. Он догадался, что их приезд был с чем-то связан.

Пугачёв, осведоми́вшись о состоянии крепости, неожиданно спросил у него: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под карау́лом? Покажи-ка мне её». Швабрин побледне́л. Он всячески старается не допусти́ть их к Марье Ивановне и особенно Гринёва.

Но вот они в комнате, где под замком Швабрин содержит Марью Ивановну. Бледная, худая, с растрёпанными волосами, она сидела на полу в крестьянском обо́рванном платье.

Швабрин, желая любыми средствами помешать счастью своего сопе́рника и проти́вника, говорит Пугачёву, что Гринёв обма́нывает его, что Марья Ивановна дочь казнённого коменданта, а не племя́нница здешнего попа. Но Пугачёв, рассудив, прощает Гринёва Он получает пропуск на выезд из Белогорской крепости и вместе с Марьей Ивановной, которую он почитает своею женою, уезжает в деревню к своим родителям.

Глава XIII.

Арест.

— Не гне́вайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отпра́вить вас в тюрьму.
— Изво́льте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозво́лите мне прежде.
Княжнин.

Соединённый так нечаянно с милой девушкою, о которой ещё утром я так мучительно беспоко́ился, я не верил самому себе и воображал, что всё со мною случи́вшееся было пустое сно-

виде́ние. Марья Ивановна глядела с заду́мчивостью то на меня, то на дорогу, и, казалось, не успела ещё опо́мниться и придти́ в себя. Мы молчали. Сердца́ наши слишком были утомлены. Непримéтным образом часа через два очути́лись мы в ближней крепости, также подвла́стной Пугачёву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с каковой их запряга́ли, по торопливой услу́жливости борода́того казака, поста́вленного Пугачёвым в коменданты, я увидел, что благодаря болтли́вости ямщика, нас привёзшего, меня принимали как придворного временщика [1].

Мы отправились далее. Стало смерка́ться. Мы приблизились к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозва́нцу. Мы были остановлены карау́льными. На вопрос: кто едет? — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозя́юшкою». Вдруг толпа гуса́ров [2] окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахми́стр [3]. — Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозя́юшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повёл меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя . . . Господи влады́ко! Чем это всё кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к до́мику, ярко освещённому. Вахмистр оставил меня при карауле и пошёл обо мне доложи́ть. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагоро́дию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в остро́г, а хозяюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бе́шенстве. — Да разве он с ума сошёл?

«Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахми́стр. — Только его высокоблагоро́дие приказал ваше благородие отвести в острог, а её благородие приказано привести к его высокоблагоро́дию, ваше благородие!»

Я бро́сился на крыльцо. Карау́льные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусар-

[1] Вре́менщик — человек, достигший власти, случайно попавший в милость к царю.

[2] Гуса́ры (венгер.) — конница в царской армии.

[3] Вахми́стр (нем.) — унтер-офицер в конных войсках.

ских офицеров играли в банк. Майор метал. Каково было моё изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зу́рина, некогда обыгра́вшего меня в симби́рском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

«Ба, ба, ба, Пётр Андреич! Каки́ми судьба́ми? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку?»

— Благода́рен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

«Какую тебе квартиру? Оставайся у меня».

— Не могу: я не один.

«Ну подавай сюда и товарища».

— Я не с товарищем; я... с дамою.

«С дамою! Где же ты её подцепи́л? Эге, брат!» (При сих словах Зурин засвистел так вырази́тельно, что все захохота́ли, а я совершенно смутился.)

«Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попирова́ли по-стари́нному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачёва? или она упря́мится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный; ничем не обидит, да хорошенько её в шею».

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая ку́мушка Пугачёва? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез её из плена и теперь провожаю до деревни ба́тюшкиной, где и оставлю её.

«Как! Так это о тебе мне сейчас докла́дывали? Помилуй! что ж это значит?»

— После всё расскажу. А теперь, ради бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепуга́ли.

Зурин тотчас распоряди́лся. Он сам вышел на улицу извиня́ться перед Марьей Ивановной в невольном недоразуме́нии и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я о́стался ночевать у него.

Мы отужинали и, когда остались вдвоём, я рассказал ему свои похожде́ния. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: — Всё это, брат, хорошо; одно не хорошо: зачем тебя чорт несёт жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что жени́тьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да няньчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послу́шайся меня: развяжи́сь ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очи́щена и безопа́сна. Отправь её завтра ж одну к родителям твоим; а сам оставайся у меня в

отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадёшься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них ещё раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдёт сама собою, и всё будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы. Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтоб на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностию. — Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней.

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неописанного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем, не так ли?

Старик был тронут. — «Ох, батюшка ты мой Пётр Андреич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию[1]. Ин быть по-твоему! Провожу её, ангела божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лёг спать в одной комнате с Зуриным. Разгорячённый и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец вместо ответа на какой-то запрос, он захрапел и присвистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром я пришёл к Марье Ивановне. Я сооб-

[1] Оказия — случай.

щил ей свои предложе́ния. Она признала их благоразу́мие и тотчас со мной согласи́лась. Отряд Зурина должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив её Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна запла́кала. «Прощайте, Пётр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придётся ли нам увидеться или нет, бог один это знает; но век не забуду вас; до моги́лы ты один оста́нешься в моём сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружили. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волнова́ли. Наконец она уехала. Я возврати́лся к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развесели́ть; я думал себя рассеять: мы провели день шумно и буйно и вечером вы́ступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затрудня́вшая военные распоряже́ния, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около него отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунту́ющие деревни, при виде наших войск, приходили в повинове́ние; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвеща́ло ско́рое и благополу́чное окончание.

Вскоре князь Голи́цын[1], под кре́постию Тати́щевой, разбил Пугачёва, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанёс бунту последний и решительный удар. Зурин был в то время отряжён противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осади́ла нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходи́мы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачёв не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Каза́ни и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презре́нного бунтовщика́. Зурин получил повеле́ние перепра́виться через Волгу.

---

[1] Генера́л-ма́йор П. М. Голи́цын — начальник одного из правительственных отрядов.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу ко́ротко, что бедствие доходило до крайности. Правле́ние было повсюду прекращено́; помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсю́ду; начальники отдельных отрядов самовла́стно нака́зывали и миловали; состояние всего обширного края, где свире́пствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмы́сленный и беспощадный!

Пугачёв бежал, пресле́дуемый Иваном Ивановичем Михельсо́ном [1]. Вскоре узнали мы о соверше́нном его разби́тии. Наконец Зурин получил известие о пои́мке самозванца, а вместе с тем и повеле́ние останови́ться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марью Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восто́ргом. Я прыгал, как ребёнок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе не сдоброва́ть! Же́нишься — ни за что пропадёшь!»

Но между тем странное чувство отравля́ло мою радость: мысль о злодее, обры́зганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня понезоле: «Еме́ля, Еме́ля! — думал я с доса́дою: — зачем не наткну́лся ты на штык, или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нём неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавле́нии моей невесты из рук гну́сного Швабрина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марью Ивановну... Вдруг неожиданная гроза́ меня порази́ла.

В день, назна́ченный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабо́ченным. Что-то кольну́ло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. — «Маленькая непри́ятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отде́льным начальникам арестова́ть меня,

---

[1] Михельсо́н И. И. — генерал, уча́ствовавший в подавле́нии пугачёвского восстания и нанёсший войскам Пугачёва реши́тельное поражение.

где бы ни попался, и немедленно отправить под карау́лом в Казань в Сле́дственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва.

Бумага чуть не вы́пала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повинова́ться приказу. Вероятно, слух о твоих дру́жеских путеше́ствиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до прави́тельства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправда́ешься перед комиссией. Не унывай и отправля́йся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свида́ния, может быть, на несколько ещё месяцев — устраша́ла меня. Тележка была готова. Зурин дру́жески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гуса́ра с саблями наголо́, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV.

Суд.

Мирска́я молва́ —
Морская волна.
Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самово́льное моё отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: нае́здничество не только никогда не было запрещено́, но ещё всеми силами было ободря́емо. Я мог быть обвинён в излишней запа́льчивости, а не в осл у́шании. Но приятельские сношения мои с Пугачёвым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозри́тельными. Во всю дорогу размышлял я о допро́сах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить сущую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надёжным.

Я приехал в Казань, опустошённую и погоре́лую. По улицам, наме́сто домов, лежали гру́ды углей и торчали закопте́лые сте́ны без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачёвым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоре́вшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кли́кнуть кузнеца́. Надели мне на ноги цепь и заковали её наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного

в тесной и тёмной конýрке, с одними голыми стенами и с окошечком, загорóженным железною решёткою.

Таковое начáло не предвещáло мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибéгнул к утешéнию всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, излиáнной из чистого, но растéрзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлéнием, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановúлись в передней и впустúли одного во внутренние комнаты.

Я вошёл в залу довольно обшúрную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной нарýжности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показáния. Начался допрос. Меня спросúли о моём имени и звании. Генерал осведомúлся, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтéнный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинéния, тяготéющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердéчным объяснéнием úстины. Увéренность моя ему не понрáвилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне, нахмýрясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодовáнием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать не мог и никаких поручений от него принять не мог.

«Каким же образом, — возразил мой допрóсчик, — дворянин и офицер один пощажён самозвáнцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дрýжески пирýет с бунтовщиками, принимает от главного злодея подáрки, шубу, лошадь и полтúну денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основáна, если не на изменé или по крайней мере на гнýсном и престýпном малодýшии?»

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и

с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощади́л. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посо́вестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я против злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвиде́тельствовать моё усе́рдие во время бе́дственной оренбургской оса́ды.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства каса́тельно пра́порщика Гринёва, якобы заме́шанного в нынешнем смяте́нии и вошёдшего в сноше́ния с злодеем, службою недозво́ленные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: о́ный прапорщик Гринёв находи́лся на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля ны́нешнего года, в которое число он из города отлучи́лся и с той поры уже в команду мою не явля́лся. А слышно от перебе́жчиков, что он был у Пугачёва в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на слу́жбе; что касается до его поведе́ния, то я могу...» Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправда́ние?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодоли́мое отвраще́ние. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впу́тать имя её между гну́сными изве́тами[1] злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужа́сная мысль так меня порази́ла, что я замя́лся и спу́тался.

Судьи мои, начина́вшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благоскло́нностью, были снова предубеждены́ проти́ву меня при виде моего смуще́ния. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доноси́телем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостью обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через несколько минут загреме́ли цепи, двери отвори́лись, и вошёл — Швабрин. Я изуми́лся его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёр-

[1] Изве́т — наговор, доно́с, неправильное обвинение.

ные, как смоль, совершенно поседе́ли; длинная борода была всклоко́чена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестре́лки, да́бы переда́вать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из кре́пости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изме́нников, дабы занимать их места и пользоваться награ́дами, раздава́емыми от самозванца. — Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено́ гну́сным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презре́нием; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставля́ло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено́ в прису́тствии комиссии. Я утверди́лся ещё более, в моём наме́рении, и когда судьи спросили: чем могу опрове́ргнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объясне́ния и ничего другого в оправда́ние себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взгляну́л на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехну́лся зло́бной усме́шкою и, приподняв свои цепи, опереди́л меня и уско́рил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свиде́телем всему, о чём остаётся мне уве́домить читателя; но я так часто слыхал о том рассказы, что малейшие подробности вре́зались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же неви́димо присутствовал.

Марья Ивановна принята́ была моими родителями с тем и́скренним раду́шием, которое отличало людей старого века. Они видели благода́ть божию в том, что имели случай приюти́ть и обласка́ть бедную сироту. Вскоре они к ней искренно привяза́лись, потому что нельзя было её узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустою бла́жью; а матушка только того и желала, чтоб её Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моём аре́сте порази́л всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспоко́ило их, но ещё заставля́ло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть заме́шан в гну́сном

бу́нте, ко́его цель была ниспровержéние престóла и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаи́л, что барин бывал в гостях у Емéльки Пугачёва и что-де злодей его таки жáловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слы́хивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприя́тных вестéй. Марья Ивановна сильно была встревóжена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена́ скромностию и осторóжностию.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного прúступа, он объявил ему, что подозрения насчёт участия моего в зáмыслах бунтовщиков, к несчастию, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постúгнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и прекло́нным летáм отца, решилась помúловать преступного сына и, избавля́я его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселéние.

Сей неожúданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твёрдости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жáлобах. «Как! — повторя́л он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в зáмыслах Пугачёва! Боже прáведный, до чего я дожил! Государы́ня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: прáщур [1] мой умер на лóбном месте [2], отстáивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волы́нским и Хрущёвым [3]. Но дворянину изменить своей прися́ге, соедини́ться с разбойниками, с убийцами, с бéглыми холо́пьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испу́ганная его отчáянием матушка не смела при нём плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невéрности молвы́, о шáткости людско́го мнения. Отец мой был неутéшен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи увéрена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она дога́дывалась

---

[1] Пра́щур — отец прапрадеда; в широком смысле — отдалённый предок.

[2] Ло́бное место — место публи́чной ка́зни.

[3] Волы́нский и Хрущёв — политические деятели XVIII в., неуда́чно пытавшиеся произвести государственный переворот при императрице Анне Иоа́нновне в пользу дворянства, стеснённого деспоти́ческим режимом; были казнены в 1740 году.

об и́стине и почита́ла себя вино́вницею моего несча́стия. Она скрывала от всех свои слёзы и страда́ния и между тем непрестанно думала о сре́дствах, как бы меня спасти́.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы «Придворного календаря»; но мысли его были далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насви́стывал стари́нный марш. Матушка мо́лча вяза́ла шерстяну́ю фуфа́йку, и слёзы изредка капали на её работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходи́мость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отпра́виться. Матушка очень огорчи́лась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас поки́нуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся бу́дущая судьба её зависит от этого путешествия, что она едет искать покрови́тельства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострада́вшего за свою ве́рность.

Отец мой поту́пил голову: всякое слово, напоминающее мни́мое преступле́ние сына, было ему тя́гостно и казалось ко́лким упрёком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздо́хом. — Мы твоему счастию поме́хи сделать не хотим. Дай бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмо́ванного[1] изме́нника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине́ с матушкою, отча́сти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла́ её и молила бога о благополу́чном конце замы́шленного дела. Марью Ивановну снаряди́ли, и через несколько дней она отпра́вилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, наси́льственно разлучённый со мною, утешался по крайней мере мы́слию, что служит наречённой моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софи́ю[2] и, узнав, что двор находился в то время в Царском Селе, решилась тут остановиться. Ей отвели уголок за перегоро́дкой. Жена смотри́теля тотчас с нею разговори́лась, объявила, что она племя́нница придво́рного истопника́, и посвятила её во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпа́лась, кушала кофе, прогу́ливалась; какие вельмо́жи находились в то время при ней;

---

[1] О ш е л ь м о́ в а н н ы й — опозо́ренный, лишённый честного имени.

[2] С о ф и́ я — почтовая станция перед Петербургом.

что извóлила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вечером, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоцéнен для потóмства. Марья Ивановна слушала её со внимáнием. Они пошли в сад. Анна Власьевна рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтéвших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснýвшиеся лéбеди важно выплывáли из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева[1]. Вдруг белая собачка английской породы залáяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь! Она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама прúстально на неё смотрела; а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько кóсвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в беломýтреннем платье, в ночном чепцé и в душегрéйке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прéлесть неизъяснúмую. Дама первая прервала молчáние.

«Вы верно не здешние?» — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провúнции.

«Вы приехали с вашими родными?»

— Никак нет-с. Я приехала одна.

«Одна! Но вы так ещё мóлоды».

— У меня нет ни отца, ни матери.

«Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?»

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу госудáрыне.

«Вы сиротá: вероятно вы жалуетесь на несправедлúвость и обúду?»

[1] Румя́нцев-Задуна́йский П. А. (1725—1796) — крупный екатери́нинский вельмóжа и военный деятель, одержáвший победу во время войны с Турцией.

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосу́дия.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?»

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ла́сковым, — если я вме́шиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе́; изъясни́те мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почти́тельно её благодари́ла. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало дове́ренность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала́ её незнакомой своей покрови́тельнице, которая стала читать её про себя.

Сначала она читала с видом внима́тельным и благоскло́нным, но вдруг лицо её переменилось, — и Марья Ива́новна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

«Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он приста́л к самозва́нцу не из неве́жества и легкове́рия, но как безнра́вственный и вредный негодя́й».

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

«Как неправда!» — возрази́ла дама, вся вспы́хнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подверга́лся всему, что пости́гло его. И если он не оправда́лся перед судом, то разве потому только, что не хотел запу́тать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю.

Дама вы́слушала её со вниманием. «Где вы останови́лись? — спросила она потом и, услыша, что у Анны Власьевны, приме́лвила с улыбкою: — А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ва́ше письмо».

С этим словом она встала и вышла в кры́тую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, испо́лненная радостной надежды.

Хозяйка побрани́ла её за раннюю осеннюю прогу́лку, вред-

ную, по её словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за ча́шкою чая только было приняла́сь за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца, а камер-лакей [1] вошёл с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миро́нову.

Анна Власьевна изуми́лась и расхлопота́лась. «Ахти, господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, предста́витесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придво́рному не умеете... Не проводить ли мне вас? Всё-таки я вас хоть в чём-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повива́льной бабушке за её жёлтым робро́ном?» [2] Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна, и в том, в чём её застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословле́ниями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчу́вствовала решение нашей судьбы; сердце её сильно билось и замирало. Чрез несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед нею отворились на́стежь. Она прошла длинный ряд пустых великоле́пных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к за́пертым дверя́м, он объявил, что сейчас об ней доло́жит, и оставил её одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так устраша́ла её, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в убо́рную государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почти́тельно пропусти́ли Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъясня́лась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала́ её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и испо́лнить вашу просьбу. Дело ваше ко́нчено. Я убеждена́ в неви́нности вашего жениха́. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру».

Марья Ивановна приняла́ письмо дрожа́щею рукою и, запла́кав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и по-

[1] Ка́мер-лаке́й — лакей, служащий в царском дворце́, придво́рный лакей.

[2] Робро́н (фр.) — старинное пара́дное женское платье.

целовала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту́, государыня её отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожида́вшая её возвращения, осы́пала её вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна её беспа́мятством, но приписала о́ное провинциа́льной засте́нчивости и извини́ла великоду́шно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопы́тствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню . . .

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преда́ний известно, что он был освобождён от заключе́ния в конце 1774 года, по именно́му повеле́нию; что он прису́тствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окрова́вленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Пото́мство их благоде́нствует в Сибирской губернии. — В тридцати верстах от *** находится село, принадлежа́щее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственнору́чное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправда́ние его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его вну́ков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, опи́санным его дедом. Мы решились, с разреше́ния ро́дственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпи́граф [1] и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Пропущенная глава

Эта глава представляет собою первонача́льный набросок конца VIII главы и не была введена Пушкиным в окончательный текст романа по цензу́рным соображе́ниям [2]. Сохрани́лась она только в черново́й рукописи, где

[1] Эпи́граф (греч.) — цитата перед текстом книги или перед отдельной главой, подчёркивающая основную мысль произведе́ния или главы.

[2] Роман был напечатан в 1836 году в журнале «Современник» без подписи, и только послесло́вие было подписано словом «Издатель».

так и озагла́влена «Пропущенная глава». Некоторые иссле́дователи рассматривают её как дополнение к главе, другие — как самостоя́тельную главу, которая должна следовать за тринадцатой.

Зурин получил повеле́ние перепра́виться через Волгу и спеши́ть к Симби́рску, где уже́ разгора́лось пламя пожара. Мысль, что, может быть, удастся мне заехать к нам в деревню, обня́ть родителей и уви́деться с Марьей Ивановной, одушеви́ла меня радостью. Я прыгал, как ребёнок, и повторя́л, обнимая Зурина. «В Симби́рск, в Симби́рск». Зурин вздыха́л и говори́л, пожимая плечами: «Нет, тебе не сдоброва́ть. Же́нишься, ни за что пропадёшь...».

Мы приближа́лись к берега́м Волги; полк наш вступил в деревню ** и останови́лся в ней ночева́ть. Староста объя́вил мне, что на той стороне все деревни взбунтова́лись, шайки пугачёвские броди́т везде. Это изве́стие меня́ сильно встрево́жило. Мы должны́ были переправиться на другой день утром.

Нетерпе́ние овладе́ло мной и не дава́ло мне поко́ю. Деревня отца́ моего́ находи́лась в тридцати́ ве́рстах по ту сто́рону реки. Я спроси́л, не сы́щется ли перево́зчика. Все крестья́не были рыболо́вы; лодо́к было́ много́. Я пришёл к Зурину и объя́вил ему́ о своём наме́рении.

— Берегись, — сказа́л он мне. — Одному́ е́хать опа́сно. Дождись утра́. Мы перепра́вимся пе́рвые и приведём в го́сти к твои́м роди́телям пятьдеся́т челове́к гуса́ров на вся́кий слу́чай.

Я настоя́л на своём. Ло́дка была́ гото́ва. Я сел в неё с двумя́ гребца́ми — они́ отча́лили и уда́рили в вёсла.

Не́бо было́ я́сно. Луна́ сия́ла. Пого́да была́ ти́хая. Волга несла́сь ро́вно и споко́йно. Ло́дка, пла́вно ка́чаясь, бы́стро скользи́ла по (поверхности) тёмных волн. Мы дости́гли сре́дины реки... вдруг гребцы́ начали шепта́ться ме́жду собо́ю.

— Что́ тако́е? — спроси́л я, очну́вшись.

«Не зна́ем, бог весть», — отвеча́ли гребцы́, смотря́ в одну́ сто́рону.

Глаза́ мои́ приняли́ то же направле́ние, и я уви́дел в су́мраке что́-то плы́вшее вниз по Во́лге. Незнако́мый предме́т приближа́лся. Я веле́л гребца́м останови́ться и дожда́ться его́.

Луна́ зашла́ за о́блако. Плыву́чий при́зрак сде́лался ещё темне́е. Он был от меня́ уже́ бли́зко, и я всё ещё́ не мог ничего́ различи́ть.

— Что бы это было, — говорили гребцы. — Парус не парус, мачты не мачты...

Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зре́лище ужасное... К нам навстречу плыла ви́селица, утверждённая на плоту, — три тела висели на перекла́дине. Болезненное любопы́тство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников.

По моему приказанию гребцы́ зацепи́ли плот багро́м, лодка моя толкнулась о плывучую виселицу. Я вы́прыгнул и очутился между ужасными столбами. Полная луна озарила обезобра́женные ли́ца несчастных. Один из них был старый чуваш, другой — заво́дский русский крестья́нин, сильный и здоровый малый лет двадцати. Но, взглянув на третьего, я сильно был поражён и не мог удержаться от жа́лобного восклица́ния: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший к Пугачёву. Над ними прибита была чёрная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: «В о р ы и б у н т о в щ и к и́». Гребцы́ смотрели равноду́шно и ожида́ли меня, удерживая плот багро́м. Я сел опять в лодку. Плот поплыл вниз по реке. Виселица долго чернела во мраке. Наконец она исчезла, — и лодка моя пристала к высокому и крутому берегу...

Я ще́дро расплати́лся с гребца́ми. Один из них повёл меня к выборному деревни, находившейся у перево́за. Я вошёл с ним вместе в избу. Вы́борный, услыша, что я требую лошадей, принял было меня довольно грубо, но мой вожа́тый сказал ему тихо несколько слов, и его суровость тотчас обратилась в торопли́вую услу́жливость. В одну минуту тройка была готова. Я сел в тележку и велел себя везти в нашу деревню.

Я скакал по большой дороге, мимо спящих деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дороге. Если ночная встреча моя на Волге доказывала прису́тствие бунтовщиков, то она вместе была доказательством и сильного противодействия правительства. На всякий случай я имел в кармане пропуск, вы́данный мне Пугачёвым, и приказ полковника Зурина. Но никто мне не встретился, и к утру я завидел реку и ело́вую ро́щу, за которой находилась наша деревня. Ямщик ударил по лошадям, и через четверть часа я въехал в **.

Барский дом находился на другом конце села. Лошади мчались во весь дух. Вдруг посреди улицы ямщик начал их удерживать.

«Что такое»? — спросил я с нетерпением.

— «Застава, барин», — отвечал ямщик, с трудом остановя разъярённых своих коней.

В самом деле, я увидел рога́тку[1] и караульного с дубиною. Мужик подошёл ко мне и снял шляпу, спрашивая паспорту.

«Что это значит? — спросил я его, — зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?» — «Да мы, батюшка, бунтуем», — ответил он, почёсываясь.

«А где ваши господа?» — спросил я с сердечным замиранием...

— Господа-то наши где? — повторил мужик. — Господа наши в хле́бном анбаре.

«Как в анбаре?»

— Да Андрюха, земский[2], посадил, вишь, их в колодки, — и хочет везти к батюшке-государю!

«Боже мой! Отворачивай, дурак, рогатку. Что же ты зеваешь?»

Карау́льный медлил. Я выскочил из телеги, тре́снул его (виноват) в ухо — и сам отодви́нул рогатку. Мужик мой глядел на меня с глупым недоуме́нием. Я сел опять в телегу, велел скакать к барскому дому. Хлебный анбар находился на дворе. У запертых дверей стояли два мужика тоже с дубинами. Телега остановилась прямо перед ними. Я выскочил и бросился прямо на них.

«Отворяйте двери!» — сказал я им.

Вероятно, вид мой был страшен. По крайней мере оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замо́к с двери, выломать, но двери были дубо́вые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту статный молодой мужик вышел из людской избы и с видом надме́нным спросил меня, как я сме́ю буя́нить.

«Где Андрюшка земский? — закричал я ему. — Кли́кнуть его ко мне!».

— Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, — отвечал он мне, гордо подбочась. — Чего надобно?

Вместо ответа я схватил его за ворот и, притащив к дверям анбара, велел их отпирать. Земский было заупря́мился, но

---

[1] Рога́тка — здесь: застава.

[2] Зе́мский — здесь: низшая административно-полицейская до́лжность, земский назначался помещиком из крестьян.

отéческое наказание подействовало и на него. Он вынул ключ и отпер анбар — я кинулся через порóг и в тёмном углу, слабо освещённом узким отверстием, прорýбленным в потолке, — увидел мать и отца. Руки их были связаны, на ноги набúты были колодки. Я бросился их обнимать и не мог выговорить ни слова. Оба смотрели на меня с изумлéнием, — три года военной жизни так изменили меня, что они не могли меня узнать.

Вдруг услышал я милый, знакомый голос.

— Пётр Андреич! Это вы!..

Оглянулся и вижу в другом углу Марью Ивановну, также свя́занную. Я остолбенéл...

Матушка áхнула и залилась слезáми.

Отец глядел на меня молча, не смея верить самому себе. Радость блистáла на лице его.

Я спешил саблею разрéзать узлы́ их верёвок.

— Здравствуй, здравствуй, Петруша, — говорил отец мне, прижимая меня к сердцу, — слава богу, дождались тебя...

— Петруша, друг мой, — говорила матушка. — Как тебя господь привёл! Здоров ли ты?

Я спешил их вывести из заключения, — но, подошéд к двери, я нашёл её зáпертою.

«Андрюшка, — закричал я, — отопри!»

— Как не так, — отвечал из-за двери земский. — Сиди-ка сам здесь. Вот ужó нау́чим тебя буя́нить да за ворот таскать государевых чиновников!

Я стал осматривать анбар, ища, не было ли какого-нибудь способа выбраться.

— Не трудись, — сказал мне батюшка, — не таковской я хозяин, чтоб можно было в анбары мои входить и выходить воровскими лазейками.

Матушка, на минуту обрáдованная моим появлением, впала в отчáяние, видя, что пришлось и мне разделить погúбель всей семьи. Но я был спокойнее с тех пор, как находился с ними и с Марьей Ивановной. Со мною была сабля и два пистолета — я мог ещё выдержать осáду. Зурин должен был подоспеть к вéчеру и нас освободить. Я сообщил всё это моим родителям и успел успокóить матушку. Они предались вполне радости свидáния.

— Ну, Пётр, — сказал мне отец, — довольно ты напрокáзил, и я на тебя порядком был сердит. Но нечего поминáть про старое. Надеюсь, что теперь ты исправúлся и перебесúлся. Знаю,

что ты служил, как надлежи́т честному офицеру. Спасибо. Утешил меня, старика. Коли тебе обязан я буду избавленьем, то жизнь мне вдвое будет приятнее.

Я со слезами целовал его руку и глядел на Марью Ивановну, которая была так обра́дована моим присутствием, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полу́дня услышали мы необычный шум и крики.

— Что это значит, — сказал отец, — уж не твой ли полковник подоспел?

— Невозмо́жно, — ответил я. — Он не будет прежде ве́чера.

Шум умножа́лся. Били в наба́т. По двору скакали конные люди. В эту минуту в узкое отверстие, прору́бленное в стене, проси́нулась седая голова Савельича, и мой бедный дядька произнёс жалостным голосом:

— Андрей Петрович! Авдотья Васильевна! Батюшка ты мой, Пётр Андреич! Матушка Марья Ивановна! Беда! Злодеи вошли в село. И знаешь ли, Пётр Андреич, кто их привёл? Швабрин, Алексей Иваныч, нелёгкое его побери!

Услыша ненави́стное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподви́жною.

— Послушай, — сказал я Савельичу, — пошли кого-нибудь верхом к * перево́зу, навстречу гусарскому полку; и вели дать знать полковнику об нашей опасности.

— Да кого же послать, сударь! Все мальчишки бунтуют, а лошади все захва́чены! Ахти! Вот уже на дворе, — до анбара добираются.

В это время за дверью раздалось несколько голосов. Я молча дал знак матушке и Марье Ивановне удалиться в угол, обнажил саблю и прислонился к стене у самой двери. Батюшка взял пистолеты и на обоих взвёл куро́к, и стал по́дле меня. Загремел замок, дверь отворилась, и голова зе́мского показалась. Я ударил по ней са́блею, и он упал, заградив вход. В ту же минуту батюшка выстрелил в двери из пистолета. Толпа, осаждавшая нас, отбежала с прокля́тьями. Я перетащил через порог раненого и запер дверь внутренней петлею.

Двор был полон вооружённых людей. Между ими узнал я Швабрина.

«Не бойтесь, — сказал я женщинам, — есть надежда. А вы, батюшка, уж более не стреляйте. Побережём последний заряд».

Матушка молча молилась богу. Марья Ивановна стояла подле неё, с а́нгельским спокойствием ожидая решения судьбы нашей. За дверями раздавались угрозы; брань и прокля́тья. Я стоял на своём месте, готовясь изрубить первого смельчака́. Вдруг злодеи замолчали. Я услышал голос Швабрина, зовущего меня по имени.

— Я здесь. Чего ты хочешь?

— Сдавайся, Гринёв, проти́виться напрасно. Пожалей своих стариков. Упрямством себя не спасёшь. Я до вас доберусь!

— Попробуй, изме́нник!

— Не стану ни сам соваться по пустому, ни своих людей тратить, а велю поджечь анбар, и тогда посмотрим, что ты станешь делать, Дон-Кишо́т[1] белого́рский. Теперь время обедать. Покамест сиди, да думай на досу́ге. До свидания, Марья Ивановна, не извиняюсь перед вами: вам, вероятно, не скучно в потёмках с вашим ры́царем.

Швабрин удалился, оставя караул у анбара. Мы молчали. Каждый из нас думал про себя, не смея сообщить другому своих мыслей. Я воображал себе всё, что в состоянии был учини́ть озло́бленный Швабрин. О себе я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моих не столько ужасала меня, как судьба Марьи Ивановны. Я знал, что матушка была обожа́ема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, несмотря на свою стро́гость, был также любим, ибо был справедлив и знал и́стинные нужды подвла́стных ему людей. Бунт их был заблужде́ние, мгнове́нное пьянство, а не изъявле́ние их неголова́ния. Тут пощада была вероятна. Но Марья Ивановна? Какую у́часть готовил ей развра́тный и бессо́вестный человек! Я не смел остановиться на этой ужасной мысли и готовился (прости господи!) скорее умертвить её, нежели вторично увидеть в руках жестокого не́друга.

Прошло ещё около часа. В деревне раздавались песни пьяных. Караульные наши им завидовали и, доса́дуя на нас, ругались и страща́ли нас истяза́ниями и смертию. Мы ожидали последствия угрозам Швабрина. Наконец сделалось большое движение на дворе, и мы опять услышали голос Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Отдаётесь ли добровольно в мои руки?

---

[1] Дон-Кишо́т (Дон-Кихо́т) — герой однои́мённого романа испанского писателя Серванте́са (1547—1616).

Никто ему не отвечал.

Подождав немного, Швабрин велел принести соломы. — Через несколько минут вспыхнул огонь и осветил тёмный анбар — и дым начал пробиваться из-под щелей поро́га. Тогда Марья Ивановна подошла ко мне и тихо, взяв меня за руку, сказала:

— Полно, Пётр Андреич! Не губите за меня — и себя, и родителей. Выпустите меня. Швабрин меня послу́шает.

— Ни за что! — закричал я с се́рдцем. — Знаете ли вы, что вас ожидает!

— Бесче́стия я не переживу, — отвечала она спокойно. — Но, может быть, я спасу моего избави́теля и семью, которая так великодушно призре́ла моё бедное сиро́тство. Прощайте, Андрей Петрович! прощайте, Авдотья Васильевна... Вы были для меня более, чем благоде́тели. Благослови́те меня. Простите же и вы, Пётр Андреич. Будьте уве́рены, что... что... — тут она заплакала... и закрыла лицо руками... Я был, как сумасшедший. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, — сказал мой отец. — Кто тебя пустит одну к разбойникам? Сиди здесь и молчи. Умирать, так умирать уж вместе.

— Слушай, — что там ещё говорят?

— Сдаётесь ли? — кричал Швабрин. — Видите? через пять минут вас изжа́рят.

— Не сдади́мся, злодей! — отвечал ему батюшка твёрдым голосом.

Лицо его, покрытое морщи́нами, оживлено было удивительною бо́дростию. Глаза грозно сверкали из-под седых бровей. И, обратясь ко мне, сказал: «Теперь, пора!»

Он отпер двери. Огонь ворвался и взвился по брёвнам, законопа́ченным сухим мо́хом. Батюшка выстрелил из пистолета и шагнул за пылающий порог, закричав: «Все за мною».

Я схватил за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывел их на воздух. У порога лежал Швабрин, простреленный дряхлой рукою отца моего; толпа разбойников, бежавшая от неожиданной нашей вылазки, тотчас ободрилась и начала нас окружать. Я успел нанести ещё несколько ударов, но кирпич, удачно брошенный, угодил мне прямо в грудь. Я упал и на минуту лишился чувств. Пришед в себя, увидел я Швабрина, сидевшего на окровавленной траве, и перед ним всё наше семейство.

Меня поддерживали под руки. Толпа крестьян, казаков и башкирцев окружала нас. Швабрин был ужасно бледен. Одной рукой прижимал он раненый бок. Лицо его изображало мучение и злобу. Он медленно поднял голову, взглянул на меня и произнёс слабым и невнятным голосом:

«Вешать его... и всех... кроме её...»

Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам. Но вдруг они нас оставили и разбежались; в ворота въехал Зурин и за ним целый эскадрон[1] с саблями наголо.

Бунтовщики утекали во все стороны; гусары их преследовали, рубили и хватали в плен. Зурин соскочил с лошади, поклонился батюшке и матушке и крепко пожал мне руку.

«Кстати же я подоспел, — сказал он нам. — А! Вот и твоя невеста».

Марья Ивановна покраснела по уши. Батюшка к нему подошёл и благодарил его, с видом спокойным, хотя и тронутым. Матушка обнимала его, называла ангелом-избавителем.

— Милости просим к нам, — сказал ему батюшка и повёл его к нам в дом.

Проходя мимо Швабрина, Зурин остановился.

— «Это кто?» — спросил он, глядя на раненого.

«Это сам предводитель, начальник шайки, — отвечал мой отец с некоторой гордостью, обличающей старого воина. — Бог помог дряхлой руке моей наказать молодого злодея и отомстить ему за кровь моего сына».

— Это Швабрин, — сказал я Зурину.

— Швабрин! Очень рад. Гусары! возьмите его! Да сказать нашему лекарю, чтоб он перевязал ему рану и берёг его, как зеницу[2] ока. Швабрина надобно непременно представить в секретную Казанскую комиссию[3]. Он один из главных преступников, и показания его должны быть важны.

Швабрин открыл томный взгляд. На лице его ничего не изображалось, кроме физической муки. Гусары отнесли его на плаще.

Мы вошли в комнаты. С трепетом смотрел я вокруг себя,

---

[1] Эскадрон (фр.) — воинское подразделение в кавалерии, отряд в 120—150 человек.

[2] Зеница — зрачок.

[3] Секретная комиссия была назначена для следствия и суда над всеми, причастными к пугачёвскому восстанию.

припоминая свои младе́нческие годы. Ничто в доме не изменилось, всё было на прежнем месте. Швабрин не дозво́лил его разгра́бить, сохраняя в самом своём унижении невольное отвраще́ние от бесче́стного корыстолю́бия.

Слуги явились в пере́днюю. Они не участвовали в бунте и от чистого серда́ца ра́довались нашему избавле́нию. Савельич торжествова́л. На́добно знать, что во время тревоги, произведённой нападением разбойников, он побежал в коню́шню, где стояла Швабрина лошадь, оседла́л её, вы́вел тихонько, и, благодаря сумато́хе, незаметным образом поскакал к перево́зу. Он встретил полк, отдыхавший уже по сю сторону Волги. Зурин, узнав от него об нашей опасности, велел садиться, скомандовал «марш, марш в галоп!» — и, слава богу, прискака́л во́время.

Зурин настоя́л на том, чтобы голова земского была на несколько часов вы́ставлена на шесте́ у кабака.

Гуса́ры возвратились с пого́ни, захвати́в в плен несколько человек. Их за́перли в тот самый анбар, в котором выдержали мы достопа́мятную осаду.

Мы разошлись каждый по своим комнатам. Старикам нужен был отдых. Не спавши целую ночь, я бро́сился на постель и крепко заснул. Зурин пошёл делать свои распоря́же́ния.

Вечером мы соединились в гостиной около самовара, весело разговаривая о мину́вшей опасности. Марья Ивановна разлива́ла чай, я сел подле неё и занялся ею исключи́тельно. Родители мои, казалось, благоскло́нно смотрели на не́жность наших отношений. Доселе этот вечер живёт в моём воспомина́нии. Я был счастлив, счастлив совершенно, — а много ли таких минут в бедной жизни человеческой?

На другой день доложили батюшке, что крестьяне явились на барский двор с пови́нною. Батюшка вышел к ним на крыльцо. При его появлении мужики стали на колени.

— Ну, что, дураки, — сказал он им. — Зачем вы вздумали бунтовать?

— Виноваты, государь ты наш, — отвечали они в голос.

— То-то виноваты. Напрока́зят, да и сами не рады. Прощаю вас для радости, что бог привёл меня свидеться с сыном Петром Андреичем. Ну, добро, пови́нную голову меч не сечёт.

— Виноваты!

— Конечно, виноваты. Бог дал вёдро, пора бы сено убрать — а вы, дурачьё, целые три дня что делали? Староста! Наря-

ди́ть поголовно на сенокос; да смотри, рыжая бе́стия, чтоб у меня к Иванову дню всё сено было в ко́пнах! Убирайтесь.

Мужики поклони́лись и пошли на ба́рщину, как ни в чём не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его с конвоем отправили в Казань. Я видел из окна, как его уложи́ли в телегу. Взоры наши встретились, он потупил голову, а я поспешно отошёл от окна. Я боялся показать вид, что торжествую над несча́стием и униже́нием недруга.

Зурин должен был отправиться далее. Я решился за ним последовать, несмотря на моё желание пробыть ещё несколько дней посреди моего семейства. Накануне похода я пришёл к моим родителям и по тогдашнему обыкнове́нию поклони́лся им в ноги, прося их благослове́ния на брак с Марьей Ивановной. Старики меня подняли и в ра́достных слезах изъяви́ли своё согласие. Я привёл к ним Марью Ивановну, бледную и трепещущую. Нас благослови́ли...

Что чувствовал я, того не стану описывать. Кто бывал в моём положении, тот и без того меня поймёт, — кто не бывал, о том я только могу пожалеть и советовать, пока ещё время не ушло, влюби́ться и получить от родителей благословение.

На другой день полк собра́лся. Зурин распрости́лся с нашим семейством. Все мы были уве́рены, что военные действия скоро будут прекращены; через месяц я надеялся быть супру́гом. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцеловала меня при всех. Я сел верхом. Савельич опять за мною после́довал — и полк ушёл.

Долго смотрел я издали на сельский дом, опять мною покида́емый. Мрачное предчу́вствие тревожило меня. Кто-то мне шептал, что не все несчастия для меня миновались. Сердце чу́яло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачёвской войны. Мы проходили через селе́ния, разорённые Пугачёвым, и понево́ле отбира́ли у бедных жителей то, что оста́влено было им разбойниками.

Они не знали, кому повинова́ться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, по́сланных в погоню за Пугачёвым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовла́стно нака́зывали виноватых и безви́нных... Состояние всего края, где свире́пствовал пожар, было

ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт — бессмы́сленный и беспоща́дный. Те, которые замышляют у нас невозмо́жные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосе́рдые, ко́им чужая голо́вушка — полу́шка, да и своя шейка — копейка.

Вопросы и упражнения.

1. Выпишите заголовки всех глав повести и припо́мните, в какой после́довательности ведётся в ней повествова́ние о собы́тиях.

2. Перескажите кратко основное содержание каждой главы. Заметьте, в какой мере эпиграфы к главам помогают раскрыть их содержание.

3. Перескажите более подро́бно, ближе к тексту, отдельные эпизо́ды из повести, например: «Буран в степи» (из II главы), «Белого́рская крепость» (из III главы), «Пети́ция Савельича» (из IX главы) и другие.

4. После устного пересказа изложи́те кратко в письменной форме содержание отдельных глав по такому образцу, как это сделано в книге (смотрите краткое изложе́ние содержания IV, V, X и XII глав повести).

5. Как изображён в повести Пугачёв? Как раскрыты его личные качества, каково его отношение к дворянству и к народу? Охарактеризуйте его военную тактику.

6. Как изображены́ в повести представители официа́льных, прави́тельственных кругов? Припомните эпизоды, свидетельствующие о чрезвычайных зверствах и жесто́костях екатерининского прави́тельства.

7. Охарактеризуйте Гринёва, подчеркните его отношение к Пугачёву. Что означает эпиграф к повести: «Береги честь сме́лоду...»? Проследите историю личных отношений Гринёва и Марьи Ивановны.

8. Гринёв и Швабрин. В чём смысл противопоставле́ния этих образов?

9. Как пока́зан в повести народ?

10. Охарактеризуйте образ Савельича как верного слуги.

11. Охарактеризуйте обита́телей Белогорской крепости. В чём сказа́лась ирО́ния в описании как самой крепости, так и её обитателей, её военной организа́ции? Как гарнизон защищал кре́пость?

12. Как изображена́ в повести Екатерина II?

13. Какова основная идейная напра́вленность по́вести?

14. Напишите сочинение на одну из следующих тем: 1) «Образ Пугачёва в «Капитанской дочке»»; 2) «Белогорская крепость и её обита́тели»; 3) «Гринёв и Швабрин».

О «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ».

«Капитанская дочка» представляет собою истори́ческую повесть, в которой наряду́ с жи́зненно правдивым изображе́нием пугачёвского движения дано вы́мышленное повествова́ние о тро́гательной любви Марьи Ивановны и Гринёва.

В повести как бы переплета́ются две линии повествова́ния: обще́ственно-политическая и личная, семейно-бытовая. В центре внимания — изображение исторической эпохи и исторического героя Пугачёва.

Пушкина ещё задо́лго до работы над «Капитанской дочкой» волнова́ла проблема крестьянского движения. В известной мере эта проблема по- в повести «Дубровский», работу над которой поэт оборвал, чтобы ся к изображе́нию пугачёвского восстания; большой интерес к

этому восстанию объясняется тем, что оно давало значительно более яркий материал для разрешения волновавшей Пушкина проблемы, чем события, изображённые в повести «Дубровский».

Повесть напи́сана в форме семе́йственных дневниковых записок, веду́щихся от имени Петра Андреевича Гринёва, очевидца и участника описываемых событий. Такая необычная форма повести была избрана им не случайно. Во-первых, она придавала опи́сываемым здесь событиям большую убеди́тельность, так как повествование о них ведёт не кто-нибудь, а сам их участник; во-вторых, такая форма давала возможность Пушкину отмежева́ться от официальной точки зрения и выявить своё отношение к Пугачёву, расходи́вшееся с оценкой и позицией прави́тельственных кругов.

Таким образом, сама форма повести (семейственные дневниковые записки) даёт право утверждать, что в «Капитанской дочке» нельзя ставить знака равенства между выска́зываниями Гринёва и Пушкина, так как часто одни и те же мысли, суждения, слова одно значат для Гринёва, другое — для Пушкина.

В повести противоде́йствуют, борются две силы: Пугачёв и екатерининская прави́тельственная систе́ма.

Положительные и отрицательные краски между этими борющимися сторонами распределены Пушкиным совершенно объективно, правди́во. Поэт не идеализи́рует пугачёвское движение, видит в нём много стихийного, неорганизо́ванного, жестокого, бунта́рского, но в то же время он отмечает в действиях Пугачёва присутствие ра́зума, смы́сла и определённой целенапра́вленности. К тому же в самом образе Пугачёва глубоко раскрыты его человеческая природа, его гуманизм, что придаёт ему определённую привлека́тельность. Со всем этим нельзя не считаться, когда мы говорим о Пугачёве и его лагере, тем более, что такая оценка решительно расхо́дится с официальной точкой зрения, согласно которой Пугачёв — вор, разбойник, душегу́бец, «исча́дие а́да» и «злодей ро́да человеческого».

Важно также подчеркнуть, что Пугачёв не случайно изображён в повести как вожак народа. Между Пугачёвым и народом нет непонима́ния, нет разделя́ющей их пропасти, народ идёт за ним. Достаточно хотя бы обратить внимание на такую деталь, что Пугачёв, где бы он ни появлялся, всегда находится в окруже́нии народа, сопу́тствуемый народом, сопровожда́емый его одобри́тельными во́згласами.

Екатери́нский лагерь изображён так же правдиво, как и пугачёвский. Но при сопоставлении этих двух сил нетрудно убедиться, что в действиях екатерининского лагеря иногда проявляется гораздо меньше ра́зума и добродетельных начал, чем в стане Пугачёва.

И если Гринёв оценивает пугачёвское движение, как «бунт бессмысленный и беспоща́дный», то для Пушкина это прежде всего народное движение, пусть неорганизо́ванное, стихийное, но народное движение со своими задачами и целями.

Пушкина, конечно, нельзя считать безоговоро́чным и полным сторонником Пугачёва, важно подчеркнуть общую ориента́цию поэта и указать на то, что его симпатии отнюдь не были на стороне екатери́нинских прави́тельственных кругов, так тонко осуждённых поэтом всем ходом повествова́ния.

Н. В. ГОГОЛЬ О ПУШКИНЕ.

(Отрывок из статьи «Несколько слов о Пушкине».)

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может бóлее назваться национальным; это право реши́тельно принадлежит ему. В нём, как будто в лексико́не, заключилось всё богатство, сила и гибкость нашего языка.

Он более всех, он далее раздви́нул ему границы и более показал всё его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, еди́нственное явле́ние русского духа; это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, я́вится через двести лет...

...Он при самом начале своём уже был национален, потому что и́стинная национа́льность состоит не в описании сарафа́на, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда опи́сывает совершенно сторо́нний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что сооте́чественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами...

В. Г. БЕЛИНСКИЙ О ПУШКИНЕ.

(Отрывки из статей восьмой и девятой «Сочинения Александра Пушкина», посвящённых разбору романа в стихах «Евгений Онегин».)

Статья восьмая.

...Прежде всего в «Онегине» мы видим поэтически воспроизведённую картину русского общества, взятого в одном из интере́снейших моментов его развития. С этой точки зрения «Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе её героев нет ни одного исторического лица. Историческое досто́инство этой поэмы тем выше, что она была на Руси и первым, и блиста́тельным опытом в этом роде. В ней Пушкин является не просто поэтом только, но и представи́телем впервы́е пробуди́вшегося общественного самосозна́ния: заслуга безме́рная!

...В этой решимости молодого поэта представить нра́вст-

венную физионо́мию наиболее оевропеившегося в России сосло́вия нельзя не видеть доказательства, что он был и глубоко сознавал себя национальным поэтом. Он понял, что время эпи́ческих поэм давны́м-давно́ прошло и что для изображе́ния совреме́нного общества, в котором проза жизни так глубоко прони́кла самую поэзию жизни, нужен роман, а не эпи́ческая поэма. Он взял эту жизнь, как она есть, не отвлекая от неё только одних поэтических её мгнове́ний; взял её со всем холодом, со всею её прозою и по́шлостью. И такая смелость была бы менее удиви́тельною, если бы роман зате́ян был в прозе; но писать подобный роман в стихах в такое время, когда на русском языке не было ни одного поря́дочного романа и в прозе, — такая смелость, опра́вданная огромным успехом, была несомне́нным свидетельством гениальности поэта ...

Большая часть публики совершенно отрицала в Онегине душу и сердце, видела в нём человека холодного, сухого и эгои́ста [1] по натуре. Нельзя оши́бочнее и криве́е понять человека! Этого мало: многие добродушно верили и верят, что сам поэт хотел изобразить Онегина холодным эгоистом. Это уже значит — имея глаза, ничего не видеть. Све́тская жизнь не убила в Онегине чувства, а только охладила к беспло́дным страстям и ме́лочным развлече́ниям ... Онегин — не Мельмот [2], не Чайльд-Гарольд [3], не де́мон, не паро́дия, не модная причу́да, не гений, не великий человек, а просто — «добрый малый, как вы да я, как целый свет». — Поэт справедли́во называет «обветша́лою мо́дою» везде находить или везде искать всё гениев да необыкнове́нных людей. Повторяем: Онегин — добрый малый, но при этом недю́жинный человек. Он не годится в гении, не лезет в великие люди, но безде́ятельность и по́шлость жизни душат его; он даже не знает, чего ему надо, чего ему хочется; но он знает, и очень хорошо знает, что ему не надо, что ему не хочется того, чем так дово́льна, так счастлива самолюби́вая посре́дственность. И за то-то эта самолюби́вая посре́дственность не только провозгласи́ла его «безнра́вственным», но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекра́сному. Вспомните,

---

[1] Эгоист — человек, ставящий выше всего свои личные интересы.

[2] Мельмот — герой романа «Мельмот-скиталец» (1820) английского писателя Матюрена. Мельмот обречён был скитаться всю жизнь.

[3] Чайльд-Гарольд — герой одноимённой поэмы Байрона, в которой изображён разочаро́ванный молодой аристократ.

как воспитан Онегин, и согласитесь, что натура его была слишком хороша́, если её не убило совсем такое воспитание. Блестящий юноша, он был увлечён светом, подобно многим; но скоро наску́чил им и оставил его, как это делают слишком немногие. В душе его тлелась искра надежды — воскре́снуть и освежи́ться в тиши уединения, на лоне природы; но он скоро увидел, что перемена мест не изменяет сущности некоторых неотрази́мых и не от нашей воли зави́сящих обстоя́тельств...

Мы доказали, что Онегин не холодный, не сухой, не бездушный человек, но до сих пор избегали слова *эгоист,* и так как избы́ток чувства, потре́бность изя́щного не исключает эгоизма, то мы скажем теперь, что Онегин — с т р а д а ю щ и й э г о и с т... Его можно назвать э г о и с т о м п о н е в о́ л е: в его эгоизме должно видеть то, что дре́вние называли фа́тум[1]. Благая, благотво́рная, полезная де́ятельность! Зачем не предался ей Онегин? Зачем не искал он в ней своего удовлетворения? Зачем? Зачем? — Затем, ми́лостивые государи, что пустым людям легче спрашивать, не́жели де́льным отвечать...

Один среди своих владе́ний,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учреди́ть.
В своей глуши́ мудрец пустынный,
Ярём он ба́рщины старинной
Обро́ком лёгким заменил;
Мужик судьбу благословил.
Зато в углу своём надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчётливый сосед;
Другой лукаво улыбну́лся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чуда́к.

Сначала все к нему езжа́ли;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Засли́шит их домашни дро́ги;
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш не́уч, сумасбро́дит.
Он — фармазо́н! он пьёт одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё *да* да *нет*, не скажет *да-с*
Иль *нет-с*». Таков был общий глас.

Что-нибудь делать можно только в обществе, на основа́нии общественных потребностей, указываемых самою действи́тельностью, а не тео́риею; но что бы стал делать Онегин в сообществе с такими прекрасными соседями, в кругу таких милых бли́жних? Облегчить участь мужика, конечно, много зна́чило для мужика, но со стороны Онегина тут ещё не много было

[1] Ф а́ т у м (латинское слово) — судьба, рок, предопределе́ние.

сделано. Есть люди, которым если удастся что-нибудь сделать поря́дочное, они с самодово́льствием рассказывают об этом всему миру и таким образом бывают приятно заняты на целую жизнь. Онегин был не из таких людей: важное и великое для многих — для него было не бог знает чем.

Случай свёл Онегина с Ленским; через Ленского Онегин познако́мился с семейством Лариных. Возвращаясь от них домой после первого визита, Онегин зева́ет; из его разговора с Ленским мы узнаём, что он Татьяну принял за невесту своего приятеля и, узнав о своей ошибке, удивляется его вы́бору, говоря, что если б он сам был поэтом, то выбрал бы Татьяну. Этому равноду́шному, охлаждённому человеку сто́ило одного или двух невнима́тельных взглядов, чтобы понять разницу между обеими сёстрами, — тогда как пла́менному, востóрженному Ленскому и в го́лову не входи́ло, что его возлю́бленная была совсем не идеальное и поэтическое создание, а просто хорошенькая и про́стенькая девочка, которая совсем не сто́ила того, чтоб за неё рисковать убить приятеля или самому быть убитым. Между тем, как Онегин зевал — «по привычке», говоря его собственным выражением, и нисколько не забо́тясь о семействе Лариных, — в этом семействе его приезд завязал стра́шную вну́треннюю драму. Большинство публики было крайне удивлено, как Онегин, получив письмо Татьяны, мог не влюбиться в неё, — и ещё более, как тот же самый Онегин, который так холодно отверга́л чистую, наи́вную любовь прекрасной девушки, потом страстно влюбился в великоле́пную све́тскую даму? В самом деле, есть чему удивляться. Не берёмся решить вопроса, но поговорим о нём. Впро́чем, признавая в этом факте возможность психологического вопроса, мы тем не менее нисколько не находим удивительным самого факта. Во-первых, вопрос, почему влюбился, или почему не влюбился, или почему в то время не влюбился, — такой вопрос мы считаем немного слишком дикта́торским. Сердце имеет свои законы — правда, но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический ко́декс [1]. Сродство́ натур, нра́вственная симпатия, схо́дство поня́тий могут и даже должны играть большую роль в любви разу́мных суще́ств: но кто в любви отвергает элемент чисто-непосре́дственный, влечение инстинктуа́льное, нево́льное, при́хоть сердца, в оправ-

[1] Ко́декс — свод законов.

да́ние несколько тривиа́льной[1], но чрезвычайно выразительной русской пословицы «полюбится сатана лучше я́сного со́кола», — кто отвергает это, тот не понимает любви. Если б выбор в любви решался только во́лею и ра́зумом, тогда любовь не была бы чувством и страстью. Присутствие элемента непосре́дственности видно и в самой разумной любви, потому что из нескольких равно достойных лиц выбирается только одно, и выбор этот осно́вывается на невольном влечении сердца. Но бывает и так, что люди, кажется, созданные один для другого, остаются равноду́шны друг к другу, и каждый из них обращает своё чувство на существо ниско́лько себе не под-па́ру. Поэтому Онегин имел полное право, без всякого опасения подпасть под уголовный суд критики, не полюбить Татьяны-девушки и полюбить Татьяну-женщину. В том и другом случае он поступил равно ни нра́вственно, ни безнравственно. Этого вполне достаточно для его оправдания, но мы к этому прибавим и ещё кое-что. Онегин был так умён, тонок и о́пытен, так хорошо понимал людей и их сердце, что не мог не понять из письма Татьяны, что эта бедная девушка одарена страстным сердцем, а́лчущим[2] роковой пищи, что её душа младе́нчески-чиста, что её страсть детски-простодушна и что она нисколько не похожа на тех коке́ток, которые так надоели ему с их чувствами, то лёгкими, то подде́льными. Он был живо тронут письмом Татьяны . . .

В письме своём к Татьяне (в VIII главе) он говорит, что, заметя в ней и́скру не́жности, он не хотел ей пове́рить (то-есть заставил себя не поверить), не дал хо́да милой привычке и не хотел расстаться с своей посты́лой свобо́дою. Но если он оценил одну сторону любви Татьяны, в то же самое время он так же ясно видел и другую её сторону. Во-первых, обольсти́ться такою младе́нчески-прекрасной любовью и увлечься ею до желания отвечать на неё, значило бы для Онегина решиться на женитьбу. Но если его могла ещё интересовать поэзия страсти, то поэзия брака не только не интересовала его, но была для него проти́вна . . .

Если не брак, то мечтательная любовь, если не хуже что-нибудь; но он так хорошо пости́г Татьяну, что даже и не по-

[1] Тривиа́льная пословица — здесь: зата́сканная, избитая, постоянно употребляющаяся пословица.

[2] Алчущий — жа́ждущий, желающий, стремящийся к чему-нибудь (в данном случае к любви).

думал о последнем, не унижáя себя в сóбственных своих глазах. Но в обоих случаях эта любовь не много представляла ему обольстúтельного. Как! он, перегоревший в страстях, изведáвший жизнь и людей, ещё кипевший какими-то самому ему неясными стремлéниями, — он, которого могло занять и наполнить только что-нибудь такое, что могло бы выдержать его собственную иронию, он увлёкся бы младенческой любовью девочки-мечтательницы, которая смотрела на жизнь так, как он уже не мог смотреть... И что же сулила бы ему в будущем эта любовь? Что бы нашёл он потом в Татьяне? Или прихотливое дитя, которое плакало бы оттого, что он не может, подобно ей, детски смотреть на жизнь и детски играть в любовь, — а это, согласитесь, очень скучно; или существо, которое, увлёкшись его превосхóдством, до того подчинилось бы ему, не понимая его, что не имело бы ни своего чувства, ни своего смысла, ни своей воли, ни своего характера. Последнее спокойнее, но зато ещё скучнее. И это ли поэзия и блажéнство любви!

Статья девятая.

...Татьяна — существо исключительное, натура глубокая, лю́бящая, стра́стная. Любовь для неё могла быть или величайшим блажéнством, или величайшим бéдствием жизни, без всякой примирúтельной середины. При счастии взаимности любовь такой женщины — ровное светлое пламя; в противном случае — упорное пламя, которому сила воли, может быть, не позволит прорваться наружу, но которое тем разрушительнее и жгучее, чем больше оно сдáвлено внутри. Счастливая жена, Татьяна спокойно, но тем не менее страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполне пожертвовала бы собою детям, вся отдавалась бы своим материнским обязанностям, но не по рассудку, а опять по страсти, и в этой жертве, в строгом выполнéнии своих обя́занностей нашла бы своё величайшее наслаждение, своё верховное блажéнство. И всё это без фраз, без рассуждений, с этим спокойствием, с этим внешним бесстрастием, с этой наружною холóдностью, которые составляют достóинство и величие глубоких и сильных натур...

...Татьяна осталась естественно-простою в самой искусственности и уро́дливости формы, которую сообщила ей окружающая её действительность. С одной стороны:

Татьяна верила преда́ньям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гада́ньям,
И предсказа́ниям луны.

Её тревожили приметы:
Таи́нственно ей все предметы
Провозглаша́ли что-нибудь,
Предчувствия теснили грудь.

С другой стороны, Татьяна любила бродить по полям

С французской книжкою в руках,
С печальной думою в очах.

Это ди́вное соединение грубых, вульга́рных предрассу́дков со страстию к французским книжкам и с уважением к глубокому творению Мартына Задеки[1] возможно только в русской женщине. Весь внутренний мир Татьяны заключался в жажде любви: ничто другое не говорило её душе; ум её спал, и только разве тя́жкое горе жизни могло потом разбудить его, — да и то для того, чтоб сдержать страсть и подчинить её расчёту благоразу́мной морали... Деви́ческие дни её ничем не были заняты; в них не было своей череды труда и досуга, не было тех регулярных занятий и развлечений, свойственных образо́ванной жизни, которые держат в равновесии, нравственные силы человека. Дикое растение, вполне предоста́вленное самому себе, Татьяна создала себе свою собственную жизнь, в пустоте которой тем мятежнее горел пожира́вший её внутренний огонь, что её ум ничем не был занят...

Повторяем: создание стра́стное, глубоко чу́вствующее, и в то же время не развитое, на́глухо запертое в тёмной пустоте своего интеллекту́ального существования, Татьяна, как личность, является нам подобною не изя́щной греческой статуе, в которой всё внутреннее так прозрачно и выпукло отразилось во внешней красоте, но подобною египетской статуе, неподви́жной, тяжёлой и свя́занной. Без книги она была бы совершенно немым существом, и её пыла́ющий и со́хнущий язык не обрёл бы ни одного живого страстного слова, которым бы она могла облегчи́ть себя от дави́щей полноты́ чувств. И хотя непосредственным источником её страсти к Онегину была её страстная натура, её перепо́лнившаяся жажда сочувствия, — всё же началась она несколько идеа́льно. Татьяна не могла полюбить Ленского и ещё менее могла полюбить кого-нибудь из известных ей мужчин: она так хорошо их знала, и они так

[1] Марты́н Заде́ка — под этим именем выходили книжки для гадания и разгадывания снов.

мало представляли пищи её экзальти́рованному[1], аскети́ческому[2] воображению... И вдруг является Онегин. Он весь окружён тайною: его аристократи́зм, его све́тскость, неоспори́мое превосхо́дство над всем этим спокойным и пошлым миром, среди которого он явился таким метео́ром, его равнодушие ко всему, стра́нность жизни, — всё это произвело таи́нственные слухи, которые не могли не действовать на фантазию Татьяны, не могли не расположить, не подготовить её к решительному эффекту первого свида́ния с Онегиным. И она увидела его, и он предстал пред нею молодой, красивый, ловкий, блестя́щий, равноду́шный, скуча́ющий, зага́дочный, непостижи́мый, весь — неразреши́мая тайна для её неразвитого ума, весь — обольще́ние для её дикой фантазии. Есть существа, у которых фантазия имеет гораздо более влияния на сердце, нежели как думают об этом. Татьяна была из таких существ...

...Пропускаем всю четвёртую главу, в которой главное для нас — объяснение Онегина с Татьяною в ответ на её письмо. Как подействовало на неё это объяснение — понятно: все надежды бедной девушки ру́шились, и она ещё глубже затвори́лась в себе для внешнего мира. Но разру́шенная надежда не погасила в ней пожира́ющего её пламени: оно начало гореть тем упорнее и напряжённее, чем глу́ше и безвы́ходнее. Несчастие даёт новую энергию страсти у натур с экзальти́рованным воображением. Им даже нравится исключительность их положения; они любят своё горе, лелеют своё страдание...

Картина глухих, никем не разделённых страданий Татьяны изображена в пятой главе с удиви́тельною и́стиною и простотою. Посещение Татьяною опустелого дома Онегина (в седьмой главе) и чувства, пробуждённые в ней этим оста́вленным жилищем, на всех предметах которого лежал такой резкий отпечаток духа и характера оста́вившего его хозяина, — принадлежат к лучшим местам поэмы и драгоценнейшим сокро́вищам русской поэзии.

Итак, в Татьяне наконец совершился акт сознания; ум её проснулся. Она поняла́, наконец, что есть для человека интересы, есть страда́ния и ско́рби, кроме интереса страданий и скорби любви. Но поняла ли она, в чём именно состоят эти

[1] Экзальти́рованный — возбуждённый, восторженный.
[2] Аскети́ческий — воздержный, подви́жнический.

другие интересы и страдания, и, если поняла, послужило ли это ей к облегче́нию её собственных страданий? Конечно, поняла, но только умом, головою, потому что есть идеи, которые надо пережить и душою и телом, чтоб понять их вполне, и которые нельзя изучить в книге. И потому книжное знакомство с этим новым миром скорбей, если и было для Татьяны откровением, это откровение произвело на неё тяжёлое, безотра́дное и беспло́дное впечатление; оно испугало её, ужаснуло и заставило смотреть на страсти, как на гибель жизни, убедило её в необходи́мости покориться действительности как она есть, и, если жить жизнию сердца, то про себя, в глубине своей души, в тиши уединения, во мраке ночи, посвящённой тоске и рыда́ниям. Посещение дома Онегина и чтение его книг приготовили Татьяну к перерожде́нию из деревенской девочки в све́тскую даму, которое так удиви́ло и порази́ло Онегина...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Раздел первый.

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО (ФОЛЬКЛОР).

В. И. Ленин о фольклоре 5
А. М. Горький о фольклоре 6
Фольклор (статья) 9
Определение фольклора (9). Распространение фольклорных произведений (10). Содержание народных произведений (11). Различные виды народных произведений (11). Песни (12). Былины (14). Сказки (16). Пословицы и загадки (18). Советский фольклор (19).

Песни.

У нас-то было, братцы, на тихом Дону 20
Из-за леса, леса темного 20
Было дело под Полтавой 21
Варяг 22

Былины.

Вольга и Микула 23
Илья Муромец и Соловей-разбойник 29
Илья Муромец и Идолище 35

Сказки.

Иванушка-дурачок 39
Кот и лиса 43

Старые пословицы и поговорки.

О классовых отношениях (47). О суде и чиновниках (47). О хозяйстве и труде (48). Исторические (48). О любви к родине, о смелости и дружбе (48). Бытовые (48). Расцвет народного творчества в СССР (статья) 48
Содержание дореволюционного и советского фольклора (49). Качества нового человека в советском фольклоре (50). Образы Ленина и Сталина в фольклоре (51). Песни о Советской Армии и ее победах (55). Фольклор в дни Великой Отечественной войны (56).
Идут за тобой миллионы людей (перевод с лакского) 58
Орел (перевод с грузинского) 59
Слава Сталину будет вечная (былина) 60

Стр.
В колхозе (башкирская песня) 64
Наша земля (народная украинская песня) 65
Песня о столице 65
Оборонные частушки 66

Новые пословицы и поговорки.

О революции и социалистическом строительстве (67). О патриотизме и защите родины (67).

Раздел второй.

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О древней русской письменности (статья) 69
Роль христианства в развитии Руси (70). Древнерусское летописание (71). Памятники художественной литературы (72). Переписывание книг в старину (72).
Слово о полку Игореве (статья) 73
Из истории нахождения «Слова о полку Игореве» (73). Историческая основа «Слова о полку Игореве» (74). Краткое содержание «Слова о полку Игореве» (75). Летописное описание событий Игорева похода (78). Отношение автора «Слова» к описываемым событиям (78). Народность поэмы (80). Значение «Слова» (80).
Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославова, внука Олегова (перевод) 81
1. Вступление (81). 2. Поход Игоря и сражение с половцами (82). 3. Вещий сон Святослава (86). 4. «Золотое слово» Святослава (87). 5. Плач Ярославны (87). 6. Бегство Игоря из плена и возвращение на Русь (88).
Нашествие Батыя на Рязань (историческая повесть) 91
Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове 94

Раздел третий.

ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА.

Литература первой и второй трети XVIII века (статья) . . . 99
Реформы Петра I и их историческая необходимость (99). К. Маркс, В. И. Ленин и И. В. Сталин о Петре I (100). Литература начала XVIII века (100). Классицизм как литературное направление эпохи «просвещенного абсолютизма» (101). Общие черты классицизма. Подражание античным писателям (101). Догматизм и схематизм (102). Связь классицизма с интересами дворянства и буржуазии (102). Особенности русского классицизма (102). Тесная связь русского

классицизма с родной историей и современностью (102). Критическое отношение к действительности (102). Тесная связь русского классицизма с устно-народным творчеством (103).

М. В. Ломоносов (1711—1765).

О жизни и литературной деятельности М. В. Ломоносова . . 104
Родина поэта (105). Детство (105). Уход в Москву (106). Годы учения (106). Ломоносов как ученый (107). Борьба с врагами русской науки и русского просвещения (108). Литературная деятельность (108). Сын трудового народа (110). «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г.» (111). Краткое содержание оды (111).
Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны, 1747 г. (отдельные строфы) 113
1. Восхваление мира (113). 2. Дела Петра первого (113). 3. Призыв к русским людям заняться науками (115).
Разговор с Анакреоном 117
Европа, ныне восхищенна 118
Литература последней трети XVIII века 118
Обострение классовой борьбы в этот период (118). Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева (119). Литература этого периода (119). Распад классицизма и рост реализма (119).

Г. Р. Державин (1743—1816).

О жизни и литературной деятельности Г. Р. Державина . . . 120
Встреча двух поэтов (120). Детство и школьные годы Державина (120). Военная служба (121). Начало литературной деятельности и сближение со Львовым (122). «Ода к Фелице» (122). Гражданские темы в лирике Державина (123). Воспевание земных радостей и наслаждений (125). Народность Державина (125). Значение литературной деятельности Державина (126).
Ода к Фелице 127
Властителям и судиям 132
На мир 134
Памятник 134

Д. И. Фонвизин (1745—1792).

О жизни и литературной деятельности Д. И. Фонвизина . . . 135
Фонвизин и Державин (135). Пушкин о Фонвизине (136). Семейное воспитание будущего сатирика (136). Годы учения в гимназии (136). Встреча с Ломоносовым (137). Сближение с Н. Паниным (138). Произведения сатирика (138). Комедия

Стр.
— «Бригадир» (138). Комедия «Недоросль» и ее идейное содержание (138). Реализм комедии (139). Фонвизин и Екатерина II (139).
Недоросль 141

А. Н. Радищев (1749—1802).

О жизни и литературной деятельности А. Н. Радищева . . . 174
Писатель-революционер и демократ (174). В. И. Ленин о любви русских революционеров к родине (175). Отец Радищева (175). Годы учения в Москве и в Пажеском корпусе (175). Жизнь за границей (176). Служба и литературная деятельность (176). Издание книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (177). Радищев и Екатерина II (177). Смерть писателя (178). Цель написания книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (179). Борьба с крепостничеством (179). Борьба с самодержавием (180). Реализм Радищева (181). Значение творчества Радищева (181).
Путешествие из Петербурга в Москву (отдельные главы) . . . 183
1. Любани (183). 2. Пешки (187).

Раздел четвертый.

ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА.

И. А. Крылов (1769—1844).

О жизни и литературной деятельности И. А. Крылова 190
Детство Крылова (190). Самостоятельная жизнь (191). Журнальная деятельность (191). Характеристика творчества (192). Крылов в оценке современников (195).
Обоз 196
Свинья под Дубом 197
Осел и Соловей 198
Листы и корни 200
Белинский о Крылове 202

К. Ф. Рылеев (1795—1826).

О жизни и литературной деятельности К. Ф. Рылеева . . . 203
Рылеев и Радищев (203). Рылеев и Отечественная война 1812 г. (203). Оставление военной службы (204). Сатира «К временщику» (204). Революционное дело Рылеева (205). Литературное творчество (206). Оды (206). Думы (207). Стихотворение «Гражданин» (207). Песни (207). Значение творчества Рылеева (207).

Стр.
Ты посетить, мой друг, желала 208
Из думы «Волынский» 209
Гражданин 210
Партизаны 211

А. С. Грибоедов (1795—1829).

О жизни и литературной деятельности А. С. Грибоедова . . . 212
Грибоедов — один из образованнейших и культурнейших людей своего времени (212). Военная служба (213). Жизнь в Петербурге (213). Служба. Работа над комедией «Горе от ума» (214). Комедия и московское барство (214). Грибоедов и декабристы (214). Смерть Грибоедова (215). Пушкин о Грибоедове (215). Основная тема комедии. Действующие лица (216). Реализм комедии (218). Значение комедии (219).
Горе от ума 220

А. С. Пушкин (1799—1837).

О жизни и литературной деятельности А. С. Пушкина 301

1. Детство поэта.

Семья (302). Впечатления детства. Страсть к чтению (303).

2. Лицейские годы.

Открытие лицея (304). Первые литературные опыты (304). Война 1812 года (305). Общественно-политическая обстановка (306). Чаадаев. Его влияние на Пушкина (306). Выступление Пушкина в печати. Успех его поэтической деятельности (306). Публичный экзамен в лицее. Встреча с Державиным (308). Отношение к Пушкину знаменитых писателей того времени (308). Литературная борьба (309).

3. Жизнь Пушкина в Петербурге.

Светский образ жизни (310). Дружба с декабристами. Политические взгляды Пушкина (310). Ода «Вольность». (310). Стихотворение «К Чаадаеву» (310). Стихотворение «Деревня» (311). Политические эпиграммы. Ссылка на юг (311). Поэма «Руслан и Людмила» (311).

4. Годы ссылки.

Пушкин на Кавказе. Поэма «Кавказский пленник» (312). Пушкин в Крыму. Элегия «Погасло дневное светило». Поэма «Бахчисарайский фонтан» (312). Пушкин в Бессарабии (313). Пушкин в Одессе (313). Увольнение со службы и ссылка в Михайловское (313). Увлечение поэзией Байрона. Литературное творчество на юге (313). Жизнь в Михайловском (314). Приезд Пущина (315). Встреча с Дельвигом и Горчаковым (315). Творческая работа в Михайловском (315). Весть о восстании декабристов и о казни их (316).

5. После ссылки.

В кабинете царя (317). Самовольный отъезд на Кавказ. «Путешествие в Арзрум» (318). Пушкин в Болдине (318). Болдинская осень (319). Произведения, созданные в болдинскую осень (319). Значение болдинского периода в творчестве Пушкина (320).

6. Последние годы жизни.

Женитьба Пушкина (320). Борьба с «высшим светом» и самодержавием (320). Интерес к истории. Исторические повести (321). Дуэль Пушкина с Дантесом. Смерть поэта (321). Гибель Пушкина — всенародное горе (322). Пушкин в наши дни (322).

Узник 323
К Чаадаеву 324
В Сибирь 326
Ответ Пушкину 327
К морю 328
Деревня 331
И. И. Пущину 333
Арион 334
Анчар 335
Брожу ли я вдоль улиц шумных 337
Кавказ 338
Эхо 340
Памятник 340
Евгений Онегин (роман в стихах) 341
Капитанская дочка 410
О «Капитанской дочке» 494
Н. В. Гоголь о Пушкине (отрывок из статьи «Несколько слов о Пушкине») 496
В. Г. Белинский о Пушкине (отрывки из статей восьмой и девятой «Сочинения Александра Пушкина», посвящённых разбору романа в стихах «Евгений Онегин») 496

Vastutav toimetaja
H. Tobias.

Kaanejoonise valmistanud
B. Valter.

Tehniline toimetaja
A. Sepp.

Ladumisele antud 13. III 1950.
Trükkimisele antud 27. IV 1950.
Trükiarv 6000. Paber 56×79, 1/16.
Trükipoognaid 32. Formaadile 60×92 kohaldatud trükipoognaid 25,6. Arvutuspoognaid 31,3
BM-03772. Trükikoda „Ühiselu“. Tallinn, Pikk tän. 42. Köitnud „Iluköide“. Tallinn, Toompuiestee 18. Trükikoja tell. nr. 910.

Rbl. 8.85.

Цена 8 р. 85 к.

XIV
1 A-400

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 01089638 1